

ТОВАРИСТВО ПІДПІРІДНЯ

ЯЗЫК
~
КУЛЬТУРА
~
ЭТНОС

2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫК
—
КУЛЬТУРА
—
ЭТНОС

МОСКВА
«НАУКА»
1994

Авторы:

С.А. АРУТЮНОВ, А.Р. БАГДАСАРОВ, В.Н. БЕЛОУСОВ, К. БУЗАШИОВА, В.Г. ГАК,
Я. ГОФМАНОВА, Ф. ДАНЕШ, А.И. ДОМАШНЕВ, В.А. ДЫБО, М.И. ЕРМАКОВА,
Г.И. ЗАМЯТИНА, Я. КАЧАЛА, Я. КОРЖЕНСКИЙ, Л.П. КРЫСИН,
В.Ю. МИХАЛЬЧЕНКО, О. МЮЛЛЕРОВА, Б.П. НАРУМОВ, Г.П. НЕЩИМЕНКО,
Л.Б. НИКОЛЬСКИЙ, С. ОНДРЕЙОВИЧ, О.С. ПЛОТНИКОВА, Ю.И. СМИРНОВ,
Е.Ф. ТАРАСОВ, Р.П. УСИКОВА, С. ЧМЕЙРКОВА

Редколлегия:

кандидат филологических наук *М.Б. Ешич*,
доктора филологических наук *Я. Корженский, Г.П. Нещименко* (отв. редактор),
Л.Б. Никольский, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов,
кандидат филологических наук *Г.И. Замятин*

Рецензенты:

доктора филологических наук *А.И. Новиков, Л.Н. Смирнов*

Редактор издательства *В.С. Матюхина*

Я 41 **Язык — культура — этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров,**
В.Н. Белоусов и др. — М.: Наука, 1994. — 233 с.
ISBN 5-02-011187-2

В книге исследуются языковые и социокультурные процессы в их функциональном взаимодействии в развитии этноса. В ее создании участвовали ученые России, Словакии и Чехии, имеющие различную профессиональную ориентацию (лингвистика, социо- и психолингвистика, культурология, фольклористика, этнография). Цель авторов — рассмотреть триаду "язык — культура — этнос" на основе комплексного, междисциплинарного, системно-функционального подхода. В работе анализируется языковая ситуация в полизиэтнических сообществах в различных регионах мира, а также международный опыт решения национально-языковых конфликтов. Авторы стремились показать значимость научного анализа языковой ситуации для определения сущности и перспектив языковой, национальной и культурной политики.

Для лингвистов, социолингвистов, психолингвистов, этнографов, историков культуры и литературного языка, лингвокультурологов, фольклористов.

Я 4401000000-297
042(02)-94 245-94, II полугодие

ББК 81

ISBN 5-02-011187-2

© С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров,
В.Н. Белоусов и др., 1994
© Российская академия наук, 1994

ОТ РЕДАКЦИИ

Современное развитие науки выдвинуло в число первоочередных задач изучение языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в развитии этноса. Особое место здесь занимает рассмотрение специфики взаимоотношений между такими феноменами, как язык, культура и этнос. Данная многоаспектная проблема является средоточием интересов не только лингвистики как таковой (включая и ее ответвления в виде этнолингвистики, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии и т.п.), но и смежных с ней научных дисциплин (культурологии, социологии, этнографии, философии, фольклористики и пр.). Для решения этой приоритетной проблемы недостаточно использования частных методов отдельных наук, необходимым оказывается применение и общих универсальных методов исследования, в числе которых важное место занимает системно-функциональный подход, использование достижений теории коммуникации, сопоставительного метода. Специфика данной коллективной монографии заключается в многоаспектном, интердисциплинарном, комплексном подходе к предмету изучения, в разработке теоретико-методологических основ лингвосоциокультурных исследований. Указанная проблема решается прежде всего в первом разделе монографии "Язык — культура — этнос: теория и методология".

Особое внимание исследователей было обращено на изучение феноменов "язык" и "культура", их функциональное взаимодействие в ходе исторической эволюции этноса, роль языка как фактора этносоциального развития, его функционирования в разных этносоциальных и социокommunikативных ситуациях. Важное значение придавалось и рассмотрению глобальной социолингвистической проблемы языковой ситуации с привлечением данных международного опыта, с учетом материала типологии языковых ситуаций в полиэтнических сообществах. В намерения авторов входило также показать значимость научного анализа языковой ситуации для определения сущности и перспектив языковой, национальной и культурной политики.

Важным стимулом в осуществлении исследования подобного рода послужили и практические потребности общества, в частности необходимость определить направленность стратегии и тактики в области языковой и национально-культурной политики. Как известно, проведение правильной языковой политики является существенным компонентом обще-государственной политики в целом, укрепления его социально-экономического и культурного потенциала, создания благоприятного климата в межнациональных отношениях как во внутригосударственных, так и в межгосударственных рамках. Неосознанное или же намеренное ущемление национальных интересов, ограничение сферы употребления национальных языков, игнорирование или же попрание специфики их внутриструктурного развития, ошибки в проведении национальной политики —

все это в конечном итоге ведет к возникновению остроконфликтных ситуаций.

Следует отметить, что в осуществлении своего научного замысла авторы книги столкнулись с немалыми трудностями. Несмотря на несомненную научную и общественную значимость указанной проблематики, в современной науке до сих пор отсутствует единое непротиворечивое представление о взаимоотношении языка и культуры, недостаточно разработан и понятийно-терминологический аппарат. Серьезным препятствием является и отсутствие четкой культурологической концепции. Сложность разработки проблематики заключалась и в том, что она требует от исследователя универсальности познаний, именно поэтому выполнение исследования осуществлялось силами интердисциплинарного коллектива авторов.

Второй раздел труда целиком посвящен изучению языковой ситуации в полиглоссических сообществах, анализу имеющегося международного опыта в решении национально-языковых конфликтов.

Данный труд создавался международным авторским коллективом, объединяющим ученых различной профессиональной ориентации. Коллективная монография обобщает и развивает результаты работы Международного симпозиума "Язык — культура — этнос", проведенного в ноябре 1991 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН по инициативе секции культуры стран Восточной Европы XX в. при Научном совете по истории мировой культуры.

В состав авторского коллектива входят ученые, представляющие различные научные и научно-педагогические центры России, а также Чешской и Словакской Республик: В.А. Дыбо, М.И. Ермакова, Г.И. Замятин, Г.П. Нещименко (Институт славяноведения и балканистики РАН); Л.П. Крысин, В.Ю. Михальченко, Е.Ф. Тараков (Институт языкоznания РАН); В.Н. Белоусов (Институт русского языка РАН); Л.Б. Никольский (Институт востоковедения РАН); Ю.И. Смирнов (Институт мировой литературы РАН); С.А. Арутюнов (Институт этнографии РАН); О.С. Плотникова, Р.П. Усикова (МГУ); В.Г. Гак (Лингвистический университет); А.И. Домашнев (Институт лингвистических исследований РАН); А.Р. Багдасаров, Б.П. Нарумов (Военный институт иностранных языков); Я. Гофманова, О. Мюллерова, Фр. Данеш, Я. Корженский, С. Чмейркова (Институт чешского языка Чешской академии наук); К. Бузашова, Я. Качала, С. Ондрейович (Институт языкоznания им. Л. Штура Словакской академии наук).

По мере сил и возможностей авторы труда стремились не только содействовать выработке теоретико-методологических основ лингвокультурологических и этносоциокультурных исследований, но и своими наблюдениями и рекомендациями способствовать определению оптимальной стратегии и тактики в области национально-языковой и культурной политики.

Хотелось бы подчеркнуть, что данный труд является первым этапом в реализации творческих замыслов международного авторского коллектива. В числе очередных задач находится создание коллективной монографии "Язык, образование, трансляция национальной культуры в современной России (с учетом международного опыта)".

I. ЯЗЫК — КУЛЬТУРА — ЭТНОС: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

C.A. АРУТЮНОВ

(РОССИЯ)

НАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Среди совокупности различных коммуникаций, поддерживающих любую общность людей, вербальные коммуникации, проходящие на естественном языке, занимают важнейшее место. Соответственно в общем массиве этнической традиции языковая традиция играет очень большую роль. Здесь мы хотим обсудить несколько вопросов по поводу того, как именно передается и эволюционирует эта этноязыковая традиция.

Хотя нам могут быть известны, благодаря письменным памятникам, отдельные аспекты этой традиции, в некоторых случаях на протяжении тысячелетий, все равно, анализируя любой ее отрезок, мы исходим из условной, а не абсолютной точки. Истоки глоттогенеза столь далеки от нас, столь фатально лишены прямого документирования, что мы можем лишь гадать о том, например, восходят ли все ныне существующие языки к некоему единому прайзыку начального человечества, или же истоки разных языковых семей возникали в разных группах человечества, независимо друг от друга на фоне некоего общего безъязыкового существования. Да это и несущественно для целей конкретного анализа языковых традиций. В любом случае, анализируя группу близко или отдаленно родственных языков или диалектов, мы начинаем анализ от некоторой условной точки начала традиции, принимаемой за исходный прайзык. Однако этой точке предшествует другой отрезок традиции, лежащий уже вне рамок нашего анализа. И сама точка на самом деле не точка, а облачко из неопределенного числа синхронных, пусть очень близких, но все же в чем-то разнящихся диалектов. Даже если мы имеем дело с очень малым идиомом, например с изолированным племенным языком, он тем не менее представлен некоторым достаточно большим числом идиолектов, равным конкретному числу носителей языка в данный момент.

Каждый носитель обладает своим собственным идиолектом, в котором отражаются его индивидуальные особенности, так как речи каждого человека присущи свои индивидуальные излюбленные словечки, выражения, поговорки, интонация, фразеологические сочетания и другие языковые явления. Часть из них остается его сугубо личным достоянием, другая часть входит в разговорную практику членов его семьи, его дружеской компании или какой-либо иной социальной микроячейки. Таким образом, в

социальном пространстве формируется множество перекрывающих друг друга кругов микроизоглосс, образующих довольно размытые пятна микродиалектов, и лишь наиболее важные, значимые и общеупотребительные изоглоссы охватывают весь рассматриваемый идиом и служат критерием для его выделения. В более сложных случаях, при большем числе говорящих, возникает облако языковой и диалектной непрерывности, охватывающее большие пространства и массы людей, причем речь, характерная для отдаленных участков этой непрерывности, может быть даже взаимонепонятна или по крайней мере малопонятна на первых порах общения. При этом для каждого носителя языка существует свой малый круг языковых форм, которые он активно употребляет, и гораздо более обширный круг форм, которые он сам не употребляет, но способен пассивно воспринимать и правильно понимать. Само собой разумеется, что объемы того и другого круга различны для разных индивидов и в каждом обществе имеются индивиды с относительно бедной или богатой речью.

Такие индивиды, причем каждый со своей особой ролью в передаче языковой традиции, имеются в каждом малом коллективе, в котором в основном и сосредоточена речевая активность индивидов. Численность таких малых коллективов можно примерно определить в пределах от 50 до 500 человек. Это небольшое племя или община, небольшое или среднее село (в больших уже выделяются кварталы, слободы, концы), а в современном городском обществе это учреждение, предприятие (или цех большого предприятия) и т.д. В этом перечне на одну доску поставлены социальные микроячейки как бесписьменных, так и письменных обществ, что, разумеется, допустимо лишь как крайнее обобщение, лишь постольку, поскольку и в письменном обществе продолжают действовать общечеловеческие законы передачи устно-речевой традиции. Но для большей корректности временно ограничимся ячейками преимущественно или условно бесписьменного общества, так как фактор письменности вносит в языковую традицию совершенно особые (и новые) предпосылки.

По речевой активности население такой ячейки распадается по различным параметрам на ряд категорий. Нас интересует один параметр, а именно традиционность (преемственность) в речи одних и размывание традиций, новационность в речи других. Мы будем называть эти категории соответственно централами и маргиналами, имея в виду наличие и промежуточных категорий.

Непосредственным материалом для наших суждений послужили прямые наблюдения за речевым поведением в армянских и грузинских селах и оценки речевого поведения при работе в чукотских, эскимосских, ненецких поселках на территории бывшего СССР и айнских и японских поселках в Японии.

Централы, как показывают наблюдения, бывают более или менее институционализированы. У эскимосов это прежде всего семьи нуналих-таков ("хозяев земли"), где сосредоточена передача значительной части духовной, в том числе эзотерической, традиции каждого поселка. В других случаях это семьи давних поселенцев, семьи "хонке" в японской патронимической системе, семьи, традиционно почитаемые за связь с художественным творчеством (резьбой), и вообще семьи особо уважаемых фами-

лий. Очень любопытно, что из всех видов художественной деятельности централы в самых разных обществах (народы Кавказа, эскимосы, айны) заняты именно резьбой (по дереву и кости), а не ковкой, лепкой, росписью и прочими прикладными искусствами. Очевидно, именно резной орнамент несет сакральную функцию "предписьма" в бесписьменном обществе. Правда, нам не удалось наблюдать общества, где еще жива традиция расписной керамики.

В Армении в прошлом централы — это прежде всего сельские священники, учителя, в Грузии — семьи, в которых хранится поэма Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре" и поддерживается глубокое знание этой поэмы (здесь уже отмечается влияние письменной культуры), а в наши дни вообще вся группа сельской интеллигенции — врачи, учителя.

Для централов-мужчин нередко характерно двуязычие, причем это обычно достаточно хорошее владение вторым языком при очень хорошем владении родным. Централ тяготеет к установкам языкового пуританства, он не склонен привносить слова родного языка во второй язык и наоборот. В первом случае он стремится подыскать наиболее точный описательный перевод, во втором — к тому же часто склонен к употреблению арханизмов. В личности централа совмещается обычно несколько высокопrestижных социальных ролей, он пользуется высоким авторитетом, его поведение, в том числе и речевое, служит моделью для подражания, поэтому роль его как хранителя и передатчика этноязыковой традиции довольно велика. Но централ, как занятой мужчина, сравнительно мало общается с детьми (в ряде этносов, особенно на Кавказе, этому способствуют и обычай избегания внутрисемейного общения). Поэтому в межпоколенной трансмиссии особенно большую роль играют женщины семей централов, говорящие на родном языке не хуже их самих, но мало вовлеченные в двуязычие. Роль женщин, особенно тесно контактирующих с детьми в начале их социализации, в передаче этноязыковой традиции чрезвычайно велика. Это хорошо подметил А.С. Пушкин, призывающий учиться русскому языку у московских просвириен — типичных "централок" в ячейках слободского типа. Женщины осознанно и настойчиво следят за правильным усвоением детьми основного словарного фонда и грамматических норм. От мужчин же дети усваивают сложную фразеологию, наибольшую часть паремий и специальную лексику, выходящую за рамки основного фонда.

Ведущий централ может выполнять функции тамады, ритуалиста, скизителя, однако еще чаще эти функции распределены в кругу людей, тесно примыкающих к ведущим централам, но не обладающих таким высоким престижем. Это люди, которых ценят за их вербальную или полупрофессиональную функцию, но не обязательно уважают их личностные или деловые качества. Это записной тамада, знаток пережиточной анималистической обрядности, известный остроголов и балагур, запевала-песенник, импровизатор-версификатор, мелкий шаман и тому подобные персонажи, которых можно назвать субцентралами. Их повседневная речь не всегда столь же богата и красива, как у ведущих централов, но именно в ней актуализируются некоторые категории лексики, которые остальными

лишь понимаются пассивно и без субцентров выпали бы из общенародного тезауруса. Это специальная лексика, привязанная к тостам, обрядовым формулам, фольклорным произведениям и т.д. Определенный уровень полупрофессиональности предопределяет то, что эти персонажи более активно, чем прочие односельчане, общаются со своими "коллегами" — такими же ритуалистами, балагурами, песенниками из других общин и тем самым создают как бы основу в общей ткани речевых коммуникаций этноса.

Централам противостоят маргиналы. Маргиналы — это в основном мужчины, хотя отчасти среди них представлены и женщины, чаще всего одинокие или вдовы, это — свахи, повитухи, знахарки (не очень высокой компетентности), торговки и т.д. Мужчины-маргиналы — наиболее подвижная часть микроячейки, это — люди, занятые торговлей, отхожими промыслами, извозом. Их престиж не очень высок или совсем невысок (например, в индийских деревнях значительная часть этих персонажей — низкокастовые или "неприкасаемые" общинники). Они относительно мало задействованы во внутренних коммуникациях общины, особенно на уровне принятия решения. Зато на их долю приходится значительная часть внешних контактов общины. Подобно щупальцам, простертым во внешний мир, они захватывают и приносят в микроячейку общения всевозможные слухи, новости, новшества. Они, как правило, двуязычны, но двуязычие их не очень высокого уровня. Родной язык их небогат, но в высокой степени подвержен идиолектным вариациям вплоть до значительных искажений. На втором языке они обычно говорят бегло, но с высокой степенью интерференции. Наверное, момент первичного порождения пиджинов имеет место именно в этой среде. Языковые маргиналы очень склонны к заимствованию речевых инноваций. Они заносят в свою микроячейку (село, племя, общину) и питательный материал для дальнейшего развития языка, и одновременно множество языкового "мусора". Однако то, что будет впитано и войдет в общую речевую традицию, а что будет отвергнуто и выброшено, зависит в конечном счете от стихийной санкции централов.

Таким образом, даже в обществах, представляющих собой конгломерат ячеек (общин) бесписьменной культуры и не имеющих вмешивающейся в культурную жизнь государственной надстройки, этноязыковые процессы протекают сложно и противоречиво, в борьбе централистских и маргиналистских тенденций.

Многократно усложняется ситуация этноязыковой традиции в обществе, где есть письменность и государственно оформленные надстроевые институты. Здесь мы можем привести лишь выборочные примеры по отдельным аспектам такого усложнения. Так, в дореволюционном армянском селе, формально одноязычном, фактически действовало трехъязычие: крестьяне говорили на барбаре (диалекте), сельская интеллигенция (священник, фельдшер, учитель), зная барбар, пользовались в общении между собой ашхарабаром (литературно-разговорным языком), священник владел грабаром (церковно-письменным языком) и использовал его элементы в общении с коллегами, в проповедях, не говоря уже о богослужении. Все три языка так или иначе находились в отношениях взаимо-

влияния, и разные ролевые персонажи и социальные группы занимали в этом взаимовлиянии разные позиции. Можно сопоставить этот уровень различий, например, с различиями между латынью, литературным итальянским и разговорным сардинским, которые отчасти выполняют на Сардинии, судя по литературным данным, более или менее аналогичные функции.

В течение всего периода развития феодальной народности идет борьба за создание письменной нормы, параллельно возникают наддиалектные разговорные койне, но воздействие диалектов прослеживается во всех письменных памятниках. Позиции централов усиливаются по мере роста числа профессиональных церковных и светских словесников, но и маргиналы получают поддержку, в особенности по мере возникновения и роста торгово-ремесленной буржуазии, почти везде довольно пестрой по этническому составу. Да и в рамках церкви еретические движения неизбежно способствуют маргинальным тенденциям в языке. В канун рождения нации, в момент, когда на повестку дня ставится вопрос создания национального литературного языка, национальной прессы, национальной школьной системы, борьба становится особенно ожесточенной и принимает уже характер противостояния не центрального и маргинального, а архаистов с прогрессистами.

Можно привести конкретные примеры из истории грузинского, армянского и ряда других языков XVIII—XIX вв., когда одни круги создавали неизменно усложненные, изощренные, витиеватые литературные нормы, а другие противопоставляли им столь же экстремальные установки на упрощенчество и реформизм. В наши дни примером сходного положения может служить ситуация вокруг хинди. Когда период противоборства закончен, нормы национального языка устоялись, он общепринят в национальной прессе и школе, начинается новый этап этноязыкового развития, наиболее характерный для современности. Национальный язык довольно быстро сглаживает через школу локальные диалектные различия, если только им (как, например, в Швейцарии) не придается особая самостоятельная ценность.

Однако противостояние централов и маргиналов не прекращается. Оно только переносится для большинства говорящих на страницы произведений художественной литературы, диски, телезреканы, где централистским консервативным тенденциям культуры официоза и истэблишмента противостоят экстремально-маргиналистские усилия всевозможных оппозиционных субкультур, создающих свои, обычно довольно эфемерные, жаргоны и сленги. Новации вносятся в язык и в результате создания многочисленных профессиональных жаргонов, и в процессе художественного творчества неортодоксальных писателей и поэтов. Интенсивность журналистской деятельности ведет к невысокой языковой культуре большинства рядовых журналистов, так что языковые искажения, просторечия и вульгаризмы неизбежно проникают на страницы даже центральной печати, и часть их со временем становится привычной. Вряд ли нужно ужасаться этому. Язык — это живой организм, он ищет и находит свои пути развития и изменения. Но для понимания этих путей, а может быть, и для поиска возможностей управления ими, как нам кажется, концепция диа-

лектической борьбы языкового централизма и маргинализма может быть небесполезна.

Традиционные общества (преимущественно феодальной формации), отличающиеся устойчивыми традициями письменности и книжности, имеют, разумеется, более сложную структуру передачи языковой традиции, чем те общества, которые состоят почти всецело из общин бесписьменных либо имеют очень узкий и сословно обособленный слой, владеющий письменностью (как это было в Европе в раннем средневековье). Однако в ряде случаев книжность, даже при ее распространении в достаточно узком элитарном слое, приобретает большое значение для поддержания общеэтнических традиций. Мы знаем немало примеров в истории, когда книжность, письменность и все, что с ней связано, окружается особым ореолом почтения и святости. Так обстояло дело уже в древности в Китае, где мораль и мудрость, изложенные в конфуцианском каноне, оказывали решающее воздействие на формирование и поддержание общнеродной, прежде всего крестьянской, системы ценностей. Хотя крестьяне и не читали конфуцианских книг, но принципы, изложенные в них, и не только принципы, но даже конкретные предписания, касающиеся, например, норм траура, внутрисемейных отношений, им были известны и понятны. Поскольку книга мыслилась конечным источником всех общественных ценностей, постольку любой документ, любой клочок исписанной бумаги приобретал определенную святость, его нельзя было просто выбросить, даже уничтожение его обставлялось церемониально. Именно письменный текст чаще всего выступал в виде оберега, талисмана, выполнял множество общественных функций, не обязательно связанных с его массовым прочтением и пониманием.

Не случайно многие китаисты-историки считают, что именно наличие общей письменности, общей книжной традиции было одним из важнейших факторов, обусловивших единство китайского народа, несмотря на то что диалекты разных регионов в устной речи разошлись до уровня взаимонепонимаемых языков и несмотря на периоды политической раздробленности, когда все прочие предпосылки, казалось, складывались благоприятно для формирования локально обособленных этносов.

Весьма значительную роль сыграли письменность и книжность в истории армянского народа. До IV в. н.э. в армянском обществе, несомненно, имелись образованные люди, пользовавшиеся греческим и арамейским письмом. Но своей письменной традиции на родном языке общество не имело. В IV в. в связи с целым рядом факторов, и прежде всего с принятием христианства в качестве государственной религии, потребность в создании письменности для армянского народа стала ощущаться особенно остро, и к концу IV в., после ряда попыток, эта письменность была создана, причем в настолько совершенном виде, что используется и до сего времени практически без изменений. Почти одновременно и по тем же причинам появилась и грузинская письменность. Мы не будем касаться здесь летописной версии о том, что обе письменности обязаны своим созданием одному и тому же лицу, ученному и церковному деятелю Месропу Машиоцу, и аргументов за и против достоверности этой версии. Важно, что обе письменности типологически весьма близки, в равной мере со-

вершены и приспособлены к фонетическому строю своих языков, но судьбы их оказались довольно различны.

В средневековой Грузии, как и в Армении, была создана разнообразная и обширная оригинальная и переводная литература как светского, так и церковного содержания. Но религиозная и светская книжность пользовалась резко различающимися формами письменности: первая использовала лапидарную письменность "асомтаврули" и ее скорописный дериват "хуцури", т.е. "церковный" почерк, вторая же пользовалась исключительно письмом "мхедрули", т.е. "всадническим", или гражданским, имеющим с "хуцури" очень мало общего, кроме истоков происхождения.

Церковные и светские структуры общества существовали в Грузии в основном раздельно, собственная государственность в той или иной форме наличествовала практически всегда. Поэтому подлинно общенародное значение из всей грузинской книжности приобрела лишь одна книга — созданная на рубеже XII—XIII вв., в эпоху высшего расцвета грузинской культуры и государственности, поэма Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре". Именно ее знание было, как мы указывали выше, важным знаком социального престижа и одной из осей, вокруг которых формировалась культурная традиция. Соответственно именно "мхедрули" стала письменностью нации; "хуцури" же, хотя и использовалась церковью еще в XIX в., ныне полузабыта. Графика была не столь существенна для народного сознания и могла очень широко варьироваться в почерках. Важен был текст поэмы, в виде множества паремических афоризмов постоянно вплетаемый в разговорную речь.

В Армении существование своей государственности было прерывистым и нестабильным. Средневековая государственность прекратила свое существование окончательно в X в., не считая Киликийской Армении, где она сохранялась до середины XIV в. Феодальная верхушка общества несла в ходе нескончаемых политических потрясений огромные потери и в конечном счете также практически перестала существовать.

Можно сказать, что на протяжении всего средневековья обычным для армянского этноса состоянием было такое положение, когда он весь или частично находился в рамках чуждой ему государственности, а феодальная верхушка, эксплуатировавшая крестьянские массы, была в значительной мере или даже полностью иноэтничной. В этих условиях заменителем политической структуры как станового хребта существования этнонационального организма выступала церковь, и не столько сама церковная организация, хотя и ее роль была очень значительна, сколько осознание народом принадлежности к особому, этнически специальному вероисповеданию. Это вероисповедание в средневековых условиях выступало как бы чехлом для всего массива идеологической культурной традиции, которая сама по себе могла и не иметь никакого религиозного содержания. Это положение характерно для большинства этносов эпохи феодализма, но для армян — в высшей степени.

В этой ситуации любая книга, написанная на армянском языке, — и порой даже не на армянском, а, как в ситуации с армянами в Польше, на другом (армяно-кыпчакском) языке, но знаками армянской, этнически специфичной, письменности, притом именно церковным каноническим по-

черком, — приобретала ореол святости. Те, в чьих руках она находилась, берегли ее, как святыню, и это относилось к любой армянской книге независимо от ее содержания. Люди грамотные читали ее, и сама магия слов старинного и в то же время родного языка способствовала их самоутверждению, осознанию своей слитности с национальной культурной традицией. Люди более образованные осознавали ее содержательное значение. Но даже для людей неграмотных книга, а порой даже ее фрагмент, отдельные страницы письменного текста служили талисманом, магическим охранителем и материальным подтверждением духовной связи со всем народом и его культурной традицией. И в отличие от Грузии старинный, приспособленный к тростниковому каламу, церковный почерк не изменился в веках и лег в основу современного шрифта.

Само собой разумеется, что наличие книг, причастность к ним, возможность поддерживать фонд словаобразования их периодическим чтением или слушанием приобретали особую ценность в диаспоре, где за пределами семейного круга каждый оказывается погруженным в океан иноязычной речи, совершенно иной и по языковой, и по поведенческой традиции. Не только в диаспоре, но и в районах исконного компактного расселения армян под игом чуждой государственности наличие книжности играло огромную роль. Чуждая государственность имела свою собственную письменность на иной религиозной традиции, на иной графической (в большинстве случаев арабской) основе. Само внешнее различие графических основ армянского и арабского шрифтов даже для неграмотных людей служило постоянным индикатором этнической дифференциации, напоминанием о разности культурных традиций, тогда как в устной речи многие армянские диалекты впитали в себя огромное количество иноязычных, в основном тюркских, заимствований. Надо думать, что именно наличие книжности уберегло большинство армянских популяций, живших в тюркском и ином языковом окружении, от полной языковой ассимиляции, равно как и от этнического раскола между григорианами и католиками. Там же, где ассимиляция все же происходила, наличие этнически специфичной графики мешало, вместе с собственно религиозным фактором, переходу языковой ассимиляции в ассимиляцию этнокультурную.

СМЕШЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ
И НЕЛИТЕРАТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ
В УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Для коммуникативных ситуаций, в которых оказывается пользователь чешского языка, характерно применение определенных наборов языковых средств ("кодов"), которые при необходимости могут и меняться. В ряду этих наборов потенциально могут быть представлены литературный и обиходно-разговорный чешский язык, студенческий или же военный жаргон и т.д. В их число могут входить и иностранные языки, например словацкий, английский и пр., в зависимости от степени их функционирования в более широком общенациональном коммуникативном контексте общности. Сюда же могут относиться и наборы специальных средств, используемых в художественном творчестве, публицистике или же при коммуникации в сфере вычислительной техники. Наконец, это могут быть наборы специализированных средств, характерных, скажем, для диалога с продавцом при приобретении покупок, в ситуации посещения различного рода учреждений, доверительного общения партнеров друг с другом и т.п. Значимость этих наборов в официальной, институциональной сфере неадекватна их субъективной оценке. Так, престиж литературного чешского языка, если ориентироваться на его субъективную оценку, ныне значительно снижен, что обусловлено социальной дифференциацией пользователей языка, их образованием и т.п.

Реальная коммуникативная ситуация в нашей национальной общности, равно как и высказываемые по ее поводу оценочные суждения, претерпевает определенные изменения. Прежде всего меняется сам статус литературного чешского языка, а вместе с ним и форма и способ функционирования социального контроля (т.е. реакции адресатов, воспринимающих письменные или же устные языковые тексты). Нельзя не учитывать, что при общем возрастании количества пользователей национального языка, активно владеющих литературным чешским языком, в их числе немало и тех, кто одновременно использует по крайней мере еще один набор нелитературных средств (чаще всего это обиходно-разговорный чешский язык). В этой ситуации исчезает как слой тех участников общественной коммуникации, которые сознательно и намеренно (без функциональной дифференциации) используют лишь литературный чешский язык, так и слой лиц, владеющих исключительно диалектом или же интердиалектом (см. [8]). В составе набора литературных средств возрастают вариативность, как об этом пишет в ряде своих работ А. Едличка. Снижается авторитарность кодификаций (см. [1]). Постепенно стираются различия между набором средств литературного чешского языка и наборами средств нелитературных. Консервативные компоненты литературного чешского языка, противостоящие данной тенденции, в этом

случае смещаются в разряд средств, имеющих окраску книжности. Тем самым происходит процесс "растекания", децентрализации литературного чешского языка, в связи с чем Фр. Данеш [2] предлагает заменить понятие литературного языка понятием "типы литературных коммуникативных ситуаций". Иными словами, речь идет о релятивизации единства и гомогенности этого набора языковых средств.

Таким образом, в какой-то мере происходит снижение значимости, общественного веса, статуса литературного чешского языка, в силу чего владение им в большинстве случаев не оказывает решающего влияния на коммуникативный статус пользователей. Норма "размягчилась", незнание кодификации или же нарушения ее уже не являются поводом для высмеивания, не приводят к утрате престижа (иногда совсем наоборот), поэтому нередко мы наблюдаем стремление найти контакт с партнером, адресатами путем использования неформальных, нелитературных языковых средств. Расширяется список ситуаций, допускающих неофициальную (или же по крайней мере полуофициальную) коммуникацию.

Характерной особенностью современной общественной коммуникации является преобладание неформальных кодов, наборов нелитературных языковых средств. Люди иногда буквально стыдятся употреблять литературные языковые средства (что в известной степени свидетельствует даже о некоторой социальной деградации), опасаясь возникновения у своих партнеров психологических барьеров. Все это ведет к повышению статуса и престижа некоторых наборов нелитературных средств, к их функциональной и территориальной экспансии и агрессивности. Зачастую именно эти наборы со сниженной нормированностью и являются в языковом сознании пользователей наиболее престижными. В классически иерархизированном описании национального языка эти "средние" (согласно концепции Я. Горецкого [3] и др., речь идет о стандарте или же субстандарте) или "низшие" слои отличаются и наибольшей динамичностью. Названные тенденции касаются прежде всего обиходно-разговорного чешского языка (*obecná čeština*), постепенно приобретающего статус еще одного — наряду с литературным чешским языком — общенародного набора языковых средств. Так возникает, как говорит Г. Нещименко [1], престижная форма спонтанной, повседневной, а иногда и полуофициальной коммуникации. Особая ситуация, впрочем, отмечается в Моравии: экспансия обиходно-разговорного чешского языка здесь затрагивает лишь определенную часть территории, в остальной же части (прогноз возможной эволюции содержится в работах М. Крчмовой [7]) "*obecná čeština*" сохраняет социальную и региональную маркированность. В связи с расширением базы литературного чешского языка (увеличение количества пользователей, владеющих его нормой), с одной стороны, и его социальной "деградацией" — с другой, происходит определенная нивелировка, вульгаризация, упрощение, снижение уровня литературной речи. В противовес этому культивируются некоторые нелитературные языковые средства, расширяется сфера их функционирования. Проявление большего внимания к направленности этой динамики, например в школе при воспитании речевых навыков, возможно, могло бы воспрепятствовать возникновению

коммуникативной неуверенности, нежеланию пользоваться литературным языком, тенденциям автоцензуры, гиперкорректности и т.д. (см. [2]).

2. Исследования устного чешского языка, имеющиеся в Институте чешского языка, подтверждают справедливость точки зрения наиболее чувствительных к состоянию языковой коммуникации пользователей языка. Так, они считают, что лишь ограниченное количество коммуникативных ситуаций предполагает использование чисто литературного чешского языка. Это, например, публичные, в большинстве своем официальные, монологические выступления, которые говорящий обычно заранее готовит в письменной форме, а нередко и читает их (ср. торжественные выступления государственных деятелей, доклады, лекции и пр.). К их числу относится и речь дикторов, журналистов, ведущих информационных и публицистических передач на радио и телевидении, поскольку этого требует норма подобных программ. То же правомерно и для речи общественно-политических деятелей, если, конечно, в их идиолекте не преобладают нелитературные формы, т.е. здесь уже наблюдаются значительные индивидуальные отличия.

Использование литературного чешского языка в публичных официальных выступлениях в целом считается престижным. Именно к этому стремятся многие из выступающих; впрочем, в каждом конкретном случае все зависит от того, насколько индивидуум способен порождать литературный текст, устраивает ли его использование чисто литературного языка, не слишком ли это противоречит его обычному речевому поведению. Есть, однако, и люди, полностью игнорирующие литературную норму. Возрастает и число лиц, индифферентно относящихся к различиям между литературной и нелитературной речью, которые произвольно смешивают литературные и нелитературные формы, не руководствуясь при этом никакими правилами. Некоторые же в публичной, а нередко и в официальной ситуации из принципа говорят нелитературно. Здесь все зависит от подхода, оценки адресатов, слушателей: устное выступление на литературном языке может восприниматься как признак неестественности поведения, превосходства над окружающими, кичливости, лицемерия и пр. Включение нелитературных элементов в текст выступления оратора или в средствах массовой коммуникации, напротив, кто-то может оценивать как позитивное контактное средство, другой — как проявление дурного вкуса, желание понравиться, втереться в доверие.

Речевые особенности публичного выступления обусловливаются действием ряда социально-психологических факторов. Кроме того, сказывается и наличие вариативности отдельных форм некоторых чешских слов. В последнем случае говорящий нередко находится в затруднительном положении, не зная, какой из вариантов предпочесть, что и как нужно сказать. Разумеется, многое зависит от того, насколько говорящий чувствует различия между вариантными формами чешского языка, воспринимает ли он отличие между литературной и нелитературной формами как оппозицию варианта с более высоким иерархическим положением (официального, публичного, престижного) и варианта со сниженной оценкой, используемого в неофициальном, доверительном, интимном общении. Этую

дилемму, стоящую перед каждым, кто пользуется чешским языком, эти колебания при выборе литературных или нелитературных языковых средств — все это передает высказывание З. Сверака из радиоинтервью с журналистами Я. Вейводой и О. Нутцем: "...vona ta čeština je hezká když se napíše spisovně ale když se mluví a je to takle trošku důverný tak ta spisovná čeština tam vadí".

Имеющийся у нас материал позволяет сравнить, как и в какой степени в высказываниях, относящихся к различным коммуникативным ситуациям, комбинируются литературные и нелитературные фонетические и морфологические элементы. Наиболее существенными нам представляются отличия, наблюдаемые в публичных и непубличных высказываниях. Значительные отличия фиксируются и внутри обеих упомянутых больших групп.

Прежде всего остановимся на некоторых публицистических передачах радио и телевидения. К числу таких радиопередач относятся беседы журналистов Я. Вейводы и О. Нутца в передаче под названием "Кофе у Киша". Это часовой диалог двух журналистов с видными представителями политической, культурной, спортивной и т.п. жизни, в ходе которого затрагиваются актуальные общественные проблемы, рассматриваемые через призму восприятия гостя, с учетом сферы его деятельности, личных интересов, жизненного опыта. Передачу отличает несколько особая атмосфера: хотя это беседа, предназначенная для самого широкого круга радиослушателей (характерно и время передачи: в субботу от 16 до 17 часов), в ней имитируется типичная для кафе атмосфера непринужденности, т.е. доверительности разговора, затрагивающего иногда и личную жизнь собеседников, их индивидуальные пристрастия. Все это, как правило, не производит впечатления наигранности, напротив, создает обстановку интимности, доверительности, непубличности. Иными словами, это непубличная беседа, предназначенная для самой широкой аудитории. Данная ситуация характерна и для ряда других передач на радио и телевидении. Заметим, что запись перед эфиром корректируется, делается монтаж, опускаются места либо неудачные, либо непригодные для публичной трансляции. Описанная ситуация влияет на речевое поведение собеседников, у которых, как правило, нет проблем с употреблением чешского литературного языка. Вместе с тем, как и все пользователи чешского языка, они владеют и одной из нелитературных форм его существования. Журналисты, представляющие радиовещание, будучи лицами, ответственными за форму и общее содержание передачи, принципиально говорят на литературном языке, эпизодически используя то или иное экспрессивное слово или выражение, однако делают они это исключительно в виде "цитаты", т.е. для того, чтобы передать свое отношение, как-то отреагировать на высказывание собеседника. Нелитературные флексии встречаются в их речи лишь изредка, отражая их живую эмоциональную реакцию. Так, например, в беседе с З. Свераком их речь с тщательно подобранный, корректной с точки зрения фонетической и морфологической литературной нормы, лексикой отличается от письменного текста, пожалуй, лишь своим спонтанным "разговорным" синтаксисом. Речь журналистов контрастирует со свободной, непринужденной речью З. Сверака с

характерными для нее приметами типичного обиходно-разговорного чешского языка:

Ж. dělal byste rád ještě něco v životě co ste nedělal?

С. já voprvadu dělám několik povolání ale vy mě trošku děsíte *svejma hlasama* protože vy takle mluvíte s prezidentem a na mně to dělá pak dojem že musím mluvit strašně závažně nemusím?

Ж. a pomalu klást slova na stůl vůbec ne ale já mám jedno omlouvám se do této letně **zabarvené** kavárny hned na začátku tedy jedno téma které se sem snad nehodí jedna taková postava z vašich her ten sekáč co "se nezakecá".

С. jo smrtka.

Ж. ste také někdy ve svých myšlenkách nasměrován ke své vlastní smrti?

С. kdo by vo ní nepřemejšel žejo já si naopak myslím že to má velice blízko *todle* téma k tomu čím se celej život zabejvám totiž k legraci a humoru.

Собеседник С. принадлежит к числу носителей языка, осознающих различие между литературным и нелитературным чешским языком; он учитывает это различие при построении высказывания: в фонетике и морфологии преобладает использование нелитературных языковых средств, в том числе и в ситуациях, не имеющих ярко выраженного официального, формального характера, т.е. тогда, когда подобный способ коммуникации является вполне естественным. Несмотря на явную "нелитературность" подобных высказываний, в них отнюдь нередки и формы литературные:

Ж. vy ste začal svými povoláními jedno z nich se týká rozhlasu vy ste pracoval pár let nevím kolik v armádní redakci Československého rozhlasu vzpomínáte na to rád anebo je to pro vás dávno zasutá minulost?

С. bylo to druhé povolání.

Ж. byl ste učitelem.

С. první byla kantořina druhým povoláním byl rozhlas a byl sem tam necelých devět let.

Использование в речи С. литературных форм, в особенности окончаний прилагательных и существительных, в данном фрагменте текста может мотивироваться тем, что здесь налицо эмоционально беспризнаковая, деловая реакция на вопрос журналиста, произнесенный на литературном чешском языке. В ответе он сообщает деловую информацию, поэтому литературный чешский язык ему совсем не помеха. Впрочем, в дальнейшем постепенно снова начинают преобладать нелитературные формы. Вероятно, что в этом случае нужно также учитывать возможность взаимного приспособления речевых навыков партнеров. Вместе с тем это говорит и о наличии постоянных колебаний между преобладающей литературностью и нелитературностью. Степень и направленность этого взаимного приспособления во многом зависят от взаимоотношений партнеров, и прежде всего от их социальных позиций и социальных ролей. Данное взаимоприспособление в использовании литературных и нелитературных форм прослеживается как в тексте беседы в целом, так и в отдельных ее фрагментах, когда, например, на вопрос,

сформулированный на литературном чешском языке, партнер отвечает также с использованием слов с литературными флексиями. Впрочем, в дальнейшем он часто употребляет их нелитературные варианты.

Помимо сказанного выше отметим, что в речи С. в ходе беседы литературные формы слов нередко встречаются в таких ситуациях, когда при общей нелитературности высказывания можно было бы ожидать употребления нелитературного варианта: *tak sme ráči dobrovolně odešli; že to vezmu přes učitelství; že se tam dozvím co už bylo napsáno; omyl, obor, opravit*. Литературные флексии встречаются в названиях различных учреждений (a stal sem se teda redaktorem Československého rozhlasu já na to rád vzpomínám přestože tam byly práce, který sem dělal nerad), а также в названиях учреждений: třeba nejhorší ze všeho byl pořad politické školení mužstva který sem dostal na hřbet a já vim že dyš se po odvysílání asi druhýho...

К сожалению, во время публичных выступлений, а также в средствах массовой информации все чаще приходится сталкиваться с ситуациями, когда говорящие не придают никакого значения стилистическому различию между литературными и нелитературными фонетическими и морфологическими средствами. Создается впечатление, что они попросту игнорируют необходимость выбора между литературной и нелитературной формами, поэтому и речь их представляет собой зачастую соответствующую мешанину. Примечательно, что это нередко наблюдается в речи лиц, несомненно хорошо владеющих литературным чешским языком и являющихся его активными пользователями. К ним относятся ученые, деятели искусств, журналисты, публицисты и т.д. Приведем в качестве примера Й. Лештину, который, беседуя также с Я. Вейводой и О. Нутцем, употребляет литературные формы наряду с нелитературными без какого бы то ни было определенного намерения, смущения или колебания, т.е. ему вообще представляется излишним задумываться о том, как, собственно, следует говорить в ситуации более или менее частного разговора, предназначенного для публики. Так, по соседству друг с другом оказываются высказывания и их фрагменты, оформленные в целом по литературному образцу (*v tomhle tom si myslím; jaké politické klima se vytvoří na Slovensku; vyskytnou se lidé kteří ztroskotají*), и высказывания в целом нелитературные (*to bude doprovázený mnohem excesem a vomylama*). Впрочем, еще чаще встречаются случаи, когда комбинации литературных и нелитературных форм находятся поблизости друг от друга (*kde bychom se rozhodovali mezi finesama; lidé začnou střízlivě a pocítovat takový ty těžkosti a snažení kteréžto není špatné; vono to bylo dost problematické; politici vo kterých píšete; entuziasmus kterej je bohužel zjednodušený; je třeba najít nový přístup k tomu; noviny které psaly vo revoluci listopadový; tim vodopovídám na tu otázku; zda to bude v budoucím českym státě a zda ti lidé mají šanci*).

Иная ситуация в другом виде публицистических передач. Мы имеем в виду регулярную теледискуссию "Что нового за неделю", регулярно

выходящую раз в неделю. Двое ведущих — мужчина и женщина — совместно проводят дискуссию, в которой участвуют политики, научные работники, журналисты. Приглашенные на дискуссию лица высказываются по поводу наиболее актуальных политических и общественных событий, произошедших на этой неделе. Дискуссия является публичной, ей присущи определенные черты официальности, связанные с присутствием высокопоставленных персон. Высказывания этих лиц обычно имеют официальную значимость (нередко их потом воспроизводят в вечерних "Последних известиях"). Тем не менее и здесь иногда проявляются приметы непубличной, частной коммуникации. Обычно это происходит тогда, когда в ходе дискуссии обнаруживаются личные чувства взаимной симпатии или антипатии, обусловленные тем, что некоторые из участников регулярно встречаются и в других ситуациях ("обычно я с вами несогласен, но в данном случае должен признать вашу правоту"). Таким образом, участники дискуссии в какой-то мере лично знакомы друг с другом, впрочем, иногда они видятся и впервые. Помимо сказанного здесь также действует еще один фактор: в связи с тем, что участники дискуссии, как правило, наполовину состоят из чехов, наполовину — из словаков, в ходе дискуссии используются два языка. Однако в переводе нет необходимости, тем более что одна из ведущих является словачкой.

Чешский ведущий принципиально говорит на литературном языке, что находится в полном соответствии с нормой публичной телевизионной передачи. Являясь представителем официальной сферы, он использует престижный вариант чешского языка даже тогда, когда направляет ход диалога или же когда шутит (*to není monolog a vy nás také musíte pustit ke slovu; ne nebudeme to stavět tak abychom donutili pana Bindera odejít; paní Hyková vy mluvíte vždycky moc dobře ale dlouho*). Нелитературные формы встречаются в его речи только в исключительных случаях, например в моменты повышенного эмоционального накала, когда дискуссия начинает перерастать в конфликт (*otázka vona zazněla*). Большинство чехов, участвующих в дискуссии, также говорит в основном на литературном языке. Обычно заметно, что эти люди привыкли к литературному чешскому языку, полагая, что его использование в данной ситуации является наиболее уместным. В некоторых из этих передач литературная норма соблюдается образцово (так, в одной из передач зарегистрировано всего лишь девять нелитературных форм, из них четыре раза это была форма *říct*, считающаяся разговорной, дважды была отмечена краткая гласная в формах *myslím, říkal*; один раз было отмечено протетическое *v* у местоимения *on* (*vona*) и дважды нелитературные флексии у существительного и прилагательного (*před několika minutama*; *co je pro mě klíčový*). Другие передачи являются собой более пеструю картину использования нелитературных форм у всех участников дискуссии. Причем встречаются и такие лица, которые не обременяют себя мыслью о том, что им следует умерять свою индивидуальную привычку говорить нелитературно (вернее, смешивать литературные и нелитературные формы) под напором общественности, с учетом официальности данной ситуации (*ani sem eště nepíp; prošli sme vyjednáváním velmi naléhavym; mě se lsbilo jak to*

bylo zorganizovaný: já sem vočekával že tam pude vo víc; bylo by lepší kdybysme ty dva státy připravovali — авторство этих высказываний принадлежит журналисту М. Шульцу). Подобную склонность имеет и В. Гавел, который в упомянутой передаче, равно как и в других официальных и публичных ситуациях, не задумываясь, смешивает литературные и нелитературные формы (abych nemluvil vo těchto jednotlivých případech; že nesmíme do ničeho jinějm těm velkejm mluvit; ale ono to spolu souvisí; já při různých cestách se dost často setkávám s tím; na jehož pozadí se vydíví všechno vostatní; mají naprosto protichůdný názory a chovají se k sobě jako džentlmeni; měli bychom pomoci té společné věci; já sem bejval trochu netrpělivěj; já myslím že není dobré mluvit vo nostalpii; kteří se domnívají že sou tak chytrý; někdy bejvám kritizován že sem romantik; moh bych mluvit o něčem jiném).

У некоторых участников дискуссии употребление литературных форм обусловлено и тем, что в разговоре участвуют словаки. Поэтому, чтобы быть равнозенным партнером словацкого языка, чешский язык в данной ситуации должен быть представлен престижной формой существования. Возможно, играет роль и то соображение, что словакам труднее воспринимать нелитературное высказывание. Впрочем, все эти названные выше мотивировки носят индивидуальный характер, в каждом отдельном случае многое зависит от того, насколько развито у говорящего языковое чутье, насколько он требователен к культуре речи. Совершенно очевидно, что соблюдение в публично произнесенном тексте строгой литературной нормы или его исключительно нелитературная форма, комбинирование или произвольное смешение в нем литературных и нелитературных компонентов — все это напрямую не связано с такими стилистическими качествами текста, как содержательная и тематическая последовательность, ясность и понятность изложения, адекватный подбор лексики, продуманная линия повествования, позволяющая донести до слушателя заложенную в сообщении мысль. Строгое соблюдение литературной нормы, языковая корректность выступлений некоторых публичных ораторов, разумеется, не могут служить гарантией того, что эти выступления не окажутся неинтересными по содержанию, путанными, нечеткими, а порой и просто нудными. И наоборот, ораторы, игнорирующие различие между литературной и нелитературной речью, нередко говорят более увлекательно, способны зажечь аудиторию. Вполне естественно, что просторечность в комбинации с бессодержательностью может лишь скомпрометировать говорящего в глазах слушателей (pane kolego dyť vy víte co to znamenají nový volby; já myslím že se ním nic dramaticky nezmění).

Произвольное смешение литературных и нелитературных форм часто приходится слышать на производственных совещаниях, во время профессиональных дискуссий. Для дискуссий в узком кругу специалистов, т.е. среди людей, хорошо знающих друг друга, обычно характерно использование нелитературной речи. Это, разумеется, не исключает и употребления литературных элементов в виде профессиональных терминов,

словосочетаний и выражений. Свою роль, конечно, играет и положение, занимаемое участниками совещания. Так, ее организатор, ответственный за ход и результаты дискуссии, осознавая свою ответственность за успех дела, в определенной степени может стремиться говорить более литературно. И все же, по нашим наблюдениям, решающее значение имеют прежде всего индивидуальные речевые навыки говорящего, которые и определяют соотношение литературных и нелитературных форм в его речи. Ср. реплику инициатора и организатора рабочего совещания в Энергопроекте: já sem vás vobcházel jednotlivě na dnes sem chtěl abyste se podívali všichni na ty alternativy a připravili si přístup a případně kritéria jednotlivá na to hodnocení s tím že já předpokládám že do konce ledna bysme to měli mít hotový abych to mohl dát přeložit a toho desátého aby to vodešlo vycházím z předpokladu že hodnocení bude zase v technické a vobchodní části.

По нашему мнению, вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что построение высказывания (или его части) полностью на литературном или нелитературном языке зависит от ситуативного контекста: Kup si konečně řákej slušnej voblek x Můj manžel tam koupil nový oblek (ср. [16, 18]). Не случайно в текстах магнитофонных записей литературные и нелитературные формы соседствуют друг с другом, независимо от общего характера контекста. Существенное значение имеют обстоятельства, в которых проводится наблюдение, и в частности проводим ли мы анкетирование или устный опрос с тем, чтобы выяснить, как респонденты употребляют литературные и нелитературные формы, или же мы просто наблюдаем за их спонтанной речью. Так, если у респондентов есть время для обдумывания, то при возможности выбора они отдадут предпочтение варианту, наиболее соответствующему их представлениям о том, как следует использовать чешский язык в тех или иных коммуникативных ситуациях. При спонтанных же выступлениях это правило обычно легко забывается и не принимается во внимание. Последнее, очевидно, говорит о том, что между литературными и нелитературными формами (например, в окончаниях прилагательных и существительных) отсутствует столь явное стилистическое различие, которое бы определяло соответствующий выбор.

3. Материал магнитофонных записей, сделанных в различных коммуникативных ситуациях, показывает, что редки и случаи коммуникации полностью на нелитературном чешском языке. Так, непубличные высказывания частного, интимного характера хотя и являются в целом нелитературными, тем не менее включают литературные формы и лексемы. Удельный вес последних зависит от индивидуального идиолекта, в свою очередь определяемого действием ряда факторов: средой пребывания говорящего, образованием, социальным положением, профессиональными занятиями, языковым чутьем. Значение имеет и тема высказывания, обуславливающая приток специальных терминов и характерных для данной профессиональной среды языковых стереотипов — именно здесь и можно ожидать появления фонетических и морфологических примет литературного языка.

Под указанным углом зрения нами были изучены тексты бесед, сос-

тоявшихся во время встреч друзей, т.е. в ситуации непубличной, доверительной, частной коммуникации с относительно ограниченным кругом тематики, близкой всем участникам встречи. В целом данные высказывания носят нелитературный характер, однако литературные формы и слова проникают в них вместе со специальными терминами. Примечательно, что лица, никогда не говорящие на литературном языке, также используют эти термины в литературной форме (так, лексему *samoopylovač* как садоводческий термин свободно употребляет и семидесятилетняя женщина, в прошлом продавщица). Литературные формы представлены цитируемыми из различных предписаний словами: *objednací číslo* в каталоге моды (в повседневном употреблении используется форма *vobjednat*: *taky by si si moh vobjednat dybysi chtěl; na žlutejch (indulónách) ...je napsáno ve vlhkém prostředí; tak to je ta klematis nesklonné ženské tak to je ona* (цитата из словаря); *je tam ted' opravna obuví* (название мастерской); *sto dobrých rad zahrádkářům tisíc rad a dobrých rad* (название справочника для садоводов).

Влияние литературного языка заметно и в случаях, когда речь идет о лексике, используемой в общественной коммуникации в сфере культуры (*votevírali to naši ochotníci vynikajícím způsobem*), далее это отмечается в словах, использование которых выходит за рамки частного общения (*na todle aby měli vysokou školu na takovýdle obsluhu; ten vnitřní obchod dělala Dáša... ale vono tam je několik těch oborů; přijedou sem za nákym obchodem* (даже универс verb *obchod'ák* встречается без протетического *v-*: *na vývěsní skříni u obchod'áku*). Употребление литературных форм обычно характерно для лиц, говорящих у себя на работе, насколько это допустимо по ситуации, на литературном языке (*voni vám budou říkat od tohoto ročníku nový způsoby jak prostě vést hospodaření — из речи проектировщика; mezera mezi těmi dráty je prostě dva centimetry — там же; abych mohla dále pracovat a nepršela sem o zaměstnání — из речи учительницы; dělá vlastně to k čemu jí opravňuje kvalifikace — там же*).

Литературные формы используются и тогда, когда, например, тема разговора касается профессиональной квалификации говорящих; это особенно заметно проявилось во время общения на одной из дружеских встреч студентов вуза (to znám z té programátorské praxe; my sme zjistili že je velmi výhodné pokud se to podaří nějak takhle stabilizovat); при свободном воспроизведении некоторого письменного или литературного текста (to je jak se stravovat na týdenním zájezdu do zahraničí taková krásná kniha o vědeckém životě; teorie několika možných diet; když už v pondělí odjíždíš je předepsán jídelníček; druhá varianta je pak metoda cestovního balíčku který obnáší dvě krabičky Albertek pět kostek polévkové deset deka uherského salámu a krabičku trojúhelníčků; snídaně je v hotelu švédský stůl sní se všechno co dají).

Для молодых людей особенно типично то, что они употребляют литературные формы там, где стараются при передаче своих впечатлений гово-

рить шутливо, иронично, с известной долей самоуничижения: именно литературные формы и помогают в этих случаях придать соответствующую тональность (на začátku sme tančili... nějaké tance jako sme zkoušeli a bylo z toho zoufalství na obou stranách a říkáme Pět’o opravdu to nejde; že se musela předvést před svými spolužáky že má takového velkého bratra — в рассказе о себе); там простѣ seděla jako skupina už podnapilých jako dívek a chlapců částečně na klíně částečně jako na židlích svých vlastních a takhle v koutku se tlačili Standovi rodiče; je to velice sladké sem od toho velice zaplatlana).

Использование литературных форм в высказываниях нелитературных можно наблюдать и в ряде других коммуникативных ситуаций, причем нередко в речи молодых людей (ср. случайно услышанный отрывок разговора между пятнадцатилетними ребятами в пражском метро: *se střeželne jma zbraněma já neoperaži vole*). Подобные факты, конечно, нельзя рассматривать как проявление возрастающей культуры речи молодежи. Скорее всего это говорит о том, что хотя молодые люди и владеют литературными и нелитературными вариантами форм, окончаний, лексем, однако в их идиолекте они используются не последовательно, применительно к той или иной ситуации, когда эти варианты уместны, а непроизвольно. Так, литературные вкрапления в их речи употребляются как бы в виде цитат, одновременно с другой литературной лексикой, либо как компонент языковой игры, придающий определенное своеобразие их речи.

Как уже говорилось, носитель чешского языка при построении высказывания (конечно, если это высказывание не является официальным, торжественным, особо ответственным, когда включение нелитературных форм попросту неуместно) постоянно стоит перед выбором: ему приходится отдавать предпочтение какой-либо одной из двух или даже более форм одного и того же слова (например, он выбирает из ряда (*péci*) — *pěct* — *pect* — *píct*). Тем самым он может варьировать высказывание, придавая ему в определенной ситуации то литературную, то нелитературную окраску. Коммуникативные ситуации, с которыми в этом случае приходится сталкиваться, весьма разнообразны, причем играют роль и факторы общественного или психологического характера. От действия всех этих обстоятельств и зависит, будут ли уместными или же, напротив, неуместными литературные либо нелитературные средства. Постичь сущность этого процесса, а также обобщить результаты — дело весьма затруднительное. Есть ситуации, когда индивидуум, контролирующий свою речь, не считает идеально подходящими ни те, ни другие формы. Так, при неофициальном, частном разговоре с иностранцем, который понимает и немного говорит по-чешски, литературные формы могут казаться неестественными, вычурными, казенными, лишенными сердечности (обычно и иностранец осведомлен о существовании вариантовых форм в чешском языке). В то же время нелитературные формы воспринимаются как иерархически более низкие, не представляющие достойным образом чешский язык, т.е. они также не очень желательны. Аналогичная

ситуация может возникать и при общении со словаком, поскольку нелитературные формы чешского языка по контрасту со словацким могут восприниматься как сниженные, более вульгарные. Подобные ощущения может испытывать пражанин в разговоре с мораванином, чешский язык которого ближе к литературному. Строгое соблюдение литературной нормы в личном общении для большинства пользователей чешского языка неприемлемо.

Существуют, впрочем, ситуации, находящиеся на грани публичности и официальности. Так, преподаватель, разговаривая с учащимися, в том числе и на уроке, переходит на нелитературные формы, особенно если между ними хотя бы на какое-то время установились более близкие, доверительные отношения. В этом случае, наверное, может возникнуть впечатление, что учитель как бы старается понравиться своим ученикам, хочет сблизиться с ними. Вместе с тем это может выглядеть и как фамильярность, хотя, впрочем, с другой стороны, использование литературных форм в данной, довольно доверительной, ситуации могло бы произвести впечатление искусственности, способствовало бы установлению в некотором роде дистанции (о социальных реляциях в группе "учитель—ученики" и о причинах использования в разных ситуациях нелитературных средств в речи учителя и учеников см. [9]).

Поскольку значительное количество носителей языка наряду с чешским литературным языком активно владеет и соответственно использует по крайней мере еще один набор нелитературных средств (это по преимуществу обиходно-разговорный чешский язык), все более усиливается взаимопроникновение, стирание границ между этими наборами. При этом литературные и нелитературные средства смешиваются в самых различных пропорциях и своеобразных комбинациях (о "растекании" литературного чешского языка мы уже упоминали; стоит также отметить, что в области строения текста, гиперсинтаксиса, да и в синтаксисе, оппозиция "литературность — нелитературность", в сущности, не является релевантной). Нередко эти наборы сосуществуют рядом друг с другом в рамках одного и того же высказывания, синтагмы или словоформы (причем возникают комбинации терминов, компонентов профессиональной лексики, т.е. лексики "литературной", со средствами обиходно-разговорного чешского языка, особенно в фонетике и морфологии [13; 14]).

До сих пор при характеристике эволюции общей коммуникативной ситуации в нашей национальной общности мы по крайней мере по чисто практическим мотивам пользовались традиционно выделяемыми субсистемами национального языка (его "формами существования", вариетами). При этом мы намеренно оставляли в стороне так называемый разговорный литературный язык (см. подробнее [6]), самостоятельный статус которого, структурная специфичность, стабильность современными авторами все чаще подвергаются сомнению; иногда это понятие вообще отвергается (так, Фр. Данеш [2], говорит в этом случае о "химере", подобной позиции придерживаются Я. Хлоупек [4] и др.). Все более остро ощущается необходимость в изучении смешанных текстов, абсолютно доминирующих в современной коммуникации. Возрастает интеграция

"переходных" форм, стабилизация различных степеней "смешения" классических кодов в коммуникативной компетенции пользователей (в этом случае нет нужды говорить о проявлениях диглоссии, билингвизма, т.е. об оперировании комплементарными, находящимися в функциональной дизъюнкции наборами средств — см. [там же]). Возникает вопрос, не следует ли при разработке методологии описания этого динамичного феномена (а может быть, это даже необходимо?) отказаться и от других классических понятий типа "форма существования языка". Заметим, что на идеи "смешения" конституировались и такие понятия, как "язык повседневного общения" ("běžně mluvený jazyk") или "городские языки" ("městské mluvy") — именно в этом и коренились трудности с их вычлениением.

В ходе коммуникации, решая выбрать ту или другую альтернативу, индивидуум обычно не делает априорного, осознанного выбора определенной формы существования языка или вариеты [там же]. Стоило бы тщательно продумать, имеет ли смысл в создавшейся ситуации по-прежнему придерживаться представления о наличии реально существующих гомогенных субсистем национального языка, определенным образом манифестируемых в коммуникативной компетенции носителей языка и реализованных в ходе речевого взаимодействия. Иными словами, правильно ли все время говорить о "смешении", "переходах". Возможно, более оправданно было бы оперировать понятием "форма существования языка" как идеальной абстракцией в тех случаях, когда нам необходимо осмыслить и описать главным образом явления интерференции, т.е. коммуникаты со смешанными характеристиками (о "гибридных идиомах" как компонентах модели национального языка рекомендовал в свое время задуматься и П. Сгалл [13]).

"Смешению" наборов средств (безотносительно к тому, как их следует называть) сопутствует и "смешение" параметров (признаков, характеризующих или типологических показателей) коммуникаторов, коммуникативных событий и ситуаций. По мере усложнения коммуникации в современном обществе и одновременно нашего познания возможности научного описания этого явления становятся все более неясными и относительными. В полной мере это относится к дилеммам "публичный—непубличный", "официальный—неофициальный", "подготовленный—спонтанный", а также "устный—письменный", "монолог—диалог", "прямой—непрямой контакт" и пр.

Таким образом, следует решить: или по-прежнему оперировать понятием форм существования языка (хотя бы в виде некоторого фона) с присущими им границами, интерференцией и сосредоточить внимание на консолидации смешанных форм, их описании и установлении их статуса в функциональной парадигме национального языка, либо постараться обойтись без подобным образом очерченного фона и оперировать только представлением о континууме коммуникативных средств, из которого по мере коммуникативной потребности вычленяются наборы языковых средств, мотивированные функционально, ситуативно (социальными и психологическими установками партнеров, их взаимоотношениями, средой), а возможно, и тематически. Известным выходом из создавшегося положе-

жения могло бы стать возрождение понятия "функциональный язык" как набор средств выражения, соответствующих различным типам коммуникативных ситуаций, которое используется в Тезисах Пражского лингвистического кружка [15]. Применительно к ним не может быть речи об априорной полноте набора. Впрочем, определенным типам коммуникативных ситуаций действительно соответствует четкий, стабильный набор ситуативно и функционально обусловленных моделей, текстов и предложений, лексических средств и пр. с оформленным противопоставлением "литературности—нелитературности" на фонетическом и морфологическом уровне (с подобным пониманием перекликается и точка зрения Я. Хлоупека [5] о наличии взаимосвязи между используемыми формами существования национального языка и определенными типами иллокуционных актов). Тем не менее в ряде случаев компетенция пользователей языка может быть неустойчивой, позволяющей лишь приблизительно говорить о наличии определенного набора языковых средств, т.е. речь может идти не об изолированных, взаимоисключающих наборах, а о подвижных извлечениях из определенного континуума (см. по этому поводу также работу И. Некапила [12]. Последний, в частности, утверждает, что на протяжении своего развития индивидуум пребывает в различных социальных средах, осваивает определенные коммуникативные модели, в силу чего в его языковой компетенции с необходимостью возникают подвижные комбинации моделей, происходит интерференция).

ЛИТЕРАТУРА

1. Нещименко Г.П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
2. Daneš F. Pojem "spisovného jazyka" v dnešních společenských podmírkách // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školaské praxe. Pr., 1987.
3. Horecký J. Stratifikácia národného jazyka ako dôsledok dynamických procesov // Там же.
4. Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Brno, 1986.
5. Chloupek J. Dynamika jazykových útvarů // Там же.
6. Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1974.
7. Krčmová M. On the shaping of every-day speech in Moravian towns // Reader in Czech sociolinguistics. Pr., 1986.
8. Krčmová M. K variabilitě běžně mluvené češtiny // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Pr., 1987.
9. Kropf T. Kommunikative Funktionen des Dialekts im Unterricht / Reihe Germanistische Linguistik 67. Tübingen, 1986.
10. Müllerová O. Ke vzťahu spisovnosti a nespisovnosti v neveřejných dialogických projevech // Všeobecné a specifické otázky jazykovej komunikácie. 2 diel. Banská Bystrica, 1991.
11. Müllerová O., Hoffmannová J., Schneiderová E. Mluvená čeština v autentických textech. Pr.: H&H, 1992.
12. Nekvapil J. On the communicative approach to the study of slang // Reader in Czech sociolinguistics. Pr., 1986.
13. Sgall P. Znovu o obecné češtině // Slovo a slovesnost. 1962. [Roč.] 23.
14. Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Pr., 1992.
15. Teze předložené prvnímu sjezdu slovanských filologů v Praze 1929: Pražský lingvistický kroužek // U základů pražské jazykovědné školy. Pr., 1970.
16. Townsend Ch. E. A description of spoken Prague Czech. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1990.

Перевод Г.П. Нещименко

Фр. ДАНЕШ, С. ЧМЕЙРКОВА

(ЧЕХИЯ)

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА МАЛОГО НАРОДА

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие "экология", возникшее в отрасли биологии, занимающейся изучением взаимоотношений между живыми организмами и окружающей средой, нашло свое применение и в общественных науках. Экологическая перспектива может быть распространена на языковые явления, до сих пор служившие предметом изучения таких лингвистических дисциплин, как социолингвистика, этнолингвистика, лингвистическая (или шире — культурная) антропология и т.д. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что с понятием экологии, примененным по отношению к языку, мы встречаемся в работах, посвященных таким явлениям, как исчезновение языков, их вымиранье, смерть. Так, например, С.А. Вурм проводит наглядную параллель между обстоятельствами, влекущими за собой вымирание языков, и обстоятельствами, обусловливающими вымирание видов живых организмов: "Изменения в окружающей среде обычно означают, что культурное и социальное окружение, в котором данный язык функционировал, как правило, в течение очень длительного времени, заменяется новым, отличающимся от прежнего как результат неизбежных культурных контактов и конфликта. При этом традиционный язык оказывается неудобным для функционирования в качестве средства выражения новой культуры. Выведение новых видов опасных животных и растений... можно сравнить с негативным и деструктивным отношением к этому традиционному языку со стороны носителей новой культуры и носителей языка, служащего средством их выражения" [21, 3].

Экологическая интерпретация, разумеется, возможна не только в таких "жестких" ситуациях, когда лингвисту не остается ничего другого, как констатировать гибель языка. Экологический подход правомерен и в менее острых случаях, когда происходят, казалось бы, менее губительные языковые изменения, такие, как возникновение и исчезновение отдельных языковых категорий, типов текстов и коммуникативных функций. Предметом внимания языковой экологии является языковая вариативность, рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит. Далее, сюда относятся межъязыковые контакты, обусловленные контактами между политическими системами и культурами и связанные с этим такие явления, как смешение и скрещивание языков, овладение иностранными языками, двуязычие и т.п.

Э. Хауген, очевидно, первый вполне осознанно употребил термин "экология языка", использовав его в заглавии сборника своих работ [11], куда он включил помимо прочего текст своей лекции под тем же названием, прочитанной в 1970 г. Как справедливо отмечал Хауген, экология языка по своей сути имеет динамический характер. Именно это обстоятельство отличает ее от классической и формальной лингвистики с характерным для нее статичным пониманием языка. Хауген показывает, что интер-

претация языка как застывшей монолитной структуры является фикцией, полезной лишь на определенной стадии развития лингвистики, однако как только лингвистика начинает интересоваться взаимоотношением языка и среды (заметим, что Хауген в своем исследовании общеэкологической языковой проблематики исходит из предпринятого им анализа специфики языковой ситуации в Норвегии), возникает иная, более богатая и более дифференцированная лингвистическая модель.

По своей сути современная лингвистика является дифференцирующей наукой (ей не свойственна столь характерная для лингвистики в целом приверженность к изучению языковых манифестаций в гомогенных ситуациях, для постижения которых была необходима единая лингвистическая теория). Она постулирует, что язык функционирует отнюдь не в дискретной, замкнутой и когерентной речевой общности, удерживаемой гомогенной языковой компетенцией, равно присущей всем ее членам. Чем больше лингвистику привлекает эта дифференцированность, тем больше она выходит за рамки структурного изучения явлений так называемой внутренней лингвистики, анализируя феномены, исследуемые лингвистикой внешней (в понимании Ф. де Соссюра речь идет о точках соприкосновения между языком и историей этноса, о взаимоотношениях, существующих между языком и политической историей, об отношении языка к различным государственным институтам, церкви, школе, литературе и пр.). Вместо образа "один" (ср. языковое уравнение де Соссюра $1 + 1 + 1 \dots = 1$) возникает расчлененное представление о языке национальной общности, рельефно прочерчивающее отдельные его локальные среды, не оставляющее без внимания и среды периферийные, в которых один язык вступает в контакт с другим языком. В этой связи можно сослаться на новаторскую работу У. Вайнрайха "Языки в контакте" [19] и вступительное слово к этой публикации А. Мартине, где формулируется, как мы бы теперь сказали, постструктурная проблематика. Естественное языковое многообразие, вариативность, дифференцированность, смешение и скрещивание языков, межъязыковое взаимодействие (ср., например, интерлингвальную теорию) — все это может служить предметом изучения языковой экологии.

Экологический подход отмечается и в институциональной деятельности, направленной на "решение языковых проблем", к числу которых относятся языковая стандартизация, или кодификация, языковая политика и языковое планирование. Подобная деятельность ставит перед собой цель так или иначе повлиять на естественное языковое многообразие, вариативность и дифференцированность. Распространенное ныне понятие "языковой менеджмент" (к которому лишь отдаленно соответствует традиционное для чешской лингвистики понятие "языковая культура", предполагающее культтивирование языка) подчеркивает, что в жизни языков важны не только факторы культурные, но и политические и экономические (при приоритете политики и экономики).

Внимание к экологической проблематике языка и языков отнюдь не является делом лишь специалистов-лингвистов. Голоса, которые мы могли бы охарактеризовать как экологические, раздаются и из рядов пользо-

вателей языка. Лингвистика прислушивается к этим голосам при изучении отношения личности к собственному языку и языкам иностранным, при анализе языкового сознания индивидуума. В нашей статье мы дадим возможность прозвучать и этим голосам, отражающим непрофессиональный экологический подход к языку, в нашем случае — к чешскому.

ЯЗЫКИ БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ

Современное человеческое общество существует в виде воображаемых образований, члены которых никогда не узнают большинства своих сограждан, никогда с ними не встречаются и никогда о них даже не слышат. И все же, несмотря на это, в глубине души каждого живет образ общности, к которой он принадлежит. Общность народа характеризуется наличием определенных, пусть и проницаемых, границ. Представление об общности народа включает и идею его суверенитета. И наконец, говоря о "народе", "нации", мы предполагаем сопричастность, глубокое родство, обусловленное наследием истории, культуры, письменности, языка.

Самосознание больших и малых народов отличается друг от друга. Хотелось бы сказать: есть большие и малые народы, но нет больших и малых языков. Однако подобное утверждение не соответствует действительности. К языковой реальности относится позиция пользователей языка, сознание людей, говорящих на этом языке. Важной составной частью сознания является отношение к своему и чужому, т.е. к своему и иностранному языку, культуре, народу. В ситуации языка малого народа этот компонент языкового сознания проявляется обостренно. Пользователь языка малого народа постоянно служит объектом конфронтации с чужим языком, экспансии чужого языка на его территории. В период, когда эта экспансия ощущается наиболее остро, малый народ сильнее реагирует на возникающую ситуацию. Он ищет равновесия или же им овладевает малодушие, он оглядывается в поисках потенциального могущественного союзника либо поднимается на защиту своего родного языка. В то время как язык большого народа стремится расширить сферу своего влияния, язык малого народа ставит перед собой целью главным образом самосохранение.

ВЫЖИВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА — СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕШСКАЯ СИТУАЦИЯ

В саморефлексии чешского языка сыграл важную роль тот фактор, что в прошлом он принадлежал к отнюдь не малым языкам Европы. Древнечешский язык и чешский язык эпохи гуманизма был языком высокого уровня культурности, он всесторонне использовался в культурной общественной жизни. С XIV и по XVI в. его употребление и влияние вышло за границы чешской национальной общности, чешский язык осуществил "экспансию" во внешний мир (здесь мы используем термин Б. Гавранека из его статьи в сборнике "Что дали наши страны Европе и человечеству" [12]. Намерение продолжить "славное прошлое нации" явилось стимулом для возрождения чешского языка после гибели чешской

государственности в период габсбургской монархии, после того как чешский язык перестал выполнять функции языка государственного и полноценного языка национального.

То обстоятельство, что национальное возрождение поставило во главу угла язык помимо сказанного имело и другую мотивировку, восходившую к учению немецкого философа эпохи просвещения И.Г. Гердера, отстававшего не только неотъемлемые права каждого народа, но и настойчиво провозглашавшего, что весь мир должен иметь и культивировать столько языков, сколько возможно. Гердер говорил о необходимости сохранения не только отдельных языков как таковых, но и их большого разнообразия. Он был убежден в том, что языки не только не должны развиваться один за счет другого, но что они должны существовать, не угрожая друг другу. Гердер был убежден в большей безопасности, гуманности и открытости мира, если в нем будут процветать отдельные языки, являющиеся сокровищницей эмоциональной жизни человека, его творческой мысли.

Гердер, несомненно, оказал значительное влияние на Яна Коллара. В работе "Чешский вопрос" Т.Г. Масарик утверждал, "что еще Коллар сформулировал чешский вопрос как проблему малого народа" [16, 9]. Сразу же добавим, что Коллар довольно пессимистично оценивал сложившуюся ситуацию, высказывая сожаление по поводу того, что "образованность малых народов... сама по себе бывает ограниченной и ущербно малой"; "можно сказать, что малые народы думают и чувствуют лишь как бы наполовину"; "у малых народов представление о человечности проявляется в ограниченной, искалеченной форме...". Приведенное, весьма характерное для того времени, самоощущение чехов (хотя и сформулированное уроженцем Словакии) интерпретировал как бы извне современник Коллара Б. Больцано — известный математик, мыслитель и этик, благородный священник итalo-немецкого происхождения, подвергавшийся преследованиям церкви. В одной из своих знаменитых в ту пору проповедей [2; 3], произнесенной в 1810 г., он утверждает, что "чех занимается самоуничижением, он стыдится за свою родину", и далее советует "одаренному чешскому народу", который слишком скромно себя оценивает, изучать свою славную политическую и культурную историю, чтобы "перестать стыдиться за свою родину и подражать всему чужестранному, молитвенно ему поклоняясь". Мы бы погрешили против правды, если бы взялись утверждать, что решение возродить чешский язык в качестве литературного, а затем на этой основе конституировать чешскую национальную культуру и общество всеми было воспринято как дело совершенно бесспорное. Многие из тогдашних представителей чешской интеллигентской элиты высказывали по этому поводу свои сомнения. Добавим к этому, что подобные сомнения высказываются порой и сейчас, когда речь идет о конституировании или же о попытках сохранить и развить национальные литературные языки в различных регионах мира. О наличии подобных сомнений в отношении чешского языкового возрождения упоминал в свое время и М. Кундера в своем выступлении "О несамоочевидности существования чешского народа" на съезде чехословакских писателей в 1967 г. [15]. В начале эпохи Возрождения взвешивались все

выгоды, которые могла бы принести германизация, поскольку, как полагали, германизация могла бы облегчить чехам экономическую и культурную жизнь. При этом принималась во внимание и та польза, которую бы чехи получили от непосредственного участия в богатой своими традициями немецкоязычной культуре и науке. Так или иначе, победила, как мы знаем, идея национального возрождения, имевшая к тому же национальный, антинемецкий подтекст (что было особенно характерно для дружины Юнгмана). К сказанному следует, впрочем, добавить, что и некоторые современные публицисты (см. работы, опубликованные под шифром XYZ, или же Подивен [18]) видят в национальном возрождении весьма сомнительное приобретение.

Следует иметь в виду, что проблему несамоочевидности нации в конце прошлого столетия поднял Х.Г. Шауэр. В анонимной статье "Две наши проблемы", опубликованной в 1866 г., он вопрошал с мрачным отчаянием, "не лучше ли было бы для нас, чехов, присоединиться к немцам и жить жизнью большой культурной нации" (здесь использована формулировка Т.Г. Масарика из его "Бесед" [4, 109]. В своей наглядной истории А. Новак следующим образом охарактеризовал тогдашнюю реакцию на статью Шауера: "Всеобщее презрение и упрек в национальном нигилизме были ответом на этот вопль больной души" [17, 1007]. Т.Г. Масарик, в критический момент рыцарски заступившийся за статью Шауера, со временем дал ей лаконичную оценку: "Это было дело абсолютно невозможное" [4, 109].

Впрочем, тогда было возможно и другое решение. Именно его и предложил деятель эпохи Просвещения Больцано, видевший возможный выход в чешско-немецком примирении, в урегулировании взаимоотношений и сотрудничества, в том числе и в языковых вопросах. В последнем случае он предполагал, что чехи и немцы будут непременно владеть обоими языками. Единственно разумный путь он видел в "дружественном соединении" обеих этнических групп. Впрочем, к этому он мудро и реалистично добавляет, что "это то, что мы можем скорее желать, чем ожидать".

Чешская национальная общность как единое неразрывно связывала свою судьбу с родным языком, поэтому во всех случаях, когда над ним нависала угроза, на первый план сразу же выдвигалась "национально-репрезентативная функция" языка, равно как обострялось и эмоциональное отношение к нему. Справедливости ради отметим, что подобное эмоциональное отношение, наряду с мотивированкой этической, значимостью традиции, всегда доминировало в чешском обществе.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ — ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО

В 30-е годы нашего столетия заявила о себе группа лингвистов, придававших первостепенное значение национальному подходу к языку (особенно литературному), его инструментальной функции. В самом этом факте, очевидно, можно усматривать преодоление ощущения национальной "малости", переход от общественного контекста чисто национального к гражданскому. Впрочем, этот гражданский, или "общечеловеческий",

подход мы встречаем уже, например, у Ф. Палацкого в его "абсолютной человечности", в его признании, что "при всей любви к народу своему я еще больше чту благо общечеловеческое и научное, предпочтая его благу нациальному" [16, 20]. В этом, возможно, были отзвуки либо эпохи Просвещения, либо протестанства, либо, наконец, большинства.

В системе ценностей межвоенной пражской функциональной школы с ее рационалистической, инструменталистской ориентацией преобладали такие, как эмоциональная нейтральность, специфичность (т.е. функциональная дифференцированность), универсализм (в противоположность национально ограниченному, устремленному в прошлое пуританству), мощность (т.е. степень функциональности), перспективная направленность (в противовес ближнему зрению). В этой концепции можно усматривать не только влияние эволюции научного мышления и познания, но и результат развития чешского общества, постепенно освобождавшегося от комплексов недоверчивости и малодушия, свойственных малым народам. Этому способствовала убежденность в том, что значимость чешского народа среди других народов отнюдь не определяется лишь его численностью. Не следует, очевидно, недооценивать и влияния Т.Г. Масарика, писавшего в работе "Чешский вопрос": "Я не считаю язык чем-то священным. Это средство, используемое как во благо, так и во вред". Впрочем, он сразу же добавляет: "Родной язык, конечно, является для нас самым близким, а поэтому и самым эффективным средством" [16, 60]. Масарик был чужд националистического обожествления национального языка, однако он полностью осознавал — и это можно подтвердить множеством цитат — значимость родного языка в эмоциональной и нравственной жизни человека. Ощущал он и его историческую глубину. Ведь чех сегодняшнего дня без особого труда понимает чешский язык эпохи гуманизма, да и древнечешские тексты ему не кажутся слишком далекими и непонятными: мы понимаем Гуса, это наш язык. Какая поразительная духовная преемственность! Следует, однако, признать, что этот неинструменталистский, нерационалистический подход к языковым функциям и к языку в целом в общем-то оставался вне сферы интересов пражских функционалистов (несмотря на их явный интерес к функции эстетической). Впрочем, в этом их упрекали и оппоненты.

ЧТО ЗНАЧИТ ЯЗЫК ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ?

Может показаться парадоксальным, но систематическую типологию функций языка в обществе, задуманную в свое время в качестве дополнения к типологии функций языка в речевой ситуации, П. Гарвин разработал именно на теоретической основе Пражской лингвистической школы (см. его статью "A functionalistic view of sociolinguistics" [10]). Будучи хорошо осведомленным об атмосфере в чешской языковой среде, он дополнил и развил свои познания благодаря привлечению имеющихся у него сведений о языках других типов, с учетом различных языковых и культурно-исторических ситуаций. В своей пятиступенчатой типологии функций языка в обществе он выделяет функции унифицирующую и

дифференцирующую (the unifying function and the separatist function), престижную (the prestige function), партиципальную (the participatory function) и, наконец, функцию "обрамляющую" (the frame-of-reference function). Этим пяти языковым функциям соответствуют специфические позиции носителей языка, реализующих данные функции (см. [10]).

Благодаря языку возникают узы, объединяющие и сплачивающие ту или иную общность, т.е. фиксируется идентичность, отличающая данную общность от других. Сказанное отражается в позиции, называемой Гарвином языковой лояльностью. Речь идет о континууме, на одном конце которого находится прагматическое осознание полезности и целесообразности использования одного языка в качестве средства, облегчающего коммуникацию в рамках национальной общности (the pragmatic type of language loyalty), на другом конце — сильное эмоциональное отношение к своему собственному языку как к национальному сокровищу, достоянию (the "national treasure attitude").

Престижная функция языка и соответствующее ей осознание значимости языка, гордости за него (the attitude of pride), по мнению Гарвина, имеют два аспекта: социальный и индивидуальный. Наличие социального аспекта особенно характерно для небольших национальных и языковых общностей, достигших стандартизации языка с запозданием и ощущающих поэтому потребность доказать себе и другим, что их язык ничуть не менее развит, чем остальные языки. Для этих национальных и языковых общностей важно культивировать собственный языковой образ (the self image of speech community), причем не только в своих глазах, но и в глазах всех остальных людей (its image in the eyes of others). Индивидуальный аспект престижной языковой функции и соответствующее ей отношение к языку заключаются в том, что член языкового коллектива не только сам сознательно стремится к культивированному варианту национального языка, но и умеет оценить его использование другими.

Под партиципиальной функцией Гарвин подразумевает способность языка обеспечить участие в мировом культурном, научном, производственном, торговом, политическом процессах, т.е. в интеллектуальной деятельности в широком смысле слова. Несмотря на то что стремление подключиться к этому процессу с помощью своего собственного языка реализуется по-разному у большого, мирового языка и у языков малых, общим проявлением этой потребности нести людям духовные ценности служит, например, перевод: перевод с одного мирового языка на другой; перевод произведений, написанных на мировых языках, на языки "немировые" и, наконец, перевод с этих малых языков. От конкретной исторической ситуации зависит, как малые языковые и национальные общности будут реализовывать свое стремление принять участие в мировом интеллектуальном процессе, насколько они будут развивать свой язык в нужном направлении или же, напротив, в тех или иных коммуникативных сферах будут полностью уповать на чужой язык (ныне таким надежным языком в ряде коммуникативных сфер, включая сферу научной коммуникации, со всей определенностью становится английский язык).

Наконец, пятой социальной функцией, по Гарвину, является функция "обрамляющая", причем под рамкой здесь подразумевается

общепринятая норма, принимаемая, осознаваемая всеми носителями языка, имеющими к ней определенное отношение (например, норма литературного языка).

Следует сказать, что П. Гарвин разработал свою типологию с учетом функций литературного языка. В дискуссии, развернувшейся после публикации первого варианта этой типологии в 1973 г., Э. Хауген задал вопрос, действительно ли эти функции и соответствующие им позиции носителей языка распространяются только на литературные языки, либо они имеют более широкую значимость. В более позднем варианте типологии, из которого мы здесь исходим, Гарвин допускает возможность распространения своей концепции о языковых функциях и корреспондирующих с ними позициях носителей языка на самые различные формы его существования.

По мнению Гарвина, отдельные языковые и национальные общности отличаются друг от друга степенью равновесия между пониманием роли языка как средства коммуникации и как символа идентичности (*the identity role of language*). Обе осознаваемые языковые роли могут быть уравновешены потому, что они выражены либо одинаково сильно (европейские языки типа французского, немецкого, русского и др.), либо одинаково слабо (в качестве примера может быть приведен бретонский язык). Впрочем, одна из функций может оказаться преобладающей: роль языка как символа идентичности имеет приоритетное значение по сравнению с его коммуникативной ролью (например, в случае ирландского) либо коммуникативная роль доминирует над пониманием языка как символа идентичности. По мысли Гарвина, прагматический подход к языку преобладает у носителей английского языка. Языковая реакция европейцев по сравнению с реакцией североамериканцев и канадцев гораздо менее эмоциональна: "My language — like I take it for granted"; "I never thought of this topic before"; "I don't feel anything deep about it"; "I've never thought about the language itself... it was just there at all times"; "It's not something that I think about every night before I go to sleep and think about first thing in the morning". Гарвин противопоставляет это отношение к языку языковому сознанию чехов.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА (опыт социолингвистического исследования)

Ниже мы рассмотрим один из случаев отношения к языку непрофессионалов, позволяющий убедиться в том, насколько расчлененным и дифференцированным является языковое сознание чешских детей, подрастающих в атмосфере языка малого народа. Речь идет об учащихся примерно пятнадцатилетнего возраста, которым было задано сочинение на тему "Чешский язык". Тема не детализировалась, учащиеся могли писать как от своего имени, так и анонимно, без предварительной подготовки, высказываясь спонтанно и откровенно.

Как показал анализ, в ряде работ отражено отношение детей как к национальной идеи, так и к идеи гражданственности. Здесь имеются высказывания типа: "Для меня как для чеха чешский язык значит очень много, это родной язык" или же с ироническим преувеличением: "Я привязан к чешскому языку, как младенец к материнской груди". Вместе с

тем здесь встречается и иное отношение, например: "Для меня чешский язык как родной не означает почти ничего. Собственно говоря, это дар природы; я мог бы, например, родиться в Германии, и тогда моим родным языком стал бы немецкий. В современной Европе это практически все равно. Вся Европа стремится к объединению. Для меня неважно, какой я национальности, важно лишь, чтобы я принадлежал к людям, ко всему миру. Преувеличенный патриотизм зачастую перерастает в национализм, в то время как гипертрофированная человечность всегда обращена к людям. Я полностью согласен с образованием единого европейского государства, с использованием единого языка. Все это могло бы улучшить не только отношения между народами, но и отношения между самими людьми (ну как здесь не вспомнить притчу о том, что различие народов является Божьим наказанием за строительство вавилонской башни, в результате чего произошло смешение языков)". Интересно и следующее высказывание: "Я думаю, что, если бы не было такого количества языков, мировые проблемы могли бы решаться проще и без особых споров. Но ведь это уж так дано свыше, чтобы люди говорили на разных языках. Ведь чешский язык также делится на диалекты".

В ряде сочинений затрагивается вопрос о взаимоотношениях между чешским и словацким языками, между обоими народами, о характерном для чехов и словаков различии в отношении к языку: "Немногие чехи любят свой язык так сильно, как словаки". Поразительно много работ отражает болезненную реакцию на типичную для нашего времени открытость чешского языкового пространства для проникновения иностранных языков, прежде всего английского и немецкого. Дети комментируют рекламную деятельность, использование текстов на иностранных языках на рекламных щитах и в витринах, вывески на магазинах, ценники, фиксирующие стоимость товара в марках, отмечают они и то, что кассы благодарят покупателей по-немецки и по-английски. Дети передают свое отношение словами: "Я думаю, что это неправильно, чехи должны были бы больше проявлять свою национальную гордость. Чехословакия — не колония, нельзя позволять, чтобы нам кто-то диктовал. Может быть, это всего лишь признак нашего вхождения в Европу, но все же человек должен сохранять хотя бы каплю гордости за свою страну", а также: "Поэтому я и спрашиваю: не наступило ли уже снова время для национального возрождения?" Такова реакция детей на современные контакты чешского языка с другими языками.

В своей оценке чешского языка дети не упускают из вида и другие языки. Исходя из того, что чешский язык принадлежит к числу славянских языков, они пытаются его охарактеризовать именно в этом контексте. В большинстве случаев они отмечают, что чешский язык занимает особое положение в ряду других славянских языков. Им кажется, что чешский язык звучит наиболее твердо, в то время как словацкий, русский и польский, как высказалась одна девушка, кажутся ей шепелявыми и "измазянными". Твердость чешского языка объясняется влиянием немецкого и других европейских языков.

В некоторых работах избирательно учитывается история развития чешского языка, в одно время находившегося на вершине славы, в другое

— в бедственном положении, искореняемый Габсбургами и другими властителями. Чешскому языку не однажды угрожала полная гибель, и все же всегда находились гордые чехи, помогавшие ему подняться еще выше. Авторы нескольких сочинений обращаются к художественной литературе, но, говоря по правде, эта сторона национальной культуры у детей отражена довольно слабо. Так, встречается упоминание о Коменском и затем о Ярославе Сайферте как о лауреате Нобелевской премии. Зато большое место в оценках чешского языка занимает его сравнение с музыкой, что, учитывая возрастную и генерационную принадлежность детей, представляется весьма примечательным. Их привлекает звучность и певучесть чешского языка, его музыкальность. Они соизмеряют пригодность чешского языка для современных музыкальных жанров с особенностями английского языка. Это, несомненно, говорит о существенной социокультурной подвижке в восприятии родного языка.

С чисто лингвистической точки зрения заслуживает внимания то, что почти во всех работах отмечается сложность чешского языка, проявляющаяся в его флексивности (сам этот термин дети, конечно, не используют). По их мнению, чешский язык гибок, а если учесть имеющиеся в его грамматике исключения, отклонения, колебания, то и очень красив. От чешских слов можно образовывать самые различные допустимые и недопустимые формы. Это живой язык, значительно более богатый, чем немецкий. Если в английском языке не различается мужской и женский род, то в чешском языке сразу же становится ясным, идет ли речь о мужчине или же женщине. Дети рады, что владеют чешским языком, что им не приходится ему учиться, иначе они бы его никогда не одолели. Они умеют смотреть на свой родной язык как бы со стороны, глазами иностранца. Встречается и точка зрения, заключающаяся в том, что чешский язык является идеальной основой для изучения иностранных языков: тот, кто поймет чешский язык, сможет понять и другие языки. Чешский язык является сложным языком, потому что на нем говорит мало людей; английский же упростился потому, что на нем говорит множество людей. Чешский язык не следует упрощать, он должен сохраниться таким, каков он есть. Чешский язык — особый язык, высокого уровня, поэтому так важно его сохранить.

Интересно, что довольно много детей убеждено в том, что они владеют одним из самых трудных языков в мире. В большинстве своем они относят чешский язык к числу трех самых трудных языков наряду с китайским и японским. Из большинства работ видно, что дети склонны воспринимать чешский язык эстетически, способны поэтизировать его, находить в нем свойства, представляющиеся им особенно привлекательными. "Возможно, что я нахожусь под влиянием своей принадлежности к чешскому народу, но меня восхищает звучание чешского языка. Я считаю, что это красивый и полноценный язык. По-моему, чешский язык не такой мертвый, как другие языки. Стихи, написанные по-чешски, мелодичны, они хорошо рифмуются и прекрасно звучат"; "А мне-то вообще больше всего нравятся ругательства и грубые слова". Примечательно, что одна весьма интересная работа полностью посвящена сленгу.

И, напротив, чисто прагматический подход к чешскому языку встре-

чается лишь в одном случае: "Чешский язык меня особенно не интересует, однако я должен признать, что для моей дальнейшей жизни он мне очень необходим. Представьте себе, например, что вы написали заявление о приеме на работу и сделали в нем кучу ошибок. Что бы тогда о вас подумали! Согласитесь, что чешский язык очень нужен как при написании писем, заявлений, так и в общении".

Дети, конечно, высказываются и по поводу трудностей правописания, и тем не менее они не считают, что правописание следует изменить: "Мне чешский язык нравится, больше всего меня к нему тянет потому, что он не такой простой. Поэтому я бы хотел, чтобы он понапрасну не упрощался, а оставался бы таким, как сейчас".

В своем большинстве дети осознают взаимосвязь между понятиями "язык" и "народ", причем некоторые из них даже формулируют свое отношение к чешскому народу. Они отмечают его спокойствие, рассудительность, леность, расчетливость, замечают, что люди держатся вместе лишь тогда, когда их "жареный петух клюнет". Они говорят о трудолюбии чешского народа, позволяющем ему надеяться на то, что его достоинства будут высоко оценены. Обычно такие суждения высказываются в условном наклонении, в виде пожеланий: "он не должен был бы позволять, чтобы им помыкали"; "он должен был бы больше демонстрировать свои достоинства перед всем миром"; "он мог бы преуспеть в музыкальном мире, ведь у него репутация народа-музыканта", и, наконец, «он создан для хохм, однако чешский юмор с трудом пробивает себе дорогу в мире, как об этом говорит случай с фильмом "Начальная школа"».

Если мы сравним эту характеристику чешского языка, это коллективное языковое сознание, отраженное в детских работах, с современным подходом лингвистов-специалистов к чешскому языку, языку малого народа и к языку вообще, то мы сможем убедиться в том, что дети по-своему, непрофессионально решают ряд лингвистических проблем: они воспринимают свой язык эстетически и функционально; их интересует степень владения языком; они рассматривают один язык в отношении с другими языками через призму как исторических, так и современных взаимосвязей. Дети осознают взаимоотношение языка и народа, который на нем говорит. Размышляют они и о его участии в европейской и мировой культуре. Что же может к этому добавить современная лингвистика?

Причина того, почему простые носители языка проявляют такую чуткость по отношению к своему собственному языку, заключается в том, что значимость языка не исчерпывается его инструментальной функцией. Язык — это не просто инструмент, который мы берем в руки, средство, которое мы используем, если хотим что-нибудь сообщить. Язык одновременно является пространством, в котором перемещается человек, средой, в которой он живет и устанавливает социальные контакты. Современная лингвистическая наука и философия, создавая перспективу "язык — социальная среда" наряду с перспективой "человек — языковая среда", в обоих случаях имеет дело с перспективой экологической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД — ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ

Итак, для своих пользователей язык малого или большого народа выполняет не только инструментальную, но и другие функции. Напомним в этой связи тезис Дж. Фишмана [9] о передаваемых посредством национальных языков культурных ценностях, столь необходимых среди мрака технологии и механизированного, бесчувственного человечества. Предлагаемое им понимание существа мультилингвальной политики и взаимного культурного обогащения нам, европейцам, очень близко, оно созвучно гердеровским идеям европейской философии. Поэтому неудивительно, что именно в Европе все чаще начинают раздаваться настойчивые голоса, призывающие задуматься над экономическими и экологическими аспектами языковой коммуникации в интегрирующейся Европе. В статье "Экономия и экология" Г. Вайнрих [20] сопоставляет тенденцию перевода мировой коммуникации на один язык, что, конечно, было бы очень экономично, и экологическую потребность в сохранении разнообразия отдельных национальных языков. Он предостерегает от превращения европейского континента в моноязыковое и тем самым в монокультурное пространство. Чем бы тогда этот континент был интересен! Для сохранения языкового и культурного плюрализма в Европе так необходимо уделять внимание языку и культуре другого народа, найти время для их изучения. Не будем же слишком дорожить временем!

Будем надеяться, что внимание постструктуралистской лингвистики ко всему своеобразному, к тому, что имеет свою локальную специфику, что нельзя куда-то задвинуть, явится одной из разновидностей экологического подхода к миру, стремлением сохранить все его разнообразие. Может быть, все же стоит вместе с Нильсом Эриком Энквиистом, президентом Европейской академии, по инициативе которой в 1991 г. была проведена конференция на тему "Лингвистическое единство и лингвистическое различие в Европе", провозгласить: "Если мы отвергаем какие-то идеи как нереалистические, нужно по крайней мере эти нереалистические идеи иметь" [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Academia Europaea: Linguistic unity and linguistic diversity in Europe. L., 1991.
2. Bolzano B. Über die Vaterlandsliebe. Pr., 1850.
3. Bolzano B. Řeči vzdělávací k akademické mládeži. Pr., 1882. Sv. 1.
4. Čapek K. Hovory s T.G. Masarykem. Pr., 1990.
5. Čmejrková S. Jazykové vědomí a jazyková kultura // Slovo a slovesnost. 1992. [Roč.] 53.
6. Čmejrková S., Daneš F. Jazyk malého národa // Slovo a slovesnost. 1993. [Roč.] 54. Seš. 1.
7. Daneš F. Dialektické tendenze ve vývoji spisovných jazyků // Čs. přednášky pro VI. mezinárodní slavistický sjezd v Praze. Pr., 1968.
8. Ferguson C., Heath S. Introduction to language in the USA. Cambridge (Ohio), 1987. XXV—XXXVIII.
9. Fishman J. Language policy: past, present and future // Language in the USA. Cambridge (Ohio), 1987.
10. Garvin P., Mathiot M. The urbanization of the Guarani language — a problem in language and culture // Selected papers of the Fifth international congress of anthropological and ethnological sciences. Philadelphia, 1956.

11. Haugen E. Ecology of language. Cambridge University Press, 1972.
12. Havránek B. Expanze spisovné češtiny of 14. do 16. století // Co daly naše zeně Evropě a lidstvu: Od slovanských věrozvěstů k národnímu obrození. Pr., 1940.
13. Henzel V. Slavic languages in the new environment // Language in the USA. Cambridge (Ohio), 1987.
14. Kořenský J. Komunikace a čeština. Pr., 1992.
15. Kundera M. O nesamozřejmosti národa // Sborník referátů na IV. sjezdu Svazu čs. spisovatelů. Pr., 1967.
16. Masaryk T.G. Česká otázka. Pr., 1895.
17. Novák A. Přehledné dějiny literatury české. Olomouc, 1936—1939.
18. Podiven. Češi v dějinách nové doby: (Pokus o zrcadlo). Pr., 1967.
19. Weinrich U. Languages in contact: Findings and problems. Columbia University, 1953.
20. Weinrich A. Ökonomie und Ökologie in der Sprache // Linguistic unity and linguistic diversity in Europe. L., 1991.
21. Wurm S.A. Language death and disappearance // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

Перевод Г.П. Нецименко

B.A. ДЫБО

(РОССИЯ)

ЯЗЫК — ЭТНОС —

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

(Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы)

Примечательно следующее утверждение в "Археологическом словаре" У. Брея и Д. Трампа [1] в статье *индоевропейцы*:

"Как это впервые было показано сэром Уильямом Джонсом в 1786 г., термин *индоевропейцы* можно с уверенностью применять лишь к лингвистическому материалу, т.к. он плохо коррелирует с антропологическими и археологическими данными" [1, 92].

Это, пожалуй, наиболее приемлемое для лингвиста высказывание археолога по индоевропейской проблеме. Обычно же высказывания археологов по этому поводу выглядят для компаративиста-индоевропеиста почти анекдотически. Так, в целом в очень полезной (во всяком случае, для неспециалиста) книге А.Л. Монгайта "Археология Западной Европы" об индоевропейской проблеме сказано следующее: "Языковеды пришли к выводу, что индоевропейского праязыка не существовало, а была группа близких, связанных между собой диалектов, давших начало первичным индоевропейским языкам: греческому, латинскому, санскриту, кельтским" [5, 49]. (Сноска: "См.: В. Пизани. Общее и индоевропейское языковедение. — Сб. Общее и индоевропейское языкознание. М., 1965; Он же. К индоевропейской проблеме. — Вопросы языкознания. 1966. № 4. Виднейшими языковедами — сторонниками взгляда о возникновении индоевропейских языков в результате интеграции группы диалектов, кроме В. Пизани, являются Н.С. Трубецкой, К.К. Уленбек, Э. Феррер"). [там же, 95—96].

"Археологи попытались согласовать свои выводы с языковедческими, обрисовать территорию и определить время возникновения индоевропейского единства" [там же, 49]. И дальше: «Взгляды различных ученых очень расходятся, и никакой общей платформы пока у археологов (как, впрочем, и у лингвистов) не существует. Первая проблема, которую следует решить, это время возникновения предполагаемого языкового единства. Языковые данные и некоторые другие указания как будто свидетельствуют, что индоевропейская языковая семья возникла не позже конца неолита. (Заметьте: это не означает в данном контексте "возникла в результате распадения индоевропейского праязыка".) Твердо можно лишь утверждать, что хетты, появившиеся в Анатолии около 2000 г. до н.э., были уже индоевропейцами» [там же, 49—50].

Такое описание лингвистической (!) стороны проблемы свидетельствует о том, что археологи некритически восприняли абсурдные теории о складывании языковой общности в результате сближения первоначально неродственных языков, связав эти теории с обсуждающейся в индоевропеистике проблемой индоевропейских диалектов, не имеющей к этим теориям никакого отношения.

Такая позиция характерна не только для А.Л. Монгайта. Фактически ее занимает и Н.Я. Мерперт, о чем свидетельствовало его выступление на обсуждении книги Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе [2]. В статье, непосредственно связанной с этим выступлением [4], он более осторожен, но фактически остается на той же позиции, связывая возникновение индоевропейского единства с языковым союзом первоначально неродственных языков. Это ясно из следующих высказываний: "Я не считаю возможным ни утверждать определенную локализацию узкой индоевропейской прародины, ни оспаривать прочие варианты локализации, предложенные другими авторами, поскольку не могу согласиться с правомерностью самих поисков узкой прародины..." [там же, 7]. Далее идет большой и довольно сумбурный пассаж о сложности этногенетических процессов, в которых "и язык, при всей своей важности и специфике, выступает... как один из факторов, взаимодействуя с прочими" [там же, 8]. Еще более проясняется позиция автора в следующем пассаже: «Особый интерес представляет соотношение такой направленности археологического исследования с лингвистической проблемой "языковых союзов", получившей уже достаточно значительное развитие (Трубецкой, 1958; Церетели, 1968; Толстов, 1946; Бубрих, 1948; 1949; Формозов, 1977, с. 134)» [там же, 9]. Дальше идет большая цитата из работы Д.А. Ольдерогге, из которой для автора, очевидно, самым важным является следующее место: "Решение проблем родства языков — дело исключительно языковедов, в то время как проблемы ареальной лингвистики не могут рассматриваться без совместного труда лингвистов, историков, этнографов и представителей других дисциплин, вплоть до ботаников и зоологов" [там же, 9]. Полагая, что получил от Д.А. Ольдерогге карт-бланш на исследование индоевропейской проблемы, автор заявляет: "...мы возвращаемся к проблемам больших контактных зон и этнокультурной ситуации внутри них в определенные периоды. Одна из таких зон, сформировавшаяся в раннем бронзовом веке и получившая

именование циркумпонтийской, достойна, как я полагаю, особого внимания исследователей далекой еще от разрешения индоевропейской проблемы" [там же].

Но ведь индоевропейская проблема — это проблема родства языков, а не языкового союза. Понятие языкового союза раскрывается Н.С. Трубецким следующим образом: "Группы, состоящие из языков, которые обнаруживают большое сходство в синтаксических отношениях, подобие в принципах морфологического построения и обладают большим количеством общих культурных слов, иногда также внешним сходством в состоянии фонетических систем, но при этом не выказывают систематических звуковых соответствий, никакого соответствия в фонетическом облике морфологических элементов и не обладают общими элементарными словами, — такие языковые группы мы называем языковыми союзами" [7]. Родственные же языки могут не иметь ни особого сходства в синтаксических отношениях, ни подобия в принципах морфологического построения, ни специфического внешнего сходства фонетических систем. При установлении родства культурная лексика нерелевантна. Но для установления родства совершенно необходимо обнаружение систематических звуковых соответствий между морфемами сравниемых языков, наличие некоторого корпуса общих "elementарных" слов, основ или морфем, выраждающих эти элементарные понятия, а также, как правило, наличие "соответствия в фонетическом облике морфологических элементов". Понятие языкового родства исходит из того, что между словом и значением нет необходимой связи (А. Мейе). Например, в слове *вода* нет ничего, что бы указывало нам на то, что этот звуковой комплекс обозначает жидкость с химическим составом H_2O . Даже слова звукоподражательные (ономатопеистические) в разных языках резко отличаются друг от друга. Например, передача звуков, издаваемых животными, очень различна. Русская кукушка кричит иначе, чем немецкая: *kuckuck*, а немецкий петух — *kikeriki*. По-русски жук *жужжит*, по-немецки *Käfer summt*, на афганском *жужжать* — *буñedə́l* (*кāñguzák buñéjī*). Это происходит оттого, что нечленораздельные звуки природы передаются средствами членораздельного человеческого языка с определенной системой и традициями изобразительных средств. Собственно, мы заставляем животных говорить, как в сказках, своим, человеческим языком. Но в ономатопеистических словах еще есть какая-то отдаленная связь между звучанием и значением. Однако этого никак нельзя сказать о других разделах словаря. Поэтому если в словарном составе различных языков встречаются сходства в фонетическом облике слов с одинаковым значением, то это не связано с тождеством или сходством значений этих слов. Такое сходство может быть или случайным (в качестве примера обычно приводят английское и персидское *bad* 'плохой'), или же это сходство говорит о родстве этих слов.

Родство может быть двух типов. В одном случае мы имеем дело с заимствованными словами (*революция*, *резолюция*), в других случаях сходство охватывает слова основного словарного фонда, которые явно не могли быть заимствованы (*вода*, *земля*).

Обмен культурными ценностями между народами в разные периоды их истории сопровождался обменом определенного количества лексем, связанных с предметами материальной или духовной культуры. Определенная часть слов передавалась через контактирующие языковые области в связи с двуязычием в этих областях (в широком плане эти области можно представить не только географически, но и культурно-исторически — двуязычие верхушки русского дворянства и т.п.). Так, в русском языке можно найти целые группы слов, заимствованных в определенное время или из немецкого, или из французского, среднегреческого, тюркских языков. "Культурные" слова образуют своего рода бродячие группы, которые передаются из одного языка в другой, из него в третий и т.д.

Такие заимствованные слова, включаясь в ткань языка, преобразуются, приспосабливаясь к его фонетической и морфологической системе, а затем изменяются по историческим законам данного языка: **kuningaz*, заимствуясь, преобразуется, возможно, в **kъnęgъ*, затем по законам 3-й палатализации в **kъnęžъ*, а затем в русском утрачивает назальность и редуцированные гласные: *князь* [*kn'az'*].

Исследование таких заимствованных слов также является предметом сравнительной грамматики. Ранние заимствования дают возможность при достаточном их количестве проследить историю фонетического развития языка, в который они были заимствованы. Особенно большое значение исследование заимствований имеет для такого языка, родственные связи которого с другими языками не установлены (например, для баскского языка или этрусского, который еще не расшифрован, точнее, не раскрыт, но фонетическая история его в ряде пунктов прояснена в результате исследования ряда имен, заимствованных из древнегреческого).

Но наряду с этим, наиболее ярким, примером родства слов существует другой, когда определенное сходство распространяется на слова двух или более языков, причем слова явно незаимствованные. В этом случае сходство охватывает не только лексемы, но и другие части языка — морфологические элементы. Наличие фонетического сходства между каким-либо количеством близких по значению лексем в двух и более языках, не относящихся к легко заимствуемому пласту лексики, а также определенных фонетических сходств между одинаковыми по значению морфемами сравниваемых языков может указывать на генетическое родство данных языков.

Генетически родственными языками называются те два или несколько языков, которые представляют собой результаты различных линий эволюции одного и того же языка, существовавшего раньше и тем самым являющегося для этих языков праязыком (по А. Мейе). С этой точки зрения славянские языки, например, являются родственными потому, и только потому, что они являются результатом различных эволюций одного и того же праславянского языка, германские — прагерманского, индоевропейские — праиндоевропейского. Различные теоретические манифести относительно приобретенного родства [10; 8; 9] (типологического), сомнения в существовании праязыков обычно идут от специалистов, не занимавшихся сравнительной грамматикой или занимавшихся лишь интерпретацией ее данных. Объективно эти теоретические манифести появляются

в результате гиперболизации какой-либо одной стороны в сложном процессе развития языка и языковой жизни вообще, особенно проблем, поставленных лингвогеографией (изоглоссовые связи между языками, в результате чего у В. Пизани *праязык* — пучок изоглосс), или проблем языкового смешения. Причем в этом случае выдвигается тезис, что всякий язык является смешанным и все части языка — и заимствования, и исконные части — рассматриваются как генетически равноправные. Объективно такая точка зрения приводит к отказу от сравнительно-исторического метода.

Примечание. Надо заметить, что до какой-то степени вопрос о двусоставности языка имеет право на существование по отношению к креолизованным языкам. Обычно же двусоставность в ходе исследования снимается и обнаруживается единая основа языка, на которую наслойлся пласт заимствований.

Наличие диалектов на различных этапах изменения языка или языков, процессы дивергенции и конвергенции языков и многочисленные языковые смешения, заимствования и под. не могут скрывать от нас основного типа генетических отношений — генетического родства языков. С точки зрения генетического родства имеются языки неродственные (или языки, родство которых не доказано: бушменский и русский) и языки родственные (или языки, родство которых доказано). Совокупность родственных языков составляет языковую семью. Так, русский, французский, немецкий, хинди, персидский, армянский, ирландский, албанский входят наряду с другими языками в единую индоевропейскую семью, т.е. они являются результатом различных эволюций единого праиндоевропейского языка, на котором говорили примерно в VI—V тысячелетии до н.э.

Очень часто какой-нибудь язык, относящийся к определенной языковой семье, в результате ряда различных эволюций дает начало нескольким разным языкам, которые, таким образом, находятся друг с другом в отношении более близкого генетического родства. Так, например, латинский язык в форме народной латыни послужил основой для группы романских языков, праславянский — для группы славянских языков, а (как обычно считается) из восточнославянского возникли русский, украинский и белорусский. Языки, произошедшие от исторически более близкого праязыка, являются близкородственными (русский и украинский находятся в более близком родстве, чем русский и хинди).

Решающим моментом в доказательстве языкового родства является праязыковая реконструкция. Каждая сравнительно-историческая языковая реконструкция складывается из результатов компаративистской процедуры, в принципе формальной, и конкретной интерпретации этих результатов, получаемой путем внесения экстракомпаративистского знания, по большей части типологического. Типологический характер последнего часто эксплицируется в современных работах, однако не следует упускать из виду, что имплицитно он был таковым с момента возникновения компаративистики. Уже над этой "первичной" реконструкцией надстраивается ряд научных заключений и гипотез более общего характера: причинно-следственных, телеологических и т.п. вплоть до различного рода чисто исторических и культурологических выводов. Связь между "первичной

реконструкцией" и "вторичными" гипотезами, по крайней мере при современном состоянии науки о языке, односторонняя: при изменении "первичной реконструкции" должны изменяться надстроенные над ней гипотезы; напротив, общие положения и гипотезы не имеют запретительного характера по отношению к "первичной реконструкции". Более того, даже типологический (интерпретационный) компонент "первичной реконструкции" (в силу его вероятностного характера) не может иметь запретительного значения по отношению к результатам компаративистской процедуры, если она внутренне безупречна.

Таким образом, именно формальный характер восхождения от языковых фактов к пражазыковой реконструкции придает ей непреложность факта, для которого не нужно никакой "общей платформы" ни у археологов, ни у лингвистов, ни специальных доказательств¹.

По-видимому, впечатление, что неудачи с поиском прародины индоевропейского пражазыка дают археологам основание для ревизии основных результатов сравнительно-исторического языкознания, связано с часто повторяемым утверждением, что компаративистика имеет дело лишь с системой соответствий между зафиксированными родственными языками. Для такого утверждения дало повод неосторожное замечание А. Мейе: "...единственная реальность, с которой она имеет дело, это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез, и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки" [3, 73]. Последняя часть этого высказывания явно не была рассчитана на агностическое истолкование. Об этом свидетельствует совершенно четкое определение: "Сравнительная грамматика есть система связей между исходным языком и развившимися из него языками" [там же, 52]. Иначе говоря, компаративистская процедура имеет дело с системой соответствий между пражазыком и зафиксированными языками, в более редких случаях — с системой соответствий между корпусом лексем, в определенное время заимствованных одним языком из другого, и современным отражением этого корпуса по языкам (ср. сино-японский, сино-корейский, сино-вьетнамский). То есть предметом исследования в компаративистике является система соответствий между пражазыком и его потомками. То, что мы имеем на поверхности, — это некий корпус соответствий, который требует для своего объяснения введения протосистемы как системы посредника. И именно, поскольку данная система есть система соответствий между пражазыком и современными языками, она позволяет строить более или менее вероятные гипотезы о системе самого пражазыка.

Вторая сторона реконструкции — интерпретационная, — как уже говорилось, в значительной степени построена на введении в результаты компаративистской процедуры экстракомпаративистской, в основном типологической, информации. Это типологическое знание имеет по отно-

¹ "А не надо никаких точек зрения! И доказательств никаких не требуется", — заметил по сходному поводу один персонаж известного романа М. Булгакова.

шению к самим результатам компаративистской процедуры чисто вероятностный характер. Если сама компаративистская процедура указывает на те соотношения, которые есть, то типологическая информация — это информация о том, что было. Именно поэтому типологическая информация не может иметь запретительного характера по отношению к результату компаративистской процедуры.

Этому рассуждению противоречат высказывания Н.С. Трубецкого в известной статье "Мысли об индоевропейской проблеме": «Понятие "языкового семейства" отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка. Под "языковым семейством" разумеется группа языков, которые, кроме ряда общих черт языкового строя, представляют между собой также еще ряд общих "материальных совпадений", то есть группа языков, в которых значительная часть грамматических и словарных элементов представляет закономерные звуковые соответствия. Но для объяснения закономерности звуковых соответствий все не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого... Совпадение вrudиментарных элементах словаря и морфологии тоже не является доказательством происхождения из общего праязыка, ибо в принципе все элементы языка подвержены заимствованию, а на низких ступенях развитияrudиментарные элементы словаря особенно часто переходят из одного языка в другой» [6, 45]. И далее как вывод: "Таким образом, нет, собственно, никакого основания, заставляющее предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, то есть предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом" [там же, 46].

В отличие от достаточно строгого и логически почти безупречного определения языкового союза это рассуждение Н.С. Трубецкого крайне не строго и содержит несколько неточностей и подмен понятий. Во-первых, "ряд общих черт языкового строя" никак не входит в определение языковой семьи ("языкового семейства"). Не говоря уже о "ряде общих черт языкового строя", свойственных любому человеческому языку, "ряд специфических общих черт языкового строя" может быть как реликтом общего праязыкового состояния, так и результатом позднейшего вхождения в один языковой союз. Внушительную коллекцию "специфических общих черт языкового строя" обоих типов можно собрать, сравнивая, например, новоболгарский и новогреческий языки. И еще более важно то, что у членов одной языковой семьи могут отсутствовать важнейшие "специфические общие черты языкового строя", такие, например, как единый морфологический тип. Так, языки мунда, входящие в аустроазиатскую языковую семью, относятся к агглютинативному морфологическому типу с сильно развитой суффиксацией, тогда как

вьетнамские языки (той же языковой семьи) типичные корнеизолирующие, группу языка ххаси аустроазиатской языковой семьи можно рассматривать как языки префиксально-агглютинативного типа. Гималайские прономинализованные языки сино-тибетской семьи — это явно агглютинативный тип, а древнекитайский — корнеизолирующий. Не более значимо для определения языкового родства и различие между агглютинативным и флексивным типами. Так, в группе теда-даза центральносаарской языковой семьи при сильной фузии (внутреннее сандхи) первичная агглютинативность настолько очевидна, что без введения ее в синхронное описание фактически невозможно построение научных грамматик этих языков, тогда как в близкородственной группе канури-канембу наблюдается уже не только фузия, но и синкетичность грамматических значений морфов (т.е. кумуляция, совмещение в одном словоизменительном аффиксе нескольких граммем, принадлежащих разным грамматическим категориям), и языки этой группы с полным правом можно отнести к флексивным.

Во-вторых, как ни парадоксально, ошибочным или, во всяком случае, крайне неточным является введение Н.С. Трубецким в определение языковой семьи утверждения, что это такая "группа языков, в которых значительная часть грамматических и словарных элементов представляет за кономерные (разрядка наша. — В.Д.) звуковые соответствия" [6, 45]. В действительности между родственными языками, как правило, не наблюдаются за кономерные звуковые соответствия², имеются лишь регулярные соответствия³, закономерность которых и устанавливается в результате введения системы-посредника, т.е. в результате реконструкции пражского. Может показаться, что различие между закономерностью и регулярностью в данном контексте столь незначительное, что им можно пренебречь. Но ведь именно на этом различии споткнулся Н.С. Трубецкой при попытке построить модель возникновения индоевропейской языковой семьи в результате сближения первоначально неродственных языков и регулярно спотыкаются другие лингвисты, пытающиеся постулировать теории подобного рода.

Естественно, всякая серьезная реконструкция процесса складывания индоевропейской языковой семьи в результате сближения первоначально

² В тех относительно редких случаях, когда между языками в некотором корпусе слов наблюдаются за кономерные звуковые соответствия, как это видно из приводимых Н.С. Трубецким примеров отражения славянских смычных в словах, заимствованных в финский из восточнославянского (для отражения в финском славянских гласных этот пример не подходит, так как здесь закономерность разрушена падением редуцированных в славянских языках и для ее введения приходится пользоваться системой-посредником — реконструкцией праславянского или правосточнославянского), действительно "не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы", но подобные случаи, даже если это не заимствования, а фрагменты исконно родственных систем, не нуждаются в сравнительно-историческом языкознании.

³ Регулярный здесь, по-видимому, следует толковать как 'встречающийся в определенной последовательности, заданной одним из элементов сравнения'; например, 'литовскому *k* в славянском регулярно соответствует *k* или *č'* означает, что каждый раз, когда мы из корпуса, по-видимому, родственных балто-славянских сближений выбираем литовское слово с согласным *k*, мы с большой степенью вероятности в соответствующем славянском слове можем обнаружить на определенном месте *k* или *č*.

неродственных языков заведомо обречена на неудачу именно из-за подчеркнутого нами выше различия. Что же отражает эта особенность сравниваемых языков? Она отражает то важнейшее свойство языка, что он не является абсолютно детерминированной системой, а состоит из ряда уровней (ярусов) и "блоков", которые обладают хотя и относительной, но достаточно большой автономией функционирования и развития (изменения). Именно эта автономия позволяет провести реконструкцию предшествующих состояний языка (праязыков) и требует реконструкции праязыка для объяснения современного состояния. Если бы языковая система состояла из абсолютно детерминированных элементов, то она либо оставалась бы неизменной, либо изменялась бы строго закономерно во всех своих частях (но ни этот закон, ни предшествующее состояние самой системы невозможно было бы установить, как невозможно установить прежнее положение частей любого механизма, опираясь лишь исключительно на их синхронное положение), либо при функционировании в различных регионах с первоначально единой языковой системой разных провоцирующих факторов, способных вызывать различные направления развития (изменения) системы, мы получили бы несколько различных систем, отношения между которыми были бы абсолютно закономерны, но при этом абсолютно отсутствовала бы возможность и необходимость реконструкции предшествующего состояния. Таким образом, вопреки Н.С. Трубецкому, имеется надежное основание, заставляющее предполагать единый индоевропейский праязык, из которого развились все индоевропейские языки, и это основание заключено в корпусе соответствий между этими языками и в той особенности этих соответствий, которой Н.С. Трубецкой пренебрег⁴.

В-третьих, все приводимые Н.С. Трубецким примеры массовых заимствований из одного языка в другой свидетельствуют, в сущности, против его гипотезы. Зачем умозрительно предполагать возможность существования нескольких "полуроманских" языков вроде албанского, если подобная ситуация наблюдается в языках Юго-Восточной Азии, в которых массивные корпусы китайских заимствований никак не заставляют реконструировать общий "сино-корейско-японо-вьетнамо-тайский праязык", а некитайские элементы этих языков оставлять необъяснимыми либо объяснять при помощи сложных и искусственных комбинаций, как предполагает Н.С. Трубецкой для "полуроманских" языков типа албанского? Китайские заимствования в этих языках надежно вычленяются и служат значительным подспорьем для реконструкции среднекитайской фонологической системы и среднекитайского корнеслова, но никак не мешают изучать исконные элементы систем этих языков. Случай с тайскими языками, некоторое время относимыми к сино-тибетским, не может приниматься в качестве доказательства предположения Н.С. Трубецкого: таких языков, у которых неверно предполагаются их родственные связи, в мире много; если оценка их

⁴ Легко заметить, что это длинное объяснение лишь тяжеловесное повторение идей А. Мейе, лаконично и изящно изложенных в двух процитированных выше фразах. Однако, как показывает опыт, лаконичность и изящество изложения мыслей, свойственные великому французскому ученому, не всегда способствуют их усвоению.

генетических отношений произведена "на глазок", а квалифицированные сравнительно-исторические исследования не проводятся, всегда есть опасность, что эта оценка ошибочна. Пример с латинским языком ошибочен и еще в одном отношении. Как бы то ни было, какие бы изменения ни происходили в языках аборигенов римских провинций, пока они не были вытеснены латинским языком, и как бы сам латинский язык ни изменялся под влиянием языков аборигенов, возникшие романские языки являются потомками латинского языка. В них можно обнаружить определенное количество заимствований из языков аборигенов, возможно влияние их фонологических систем; подозревают даже какие-то латентные изменения в фонетической системе латинского, которые проявились через значительное время после исчезновения соответствующего местного языка, но все это не создало особой семьи языков, для которой можно восстановить праязык, чем-то существенно отличающийся от латинского. Произошло обычное распространение одного языка, первоначально занимавшего весьма ограниченное пространство, и утрата большого числа языков на обширной территории — процесс, многократно повторявшийся в истории.

Наконец, утверждение, что "на низких ступенях развитияrudimentарные элементы словаря особенно часто переходят из одного языка в другой", вообще не основано ни на каких реальных фактах. Это скорее интуитивная догадка, чем хоть в какой-нибудь степени аргументированное положение. Во всяком случае, опыт исследований по глоттохронологии никак не свидетельствует в пользу этого утверждения. Ситуация в слабоизученных языках папуасов, аборигенов Австралии и под., которые, впрочем, не являются примитивными и на которые часто любят ссылаться по всякому поводу, в силу своей неизученности вообще не может быть аргументом. Следует добавить, что закономерность соответствий между корпусами заимствованных слов сохраняется постольку, поскольку заимствование произошло в достаточно короткий промежуток времени. "Выветривание" основного словарного фонда ("рудиментарные элементы словаря") происходит крайне медленно, поэтому и заимствования в него должны иметь все черты разновременных заимствований, т.е. они не могут образовывать единый корпус лексем, объединенных регулярными соответствиями. Единовременное же заимствование основного словарного фонда означает фактически переход на другой язык, как это случилось с латинским языком.

Таким образом, предложенная Н.С. Трубецким гипотеза, согласно которой индоевропейская семья языков сложилась из первоначально неродственных языков в результате процессов конвергенции как некая ступень, следующая за состоянием языкового союза, не выдерживает элементарной критики и сохраняет свое положение в науке исключительно благодаря научному авторитету ее автора. В сущности, такие же обстоятельства объясняют и сохранение видимости конкурентоспособности других подобных концепций⁵.

⁵ Мы не касаемся здесь идеологических и других экстракомпаративистских причин, обусловивших появление концепции Н.С. Трубецкого и сходных с нею концепций и способствующих сохранению их в науке в настоящее время.

Итак, индоевропейская проблема — это проблема языкового родства, а не проблема языкового союза. И подмена этой проблемы проблемой языкового союза никак не способствует решению вопроса об индоевропейской "праордина".

Нужно заметить, что, ни в коем случае не принимая этой подмены, следует серьезно рассмотреть выдвинутую Н.Я. Мерпертом проблему этноязыковой ситуации в циркумпонтийской области. В известной степени его описание совпадает с неоднократно обсуждавшейся на Ноstrатическом семинаре гипотезой, согласно которой индоевропейский язык "назложился" на уже сложившиеся этнические группы, говорившие первоначально на языках северно-кавказской или сино-кавказской семьи. Возможно ли комплексное, совместно с археологами, изучение этой этноязыковой ситуации? Это зависит от того, способна ли археология представить релевантные в этническом и языковом отношении признаки. Судя по высказываниям даже скептически настроенных археологов, она на это способна. Например, тот же А.П. Монгайт пишет: «Вследствие отсутствия четкой дефиниции при выделении "культур" часто наносят на археологические карты очень разные по своей значительности признаки. Собственно, это происходит так: картографируя однотипные археологические объекты, мы замечаем, что, кроме объектов широкого распространения, можно обнаружить вещи, погребения, постройки, типичные для замкнутого района и позволяющие отличить этот район от соседних. Поскольку картографируются явления разнородные, а теоретически не обосновано, какие из них наиболее существенны, это дает широкий простор для субъективных решений. Одни ученые выделяют археологические культуры, считая важнейшим признаком чаще всего типы вещей, другие включают и формы поселений, погребений и т.д. В результате вводятся в научное обращение как равноправные объекты исследования культуры, отличающиеся не только по содержанию, но и по охватываемой ими территории — от совсем небольших до занимающих тысячи квадратных километров. В последнее время наряду с термином "археологическая культура" все чаще для культур с широким территориальным охватом вводится термин "культурная область". Самый метод картографирования различных признаков лишь по принципу их особенностей для данного района и данной исторической эпохи, естественно, ведет к тому, что за археологическими культурами скрываются разные исторические явления, среди которых лишь одно из возможных — наличие этнической общности» [5, 77—78].

«Итак, какие элементы археологической культуры могут свидетельствовать о том, что данное общество представляет некую этническую единицу? Это элементы, не связанные непосредственно с производством, с географическими условиями, влияющими на хозяйство и быт, главным образом те, что относятся к духовной стороне жизни, к искусству, религии, которые отражают традиции, переходящие от одного поколения к другому. В самом деле, орудия труда и оружие могут быть сходными у разных народов; они, как иногда говорят, "не этноспецифичны", так как их форма определяется в первую очередь функциональным назначением и лишь затем традициями. Жилище и приемы

строительства зависят в большей мере от географических условий (климата, наличия того или иного строительного материала и т.п.). А вот орнамент и форма сосудов — на редкость устойчивые элементы культуры и часто, несмотря на многие изменения судеб того или иного племени, по традиции сохраняются на протяжении веков, так что даже в новых формах можно увидеть их генетическую связь с прежними. Художественная форма является выражением идеи, связана с особенностями развития человека в пределах данной исторической области, с определенной эпохой и определенной степенью этнического самосознания» [там же, 81].

«...однако и здесь необходима осторожность. Например, в сходных исторических условиях у разных племен могут независимо возникнуть сходные элементы материальной культуры. Так, в эпоху энеолита на гигантских пространствах от Дуная до Китая у раннеземледельческих племен появилась очень сходная крашеная керамика. У разных племен независимо друг от друга могли сложиться одинаковые приемы изготовления и украшения посуды» [там же, 82]. Однако последний пример категорически отвергается П.М. Кожиным, который считает, что сложность технологий изготовления крашеной керамики начисто исключает неязыковое ее распространение, не говоря уже о том, что в древних обществах тщательно охранялись секреты сложных технологий.

«Наконец, для этнических определений могут иметь значение детали погребального обряда, и именно детали мелкие, подчас малозаметные» [там же].

«Логически можно предположить, что такие особенности материальной культуры, как названные выше, не зависящие от производства и потому могущие служить "этнизирующими" признаками, должны развиваться параллельно с признаками языковыми и, таким образом, могут указывать на этнолингвистическую связь, наличие традиций в каком-то обществе предполагает общение между его членами, а средством общения является язык. Никаких иных доказательств справедливости этого утверждения мы привести не можем» [там же]. (Этого уже достаточно!)

«Установить, что некоторые археологические культуры позволяют судить об этнических общностях и, следовательно, о языковых явлениях, еще недостаточно ни для археологов, ни тем более для лингвистов⁶. Были сделаны попытки сопоставить существующие в языкоznании представления о формировании древнейших языковых общностей с данными археологии. История и практика таких сопоставлений — тема для особого разговора, и, не касаясь ее здесь, отметим лишь, что ни языковеды, ни археологи, с нашей точки зрения, не подготовлены еще к решению таких вопросов. Обнаруженные совпадения данных археологических карт с данными лингвистических при неполноте тех и других не более чем совпадения и не могут быть признаны основой для научных обобщений. Неудачные поиски территории, где могло возникнуть индоевропейское языковое единство, служат этому лучшим доказательством» [там же, 82—83].

⁶ Заметим, что для нас было бы достаточно, если бы археологи эксплицировали такие данные и предоставили лингвистам решать проблему "складывания" языковых общностей.

Из всех приведенных пассажей, по-видимому, следует, что плодотворное сотрудничество лингвистов с археологами возможно:

1) если археологи не будут заниматься проблемами языкового родства, обращаясь к ненадежным или устаревшим лингвистическим работам лишь потому, что последние согласуются с их представлениями, а предоставят заниматься этой проблемой специалистам;

2) если археологи без обращения к экстраархеологическим данным эксплицируют археологические данные, релевантные в этническом и языковом отношении.

В какой степени археология Европы готова, с точки зрения лингвиста, к такой экспликации, мы постараемся показать в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
2. Иванов Вяч.Вс., Гамкелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыков и протокультур. Тбилиси, 1984. Кн. 1, 2.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
4. Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
5. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973.
6. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. (См. немецкий вариант этой статьи: Trubetzkoy N.S. Gedanken über das Indogermanenproblem // Acta linguistica. Copenhagen, 1939. Vol. 1, fasc. 2. P. 81—89.)
7. Actes du premier congrès international de linguistes à la Haye du 10—15 avril 1928. Leiden, 1928.
8. Doroszewski W. Pokrewieństwo językowe w świecie faktów dialektycznych // Sprawozdanie komisji językowej Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. 1938. T. 31. II-1.
9. Hjelmslev L. Études sur la notion de parenté linguistique // Revue des études indo-européennes. Bucureşti, 1938. T. 1.
10. Pisani V. Parenté linguistique // Lingua. Amsterdam, 1952/53. T. 3.

Я. КАЧАЛА

(СЛОВАКИЯ)

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ (на примере словацкого национального языка)

Естественный способ существования человека — это существование в рамках определенных организованных сообществ, структурированных образований, соответствующих социальной сущности человека. Эти образования могут быть как большего (племя, нация), так и меньшего (семья, род) размера. Такие организованные сообщества объединяют разнообразные связующие нити, имеющие как нематериальный, духовный характер (духовная культура, психологические особенности), так и характер материальный или иной (например, родственные отношения, совместное имущество и территория). Эти связующие моменты не только отражают некоторые общие духовные данности и свойства членов

сообщества, но и обуславливают сходство интересов данного социума в сфере политической власти, общественной организации, вопросов имущественных, экономических и т.д. Играют они и роль фактора, содействующего утверждению и защите этих совместных интересов.

К наиболее естественно организованным коллективам и сообществам из числа созданных человечеством за время своего существования относятся национальные сообщества, нации. Это естественные сообщества, объединенные в первую очередь следующими факторами: общностью языка, духовной и материальной культуры, психических особенностей, исторического развития, жизни в рамках определенным образом организованного государственного образования, наконец, общностью территории и экономики. Вполне естественно, что эти национальные сообщества характеризуются последующей внутренней дифференциацией и расслоением, причем эта дифференциация затрагивает и упомянутые выше факторы, объединяющие национальное сообщество в единое целое. Необыкновенно богатая дифференцированность характерна, в частности, для такого этнообразующего критерия, как национальный язык.

Равнодействующей сочетания признаков, которые характеризуют национальное сообщество, одновременно отличая его от иных национальных сообществ, является национальное самосознание (национальная самоидентификация). Значимость отдельных этнообразующих элементов не является равноценной для возникновения и существования нации; на определенных исторических этапах тот или иной фактор может приобретать решающее значение. Как видно из истории европейских наций, в процессе их образования и последующего развития подобную решающую роль зачастую играл национальный язык. Утверждая это, мы в то же время исходим из того, что этнообразующие факторы представляют собой комплекс, элементы которого взаимосвязаны и взаимообусловлены как в плане синхронии или же диахронии, так и одновременно в обоих аспектах.

За последние два столетия особую значимость приобрел тот факт, что нации стали или становятся естественными носителями права на самоопределение, признаваемого во всех международных договорах и соглашениях, касающихся прав наций. XX век дает нам огромное количество примеров того, как конкретно нации реализуют это свое естественное и неотъемлемое право. Конечно, это не всегда обходится без насилия и войн, вражды и ненависти.

Нация как категория имеет исторический характер: нации возникают, развиваются и исчезают. Иными словами, нации как исторически сложившиеся сообщества людей не являются чем-то раз и навсегда данным. Они возникают вследствие потребности создать организованное, четко функционирующее сообщество, отличное от других подобных сообществ и связанное как формально, так и внутренне. Характерно, что если их распад происходит чаще под воздействием внешних сил, то для существования и развития этносов важны прежде всего внутренние факторы: народы должны ощущать потребность находиться и проявлять себя в составе данного национального сообщества, причем это стремление должно постоянно возобновляться и подтверждаться. Очевидно, что

именно язык в максимальной степени содействует утверждению и укреплению этой потребности. Поэтому роль языка является решающей не только в период складывания нации, но и на предшествующих и последующих этапах.

Для словацкой нации на протяжении столетий именно этот фактор играл главную роль. Это проявилось в стремлении словаков к тому, чтобы именно словацкий язык использовался для обеспечения коммуникативных, познавательных, эстетических и прочих потребностей общества, в их намерении защищать и совершенствовать свой язык при помощи политических, культурных и иных средств, имеющихся в распоряжении общества. Мы имеем в виду не только длительные общенациональные акции, такие, например, как кодификация словацкого литературного языка, но также и общественные и культурные акции иного характера, но с аналогичными задачами. Так, подобный характер имела борьба в защиту словацкого языка в 30-е годы нашего века, начало которой положило издание "Правил правописания словацкого языка" (1931). Последние были направлены на ассимиляцию словацкого языка; в духе идеологии и политики единой чехословацкой нации и единого чехословацкого языка они ставили своей целью максимальное сближение словацкого языка с чешским. Сходную направленность имели также выступления в защиту словацкого языка как в 1968 г., так и позднее, в 1990 г. Характерно, что при коммунистическом режиме всякий раз, когда под влиянием международных или внутригосударственных обстоятельств происходила некоторая разрядка или же либерализация политической ситуации, в словацком обществе на первый план выступали языковые вопросы. При этом язык служил поводом для обсуждения, "вентилирования" также культурно-политических и непосредственно политических проблем того времени. Так, в частности, было в начале 60-х годов, когда важным событием в культурной жизни Словакии стала серьезнейшая дискуссия о сути культуры словацкого языка, о внимании к нему как профессионалов, так и всего общества. Так было и в 1968 г., когда впервые был разработан и представлен на обсуждение Словацкого национального совета проект закона о словацком языке; сходная ситуация повторилась в 1990 г., когда этот закон вторично был разработан и принят к рассмотрению. В этом последнем случае особенно наглядно видно, что стремление укрепить общественный статус словацкого языка обрело такую силу и убедительность, что с ним был вынужден считаться даже словацкий парламент. (Впрочем, окончательный текст закона, принятый в конце концов парламентом, не отвечал пожеланиям общенационального движения за принятие закона о языке и вызвал горькое разочарование.)

Национальная идея с большой силой проявилась в историческом развитии Европы, вследствие чего сейчас, в конце XX в., многие национальные сообщества отличаются высоким уровнем стабильности как в отношении численности представителей той или иной нации, их национального самосознания, так и в отношении прочности тех связей, которые объединяют этих представителей в единый национальный организм. Эта стабильность успешно подкрепляется тем, что почти все нации стали носителями государственной идеи, государственности, и в значительной

степени определяется конкретной формой государственности, при которой живут эти нации, выражающие государственные интересы. Во многих достигших стабильности государствах Европы нации стали примарным и наиболее существенным государствообразующим фактором, тем самым форма государственности способствует как осуществлению, так и охране интересов наций. О жизненности идеи создания национальной государственности в современной посткоммунистической ситуации свидетельствует возникновение в Центральной, Восточной и Южной Европе новых национальных государств, создающихся на обломках наднациональных (можно даже сказать антинациональных) имперских государственных образований. На этом же национальном принципе складывалась как единое государство и новая Германия, до недавнего времени разделенная в результате политики, проводимой странами-победительницами после второй мировой войны.

Однако наиболее характерной особенностью современных национальных сообществ является их одноязычие; таким образом, нации — это такие сообщества, представителей которых объединяет прежде всего общий язык, что, в свою очередь, отличает данное национальное сообщество от других. Пример как словацкой нации, так и многих других европейских наций показывает, что национальный язык является наиболее существенным этнообразующим фактором не только при формировании нации, но и в условиях ее дальнейшего существования. Безусловно, не случаен тот факт, что у большинства европейских наций название языка и соответствующей нации образованы от одного корня. Таковы пары: французский язык — французская нация, польский язык — польская нация, немецкий язык — немецкая нация и т.д.

Далее мы хотим показать, как проявлялась взаимосвязь между языком и национальной идентичностью в различные периоды прошлого и настоящего состояний словацкого национального языка. Прежде всего нас интересуют следующие исторические этапы: 1) возникновение словацкого национального языка; 2) создание культурных долитеатурных форм словацкого языка; 3) кодификация словацкого национального литературного языка А. Бернолаком и Л. Штуром; 4) положение словацкого языка на новом этапе его развития с конца 30-х годов XX в. и 5) борьба за законодательное изменение статуса словацкого языка в 1968 и 1990 гг.

1. Формированию и возникновению словацкого национального языка в X—XI вв. сопутствовало формирование и возникновение одноязычного сообщества. Это было обусловлено тем, что для возникновения средневековых наций было характерно действие целого комплекса этнообразующих факторов, прежде всего таких, как общая духовная и материальная культура, общие психологические особенности, общность территории. Однако основополагающим этнообразующим фактором явился словацкий язык и ощущение связи с ним как с общим для словаков средством коммуникации. В отдельных славянских языках внутриязыковые процессы были связаны с процессами межъязыковой дифференциации, создавая вкупе с другими этнообразующими факторами базу для возникновения самостоятельных этнических совокупностей — славянских наций. Упомянутые процессы внутриязыковой дифференциации в сочета-

нии со словацко-инославянскими дивергентными процессами привели к формированию единого, хотя и внутренне дифференцированного, словацкого национального языка. С учетом состояния тогдашнего общественно-экономического развития следует в первую очередь отметить географическую расчлененность словацкого языка на большие и меньшие диалектные группы. Из крупных объединений, сформировавшихся вследствие действия естественных причин общественного, природного и исторического характера, следует упомянуть три традиционно выделяемые большие диалектные группы: западнословакские, центральнословакские и восточнословакские диалекты. На более поздних исторических этапах им также надлежит сыграть важную роль, в частности при формировании культурных долилитературных форм словацкого национального языка, а также при кодификации литературного языка, опиравшегося на словацкий народный язык. Упомянутое внутриязыковое единство словацкого языка явилось важным фактором при формировании словацкой нации как самобытного явления в семье славянских народов и наций, проживающих в центральноевропейском регионе.

В процессе этнического формирования центральноевропейского региона свою роль наряду с иными факторами сыграло также существование в Центральной Европе самостоятельного славянского государства — Великоморавской империи (IX в.), а также деятельность византийской миссии в лице Константина-Кирилла и Мефодия. Факт существования в IX в. на нашей территории самостоятельного славянского государства, высокий уровень развития образования и культуры, связанный с деятельностью Константина-Кирилла и Мефодия, равно как и существование собственной церковной епархии с богослужением на своем собственном славянском языке, являлись источником большой моральной и духовной поддержки. Это было особенно важно в период национального самоутверждения, сопутствовавшего становлению национальных литературных языков, с одной стороны, и жесткому ассимиляционному нажиму, направленному на словаков со стороны венгров, когда приходилось защищать самое существование словацкого народа, — с другой.

2. Огромную роль словацкий язык сыграл также в XVI—XVII вв., когда под влиянием освободительных процессов в Словакии проявляются первые признаки высвобождения от насаждаемого в государственном масштабе представления о единой государственной "венгерской нации" и начинает формироваться словацкая нация (пока не в государственном, а только в этническом аспекте). С этим существенным сдвигом в сознании непосредственно связано проникновение народного языка в художественную литературу, в первую очередь в поэзию. Речь идет как об исторических песнях второй половины XVI — первой половины XVII в., бытовавших в устной форме и приближавшихся тем самым к народным песням, так и о духовной (религиозной) поэзии, относящейся к литературному барокко. Естественно, и тогда отправление церковных обрядов не могло обойтись без этнического, во всяком случае понятного народу, языка (тогда в Словакии в этой функции использовался чешский язык). В период религиозных войн значение этнического, национального языка возрастает, и, как показывают сборники религиозных песен, которые

начинают публиковаться в основном с 30-х годов XVII в., оба важнейших религиозных сообщества, существовавшие в то время в Словакии, полностью отдавали себе отчет в важности национального языка для усиления их влияния на народ. Публикация одобренных церковью большими сборниками религиозных песен (*Cithára sanctorum*, опубликованный в 1639 г. в Левоче и составленный Юраем Трановским, и *Cantus Catholici* — "Католические песни на латыни и на словацком языке, новые и старинные", опубликованные в 1655 г. в Левоче и составленные Бенедиктом Сёлёши) подтверждает, что церковь сознавала значение национального (это довольно последовательно проявляется в упомянутом католическом сборнике песен) либо другого языка, понятного широким народным массам — таковым считался чешский язык, использовавшийся в евангелическом сборнике *Cithara sanctorum*. Это обстоятельство укрепляло общественную значимость словацкого языка, оно же стало одним из импульсов, стимулировавших формирование культурных и долитеатурных вариантов словацкого языка, особенно культурного среднесловацкого и культурного западнословацкого вариантов. Возникновение этих наддиалектных форм в рамках словацкого национального языка явилось исторически необходимой переходной ступенью к кодификации литературного языка и обусловило вместе с другими факторами развитие национального самосознания словаков и формирование словацкой нации.

3. В последней трети XVIII в. словацкий язык получил статус официального, что ознаменовало завершение формирования современной словацкой нации. Антон Бернолак (1762—1813) был первым, кто обратился к словацкому народу с призывом писать на словацком языке, выразив тем самым понимание исторической потребности для народа, стремящегося стать нацией, в общеэтническом коммуникативном средстве. Именно язык способен стать таким духовным и в то же время материальным фактором, объединяющим всех представителей нации. А. Бернолак окончательно переломил существовавшую в то время в Словакии традицию употребления иностранных литературных языков, заложив основу новой традиции — традиции собственного литературного языка словаков. Был создан прецедент, который в будущем нельзя было не принимать во внимание.

При выборе конкретной формы словацкого национального литературного языка А. Бернолак ориентировался на западнословацкий культурный, общественный и церковный центр, поэтому именно культурный западнословацкий вариант и был им кодифицирован как первый словацкий литературный язык. За основу он взял язык образованных людей Западной Словакии (т.е. не язык простого народа), используя также некоторые особенно выразительные элементы среднесловацких диалектов, занимающих среди диалектов словацкого национального языка центральное положение. Таким образом, литературный язык Бернолака опирался не на центральные, а на маргинальные словацкие диалекты. Следует также учитывать, что словацкие евангелисты не поддержали реформу Бернолака, продолжая по-прежнему использовать в официальных, литературных и богослужебных целях чешский язык. В силу этого так называемая "бернолаковчина" недолго оставалась литературным языком словаков (ею пользовались около 60 лет).

В начале 40-х годов XIX в. Людовит Штур (1815—1856) кодифицировал среднесловацкий язык, опирающийся на центральнословацкие диалекты, создав таким образом словацкий литературный язык. Он распознал жизнеспособность среднесловацких диалектов, элементы которых и ранее проникали в западнословацкие и восточнословацкие диалекты, уловил, что среднесловацкие диалекты наиболее типичны для словацкого языка и наиболее распространены на его территории; все это и стало причиной того, что в основу литературного языка словаков был положен культурный среднесловацкий вариант. Тем самым Л. Штуру удалось окончательно решить языковой вопрос для словаков. После того как на встрече представителей штуровцев и бернолаковцев, состоявшейся в Братиславе в 1851 г., удалось достигнуть договоренности о будущей форме словацкого литературного языка и о его системе правописания, словацкий литературный язык Штура стал истинным средством объединения всех представителей словацкой нации. Это сыграло решающую роль в формировании современной словацкой нации как самостоятельного члена семьи славянских народов. Создатель словацкой национальной идеологии, Л. Штур в середине XIX в. верно понял, что для завершения национального развития словаков жизненно необходимым было общенациональное средство коммуникации. Это позволило раз и навсегда решить для словаков не только языковой, но и национальный вопрос. Правильность этого исторического выбора подтверждается всем последующим ходом истории до сегодняшнего дня. За этот период словацкий язык доказал свою способность развиваться на своей собственной основе, служить самим различным народным нуждам.

4. После 1918 г., когда была создана первая Чешско-Словацкая Республика, в развитии словацкой нации и ее языка сложилась новая ситуация. Конечно же, Конституция этой республики 1922 г. не гарантировала существования ни самостоятельной словацкой нации, ни самостоятельного словацкого языка. Она утверждала лишь некую фикцию — так называемую единую чехословацкую нацию и единый чехословацкий язык в двух вариантах — чешском и словацком. В общем чешско-словацком государстве словацкий язык развивался весьма интенсивно; постепенно он стал применяться во всех областях жизни — в государственном управлении, образовании, культуре, науке и публицистике; однако политическая ситуация создавала условия для ассимиляционного нажима на словацкий язык. Это особенно заметно проявилось в 1931 г. при публикации "Правил словацкого правописания", подготовленных под руководством чешского профессора Вацлава Важного. Чехословакистская направленность "Правил..." вызвала в среде словацкой интеллигенции сильную негативную реакцию: лингвисты, писатели, публицисты, специалисты в различных областях науки, самых разных профессий видели в "Правилах..." угрозу национальной самостоятельности словацкого языка. Систематические профессиональные выступления в защиту языка от проникновения неорганичных для него богемизмов, а также германизмов и унгаризмов публиковались в журнале "Slovenská reč", который Матица словацкая стала издавать уже через год после публикации "Правил...".

Эти акции словацкой интеллигенции сыграли большую роль в

укреплении норм словацкого литературного языка, в сохранении его своеобразия и способствовали окончательному осознанию различия двух языков — чешского и словацкого. Наконец, это содействовало и укреплению словацкого национального самосознания. В результате этой деятельности были подготовлены новые "Правила словацкого правописания" (опубликованные в Матице словацкой в 1949 г.), в которых были устраниены элементы чехословакизма. Новые "Правила..." продемонстрировали идею суверенности словацкой нации, ее языка.

5. На рубеже 30—40-х годов нашего века начался новый этап развития словацкого языка. Это был уже полноценный язык, равный другим родственным и неродственным языкам. В 1939—1945 гг. (Словацкая Республика), а также позднее, в обновленной Чешско-Словацкой Республике, этот язык, пусть и не получивший официальной кодификации, функционировал как государственный. Это был этап наивысшего развития словацкого языка, его систематического и всестороннего исследования, целенаправленной заботы о его культуре, научной кодификации и стабильности его нормы. Неблагоприятная политическая ситуация последних четырех десятилетий, обусловленная тоталитарным режимом, создавала предпосылки для скрытых и явных проявлений чехословакизма, в частности в языковой политике, однако серьезного негативного влияния на словацкий язык это не оказalo. Тем не менее в "общем государстве" словаки не были равноценными партнерами чехов; официальная политическая линия также была не национальной (чтобы не сказать антинациональной). Все это вело к подавлению словацкого национального самосознания, а у части словацкой интеллигенции — и к утрате его. В частности, это проявлялось в утрате интереса к культуре словацкого литературного языка, к его научному изучению. Однако подавляющее большинство членов словацкой нации, включая интеллигенцию, видело в словацком языке сокровеннейшее проявление национального духа. В своем стремлении говорить по-словацки и развивать словацкий язык сообразно общественным и индивидуальным потребностям они заявляли, что идентифицируют себя со словацким языком как со своим репрезентантом и выступают в его законную защиту.

В условиях отсутствия собственного национального государства, а также невозможности проводить собственную национальную политику, отвечающую его интересам, словацкая нация осуществляла и подтверждала свою национальную идентификацию. Эта позиция отчетливо проявилась как в период политической "оттепели" 60-х годов, так и позже, непосредственно после падения в 1989 г. чехословацкого тоталитарного режима. Наиболее убедительным выражением этой позиции стала разработка проектов закона Словацкого национального совета о защите словацкого языка. Впервые подобный проект появился в 1968 г.; его авторами были лингвисты (текст проекта закона о словацком языке Йозеф Ружичка поместил сначала в газете "Правда" (1968. 8 мая), позднее он был опубликован в лингвистической печати). Сама идея закона о словацком языке явилась выражением осознания необходимости поднять общественный престиж словацкого языка, повысить его культуру, укрепить чувство ответственности как граждан, так и государственных

органов за уровень развития словацкого языка и его использование на практике. Однако политическая либерализация 1968 г. была слишком непродолжительна для того, чтобы реализовать идею закона о словацком языке. Впрочем, сама эта идея не погибла и возродилась в новой политической и общественной ситуации, причем еще настойчивее, на более высоком профессиональном (законодательном) уровне, имея гораздо более широкую общественную поддержку. Значительным отличием от ситуации 1968 г. было также то, что вдохновителем и главным носителем этой идеи были словаки из Южной Словакии, где живет смешанное словацко-венгерское население. Как ни парадоксально, но, живя на словацкой территории, эти словаки являются постоянным объектом ассимиляционного давления, ставящего целью их мадьяризацию и представляющего угрозу для их национальной идентичности. Характерно, что в наиболее критическом положении здесь оказался их национальный язык; именно поэтому они стали требовать его законной защиты, ожидая, что тем самым будут защищены также их национальные права.

После того как идея разработки Словацким национальным советом закона о словацком языке была включена в число требований представителей местных отделений Матицы словацкой в Южной Словакии (это произошло на встрече в г. Шураны 3 марта 1990 г.), она постепенно получила широкий отклик во всех слоях словацкого общества. Она была включена в предвыборную программу вновь созданной Словацкой национальной партии, ее поддержали лингвисты, писатели и другие деятели культуры; законодательную подготовку проекта взяли на себя Матица словацкая и общество словацкой интеллигенции "Корни". В поддержку закона о языке Матица словацкая организовала разнообразные мероприятия, вследствие чего перед выборами в июне 1990 г. в обществе сложилась такая атмосфера, что ни один значительный политический деятель не отваживался уклоняться от поддержки этого закона. Подготовленный Матицей словацкой проект закона Словацкого национального совета о словацком языке как государственном и единственном официальном языке Словацкой Республики был опубликован в ряде печатных органов, он также распространялся в форме плащиков. В его поддержку были проведены многочисленные собрания и марши на региональном и государственном уровне, а также акции по сбору подписей; например, под так называемым Комъятицким призывом было собрано около 300 тыс. подписей граждан Словацкой Республики. Атмосферу того времени отражают данные опроса общественного мнения, в соответствии с которыми подготовленный Матицей в июле 1990 г. проект закона поддерживали 82% жителей Словакии. Это было поистине общенациональное движение, кульминацией которого явилось крупнейшее общесловацкое собрание, созванное 5 октября 1990 г. по инициативе Матицы словацкой, а также митинг граждан Словакии в Братиславе на площади Словацкого национального восстания 25 октября 1990 г. — в день обсуждения и принятия закона о языке в Словацком национальном совете.

Пришедшая после выборов в июне 1990 г. к власти правительенная коалиция поначалу всеми доступными ей средствами сопротивлялась принятию этого закона, а позднее подготовила собственный проект закона

о языке. Голосование депутатов в парламенте было проведено таким образом, что 25 октября 1990 г. на рассмотрение Словацкого национального совета был представлен именно этот, так называемый "ксалиционный" проект закона о языке, а проект Матицы даже не был включен в повестку дня заседания. В конце концов Словацкий национальный совет большинством голосов депутатов правительственної коалиции принял предложенный ею закон о государственном языке, несмотря на непрекращающийся многодневный митинг граждан на центральной братиславской площади, а затем непосредственно перед зданием парламента, невзирая на протесты, поступавшие со всей Словакии.

Принятие 25 октября 1990 г. Словацким национальным советом закона о государственном языке стало поражением общенационального движения за принятие в Словакии языкового закона, который гарантировал бы словацкому языку статус государственного и обеспечивал бы государственно-интегрирующую и национально-интегрирующую функции словацкого языка. Под государственно-интегрирующей функцией мы понимаем объединение всех граждан Словацкой Республики на базе словацкого языка как языка межнационального общения, при этом граждане, в особенности принадлежащие к иным национальностям, имеют возможность для равноправной самореализации на основе знания словацкого языка. Под национально-интегрирующей функцией мы понимаем объединение всех граждан словацкой национальности на основе словацкого языка, что означает на практике прежде всего моральную и законодательную поддержку тех словаков, которые на своей же собственной территории испытывают ассимиляционный нажим. То, чего не понимал или не желал понимать словацкий парламент, хорошо поняла большая часть словацкого населения, поэтому в период ухудшения в Словакии экономической ситуации словаки сосредоточили свои усилия не столько на подъеме экономики, сколько именно на решении языкового вопроса, на поддержке словацкого языка и его практического использования.

Упомянутое поражение общенационального движения имело весьма негативные последствия для общества, вызвав горькое разочарование. Его усилию способствовала широкая пропагандистская кампания, направленная против якобы гипертрофированного отношения словаков к родному языку, против Матицы словацкой как национальной культурной организации, активно участвовавшей в подготовке и принятии языкового закона, а также против словаков с патриотической ориентацией.

Лишь Конституция Словацкой Республики, принятая 1 сентября 1992 г., дала словацкому языку статус государственного. Эта Конституция сыграла решающую роль в процессе формирования самостоятельной словацкой государственности, который завершился 1 января 1993 г. Это событие явилось законным основанием для того, чтобы словацкий язык в словацком обществе имел реальную возможность выполнять упомянутые национально-интегрирующую и государственно-интегрирующую функции.

Этот экскурс в историю и анализ нынешнего положения словацкого языка как главного признака словацкой нации демонстрируют преемственность в развитии словацкого национального языка начиная с периода его формирования в X—XI вв. и до наших дней, а также преемст-

венность этнообразующей функции словацкого языка при рождении, развитии и современном существовании словацкой нации. Как писал в 1992 г. Владимир Минач, "у нас вначале всегда было слово. И подобно тому библейскому слову, ставшему деянием, словацкое слово явилось наивысшим выражением народной воли, делом превыше всех дел... слово было единственным оружием, причиной и следствием. Писаное слово было столь же вездесуще, сколь и бессильно..." Продолжая сказанное В. Миначем о писаном слове, необходимо особо подчеркнуть значимость устного слова — устной словесности, той единственной и непрерывной легальной "высокой" формы, в которой словацкий национальный язык мог существовать и сохраняться в ходе исторического развития. Народная словесность, как общенациональная (коллективная) традиционная устная форма искусства, явилась неотъемлемым звеном упомянутой исторической преемственности словацкого национального языка и словацкой нации. Народная словесность была не просто формой существования словацкого языка, она и сама питала язык своими жизненными соками.

Перевод Е.Н. Овчинниковой

Я. КОРЖЕНСКИЙ

(ЧЕХИЯ)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА КАК НАЦИОНАЛЬНОГО

Проблема изучения функциональных свойств и черт чешского языка как национального в чешской лингвистической литературе решается в духе классической концепции Пражской школы, существование которой в сокращенном и обобщенном виде изложено в Тезисах Пражского лингвистического кружка. Для дальнейшего развития структурализма пражского типа — во всяком случае, при описании функциональной дифференциации и стратификации компонентов модели национального языка — основное значение имели следующие исходные посылки:

I. Исходными являются понятия "функциональная речь" и "функциональный язык"¹. Иными словами, понятийная система классического функционализма в определенной сфере научных интересов развивалась в

¹ Ср. интерпретацию в Тезисах Пражского лингвистического кружка [4, 43]. См. также новый подход в работе Я. Корженского [3], где, в частности, утверждается следующее: "Функциональная речь представляет собой речевую деятельность, связанную с определенными типами или же классами типов общественного поведения, как правило, в рамках определенной общности, определенной социальной группы. Функциональный язык является набором предпосылок речевого поведения, он связан с речевой деятельностью, соотнесен с определенными типами и классами типов общественного поведения. Это понятие является производным по отношению к понятию соответствующей функциональной речи".

направлении функционального синтеза, т.е. в направлении "функциональная речь — функциональный язык — национальный язык как целое". Доминирующим понятием как в эмпирическом, так и в теоретическом отношении здесь было понятие речи.

II. Дальнейшее развитие научного подхода к этой проблематике осуществлялось в целом по двум основным направлениям:

1. Изучение речевых предпосылок, ориентированное прежде всего на говорящего индивидуума (линия В. Матезиуса).

2. Систематическое изучение чешского языка как национального, осуществляющееся в теоретическом аспекте, т.е. изучение грамматического строя, комплексной системы региональных и социальных дифференциаций и прежде всего оппозиции "литературная—нелитературная речевая деятельность и язык" (линия Б. Гавранека). В этом случае центральным, исходным понятием являлось понятие национального языка, причем его анализ осуществлялся с учетом данных вышеупомянутого характера.

III. С течением времени произошла так называемая "лангвизация" лингвистического мышления, в силу чего предметом особой заинтересованности стали язык и вопросы его описания и моделирования (50—60-е годы).

Последующие периоды в развитии мирового языкоznания характеризовались коммуникативной, прагматической направленностью, так называемой прагматической революцией. Традиция изучения теории национального и литературного языка в этом случае была продолжена, причем в число основных понятий выдвинулось понятие языковой ситуации, принципиально отличающееся от понятия "коммуникативная ситуация", применяемого в теориях социокультурного анализа речевой коммуникации².

По нашему мнению, понятие языковой ситуации применительно к национальному языку включает следующие теоретико-методологические моменты:

1. Исходным является гипостазис понятия "национальный язык", являющегося по существу комплексом не только речевых, но также и других факторов: исторических, социальных, политических, психических и т.п.

2. Языковая ситуация в понимании, например, А. Едлички, это прежде всего участие в коммуникации общества разных средств языкового выражения, интерпретируемых в терминах оппозиции "литературный—нелитературный" и в терминах социальной и территориальной дифференциации языка. Иначе говоря, изучение языковой ситуации прежде всего предполагает анализ и описание ситуативно и территориально детерминированного использования языковых средств выражения с учетом единства национального языка.

Ныне, когда предметом научного изучения является в первую очередь речевая деятельность, речевая коммуникация, а не сам язык как таковой, когда в поле зрения находятся не только выраженные поверхностные черты и дифференции, но прежде всего более сложные, комплексные,

² Мы имеем в виду понятие "языковая ситуация", интерпретируемое А. Едличкой как "существующие языковые образования и формы, функционирующие в данной языковой (коммуникативной) общности. Языковая общность состоит из пользователей и носителей языка во всей его совокупности" [1].

содержательные данные речевого общения в их взаимосвязи с психическими, социокультурными и этническими факторами, а также с явлениями современной жизни общества, мы считаем целесообразным предложить иной подход к рассмотрению соотношения речевой деятельности и общества, отличающийся от традиционного.

Нам представляется необходимым ввести новые понятия. Таково, на наш взгляд, понятие функционального спектра речевой деятельности определенного социального единства. О каких же составных частях этого понятия здесь идет речь?

1. Прежде всего это понятие социального единства, под которым мы понимаем любую социальную группу, например семью, трудовой коллектив, генерацию, национальную или государственную общность. Под функциональным спектром мы понимаем множество речевых, коммуникативных функций, связанных со всеми видами жизни определенного общества, определенной социальной группы. Коммуникативные функции могут подразделяться на два вида: а) макроструктурные, макрофункциональные, т.е. это функции классического, пражского типа, интерпретировавшиеся в классический период как средство определения функциональных видов речи и функциональных языков, а позже — в ходе последующего развития научной мысли — как средство определения функциональных стилей литературного языка; б) микроструктурные, микрофункциональные, т.е. это функции, определяющие сами по себе и в определенных комбинациях отдельные типы коммуникативных событий.

2. Другим понятием является понятие полного объема функционального спектра определенного общества, определенной социальной группы. Под этим подразумевается множество всех речевых функций, связанных с социальным функционированием социальной группы, социальной общности.

В приведенных понятийных соответствиях исходной единицей функционального анализа речевой деятельности является не язык, а социальная группа как общественная единица. Обобщающие понятия, касающиеся характера речевой деятельности определенных групп и общностей в формальном смысле, т.е. в плане выражения и содержания, являются не исходным пунктом, а результатом анализа (в том числе такие понятия, как "идиолект", "социолект", "социальный и территориальный диалект", "разговорный язык" (*hovorový jazyk*), "обиходный язык" (*obecně mluvený jazyk*, *obecná čeština*) и т.д. Иными словами, лингвистические понятия приведенного класса являются не исходными пунктами, исходными данными, а результатами этого анализа.

Более конкретно мы проиллюстрируем возможности использования указанной категории теоретических понятий на материале понятия "функциональный спектр государственной общности". Вполне естественно, что в этом случае речь идет о социальной единице макроструктурного характера. Тем самым имеется в виду набор макрофункций, определяющих соответствующие разновидности функциональной речи. Под понятием государственной общности, общности государства следует иметь в виду общество определенного государства в его социальном расслоении, общество, структурированное в этническом и социальном отношении, с

учетом характера и степени его культурного развития и т.п. При этом имеется в виду не только синхронный, но и диахронный, исторический подход. Функциональный спектр, степень широты его объема следует понимать во взаимосвязи со структурой экономической, политической, культурной и в целом духовной жизни государственной общности.

С учетом указанного понятия речевая деятельность анализируется следующим образом:

1. Необходимо определить и выявить типы коммуникативных отношений, ситуаций, событий, которые с точки зрения речевой деятельности являются составляющими деятельности данного общества.

2. Следует описать и проанализировать использование речевых средств в связи с отдельными типами коммуникативных отношений, ситуаций и событий. При этом анализ основывается на базе элементарных данных лингвистического плана в диапазоне "средство — функция".

После выполнения указанного этапа исследования его результаты следует интерпретировать в терминах "идиолект", "социолект" и пр.

Необходимо вновь подчеркнуть, что данная интерпретация осуществляется не с помощью традиционных понятий из области функциональной стратификации национального языка, а путем использования понятий, конструируемых в результате теоретической интеракции между языковыми средствами и определенными динамическими структурами в жизни общества.

Проиллюстрируем последовательность вопросов, или шагов, которые должны быть учтены при объяснении речевой деятельности в аспекте понятия "функциональный спектр государственной общности" на примере чехосlovakского государства начиная с 1918 по 1990 г.:

1. Историко-политическая периодизация определенного отрезка развития общества.

2. Основные черты функционального спектра государственной общности, их характеристика, систематизация и описание. Соотношение полного объема функционального спектра в историко-политической периодизации.

3. Характеристика соотношения речевых кодов и отдельных типов функций в макро- и микроструктурном аспектах³. Функциональные и территориальные характеристики этих отношений. В рамках изучения этих отношений выявляются отдельные разновидности функциональной речи и языков. Заметим, что ранее установление системы разновидностей функциональной речи и языков базировалось на традиционных понятиях ("национальные языки", "диалекты", "интердиалекты" и пр). Подчеркнем, что понятие "речевые коды" в нашем случае следует интерпретировать

³ Ср.: "Коммуникативное событие есть фрагмент реальной социальной действительности, в котором состоялся акт коммуникации; вместе с тем это процесс коммуникации в конкретной коммуникативной ситуации. Коммуникативная функция есть намерение автора/говорящего, реализованное в коммуникативном событии посредством единицы, pragmaticкой по своему содержанию. Эта pragmaticкая по своему содержанию единица представляет собой относительно целостный в синтаксическом и семантическом отношении фрагмент коммуникативного события, наделенного определенной коммуникативной функцией" [2]. Ср. также: коммуникативное событие представляет собой определенный, как правило теоретически выявленный, фрагмент социальных, коммуникативных отношений в рамках непрерывного (в принципе) социального, коммуникативного процесса [3].

прежде всего в аспекте выражения, а также формы в духе классической типологии.

4. Принадлежность отдельных разновидностей функциональной речи и языков к разным национальным языкам. В поле зрения в этом случае должны находиться и вопросы научной, политической, идеологической интерпретации речевой деятельности в отдельные историко-политические периоды. В рамках этих соответствий следует истолковывать корни и причины возникновения таких понятий, как "чехословацкий язык". Аналогичным образом должна была бы проводиться и независимая научная интерпретация традиционных чешских диалектов в северной Моравии и Силезии, анализ коммуникации на месте исторических государственных границ между южной Моравией и западной Словакией, решаться вопрос о характере коммуникации в западной и северо-западной части Словакии, южной Словакии и северной Венгрии и т.д.

5. Анализ и описание функциональных характеристик понятий "родной язык", "второй язык", "иностранный язык". При определении данных понятий принимается во внимание множество функций, выявляемых на основе учета конкретных коммуникативных ситуаций. В рамках указанных соответствий следует изучать соотношение: чешский — немецкий, словацкий — венгерский, чешский — словацкий. Во внимание непременно должна быть принята субъективная интерпретация коммуникантами названных межъязыковых взаимосвязей (необходимо и проведение сопоставления этих наблюдений с результатами научно-теоретической интерпретации данного вопроса в различных традиционных концепциях). Сюда же примыкают и такие соотношения, как чешский, словацкий — русский, французский, английский и пр.

6. Использование понятий "национальный язык" и "государственный язык" с учетом соотношения "разновидности функциональной речи и функциональные языки", позволяющее предложить новую историко-политическую интерпретацию и периодизацию определенного отрезка исторического процесса.

7. Стого функциональная, не зависящая от лингвистических стереотипов интерпретация внутренней стратификации и дифференциации (если использовать традиционные термины) чешского и словацкого государственного и национального языков. С учетом чешской специфики здесь следует рассмотреть, например, вопросы о так называемом разговорном литературном чешском языке (*hovorová čeština*) и обиходном чешском языке (*obecná čeština*).

В целом надо иметь в виду следующее:

1. Приведенная выше последовательность вопросов, или шагов, не является окончательной и закрытой, причем не только при изучении речевой деятельности в Чешской и Словацкой Республиках. Речь идет об общих принципах подобных исследований.

2. Стальное ограничение хронологических рамок исследуемого исторического отрезка затруднит выявление специфики речевой деятельности, характерной для того или иного периода. Так, решение вопроса о соотношении письменного и разговорного чешского языка предполагает изучение важных изменений, затрагивающих участие чешского языка в

реализации в полном объеме всего спектра коммуникативных функций государственной общности с XVII по XX в. Все эти вопросы могут быть решены лишь строго в рамках соответствующего исторического периода. В настоящей статье мы хотели показать и по возможности проиллюстрировать важность применения понятия функционального спектра речевой деятельности определенной общности или же социальной группы для объективного анализа речевой деятельности в политических, социальных, психологических, этнических и общекультурных отношениях и взаимосвязях. Мы хотели также продемонстрировать связь этого понятия с такими классическими понятиями Пражской лингвистической школы, как "функциональная речь" и "функциональный язык".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci.* Pr., 1974.
2. *Kořenský J., Hoffmannová J., Jaklová A., Müllerová O. Komplexní analýza komunikačního procesu a textu.* České Budějovice, 1989.
3. *Kořenský J. Komunikace a čeština.* Pr., 1992.
4. *Teze předložené prvemu sjezdu slovanských filologů v Praze 1929: Pražský lingvistický kroužek // U základů pražské jazykovědné školy.* Pr., 1970.

Л.П. КРЫСИН

(РОССИЯ)

ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

ПОНЯТИЕ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие владения языком до сравнительно недавнего времени не осознавалось лингвистами как термин: оно использовалось интуитивно, без каких-либо попыток его формализации или хотя бы экспликации. Как-то само собой разумелось, что можно говорить о владении языком, если тот или иной индивид умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем — по определенным правилам, общим для всех говорящих на этом языке, — тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмысливавшиеся чисто интуитивно или же не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба ряда традиционных грамматических понятий: "управление", "согласование", "сочинение", "грамматическое значение" и др., которые в последнее время подверглись пересмотру и существенным уточнениям, главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка (см., например, работы И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, В.З. Санникова, Л.Л. Иомдина, И.М. Богуславского и др.). Так случилось и с понятием "владение языком". Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние десятилетия выдвигается задача моделирования речевой деятельности

человека или, иначе говоря, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо выяснить, что имеется в виду, когда говорят о владении языком.

Ю.Д. Апресян, одним из первых в отечественной лингвистике четко сформулировавший указанную выше задачу (см. [1, 8 и след.]), предпринял попытку "расчленить" понятие "владение языком" на составляющие. По его мнению, владеть языком — значит уметь: а) выражать заданный смысл разными (в идеале — всеми возможными в данном языке) способами (способность к перифразированию); б) извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимией) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); в) отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [4, 2]¹.

В такой интерпретации понятия "владение языком" имеются в виду собственно языковые умения говорящего. Эта интерпретация по существу более детальная разработка того, что Н. Хомский назвал языковой компетенцией говорящего. В связи с этим следует заметить, что предложенную Н. Хомским дихотомию competence/performance при интерпретации языковой способности и речевой деятельности человека [15] также можно было бы рассматривать как одну из первых попыток более эксплицитного определения понятия "владение языком", если бы не крайний "грамматизм" хомскианского толкования понятия "competence", учет лишь собственно лингвистической его стороны и полное игнорирование каких бы то ни было социальных, ситуативных и тому подобных "прагматических" факторов.

Неудовлетворительность понятия языковой компетенции была отмечена Д. Хаймсом, который уже два года спустя после опубликования работы Н. Хомского показал (см. [21]), что знание языка предполагает не только владение его грамматикой и словарем, но и ясное представление о том, в каких речевых условиях могут или должны употребляться те или иные слова и грамматические конструкции. Д. Хаймс ввел понятие коммуникативной компетенции; он настойчиво доказывает необходимость этого понятия в ряде работ (см. [23; 24; 25]).

Связывая формирование навыка свободного владения данным языком с процессом социализации ребенка, Д. Хаймс обращает внимание на актуальность изучения того, "какие сведения о речи помимо правил грамматики и словаря усваиваются ребенком в процессе превращения его в полноправного члена данного языкового общества" [22, 102]. Он пишет: "Внутри социальной матрицы, в рамках которой ребенок овладевает грамматикой, он овладевает также системой ее использования в зависимости от отношений между говорящими, места, целей высказывания, другими

¹ В другой работе к этим трем умениям Ю.Д. Апресян добавляет "селективную способность", которая "проявляется в умении выбирать во множестве принципиально возможных средств выражения определенной мысли то, которое в наибольшей степени соответствует социальным, территориальным и другим особенностям ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики ее участников" [3, 503]. Как будет показано ниже, эту способность говорящих целесообразно рассматривать дифференцированно, в зависимости от того, какой аспект ситуации общения — национально-культурный, социальный или какой-либо еще — имеется в виду.

способами коммуникации и т.д. — всеми компонентами коммуникативных событий... Существуют также развитые системы последовательности использования языка в беседе, обращениях, стандартных обычаях и т.д.". Все это составляет "социолингвистическую (или, более широко, коммуникативную) компетенцию, позволяющую человеку быть не просто говорящим, а членом социально обусловленной системы общения" [25, 75].

Выделяя несколько разделов коммуникативной компетенции (однако не давая, к сожалению, сколько-нибудь эксплицитного описания ни одного из них), Хаймс отмечает, что каждое высказывание может рассматриваться с двух точек зрения: его грамматичности — *with respect to competence* — и его приемлемости — *with respect to performance* [24, 287—281]; приемлемость в данном случае означает, видимо, то же, что имел в виду Дж. Остин, когда писал об успешности речевого акта [13]; ср. в этом отношении также работы по теории речевых актов.

Для социолингвистического описания языковой способности человека и ее проявления в человеческой деятельности, согласно Хаймсу, существенны три компонента: словесный репертуар, языковые обычаи, или шаблоны (представление о типах организации различных по жанру текстов, о правилах общения двух или более говорящих и т.п.), и области языкового поведения, или, более широко, области коммуникативного поведения [22, 280]².

Вслед за Д. Хаймсом на необходимость языковой способности человека в связи с процессом социализации, с широким социальным контекстом, в котором протекает речевая деятельность людей, указывали У. Лабов [28], С. Эрвин-Трипп [16; 17], Ч. Филмор [18] и нек. др. В примечании к одной из своих работ С. Эрвин-Трипп настаивает на предпочтении термина "социолингвистическая компетенция", поскольку необходимо "исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией" [17, 293]³.

Не подвергая сомнению введенные Н. Хомским понятия "*competence*" и "*performance*", а с другой стороны, открыто не солидаризируясь с теми учеными, которые отстаивают необходимость понятия коммуникативной компетенции, Ч. Филмор в одной из своих работ делает попытку четко разграничить собственно языковые знания человека и владение им информацией о различных компонентах акта коммуникации. "Основные факторы коммуникативного события, — пишет он, — таковы: личность отправителя сообщения, личность предполагаемого получателя или адресата сообщения, осведомленность отправителя о посреднике или очевидце коммуникативного события, код, используемый собеседниками, тема и специфическое содержание сообщения, форма его, свойства канала,

² Бросается в глаза отсутствие среди этих компонентов грамматических правил; тем самым, отталкиваясь от чересчур "очищенного", сугубо грамматичного представления Н. Хомского о языковой способности человека, Д. Хаймс впадает в другую крайность — недостаток грамматической информации (возможно, что эта информация предусматривается компонентом "словесный репертуар", однако это автором не оговорено).

³ В литературе используется также термин "речевая компетенция" в смысле, близком к значению термина "коммуникативная компетенция"; речевая компетенция противопоставляется языковой [8, 321].

посредством которого передается сообщение, обстановка или социальная ситуация, в рамках которой имеет место сообщение, и функция, которую имеет сообщение в данной ситуации" [там же, 277].

"Есть ясные случаи грамматических предложений (типа *I love you*), — пишет далее Филмор, — и ясные случаи неграмматических наборов слов (типа *the a of of*), но кажется, что решение вопроса о том, как квалифицировать неясные случаи, должно основываться на понимании ситуации, а не просто на грамматике, которая порождает все явно грамматические предложения и терпит неудачу при порождении всех явно неграмматических фраз" [18, 283].

Это указание на ограниченные возможности чисто грамматического подхода при анализе живой речи перекликается с мыслью, которую настойчиво повторяет У. Лабов: грамматика описывает многие реально встречающиеся высказывания как ошибки, между тем как этими ошибками насыщена разговорная речь и они не ведут к непониманию; следовательно, лингвистическая теория должна быть перестроена таким образом, чтобы она была способна описывать и объяснять не только "чистые" случаи, но и якобы ошибочные — а на самом деле обусловленные ситуацией и иными факторами — высказывания (см. об этом [27]; см. также [14], где обосновывается необходимость дополнить лингвистическую теорию компонентом, "отвечающим" за интерпретацию подобных ситуативно обусловленных отклонений от грамматической правильности).

Развивая этот взгляд на задачи лингвистического описания, Дж. Гамперц ввел понятие контекстуализации (contextualisation). Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до сл�шателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [20, 17]. Он рассматривает такие виды контекстуализации: переключение кода (например, переход с одного языкового стиля на другой), повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего и др.; все они могут служить сигналами, указывающими на то, что одна тема разговора кончилась и начинается другая [там же, 18 и след.]. Поскольку говорящий в своем поведении постоянно использует подобные сигналы, они должны учитываться при описании языка и его употребления в различных коммуникативных актах⁴.

⁴ Заметим, что как в цитированных работах, так и в исследованиях по теории речевых актов в качестве участников коммуникативного акта, свойства которых влияют на структуру и свойства последнего, рассматриваются лишь говорящий и слушающий. Между тем характер речевого акта и его собственно лингвистические свойства зависят также от того, присутствуют ли в данном акте коммуникации третьих лиц, которые непосредственно не принимают в нем участия (не являются ни говорящими, ни слушающими). Так, неоднократно отмечалось (например, авторами сборника "Social markers in speech" [29]), что присутствие третьих лиц при диалоге (без их непосредственного участия в общении) влияет на тембровые и громкостные характеристики речи (усиливает громкость и в целом повышает тембр), на степень эллиптичности высказываний (уменьшает эллиптичность, делает высказывание более оформленным) и т.д. Кроме того, этот фактор накладывает некоторые ограничения на сами высказывания с точки зрения их возможности/невозможности в данной ситуации.

Можно сказать, что в настоящее время мнение, согласно которому лингвистическое описание должно ориентироваться не только на словарь и грамматику, но и на социальный контекст использования языка, стало общепринятым. Появилась даже опасность пересчур широкого понимания задач лингвистики, которое присуще, например, некоторым работам по pragmatique (см. об этом в обзоре [12]): число факторов, влияющих на речевое поведение человека, оказывается столь большим, а сами они настолько разнообразными, что попытки отнести изучение всех этих факторов к компетенции лингвистики делают очертания науки о языке весьма неопределенными и расплывчатыми.

Между тем многое остается неясным и в той проблематике, которая безоговорочно должна быть отнесена если не к собственно лингвистической, то к социо- и психолингвистической.

Одна из таких проблем — соотношение языкового и неязыкового, в частности социокультурного, в навыке, который принято называть "владение языком".

Квалифицируя этот навык как коммуникативную, или социолингвистическую, компетенцию и перечисляя факторы, существенные для процесса речевого общения (как это сделано в цитированных выше работах), мы лишь признаем, что навык этот сложен и чисто лингвистическая его интерпретация недостаточна для адекватного описания реальной языковой жизни. Но является ли владение языком неким аморфным навыком, или же в нем можно выделить некоторые компоненты или уровни, находящиеся в определенных отношениях друг с другом? Есть основания положительно ответить на вторую часть поставленного вопроса: в навыке владения языком можно выделить несколько уровней в зависимости от того, какого рода информация о языке и его использовании имеется в виду.

УРОВНИ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

1. Собственно лингвистический уровень включает три указанных выше умения, или способности, говорящего и отражает свободное "манипулирование" языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Хотя сущность этого уровня владения языком вполне ясна, проиллюстрируем каждое из умений несколькими примерами.

Способность к перифразированию проявляется в том, что одну и ту же мысль говорящий может выразить по-разному. И чем большее число перифраз он может использовать, тем выше (в этом отношении) степень его владения языком, например: *Переходя улицу, будьте особенно внимательны*.

Например, по наблюдениям Е.В. Рахилиной, "употребление сочетания *моя родина* некорректно в присутствии соотечественника говорящего (более корректно: *наша родина*. — Л.К.), так же как употребление сочетания *мой отец* — в присутствии брата говорящего..."; "...нельзя сказать: "Знакомьтесь — это Володин сын Митенька" в присутствии Митиной матери. Эффект "невежливости" здесь возникает из-за того, что говорящий нарушил правила употребления притяжательных форм; сказав: "Митенька — Володин сын", он тем самым сказал: "и никого другого из здесь присутствующих", а значит, построил текст, не соответствующий заданному смыслу и презумпциям, имеющимся у участников диалога" [9, 106].

тельны. = При переходе улицы будьте особенно внимательны. = Когда вы переходите улицу, (то) будьте особенно внимательны. = Переход улицы требует (от пешехода) особой внимательности. = Особая внимательность — вот что требуется при переходе улицы (когда вы переходите улицу) и т.п.

Умение понимать тексты на данном языке не нуждается в каких-либо иллюстрациях. Распознавание же омонимии заключается в способности носителя языка осознавать неоднозначность таких словосочетаний и предложений, как, например: *люблю Чехова* = 1) ‘люблю произведения А.П. Чехова’; 2) ‘люблю человека по фамилии Чехов’; *посещение писателя* = 1) ‘кто-то посетил писателя’; 2) ‘писатель посетил кого-то’; *Школьники из Костромы поехали в Ярославль* (пример А.В. Гладкого [7]) = 1) ‘костромские школьники поехали в Ярославль’; 2) ‘школьники (не сказано какие) поехали из Костромы в Ярославль’ и т.п. Речь, в особенности устная, как известно, насыщена подобными неоднозначными высказываниями, однако коммуниканты не испытывают от этого особых неудобств, так как омонимичность снимается контекстом и ситуацией общения.

Владение синонимией заключается, с одной стороны, в навыке перифразирования (см. выше), а с другой — в умении находить общий смысл во внешне различных словосочетаниях и предложениях. Например, владеющий русским языком должен уметь опознавать как тождественные по смыслу пары словосочетаний типа *деревянные ложки* — *ложки из дерева*; *оконное стекло* — *стекло для окон*; *продуктовый магазин* — *магазин, где (в котором) продаются продукты*; варианты высказываний и вопросов типа: *Подвиньтесь, пожалуйста. — Можно попросить вас подвинуться? — Вы не могли бы подвинуться?*⁵ и т.п.

Наконец, человек, владеющий каким-либо языком, должен уметь определять, как можно, а как нельзя говорить на этом языке. Например, владеющий русским языком не колеблясь отнесет к неправильным фразы типа **Он сделал мне помошь* (вместо: *оказал помощь*); **У нее понизилось здоровье* (вместо: *ухудшилось*); **С минуту воцарилось молчание* (вместо: *На минуту воцарилось молчание или с минуту царilo молчание*); **Я имею шестьдесят килограмм веса* (вместо: *Я вешу шестьдесят килограммов* или *Во мне шестьдесят килограммов (кило)*) и т.п.

Эти умения составляют основу навыка, называемого “владение языком”. Очевидно, однако, что для свободного общения на том или ином языке трех указанных умений недостаточно. Можно хорошо знать нормы произношения, правила грамматики, словоупотребления, уметь использовать разные языковые средства для выражения одной и той же мысли, обладать отменным чутьем на разного рода языковые неправильности, но при этом не иметь необходимых навыков нормального для данного общества коммуникативного поведения, недостаточно умело применять лингвистические знания и способности в реальной речевой обстановке.

⁵ Здесь мы рассматриваем лишь собственно смысл высказываний, но не их коммуникативное предназначение, ситуативную обусловленность, различия в степени вежливости и т.п.

Природный, "подлинный" носитель языка обычно способен варьировать свою речь в зависимости от своих отношений с адресатом, от социальных и психологических характеристик последнего, от цели речи и от многоного другого (ср. то, что Ю.Д Апресян называет селективной способностью говорящего). Поэтому помимо собственно лингвистического уровня владения языком целесообразно выделять еще и другие.

2. Национально-культурный уровень — владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Носители того или иного языка, с детства овладевая словарем, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, исподволь, чаще всего неосознанно впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи и традиции бывают связаны со специфическим использованием языка, его выразительных средств. Так, в Венгрии чай *варят*, а в России *заваривают* (поэтому для русского уха выражение *варить чай* необычно, странно). Для русских типично *ходить в гости* и *приглашать гостей* к себе домой; французы же, как правило, встречаются вне дома и соответственно не употребляют оборотов, эквивалентных по смыслу выделенным русским словосочетаниям. В Финляндии яйца продают на вес, а не счетом на десятки, как это принято у нас; отсюда возможные высказывания в речи финнов, овладевающих русским языком, типа *Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм яиц*, которые природному носителю русского языка, конечно же, кажутся странными (хотя в чисто языковом отношении они вполне правильны) (примеры заимствованы из книги [6, 91—92]).

Национально обусловлены многие речевые стереотипы, т.е. обороты и высказывания, "жестко" прикрепленные к той или иной ситуации (или классу ситуаций) и варьируемые в строго определенных пределах. Так, у русских приняты следующие стереотипы начала разговора по телефону: — *Алло!*; — *Да!*; — *Слушаю!* или *Я слушаю*; *Слушаю вас*; *Вас слушают* и еще немногие другие (при снятии трубки в ответ на телефонный звонок). Немец, даже хорошо владеющий русским языком, может в этом случае сказать: — *Пожалуйста!* (как бы предлагая звонящему начать говорить). Представляясь собеседнику по телефону, русский говорит: — *Это Петров* (*Это Дмитрий Иванович*; *Это Коля*). Немец или француз, следуя принятым в их национальных традициях стереотипам, могут сказать: — *Здесь Гофман*; — *Здесь Поль* (кальки немецкого *Hier ist Hoffman* и французского *Ici Paul*).

Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание коннотаций слова, которые очень часто бывают обусловлены национально. Например, слово *сокол* в русском языковом сознании ассоциируется с такими свойствами, как бесстрашие, гордость; на этой основе родилось переносное употребление данного слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*faucon*) таких ассоциаций нет. Слово *корова* ассоциируется с такими свойствами, как толщина и неповоротливость, поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отношению к человеку, преимущественно к женщине, что совершенно невозможно и непонятно для

индийцев, в национальных традициях которых, как известно, поклонение корове как священному животному.

Некоторые национально обусловленные коннотации не отмечены столь явно выраженной положительной или пейоративной окраской, и поэтому они меньше ощущаются говорящими. Так, в русскоязычном обществе неправильно заваренный и потому невкусный чай ассоциируется с веником; плохой (невкусный, жидкий и т.п.) кофе не имеет такой ассоциации — скорее, его можно сравнить с помоями. В дублированном на русский язык французском фильме "Черная мантия для убийцы" герой сравнивает сваренный ею кофе как раз с веником. Она предлагаєт собеседнику: — *Давай выпьем по чашке этого веника*. Налицо отклонение от национально обусловленной стандартной ассоциации (коннотации).

Черный цвет в русском обществе (как и в большинстве европейских национальных социумов) — символ траура. Само прилагательное *черный* в прямом своем значении имеет соответствующую коннотацию, обусловленную указанным семиотическим фактом. Благодаря связи "*черный — траур*" в языковом сознании говорящих по-русски ироническое выражение *траур под ногтями* легко понимается в русскоязычном обществе и может быть столь же легко переведено на языки, обслуживающие те общества, в национально-культурных традициях которых цветом траура является также черный цвет. Однако для перевода этого выражения на языки тех наций, которые имеют иные традиции символического обозначения траура (например, в некоторых культурах стран Востока для этого служит белый цвет), необходимы комментарии.

Факты подобного рода только на первый взгляд могут показаться единичными; в действительности ими насыщено повседневное речевое общение людей. Однако, принадлежа к одному и тому же этносу, владея общей национальной культурой, люди редко обращают внимание на специфику таких фактов, на их возможные отличия от аналогичных явлений в иных языковых сообществах.

3. Энциклопедический уровень — владение не только самим словом, но и " миром слова", т.е. теми реалиями, которые стоят за словом, и связями между этими реалиями. Так, владение русским словом *часы* предполагает знание не только собственного значения этого слова, его лексической и грамматической сочетаемости (ср.: *Часы идут, стоят, спешат, бегут, остановились, тикают, бьют; точные часы; На часах — половина первого* и т.п.), фразеологических сочетаний, содержащих это слово (*Он точен, как часы*) и другой чисто языковой информации, но и многочисленных разновидностей прибора для измерения времени: часы механические, электрические, электронные, водяные, солнечные, атомные; наручные, карманные, стенные (или настенные), будильник, ходики, часы с кукушкой, куранты и др. (ср. указание всех этих и других подобных сведений в словарной статье ЧАСЫ "Толково-комбинаторного словаря русского языка". Вена, 1984. С. 953—957). Знание подобной энциклопедической информации важно, в частности, для правильного выбора слова в той или иной конкретной ситуации (например, в ситуации утреннего

пробуждения говорящий предпочтет сказать *Меня разбудил звонок будильника, а не "звонок часов"*.

Знание "мира слова" проявляется, в частности, в правильном представлении о родовидовых отношениях между вещами и понятиями. Так, носитель русского языка знает, что *мебель* — это общее название для дивана, шкафа, стола, стульев, кресел и других видов мебели, что *перебегать, переползать, переплыть* и другие подобные глаголы могут быть обобщены глаголом *перемещаться*. Такое знание имеет важные следствия как для речевого общения в целом, так и для построения логически правильных высказываний. Например, для образования цепочек однородных членов в предложении необходимо соблюдать условие, благодаря которому такие члены и называются однородными: они должны обозначаться словами, которые называют вещи или понятия одного логического уровня; если же в этом предложении надо употребить и родовое наименование, то оно должно быть снабжено определением: *В комнате стояли стол, стул, шкаф и еще кое-какая мебель* — нельзя сказать **В комнате стояли стол, стул, шкаф и мебель* (см. об этом, в частности, [10]).

Помимо родовидовых отношений лингвистически существенны и другие виды связей вещей, действий, событий: причинно-следственные, временные, пространственные. Знание этих отношений позволяет говорящему отличать логически нормальные высказывания от аномальных, неправильных: *На улице сырьо, так как идет дождь* (но не: **На улице сырьо, поэтому идет дождь*); *Он встал, оделся и вышел на улицу* (но не: **Он вышел на улицу, оделся и встал*) — во всяком случае, такое предложение описывает нестандартную ситуацию). Предложение типа **Завтра я был в детском саду* в речи ребенка свидетельствует о том, что он не только не овладел еще значением слова *завтра*, но и не имеет ясного представления о взаимном расположении смыслов 'вчера', 'сегодня', 'завтра' на оси времени.

Следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемые здесь высказывания являются аномальными логически, с точки зрения нормального устройства мира, грамматически же они вполне корректны (о различии между языковыми неправильностями и логическими аномалиями см. [2]).

4. Ситуативный уровень — умение применять языковые знания и способности, как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, сообразно с коммуникативной ситуацией.

Коммуникативная ситуация состоит из нескольких компонентов: 1) говорящий и его социальная роль; 2) слушающий и его социальная роль; 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель; 6) средство общения (подсистема, или стиль, языка, паразыковые средства: мимика, жесты и т.п.); 7) способ общения (устный — письменный, контактный — дистантный); 8) место общения (это представление о структуре коммуникативной ситуации — модификация идей, высказанных Р. Якобсоном [26] и развитых затем в работах Д. Хаймса [22]).

Это — ситуативные переменные: изменение значений каждой из них ведет к изменению речевой ситуации и, следовательно, к варьированию языковых средств, используемых коммуникантами, и их речевого поведения в целом. Так, общение судьи и свидетеля в зале суда отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания (меняется место, но социальные роли, как и все другие ситуативные переменные, сохраняются неизменными).

Обращение судьи к свидетелю с целью выяснения биографических данных с необходимостью предполагает вопросно-ответную форму общения с соответствующими синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, повтор отвечающим некоторых элементов вопроса и т.п.). Обращение судьи к свидетелю с целью воспроизвести показания последнего во время предварительного следствия часто имеет форму монолога судьи и лишь подтверждающую или отрицающую реакцию свидетеля (в этих двух ситуациях различны цели общения, другие же ситуативные переменные неизменны).

Очевидным образом, выходя из своей служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех ролевых отношениях, которые предписывают обоим определенное речевое поведение. Скажем, в "транспортной" ситуации — если судья и свидетель едут в автобусе — при социальных ролях "пассажир — пассажир" их речь при общении друг с другом менее официальна.

Если (достаточно редкая, но все же возможная ситуация) судья и свидетель — приятели, то, несмотря на это, обстановка судебного заседания и их роли в нем предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при "возврате" к приятельским отношениям, тональность общения может меняться на фамильярную с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргонов.

Общение судьи и свидетеля на приеме у судьи (контактность и устность) допускает эллиптизованные формы речи; собственноручные письменные показания свидетеля (дистантность и "письменность") требуют эксплицитных, синтаксически оформленных и законченных форм выражения.

Разумеется, в реальном общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом, и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с другими (а не изолированно, как в приведенных примерах, играющих чисто иллюстративную роль). Так, если меняется место общения, то часто это означает и изменение его цели, а также социальных ролей коммуникантов и тональности общения; контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговорных форм речи, а дистантность — с использованием речи книжно-письменной (ср., однако, общение по телефону) и т.д.

Ситуативные переменные имеют разный "вес" с точки зрения силы их влияния на характер речевой ситуации. Большим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения, меньшим — переменные, отражающие многообразие реальных речевых ситуаций. Число значений

первых конечно (хотя само по себе может быть достаточно большим), значения вторых представляют собой незамкнутые множества. Так, цель общения реализуется каким-либо конкретным речевым актом, типы которых исчислимы, с использованием определенной (или, чаще, определенных) функции языка. Например, сообщая что-либо, говорящий прибегает к речевому акту сообщения и использует при этом информационную функцию языка, возможно в сочетании с эмотивной (это зависит от намерений говорящего: хочет ли он только проинформировать слушателя о чем-либо или же еще и высказать собственную оценку сообщаемого). Просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, приглашение, оправдание и тому подобные интенции говорящего облекаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка.

Структурой человеческой деятельности заданы способы общения: контактный — дистантный, устный — письменный. Социальные роли также можно считать наперед заданными, так как в каждом обществе существует ролевая матрица, или матрица общения (термин Дж. Гампера [19, 31]), — совокупность типичных социальных ролей (точнее — соотносительных ролевых пар, отсюда и сам термин "матрица"), характерных для поведения членов данного общества.

Тональность на первый взгляд кажется такой переменной, которая имеет недискретные значения; в действительности же говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и фамильярным (дружеским) общением (другие виды тональности являются промежуточными между этими тремя⁶), но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным ситуациям общения.

В отличие от всех перечисленных переменных место общения не является, по всей видимости, переменной с наперед заданными значениями, и число значений этой переменной вряд ли можно признать конечным (даже если сводить все разнообразие мест общения к типовым). В связи с этим заметим, что и вес этой переменной меньше, чем вес таких факторов общения, как цель, социальные роли, тональность и др. Изменение места общения само по себе далеко не всегда ведет к изменению характера речевого поведения общающихся: если, например, ролевые отношения их остаются прежними, то изменение фактора "место" нередко оказывается нерелевантным (ср., например, общение учителя и ученика в классе и вне класса). Изменение места общения чаще всего значимо в сочетании с изменением каких-либо других условий общения. Так, если в результате смены места усиливается зависимость одного из коммуникантов от другого, то меняется характер речевого поведения первого. Например, безбилетный пассажир, будучи задержан контролером в вагоне поезда, может позволить себе вербальный протест и несогласие с применяемыми к нему санкциями в большей степени, нежели в отделении милиции, куда в случае необходимости доставляет его контролер (зависимость пассажира от

⁶ Ср. шкалу тональностей, которую дает Е.Ф. Тарасов: возвышенная (торжественная), нейтральная, нейтрально-обиходная, фамильярная, вульгарная [11, 273].

контролера, асимметрия их социальных ролей налицо и в том и в другом случае, однако во второй ситуации она, несомненно, увеличивается).

Знание говорящим ситуативных условий речи, владение им неким набором представлений о ситуативной уместности/неуместности тех или иных форм речи очень трудно эксплицировать и описать в виде некоторого набора умений (как это сделано, например, по отношению к собственно лингвистическому уровню владения языком) вследствие сложности и многогранности самих этих представлений. Однако первые шаги на пути создания так называемых ситуативных грамматик делаются — путем исчисления коммуникативных ситуаций, их детального анализа, описания поведенческих тактик коммуникантов и т.п. (см., например, [5]). Работы этого направления с неоспоримостью свидетельствуют, что владение ситуативными механизмами речевого поведения составляет важный компонент более сложного психического навыка — владения языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
2. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka*. Wrocław, 1978.
3. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
4. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл — Текст" // *Wiener slawistisher Almanach*. Wien, 1980. S.-Bd. 1.
5. Верещагин Е.М. Тактико-ситуативный подход к речевому поведению // *Русистика*. 1990. № 1.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1976.
7. Гладкий А.В. Математика и язык // Энциклопедический словарь юного филолога: Языкознание. М., 1984.
8. Психолингвистика. М., 1984.
9. Рахилина Е.В. Некоторые замечания о посессивности // Семиотика и информатика. М., 1983. Вып. 22.
10. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
11. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
12. Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. рефератов. М., 1984.
13. Austin J. How to do things with words. Oxford, 1963.
14. Bierwisch M. Social differentiation of language structure // *Language in focus: foundations, methods, systems* / Ed. by A. Kasher. Dordrecht, 1976.
15. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. MIT press, 1965.
16. Ervin-Tripp S. Sociolinguistics // Advances in the sociology of language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1971. Vol. I.
17. Ervin-Tripp S. Language acquisition and communicative choice. Stanford, 1973.
18. Fillmore Ch. A grammarian looks to sociolinguistics // Monograph Series on Languages and Linguistics. Washington, 1973. N 25.
19. Gumperz J. Types of linguistic communities // Anthropological Linguistics. 1962. N 4.
20. Gumperz J. Introduction: language and the communication of social identity // *Language and social identity* / Ed. by J. Gumperz. Cambridge University Press, 1984.
21. Hymes D. Models of the interaction of language and social settings // *Journal of Social Issues*. 1967. N 23.
22. Hymes D. The ethnography of speaking // Readings in the sociology of language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1970.
23. Hymes D. Competence and performance in linguistic theory // *Acquisition of language: models and methods*. L.; 1971.

24. Hymes D. On communicative competence // *Sociolinguistics* / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972.
25. Hymes D. Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
26. Jakobson R. Linguistics and poetics // *Style in language* / Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge; New York, 1960.
27. Labov W. The social stratification of English in New York city. Washington, 1966.
28. Labov W. The study of language in its social context // *Studium generale*. 1970. N 23.
29. Social markers in speech / Ed. by K.R. Sherer, H. Giles. Cambridge University Press, 1979.

Г.П. НЕЩИМЕНКО

(РОССИЯ)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ИСТОРИИ ЭТНОСА

На современном этапе развития науки все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры. Соответственно учет языкового контекста имеет большое значение для адекватного освещения вопросов, находящихся в поле зрения таких смежных научных дисциплин, как культурология, социология, история и т.д.

Изучение вопроса о соотношении феноменов "язык" и "культура" во многом затруднено отсутствием четкого и непротиворечивого определения понятия "культура", разработанного понятийно-терминологического аппарата. Специалисты насчитали не менее 600 определений культуры, однако разброс в интерпретации объема понятия "культура" в них настолько велик, что некультурологу весьма непросто сориентироваться в этом море дефиниций, в силу чего зачастую ему приходится в конечном итоге довольствоваться общенным представлением о культуре. Не вдаваясь в детали этих определений, отметим, что культура в них нередко отождествляется либо с обществом в целом, либо с овеществленным трудом, либо со всей совокупностью духовных и материальных ценностей, созданных человеком, и т.п. Соответственно варьируются и представления о роли языка в культурном процессе (ср.: часть/элемент/инструмент/форма и пр. культуры). В целом диапазон оценок включает либо полное растворение языка в культуре (причем языку нередко неправомерно приписывается лишь сугубо инструментальная роль), либо, напротив, отрицание прямой взаимосвязи обоих феноменов. Не можем не заметить, что ведущиеся по этому поводу дискуссии зачастую носят сколастический характер.

Из широкого круга вопросов, охватываемых проблемой "Язык и культура", наиболее разработанными в настоящее время являются лишь некоторые аспекты, касающиеся, например, роли языка в художест-

венном творчестве, а также "отражательной" или "познавательной" функции языка. В последнем случае исследователи обычно оперируют расширительным пониманием культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Причем язык рассматривается как своего рода "слепок" того или иного культурного слоя, как исторически изменчивый набор обозначений, фиксирующих культурный прогресс общества, его историческую эволюцию. Иными словами, язык фиксирует цивилизационные напластования, многие из которых являются предметом специальных этимологических разысканий.

При написании настоящей статьи мы ставили перед собой задачу рассмотреть в определенном ракурсе проблему взаимодействия языка и культуры в истории этноса, отнюдь не претендую на сколько-нибудь исчерпывающее освещение этой комплексной и многоаспектной темы. При этом особый интерес для нас представляли вопросы, существенные для понимания ряда конвергентных и дивергентных процессов, сопровождающих формирование поли- и монокультурных этнических общностей.

Исходным для нас был системно-функциональный подход к феноменам "язык" и "культура". В своем понимании феномена культуры мы руководствовались концепцией, согласно которой культура является системой духовного освоения действительности, включающей производство, хранение, распределение и потребление духовных ценностей. Данная концепция, апробированная нами в одном из предшествующих исследований [5], детально рассматривается в ряде работ М. Ешича (ср., в частности, [1; 2; 3]).

При сравнении обеих систем мы обращали особое внимание на их существенные, т.е. субстанциональные, и функциональные параметры.

В нашем представлении оба феномена — язык и культура — являются автономными, но вместе с тем тесно взаимодействующими знаковыми системами, соотнесенными с мышлением и коммуникацией. В этом отношении мы полностью согласны с чешским исследователем П. Зимой [25]. Следует, однако, подчеркнуть несколько важных, на наш взгляд, моментов:

1) обе системы имеют комплексный характер, так как они используют некоторое множество знаковых систем;

2) знаковые системы, характерные для языка, являются изофункциональными, однородными. Они манифестируются в виде различных форм существования этнического языка (литературный язык, обиходно-разговорная речь и пр.), используемых как в звуковой, так и в графической реализации. В силу этого можно говорить о гомогенности языка как системы в целом;

3) знаковые системы, используемые в культуре, весьма разнообразны и не однородны, они существенно отличаются друг от друга. Так, в работах М. Кагана называются как рядоположенные (что, на наш взгляд, весьма спорно, если учесть несопоставимую значимость сравниваемых компонентов) такие "языки", как кинетический, звукоintonационный, вербальный, звуковая сигнализация, иконический язык. Разнородность этих "языков" позволяет говорить о гетерогенности культуры как феномена;

4) оба феномена, как уже отмечалось, тесно связаны с мышлением и коммуникацией, однако значимость этой взаимосвязи, ее удельный вес существенно отличаются друг от друга. Так, коммуникативная функция безусловно превалирует в языке, является его доминирующим функциональным назначением. В культуре, напротив, преобладает функция эстетическая, прежде всего это установка на эстетическое самовыражение личности, творца. В каком-то смысле автор может быть индифферентен к тому, как будет воспринято современным массовым потребителем его произведение, найдет ли оно своих почитателей либо, напротив, предвосхитит будущий виток в развитии культуры и соответственно не будет понято современниками. Таким образом, с определенной долей условности можно говорить о том, что в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре более ценится элитарность, а не массовость (ср. отношение к массовой культуре, тиражирующей некоторые стереотипы на "потребу" публики). Справедливости ради следует, впрочем, отметить, что оппозиция "массовость—элитарность" в какой-то мере правомерна и для языка как такового. Мы имеем в виду особую престижность, элитарность литературного языка, изначально имевшего узкую социальную базу. Так, например, в древнечешский период, по мнению ученых, всего лишь двадцати процента носителей чешского языка были грамотными, т.е. могли в той или иной мере владеть нормой литературного идиома: это было духовенство, позже к их числу присоединились феодалы, высшее бюргерство и т.п. Далее, культивирование литературного языка, целенаправленно осуществлявшееся его кодификаторами, также отражает своеобразный языковой эстетизм (языковая культура), принципы которого меняются в зависимости от действующих речевых канонов. Так, в эпоху чешского Возрождения намеренно культивировалось значительное отличие поэтического языка (как в прозе, так и поэзии) от языка разговорного, языка "улицы". Впоследствии на протяжении длительного времени, во всяком случае вплоть до первой половины XX в., действовало правило следования образцовой речи так называемого хорошего автора. Примечательно, что, по словам чешского исследователя А. Стиха [23], один из основоположников чешского реализма, Я. Неруда, настойчиво добивался от чешской общественной элиты, чтобы она использовала в своем непринужденном общении отнюдь не обиходно-разговорный, а литературный язык со всеми его атрибутами. Практика современной языковой коммуникации убедительно показывает, насколько безуспешными были эти попытки: языковая эстетика все в большей степени тяготеет к разговорности, экспрессивности, а отнюдь не к рафинированной литературной норме. Ныне практически во всех славянских языках в качестве своего рода "эталонной речи" утверждается язык средств массовой коммуникации, публистики. Проявлением элитарности, своего рода социальной маркированности было и намеренное использование иностранного языка, скажем французского, в аристократической среде России, немецкого — в среде чешской знати и богатого мещанства. Впрочем, с течением времени использование социально маркированных идиомов стало утрачивать свою кажущуюся

притягательность. Социальная база литературного языка существенно расширилась;

5) как в языке, так и в культуре существует сходная коммуникативная цепочка: генератор (коммуникатор), порождающий определенный текст (причем, как справедливо отмечает П. Зима [25], не всякий порождаемый текст есть произведение культуры и не всякое произведение культуры воплощается с помощью языковых средств) — каналы коммуникативной связи, обусловливающие как синхронную, так и диахронную трансляцию текста, — адресат/реципиент/коммуникант как финальный пункт коммуникативной цепочки. Несмотря на то что технические возможности современных каналов коммуникативной связи допускают использование для фиксации, хранения и передачи информации различных семиотических систем, а также их комбинаций, преимущества языковой знаковой системы неоспоримы. Это обусловлено такими ее свойствами, как универсальность, способность к постоянному развитию, совершенствованию, стабильность (гибкая), полисемантичность (что важно для экономии языковых знаков), богатство выразительных средств, высокая степень аналогичности в репродукции схем, что способствует оперативной "расшифровке" информации, и т.п. Важно, однако, подчеркнуть, что при коммуникативном контакте, осуществляющем с помощью языковых средств, особое значение имеет соответствие языковой компетенции обоих участников коммуникативного акта, предполагающей не только знание нормы употребляемого языкового идиома, но и умение его адекватно использовать сообразно существующему коммуникативному стандарту. В противном случае может возникнуть коммуникативный сбой, своего рода коммуникативный шок у адресата, которому предназначается информация (чаще всего это происходит при необоснованном нарушении нормы в случаях престижного, эталонного речевого употребления: ср. ошибки в речи дикторов радио- и телевещания, в публичных высказываниях государственных деятелей и т.п.). Иными словами, коммуникатор "кровным образом" заинтересован в том, чтобы порождаемая им информация быстро, без потерь, с адекватной реакцией была воспринята адресатом. Напомним, что в культуре, как уже отмечалось, фактор подобной взаимной компетентности не столь актуален.

Квалифицируя язык и культуру как автономные системы, отличающиеся друг от друга как в субстанциональном, так и в функциональном отношении, следует иметь в виду их тесное взаимодействие, как опосредованное, так и непосредственное. В первом случае мы имеем в виду, что оба феномена соотнесены с мышлением и соответственно через эту связь соединены опосредованно друг с другом. Являясь неотъемлемым компонентом мышления, т.е. логико-рационального осмысления мира, язык принимает участие во всех видах духовного производства, независимо от того, используют ли они слово в качестве непосредственного орудия творчества. Материализуя общественное сознание, языковая знаковая система является носителем, а следовательно, и хранителем информации, т.е. тех или иных понятий и суждений об окружающем мире. Заметим, что диапазон этой информации практически безграничен: от логико-рационального до чувственно-эмоционального восприятия мира. Появле-

нию соответствующего языкового наименования, т.е. знака, предшествует сложный процесс препарации и классификации понятия в соответствии с выразительными возможностями конкретного языка.

Тесно взаимодействуя друг с другом, оба феномена имеют большую зону пересечения в силу того, что язык является одним из важнейших способов объективации, экстериоризации культуры, выполняет в ней существеннейшую эстетическую функцию. Следует, однако, учесть, что равно как культура имеет неязыковую сферу ее реализации, так и язык используется не только в культуре, но гораздо шире — в системе общественной коммуникации в целом.

В культурологической литературе, как уже отмечалось, превалирует квалификация языка как инструмента культуры. Вряд ли нужно специально доказывать, что это обедняет значимость языка в художественном творчестве, где его роль куда более сложна и многогранна. Прежде всего язык делает возможным полное протекание культурного цикла, т.е. упомянутую выше коммуникативную цепочку: духовное производство — хранение и трансляцию (как по горизонтали, так и по вертикали) духовных ценностей — и, наконец, их потребление. Особенно очевидна значимость языка в вербальных видах творчества, и прежде всего в художественной литературе, где языковые средства выполняют важную эстетическую функцию, являются органичной составной частью структуры произведения, играют важную роль при воплощении художественного образа. Специфика просодических особенностей языка предопределила эволюцию стихосложения. Так, античное метрическое стихосложение основывается на чередовании долгих и кратких слогов, силлабическое стихосложение западнославянской поэзии предполагает фиксированное ударение. В русской поэзии в связи с отсутствием фиксированного удараия утвердилось силлабо-тоническое и тоническое стихосложение (ср. [5, 189]).

Отчетливо прослеживается взаимосвязь между характером используемых языковых средств и художественным методом, посредством которого создано то или иное произведение. Языковая эстетика классицизма, тяготевшего к произведениям "высокого" стиля, допускала широкое включение книжной, "торжественной", во многом архаической лексики. Иллюстрацией сказанного в чешском языке эпохи национального Возрождения является активизация использования прилагательных с префиксом *pře-* в произведениях патетической, выспренней тональности — это героические поэмы, оды, трагедии и пр. Примечательно, что в языке одной лишь поэмы Ш. Гневковского "Девин" зафиксировано не менее 50 дериватов с *pře-*: *přeroprný*, *přeplápolný*, *přenevinný*, *převznešený*; ср. в контексте: *V stavu není přemoci přesilné tuži* [4, 103]. В этот же период (первая половина XIX в.) деятели чешской культуры, и в частности И. Юнгман, настойчиво проводят мысль о необходимости сохранения необычности поэтической речи по сравнению с речью обыденной путем создания специфической поэтической синонимики (ср.: [10, 63]). Напомним в этой связи о тяготении к использованию экспрессивной лексики, в частности деминутивов, в произведениях сентиментализма. С утверждением реализма явно наметилась тенденция к

использованию разговорной лексики, включению диалогических структур.

Прослеживается взаимосвязь между определенными жанрами и характером языковых средств. Так, в современной чешской эссеистике широко представлена книжная лексика, особенно абстрактные обозначения типа *absurdno*, *absoluino*, *abstraktno*, *duchovno*, *dusevno*, *erotično*, *estetično* и пр., что свидетельствует о некоторой претенциозности стиля.

До недавнего времени считалось, что художественная литература является одной из главных сфер использования литературного языка, поэтому именно язык произведений художественной литературы и рассматривался в качестве важнейшего источника познания нормы данного языкового идиома. Причем согласно действовавшим канонам чешской языковой эстетики в качестве "арбитров правильного чешского языка" [13, 43] использовались писатели далекого прошлого. Для первой половины XIX в. подобным эталоном была литература "классического, золотого" XVI, отчасти XVII вв.: Д.А. Велеславин, его современники, Кралицкая библия, Я.А. Коменский. К 80-м годам XIX в. хронологические рамки поиска так называемого хорошего автора еще более понизились, охватив древнечешскую литературу, причем не только Т. Штитного и Я. Гуса, но и более ранние произведения типа Легенды о святой Катерине и т.п. И лишь в первой половине XX в. в поисках речевых канонов обратились к произведениям современных писателей. "Если мы хотим найти хорошего автора, по которому мы могли бы выверять свою собственную языковую практику, у которого мы могли бы учиться правильному языку, нам следует искать его не среди авторов прошлого, а среди писателей, которые говорят на том же языке, что и мы, или даже более правильно... Читая их произведения, мы будем совершенствовать свои знания литературного языка" [там же, 49—50]. Впрочем, В. Ертл делает важное уточнение: "...абсолютно хороший писатель всего лишь фикция, абстрактное представление, не существующее в реальности. Это совокупность признаков, полученных в результате наблюдения и сравнения писателей, действительно существующих, произведения которых решающим образом влияют на формирование языка их эпохи" [там же, 52]. Иными словами, "хороший автор" — это совокупный образ.

Во второй половине XX в. все более очевидным становится, что язык произведений художественной литературы в силу своей стилизованности, подчиненности художественному замыслу не может служить надежным источником изучения нормы современного литературного языка, поскольку он зачастую неадекватен современному узусу (приведем курьезный пример: в начале 70-х годов в театре "Семафор" в Праге была осуществлена постановка пьесы Й. Сухого и Фр. Гавлика "Чародейка", текст которой включал пассажи на псевдодревнечешском языке; в качестве языковых консультантов для этой цели приглашались специалисты из Института чешского языка). Эта мысль проводится в целом ряде работ чешского исследователя А. Едлички, и прежде всего в его книге "Литературный язык в современной коммуникации" [17]. Примечательно, что словацкий ученый Я. Горецкий вообще выводит язык художественной литературы за рамки стратификации национального языка [15, 119]. В

настоящее время примером эталонного речевого употребления является язык радио и телевидения, научно-популярной литературы.

Оценивая современный языковой узус, следует отметить не только общее снижение престижности литературного языка, снижение авторитетности его кодификации. Все более очевидным становится, что литературный язык, сколь бы велика ни была его значимость в цивилизационном развитии этноса, не может заполнить собой все языковое пространство. Он не является, как полагали многие ученые, универсальным языковым идиомом, способным обслуживать все сферы общения.

Основная сфера использования литературного языка — это высшие коммуникативные функции, включающие различные виды общенародного общения, и в частности науку, образование, общественное управление, общественно-политическую сферу, художественное творчество, средства массовой коммуникации и пр. (см. подробнее [6]). Как показывает практика, все более затруднительным становится осуществление контроля над уровнем языковой культуры в силу стремительно растущего числа пользователей литературного языка, не владеющих в достаточной мере его нормой. Примечательной особенностью современной коммуникации является наличие диспропорции между численностью носителей и пользователей литературного языка, что отчетливо проявляется в сфере публичной коммуникации. Нельзя не отметить и еще одну характерную примету современного узуса — это усиление влияния разговорной стихии, экспрессивности.

Большое влияние на норму литературного языка имеет способ трансляции текста. Так, ранние произведения древнечешской литературы предназначались для устного воспроизведения (основная масса населения, как уже отмечалось, была неграмотной). Данное обстоятельство обусловливало упрощенность синтаксической структуры текста, включение особых композиционных компонентов в виде рефренов, обращения к публике для уточнения ее реакции и т.п. К концу XIV в. начали появляться произведения, предназначавшиеся для чтения, что повлекло за собой усложнение синтаксического построения, активизацию использования абстрактной лексики, совершенствование графической системы и т.п. Однако особенно большие изменения произошли в связи с появлением новых каналов коммуникативной связи, прежде всего общеэтнического или же общегосударственного значения. Начало этому было положено возникновением периодической печати. Большое значение для общего подъема чешской культуры имело развитие чешской журналистики и публицистики. Изучение языка ранних изданий (конец XVIII—первая половина XIX в.) позволяет наглядно наблюдать формирование публицистического стиля, постепенно освобождающегося от беллетристичности.

Язык прессы, с характерным для него столкновением различных норм, оказывает мощное стимулирующее воздействие на развитие современной языковой ситуации. Это воздействие стало чрезвычайно интенсивным в связи с появлением электронных средств массовой коммуникации — радио и телевидения, не только отличающихся расширенным изобразительным рядом, но и — что особенно важно — делающих возможной неза-

медлительную общееэтническую коммуникативную связь. В свете сказанного нам бы хотелось особенно выделить два важных обстоятельства. Это, во-первых, возрастание значимости устного литературного языка, впервые получившего общееэтнический статус (до этого он служил в основном средством интерперсональной коммуникации). Во-вторых, появление нового феномена — массового тиражирования ситуации интимно-доверительного общения в ходе интервью, спонтанных репортажей. Благодаря общей престижности радио- и телевещания усилилось влияние разговорных, т.е. диалогических, форм общения, повысился их статус. В конечном итоге это привело к пересмотру действующих канонов речевой эстетики.

Характерной приметой современного узуса является возрастание значимости таких разговорных идиомов, как просторечие, сленги, профессиональная речь. Разумеется, речь идет не о полном воспроизведении нормы этих идиомов, а лишь о трансплантиации некоторых их компонентов (лексика, фонетика, морфология и пр.) в живую ткань непринужденного повседневного общения самых различных слоев населения, независимо от их социальной, а отчасти и возрастной принадлежности; ср. произвольно выбранные нами из Толкового словаря уголовных жаргонов [9] лексемы: **кадрить** ‘знакомиться с женщиной или девушкой’, **лепить** ‘говорить неправду’, **мурлыжить** ‘умышленно тянуть время на допросе’, **пахан** ‘глава преступной группы’, **шестерка** ‘подхалим, соучастник, выполняющий подсобную работу’ и мн. др.

Особого упоминания в этой связи заслуживает такой уникальный феномен, как чешская обиходно-разговорная речь (так называемая *obecná čeština*), широко используемая в произведениях художественной литературы, в языке средств массовой коммуникации, кино, театре, вообще в публичных высказываниях. Это дает основание говорить о появлении престижной разновидности разговорной речи.

Большой интерес представляет использование территориальных диалектов. Вопреки предположениям ученых они не только не подверглись стремительной нивелировке (хотя, разумеется, и утратили структурную целостность как самостоятельные идиомы), но и приобрели некоторые новые функции — например, стали использоваться в качестве своего рода “языка малой родины”, т.е. при доверительном общении выходцев из деревни с земляками, родственниками и т.п.

Особого упоминания заслуживает использование диалекта в культурной функции, хотя справедливости ради следует сказать, что в целом это носит маргинальный характер (мы не имеем в данном случае в виду факты диалектной стилизации речи персонажей или даже автора в произведениях художественной литературы либо использование диалекта в фольклоре). Как отмечает Я. Горалек [14, 19], восточнославацкие кальвинисты с середины XVIII в. вплоть до начала XX в. использовали земплинское наречие в качестве языка богослужения, на нем же они издавали и свои богослужебные книги. Небезынтересно и функционирование диалекта в экстремальных условиях островного проживания этноса (тем более в окружении неродственных языков). Как показал В. Штаб [11] на материале языка советских немцев в Казахстане, в

условиях культурной и языковой ассимиляции, при слабой приобщенности местного населения к литературному немецкому языку, именно территориальный диалект (или же интердиалект) не только способствует сохранению этнического самосознания, но и в ряде ситуаций выполняет культурную функцию, исконно принадлежащую литературному языку. Так, например, региональный идиом нередко используется для написания аннотаций к спектаклям, исполняемым в местном театре на литературном немецком языке. Надобность в этом возникает в связи с плохой подготовкой в школах по литературному немецкому языку.

Необходимо подчеркнуть, что континуальное развитие литературного языка по разным причинам может прерываться. К числу таких причин может относиться смена опорного диалекта (об этом мы еще скажем ниже) и культурной традиции, например замена старого литературного языка новым, сформировавшимся на народной основе, как это было у сербов в период национального возрождения. У чехов, напротив, в конце XVIII в. после двухвековой насильственной германизации была восстановлена норма литературного языка конца XVI—начала XVII в., поскольку опора на расшатанную норму литературного языка конца XVIII в. деятелям чешского возрождения не представлялась возможной. Может играть определенную роль и "вторжение" чужого языка (вытеснение литургии на славянском языке латынью) и пр. В отличие от литературного языка разговорные идиомы по всей шкале их реализации (от диалекта до субстандартных образований) развиваются непрерывно и органично, являясь стабильным компонентом этнического самосознания. Имея более прочные корни в языковом сознании, чем литературный язык, они вторгаются в сферу употребления последнего, составляя ему нередко конкуренцию (см. выше).

Характеризуя язык как неотъемлемую и притом важнейшую составную часть этнического самосознания, следует иметь в виду, что по мере развития этнической общности видоизменяются и представления ее членов о языке как феномене, соответственно трансформируется и смысловая наполненность языковой проблемы, острота ее осознания. Так, на ранних этапах существования этноса язык осознается как некое цельное явление, не имеющее внутренней дифференциации. При этом большое значение приобретает идентифицирующая функция языка, позволяющая соотнести его с конкретной этнической общиной. На практике это проявляется в осмыслиении членами этноса специфики своего собственного языка, его отличия от языков, с которыми он контактирует. С особой острой встает вопрос о необходимости единого для всей этнической общности языка как непременного условия самосохранения народа, укрепления формирующейся государственности. Приведем несколько красноречивых фрагментов из Древнейшей чешской рифмованной хроники так называемого Далимила (начало XIV в.): "Каждый правит вместе со своими друзьями, ни один мудрый человек не советуется с чужеземцами. / Он позовет к себе народ своего языка. / Этому вас учит женщина, / где язык в единстве, там будет он славен... А разделится ли язык, / сразу же на землю обрушится пагуба" [20, 77—78], или далее: "За честь языка своего не бойтесь и жизнь отдать" [там же, 123]; "Хороший человек лелеет свой

язык, / неверный не печется о своем языке" [там же, 118] (во всех цитатах перевод наш).

По мере совершенствования экономических, политических, социальных и культурных институтов возрастает осознание этнического языка не как некоего нерасчлененного целого, а как совокупности форм его существования, в ряду которых в силу увеличивающихся и усложняющихся коммуникативных потребностей особую роль начинает играть литературный язык как наиболее престижная, стабильная, кодифицированная, полифункциональная форма существования национального (этнического) языка, используемая в качестве этнорепрезентативного, общеэтнического средства общения. В связи с этим уровень заботы общества о состоянии своего литературного языка служит проявлением его общей культуры, свидетельством цивилизованного развития этноса. Вместе с тем мы не можем не отметить, что на ранних, "долитературных" этапах жизни этноса важную этнорепрезентативную и этноинтегрирующую роль играла разговорная речь, в том числе и диалекты. Эти же формы продолжают выполнять данную миссию (включая и этноидентифицирующую) и ныне, особенно в зонах непосредственного контактного взаимодействия разных этносов, например в пограничье, где общение осуществляется прежде всего на непринужденном повседневном бытовом уровне.

Таким образом, не только литературный язык, но и нередко именно разговорные идиомы и в том числе диалекты играют важную роль в сохранении этнического самосознания, культурной преемственности поколений, стабильности этнической традиции и вообще в развитии этноса. Значимость изначально региональных идиомов в культурной интеграции этноса красноречиво подтверждают процессы этнической суворенизации, сопровождаемые формированием так называемых младописьменных или же новых литературных языков, базирующихся на тех или иных территориальных диалектах или чаще интердиалектах (а нередко и городских койне, т.е. интегрированных языковых идиомах с остаточной региональной окраинностью). Не случайно Концепция государственной программы по сохранению и развитию языков Российской Федерации (1992) допускает использование в определенных случаях некоторых территориальных диалектов для обучения, а также в средствах массовой коммуникации.

Проблема взаимоотношения языка и культуры в жизни этноса имеет не только научный, но и важный политический аспект. История знает немало примеров, когда неосознанное или преднамеренное ущемление национальных интересов, неуважение к культурным традициям, ограничение сферы употребления этнических языков, специфики их развития ставили общество на грань войны. Именно языковые требования обычно относятся к числу первоочередных, выдвигаемых национально-освободительными движениями. Тем не менее, несмотря на многочисленные и жестокие уроки истории, именно язык чаще всего становится объектом либо непрофессионального вмешательства, либо целенаправленных политических спекуляций и даже произвола, что приводит к возникновению остроконфликтных ситуаций, предупреждение которых должно было бы

стать предметом особого внимания как государственных и общественных деятелей, так и ученых.

Говоря о тесной взаимосвязи феноменов "язык — этнос — культура", мы не имеем в виду их однооднозначное соответствие по принципу "один этнос — один язык — одна культура".

Как показывает опыт, практически все этносы на том или ином этапе своего существования проходят через стадию поликультурной и полигэтнической ситуации, поэтому, в сущности, все возникающие в настоящее время моноэтнические государственности получают в наследие от прошлого достаточно пестрый этноязыковой ландшафт в виде компактно или же дисперсно проживающих этнических меньшинств (не являются исключением и новые государственности типа Чешской и в особенности Словакской Республик).

История развития этноса, в сущности, является результирующей действия двух противоположных тенденций — тенденции к поликультурности и тенденции к монокультурности. Противоборство этих тенденций в жизни этноса является импульсом его дальнейшего развития. Ныне мы являемся свидетелями бурных этнокультурных процессов, приводящих к преобразованию изначально унитарных государств в федерации и, напротив, распада федераций на небольшие унитарные государственности вследствие этнической суверенизации. Наряду с этим происходит образование свободных межгосударственных объединений с единым экономическим, культурным пространством. Последние процессы развиваются особенно интенсивно в Западной Европе, однако их признаки имеются, хотя и в меньшей степени, и в Восточной Европе.

Очевидно, оптимальной и соответственно наименее конфликтной по своим последствиям могла бы быть формула "один этнос — один язык — одна культура", однако на практике она труднореализуема и является собой некоторое неустойчивое равновесие. Это обусловлено не только тем, что ни один этнос не существует в условиях полной этнической чистоты, при отсутствии межэтнических контактов с сопутствующей им культурной и языковой интерференцией. По мнению специалистов, всего лишь 4% государственных образований являются моноэтническими. Думается, что и эта цифра может быть скорректирована в сторону ее уменьшения в силу действия миграционных процессов, смешанных браков и т.п.

Как показывает опыт, в большинстве своем реализуются две формулы, которые и будут рассмотрены нами ниже. Это: "один язык — некоторое множество этносов и культур" и "некоторое множество языков — один этнос и культура".

В соответствии с первой формулой какой-либо один язык функционирует как консолидирующее средство межэтнического общения. Этую свою миссию он может выполнять как в рамках единой многонациональной государственности, так и в межгосударственных культурных связях.

Чаще всего в этих случаях речь идет о престижных официальных сферах коммуникации, т.е. высших коммуникативных функциях (прежде всего административно-правовая деятельность, направление культа, наука,

образование, художественное творчество и пр.), объем которых и соотносительная значимость не являются раз и навсегда данными, а меняются в зависимости от конкретно-исторических условий существования этноса. Для осуществления этих функций необходим язык или языковой идиом, обладающий достаточно высоким уровнем функционального развития, т.е. он должен быть обработанным, иметь устойчивую норму, богатый, стилистически дифференцированный словарный состав, развитый синтаксис и под. Если язык этноса по тем или иным причинам не может удовлетворить названные требования, вместо него используется иной язык с более длительной культурной традицией и, следовательно, более высокой степенью обработанности, играющий роль своего рода макропосредника. Так, на ранних этапах существования большинства славянских этносов, когда главное значение имело отправление культа, в культовой сфере широко использовался старославянский язык. У чехов, впрочем, этот период был непродолжительным, поскольку в XI в. старославянский язык был вытеснен латынью, обусловившей включение этноса в культурный ареал Lingva Romana. Сказанное, разумеется, не исключало применения и автохтонных языков, однако они играли в основном вспомогательную роль: использовались для установления контакта с прихожанами, в религиозно-воспитательных целях. Распространение латыни обусловливалось не только торжеством нового конфессионального направления — католичества. Этот язык вполне заслуженно имел статус общепризнанного международного языка науки и образования в Западной и Центральной Европе. Заметим, что в университетах Габсбургской монархии латынь как язык преподавания использовалась до 70—80-х годов XVIII в. В венгерской части Австрийской империи преподавание на латыни в гимназиях и университетах сохранялось и в XIX в.

Большим авторитетом у западных славян пользовался чешский литературный язык. Так, к XV в. авторитет чешского языка и чешской культуры был настолько велик, что чешский применялся в качестве литературного языка у таких близкородственных этносов, как словацкий и польский, т.е., по сути, приобрел статус языка межэтнического общения, как в свое время старославянский и латынь. Важную роль в этом отношении сыграло основание (в 1348 г.) Пражского университета, готовившего кадры интеллигенции для других европейских стран. Как справедливо отмечает Я. Горалек [14, 19], в XV в. чешский язык в качестве письменного использовался словаками в правовой сфере. В XV—XVI вв. он широко применялся в текстах религиозного содержания. В качестве литературного чешский язык употреблялся у словаков вплоть до начала национального возрождения, т.е. середины XIX в.

В современном мире в ряду международных языков, обслуживающих сферу высшей коммуникации, следует назвать прежде всего английский язык.

В использовании тех или иных языков в качестве средства межэтнического общения помимо собственно лингвистических факторов (высокий уровень языковой культуры, характер действующей культурной традиции) большую роль могут играть политические мотивы. Мы имеем в виду образование полигэтнических государств. Так, в строгом соответствии

с политической концепцией "одно государство — один язык" в период абсолютизма в большинстве европейских государств был внедрен, нередко путем насилия, единый язык: во Франции это произошло после войн XVII в., в Англии — после завоевания Шотландии и Ирландии. Испанский и португальский языки победили в южноамериканских колониях, английский язык — в Северной Америке (ср. [22, 13]).

В США "англопротестантская социальная, политическая и экономическая элита была настолько сильной, что у индивидуума, если он хотел добиться успеха, не оставалось никакой другой альтернативы, как принять ее культурную гегемонию. Другая возможность попросту не существовала. Подтверждением этого было, например, то, что в Америке не допускалось расходование общественных денежных средств на финансирование плюралистических систем образования. Общественные школы совершенно сознательно использовались как средство насильственной культурной интеграции" [12].

Габсбургская монархия также лелеяла мечту о национально-языковой интеграции обширной империи, и в частности о создании единой австрийской государственно-политической нации, стоящей над этнической и языковой разнородностью населения. Согласно государственной концепции австрийцы должны были представлять собой особую нацию, независимо от того, шла ли речь о немецком, чешском, венгерском или же словацком этносах. Таким образом, по своей сути это было некое надэтническое понятие, предполагающее использование общего официального языка в сфере государственного управления. Впрочем, на более низких уровнях общения разрешалось применение так называемых региональных языков (ср. [19, 22—23]). Как пишет Я. Стршитецкий [24, 19], все чешские интеллектуалы, от Й. Юнгмана и до Т.Г. Масарика, вспоминали, какое унижение они испытывали в гимназии из-за того, что вначале не владели достаточно хорошо немецким языком. Впрочем, этот пробел в образовании они быстро восполняли, становясь билингвами, т.е. свободно переключаясь с одного языка на другой.

Жесткая политика мадьяризации, ставившая своей целью насилиственное насаждение венгерского языка во всех сферах общественной коммуникации, начиная со школы, проводилась в венгерской части Австро-Венгрии.

Политика языковой унификации, характерная для большинства полиэтнических государств унитарного типа, имела своей целью и гомогенизацию культуры, стирание этноязыкового своеобразия многонационального населения. Этому по мере возможности противодействовала демократически мыслящая, патриотически настроенная интеллигенция. Справедливости ради следует признать, что в большинстве случаев доминирующий язык, используемый как средство межэтнического и официального общения, обладал целым рядом преимуществ по сравнению с автохтонными языками: отличался более длительной культурной традицией, полифункциональностью, высокой степенью обработанности. Возникающая в этом случае конкуренция с более сильным партнером ставила региональные (автохтонные) языки в экстремальные обстоятельства, увеличивая опасность их ассимиляции. Однако, с другой стороны, это

стимулировало функциональное выравнивание этих языков, их ускоренное развитие под воздействием "иноязыковых" катализаторов (ср. [8]), делая необходимым поиск адекватных средств выражения, особенно в лексике и синтаксисе. Чтобы не быть превратно понятыми, уточняем, что речь идет не о сближении или слиянии языков, а об ускорении развития в них некоторых процессов.

Особенно сложная ситуация возникает в полиэтнических государствах с выраженной гетерогенностью структуры, когда рамками единой государственности охватываются этносы, существенно отличающиеся друг от друга в языковом, религиозном, культурном отношениях, когда в условиях тесного взаимодействия находятся неродственные языки с различной степенью длительности культурной традиции (например, международный язык типа русского, с одной стороны, и так называемые младописьменные или даже бесписьменные языки — с другой). Примером этого рода являются прежний СССР и нынешняя Российской Федерации.

Важнейшей предпосылкой жизнедеятельности федераций подобного типа, укрепления их социально-экономического и культурного потенциала является создание благоприятного климата в межнациональных отношениях, что в свою очередь непосредственно сопряжено с продуманной, научно обоснованной и толерантной языковой политикой.

Несмотря на значительные достижения национально-культурной и языковой политики Советского государства (назовем хотя бы ликвидацию неграмотности, ускоренное развитие некогда отсталых народов, создание письменности для бесписьменных этнических общностей, младописьменных языков и пр.), приходится с сожалением констатировать, что зачастую провозглашенный принцип равноправия языков в многонациональном государстве, признание права на получение образования на родном языке, на свободное пользование им в государственной, общественной и культурной жизни реализовывались недостаточно последовательно, во многих случаях оставаясь декларативными, не подкрепленными практическими действиями. Мало того, нередко они попросту попирались волюнтаристским произволом, нанесшим огромный ущерб межэтническим отношениям. Говоря это, мы имеем в виду вмешательство во внутриструктурное развитие языка, тем более в такие наименее динамичные уровни языковой системы, как, например, графика, что угрожает преемственности культурной традиции, нарушает связь не только между ныне живущими, но и грядущими поколениями. Достаточно сказать, что в угоду политическим ориентирам на протяжении 25 лет староарабская графика в ряде языков (например, в карачаевском) была заменена вначале латиницей, а затем кириллицей. Ныне намечается возврат к староарабскому письму. Подобные действия в практике языковой политики чреваты не только экономическими, но прежде всего культурно-социальными потерями, они противоречат одной из основных закономерностей языкового развития — его континуальности. К серьезным последствиям приводила и произвольная смена опорного диалекта, используемого в качестве первоосновы литературного языка. Очевидно, менее болезненной подобная смена была при естественном перемещении административно-культурного центра, являющегося мощным очагом культурно-социального влияния

(иррадиации). Так, у словаков в конце XVIII в. делалась ориентация на западнословацкие говоры (концепция А. Бернолака); в середине XIX в. в связи с возрастанием роли Братиславы как главного административного центра начали превалировать среднесловацкие говоры (концепция Л. Штура). Ср. также возрастание роли московских говоров в истории русского литературного языка. Смена исходного интердиалекта (с северо-восточного на западный) характерна для истории болгарского литературного языка. Следует, однако, подчеркнуть, что в отличие от кардинального изменения графической системы эти преобразования находились в рамках одного и того же этноязыка и осуществлялись не директивно, а постепенно.

Печальным примером тенденциозности является подход к этнической идентификации русин (этническое меньшинство в прежней Чехословакии, нынешней Словацкой Республике, — по переписи на март 1991 г. их численность составляла немногим более 39 тыс.). На протяжении короткого периода времени их этническая идентификация колебалась в весьма широком диапазоне: они квалифицировались (в том числе и по решению партийных органов) то как русские, то как украинцы, то как особый восточнославянский этнос "русины". Все эти колебания, как правило, сопровождались соответствующим изменением культурно-языковой политики.

Так или иначе, соблазн воплощения формулы "одно государство — один язык" (и соответственно "один язык — множество этносов") в полиэтнических государствах зачастую оказывается слишком велик. Это проявилось и в СССР, когда начала проводиться политика насаждения русского языка в административно-правовой сфере, в образовании (ср. надэтническую сущность термина "русскоязычный"). Вместе с тем нельзя не учитывать, что русский язык стимулировал процесс лексического обогащения языков, находящихся с ним в контакте, в силу своей принадлежности к числу мировых языков, давних культурных традиций, широкого функционального спектра, богатой терминологической номенклатуры.

Тенденции образования поликультурных общностей противостоят тенденция формирования монокультурных регионов и государств. Одним из частных видов последней является процесс этнической суверенизации. Так, по мнению некоторых ученых [21, 32], распад Габсбургской империи и Чехословакии обусловливался тем, что это были этнически полиязычные политические образования в тот период, когда идея национального самоопределения — вначале культурного, а в конечном итоге и политического — представляла собой самую мощную политическую силу в мире.

Возвращаясь к тенденции национальной суверенизации, мы хотели бы подчеркнуть, что ныне Россия также переживает период усиления центробежных тенденций, активизации использования этнических языков в государственно-административной и культурной сфере, в том числе и сфере образования, являющегося одним из важнейших средств передачи духовных ценностей. При этом все более дает о себе знать стремление полностью перевести на родной язык всю систему образования. Данные побуждения мотивируются самыми добрыми намерениями, в том числе и

патриотическими, однако их форсированное осуществление иногда может быть поспешным и принести не столько пользу, сколько вред культурному развитию народа по причине отсутствия реальных предпосылок и прежде всего достаточно развитого, кодифицированного, т.е. научно описанного, литературного языка с развернутой терминологической номенклатурой. Вместе с тем многие из относительно недавно возникших в нашей стране литературных языков (в особенности так называемые младописьменные языки, т.е. языки, получившие письменность при советской власти — в 20—30-е годы) являются литературными лишь de jure, в то время как de facto они имеют узкую социальную и функциональную базу, продолжают оставаться средством лишь внутрисемейного или же узкорегионального общения, не имеют разработанной нормы, единой орфографии, сколько-нибудь развернутого функционального спектра (используются лишь в художественном творчестве или же иногда — ограниченно — в средствах массовой коммуникации). Некомплектной либо весьма несовершенной является терминологическая номенклатура. Попытки ускоренного создания новых терминов с помощью неологизмов, что нередко делается непрофессионально, без учета внутриязыковых закономерностей, вряд ли окажутся успешными. Мало того, это может привести лишь к культурной изоляции этноса, потребовать в будущем переучивания по новой терминологии, что лишь замедлит его культурный прогресс.

В этом отношении поучителен опыт Чехии. Чешский этнос к периоду национального возрождения обладал литературным языком с длительной культурной традицией, однако столетия насилиственной германизации пагубно сказались на его норме, на сужении функционального спектра: чешский язык был вытеснен из высших жанров художественного творчества, дело- и судопроизводства, потеснен в сфере образования и т.п. Для того чтобы литературный язык соответствовал новым культурным потребностям этноса, необходимо было проделать кропотливую работу по восстановлению его нормы, расширению в духе требований эпохи лексического состава, прежде всего за счет образования абстрактной лексики. Эта работа велась с конца XVIII в. крупнейшими учеными того времени: языковедами, историками, педагогами, теоретиками культуры и т.д. Ко второй половине XIX в., когда реально встал вопрос о расширении использования чешского языка в сфере образования в Чехии и, следовательно, о создании в полном смысле слова национальной школы, уже имелись обширные терминологические номенклатуры по лингвистике, литературописанию, медицине, антропологии, ботанике, зоологии, физике, геометрии, эстетике, философии, истории, физиологии. Несколько позже была нормализована терминология в области права, экономики, музыки. Деятельность по созданию терминологии координировалась специальной терминологической комиссией.

Таким образом, расширению сферы использования этнического языка, особенно в области высших коммуникативных функций, должна предшествовать или, во всяком случае, сопутствовать интенсивная деятельность по повышению его культуры. В задачи ученых помимо прочего должна входить и прогностическая деятельность, выработка рекомендаций по снятию напряженности в межэтнических отношениях, по преду-

преждению и разрешению языковых конфликтов, выявлению специфики коммуникаций в разных типах этносоциальных общностей.

Формула "множество языков — один этнос" отражает ситуацию, когда культурное (и коммуникативное) пространство одного и того же этноса покрывается некоторым множеством языков. Данные языки могут находиться в состоянии конкуренции, т.е. их функциональные диапазоны перекрываются, либо в отношении дополнительного распределения, функционально дополняя друг друга и в совокупности покрывая коммуникативное пространство.

При рассмотрении этого вопроса следует учитывать двуединость коммуникативного пространства, дифференцируемого, как уже отмечалось выше, на сферу высших коммуникативных функций и сферу непринужденного повседневного общения. Полиязыchie в культурной жизни одного и того же этноса, как правило, наблюдается в сфере высших коммуникативных функций, в то время как при непринужденном повседневном общении этнос обычно пользуется родным языком. Утрата этническим языком этой позиции в коммуникативном пространстве неизбежно ведет к гибели языка. Серьезную озабоченность поэтому должны вызывать неспособность или нежелание представителей некоторых этносов использовать родной язык в повседневном, в том числе семейном, общении. Так, по имеющейся статистике, до 80% народов Севера в Бурятии, Республиках Коми и Саха (Якутия) не владеют родными языками. Относительно того, что данная проблема актуальна для многих этносов в разные периоды их жизни, ср. хотя бы следующее высказывание видного представителя чешского национального возрождения Й. Юнгмана: «Народ говорит по-чешски, что же касается господ, те пусть себе говорят по-французски или же по-халдейски (более умные почитают язык своего народа). Что от этого? Народ считает их теми, за кого они себя выдают, — иностранцами, и поэтому тем меньше их любят, чем хуже они к нему относятся. Однако плохо их характеризует то, что они с подданными своими говорят через переводчиков. Это все равно что слушать чужими ушами, есть чужими руками, пользоваться чужими глазами и ногами, как будто бы они слепые или хромые. Что же тогда сказать о тех ловких обезьянках из низших слоев, которые думают, что если они не умеют говорить по-чешски, то сразу же станут господами, которые чешский язык считают крестьянским! Несчастные! Они не знают, что каждый язык в своей отчизне является сельским и что крестьянин — самый главный житель страны, что именно он мог бы им сказать: "Что же это такое вижит у моей головы? Я вас кормлю, и если вы люди, как я, то говорите так, чтобы я вас понимал"» [18, 44—45]. Не менее красноречиво пародирует смешанную чешско-немецкую речь зажиточного чешского мещанства писательница Б. Немцова в новелле "За кофе": "Jdi se ustrojí alespoň, abyhom byly v ordnunku — Mutr, ja jsem měd, wie zerschlagen — Jsem neugierig — prosím jich, jak se unterhaltovali u Skalických — Jiná paní by se entschuldigovala — že se stal irrfunk — ale ona mi ještě řekla do ksichtu — moji visitu že snadno entberuje". Нетрудно заметить, что германизмы, в том числе и развернутые цитации, в чешском контексте воспринимаются как инородные элементы, невзирая на то что

они нередко склоняются и спрягаются по чешскому образцу. Иронически воспроизведя образчики подобной "макаронской" речи, Б. Немцова показывает, что для чешского мещанства того времени (вторая половина XIX в.) немецкий язык даже в обиходном общении был более престижным, более модным (ср. [7, 108]). Включение иноязычных заимствований при непринужденном повседневном общении, как правило, носило бессистемный, хаотический характер, не было функционально обусловлено. Различие состояло лишь в том, что в русскоязычной среде преобладали включения из французского и немецкого языков, в чешской же — в большей степени германизмы.

Совсем иначе обстоит дело в сфере высших интеллектуальных функций. Здесь использование разных языков у одного и того же этноса в большинстве случаев функционально обусловлено, т.е. языки находятся в отношении дополнительного распределения.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию, складывавшуюся в чешском этносе, где на протяжении столетий языковое обеспечение этой сферы было полиязычным. Так, уже на самом раннем этапе (с конца IX по XI в.) в культурной сфере использовались старославянский язык (прежде всего) и латынь. Употребление старославянского языка, не вызывавшего у чешского населения отрицательных эмоций, так как это был близкородственный и, следовательно, понятный язык, имеющий высокий статус языка богослужения (наряду с греческим и латынью), сыграло важную роль в укреплении этнического самосознания чехов, стимулировало развитие культурных функций этнического языка, способствовало обогащению "культурного" слоя чешского языка, существенно пополнив его прежде всего за счет религиозной терминологии. Старославянская лексика легко "вписывалась" в лексическую систему чешского языка, не нарушая внутренних языковых закономерностей.

После вытеснения старославянского языка, с конца XI и вплоть до конца XIII в., в этой сфере доминировала латынь (а отчасти также немецкий язык). Вместе с тем на протяжении всего этого периода в упомянутой сфере использовался и чешский, т.е. этнический, язык в виде его устной культурной разновидности, однако функционально он не пересекался с латынью, поскольку применялся не как язык богослужения, а как вспомогательный язык, обслуживая низшие уровни культового общения. Функциональный спектр латыни (как в устной, так и в письменной форме) был весьма широк, однако этот язык имел относительно узкий, социально маркированный круг пользователей и адресатов: литература на латыни создавалась духовенством, и предназначалась она также в первую очередь для духовенства. Позиции латыни продолжали оставаться сильными и в XIV в., однако тогда в культурную сферу уже полностью включился чешский язык. В этот период латиноязычная литература стала более разнообразной в жанровом отношении. Со временем основания Карлова университета (1348) происходит некоторое расширение социального состава лиц, владеющих латынью, — формируется интеллигенция (преподаватели университета, студенты, определенные круги дворянства, бургерства и пр.). Применение латыни в целом не вызывало у чехов противодействия, так как она имела авто-

ритет, освященный церковью. Среди авторов, пользовавшихся латынью как международным языком культуры, было немало чехов.

Иное отношение вызывало подчас использование немецкого языка, поскольку его распространение было связано с вторжением чуждого этноса в результате немецкой колонизации, особенно в городах. В силу своей большей культурной привлекательности, длительности письменной традиции немецкий язык активно использовался в городах в деловой и правовой сфере. Он был широко распространен при королевском дворе, в среде высшей знати, т.е. имел очевидную социальную маркированность. По утверждению хрониста Петра Зbraslavского (немца по происхождению), в первой половине XIV в. немецкий язык "почти во всех городах и при дворе был более распространен, чем чешский" [16]. Чешский язык в первой половине XIV в. все еще, видимо, сохранял специфическую функциональную маркированность как коммуникативное средство преимущественно бытового общения. Примечательно, что в пасхальных мистериях со смешанными латино-чешскими текстами (ср. *Mastičkář*) латынь использовалась в религиозных сюжетах ("высокий штиль"), чешский — в бытовых сценах ("низкий штиль"). По мере совершенствования чешского литературного языка стало возможным использование средств самого чешского языка для передачи стилевого противопоставления. Таким образом, потребность в языковых средствах, пригодных для произведений "высокого штиля", явилась важным импульсом в развитии языка, в совершенствовании его стилевой дифференциации.

Функциональное распределение языков отмечалось и в эпоху национального возрождения, когда произведения более высоких жанров нередко создавались на немецком и французском языках. Со временем чешский литературный язык стал не только конкурентоспособным партнером, отпала и функциональная необходимость в привлечении других языков не как возможного источника заимствований, а для самостоятельного употребления в коммуникативном пространстве чешского этноса, т.е. оно стало обслуживаться главным образом автохтонным языком.

Немаловажную роль в укреплении нормы чешского литературного языка и соответственно его позиций в системе коммуникации сыграл и пуританизм, особенно эпохи Й. Юнгмана (первая половина XIX в.), способствовавший избавлению от избыточных германских заимствований за счет активизации прежде всего внутренних ресурсов чешского языка, в частности столь продуктивной для данного языка деривации. Сказанное создавало условия максимального благоприятствования для развития и функционирования чешского литературного языка. В отличие от германских заимствований из славянских языков (равно как и диалектов) особой опасности не представляли, поскольку в своем большинстве они соответствовали закономерностям развития чешского языка, стимулировали тенденции, потенциально заложенные в его системе. По-иному следует оценивать пуританизм более позднего времени, нередко вступавший в противоречие с коммуникативными потребностями этноса, с тенденциями экономической и культурной интеграции, тем более что к этому времени норма чешского литературного языка стабилизировалась, его статус и

престиж возросли, соответственно и положение стало менее критическим. В указанной ситуации пурим не только был логически нецелесообразен, но и грозил культурной изоляцией этноса. Следует отметить, что по мере укрепления нормы чешского литературного языка, формирования богатого, стилистически дифференцированного словарного состава, обширного корпуса терминологической номенклатуры блокирование использования чешского языка в системе образования, осуществляемое правящими кругами Австрийской империи, а позже и Австро-Венгрии, утрачивало языковую мотивировку, приобретая во все большей степени политический характер. Не случайно конкуренция чешского и немецкого языков в этой сфере временами приобретала весьма драматический характер.

Полиязычие этноса — явление чрезвычайно широко распространенное. Сказанное в особенности правомерно для такой его манифестации, как двуязычие. Отвлекаясь от чисто политического аспекта данной проблемы, считаем необходимым подчеркнуть, что чаще всего это явление наблюдается тогда, когда автохтонный язык по уровню своей обработанности не вполне соответствует культурным потребностям этноса. В этом случае обычно происходит перераспределение функций: чужой (неэтнический) язык обслуживает высшие коммуникативные функции, т.е. официальное, публичное общение; язык автохтонный используется как средство непринужденного повседневного общения, т.е. иерархически несколько более сниженно. Может наблюдаться функциональное распределение языков и иного рода:

- 1) поэтапное — автохтонный язык употребляется в качестве языка обучения в начальной школе (по причине отсутствия разработанной системы терминов); на всех остальных ступенях обучения, в том числе в высшей школе, используется иной, неэтнический язык. Описанная ситуация была, в частности, весьма характерна для советской школы;
- 2) блочное — автохтонный язык используется для создания терминосистем наук гуманитарного цикла в силу большей беллетристичности их метаязыка; неэтнический язык больше применяется в точных и естественных науках, что чрезвычайно важно для культурного обмена, особенно если речь идет о языке мировой значимости.

Особого упоминания заслуживает использование неэтнического языка в качестве языка-макропосредника, обеспечивающего межэтническое общение при коммуникации общностей с пестрым языковым и этническим ландшафтом. В некоторых случаях в роли посредника при межэтническом общении могут выступать несколько языков. Так, в полиглоссическом Дагестане подобную функцию в региональном масштабе выполняет аварский язык, в макромасштабе — русский. Функцию макропосредника русский язык выполняет и в славянском мире.

В рамках небольшой статьи мы смогли лишь контурно обозначить круг вопросов, охватываемых общей проблемой взаимоотношения языка и культуры. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, являясь одним из дифференциальных признаков этнической общности, язык представляет собой ядро, квинтэссенцию любой этнической культуры, ее этнического

своеобразия. Поэтому важнейшей сферой деятельности государственных институтов, органов образования, науки, просвещения является поднятие престижа этнического языка (независимо от того, имеет он литературный идиом или нет), создание условий для его изучения, культивирования, распространения*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ешич М.Б. Концепция культуры в современной марксистской литературе // Формиране и развитие на социалистическата култура в европейските страни на социализма. София, 1982.
2. Ешич М.Б. Культура в системе общества // Культура в общественной системе социализма. М., 1984.
3. Ешич М.Б. Проблемы и аспекты исторического исследования культуры социализма. М., 1987.
4. Нещименко Г.П. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX вв. М., 1968.
5. Нещименко Г.П. Язык как элемент культуры социалистического общества // Культура в общественной системе социализма. М., 1984.
6. Нещименко Г.П. Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988.
7. Нещименко Г.П. Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989.
8. Нещименко Г.П. Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху феодализма. М., 1989.
9. Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
10. Широкова А.Г., Нещименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
11. Штаб В.А. Социолингвистическое исследование языка немцев в Казахстане: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1990.
12. Encloe C. Ethnic conflict and political development. Boston, 1973 (=Přítomnost. 1991. N 8).
13. Ertl V. Dobrý autor // Časové úvahy o naši mateřtině. Pr., 1929.
14. Hordák J. Blízkost slovenštiny // Přítomnost. 1991. N 7.
15. Horecký J. K teorii spisovného jazyka // Jazykovedný časopis. 1981. N 2.
16. Jakubec J. Dějiny literatury české. Pr., 1929. D. 1: Od nejstarších dob do probuzení politického.
17. Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1974.
18. Jungmann J. O jazyku českém. II // Boj o obrození národa. Pr., 1948.
19. Kořalka J. Vzestup národa a národní stát // Přítomnost. 1990. N 2.
20. Nejstarší česká rýmovaná Kronika tak řečeného Dalimila. Pr., 1958.
21. Smelser R.M. Dva hrady (vztah Čechů a Němců v retrospektivě) // Přítomnost. 1991. N 8.
22. Sokol J. Národy v Evropě // Přítomnost. 1990. N 3.
23. Stich A. Kdo, co je // Přítomnost. 1991. N 8.
24. Střítecký J. České identity // Přítomnost. 1990. N 3.
25. Zima P. Jazyk a kultura // Slovo a slovesnost. 1978. N 1.

* Работа выполнена при поддержке Международного научного фонда.

Ю.И. СМИРНОВ

(РОССИЯ)

ЯЗЫК, ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРА

Язык и культура – вот что характеризует любой этнос, на какой бы стадии эволюции он ни находился. Они объединяют и роднят членов этноса перед силами природы и перед другими этносами. Язык и культура отличают один этнос от другого, и вместе с тем через них открываются способы общения и даже сближения разных этносов.

До сих пор язык и культура никогда не были единообразными сущностями. Они жили вместе со своими народами. Они постепенно изменялись во времени и в пространстве и, что важно для нашей темы, усложнялись, превратившись у современных народов в иерархии или в системы разновременных состояний.

Если исходить из того, что, став разумным, человек владел неким языком, то, следовательно, у него была и какая-то культура, т.е. фольклор – знание о себе и окружающем мире, передаваемое от старших младшим и закрепленное, устойчивое по формам исполнения и усвоения. Теоретически не сомневаясь в этом, мы все же еще долго останемся в неведении относительно конкретного характера древнейшей фольклорной культуры. Тут вряд ли поможет даже фольклор, к примеру, австралийских аборигенов или южноафриканских бушменов, материальная культура которых застыла едва ли не на уровне палеолита, ибо и у них фольклорные произведения (представления о себе и окружающем мире) несомненно претерпели изменения на протяжении тысячелетий. Здесь мало довольствоваться умозрительными построениями о дологическом мышлении. Попытки лихо перескочить через историческое время ради того, чтобы оказаться в желаемой эпохе, обязательно заканчиваются субъективными домыслами. Этим попыткам несть числа, в последние десятилетия они множатся с поразительной легкостью и быстротой, как бы отзываясь на извечное человеческое желание хотя бы заглянуть в глубину прошлого. Между тем этапы длительной и трудной эволюции фольклора реально проходили для науки только в обратной последовательности, через историческую ретроспективу, неспешными кропотливыми трудами.

Фольклорное творчество, знание, исполнение и передача издавна ограничивались определенными функциями, постепенно развившимися и строго соблюдавшимися. К функциям фольклора относятся:

1. Генетическая – наследственная преемственность знаний о себе и окружающем мире, преемственность норм быта и исторической памяти, включающей, между прочим, накопившееся множество форм самосознания.

2. Эстетическая, точнее, стихийно-эстетическая, возникавшая и тысячи лет существовавшая для облегчения запоминания, исполнения и передачи фольклорных произведений, с чем связаны нарастающая множественность фольклорных форм, клишированность текстов и действий, сложение фольклорного языка.

3. Утилитарная – приуроченность по месту и времени исполнения или

действия, соотнесенность с регулярными и нерегулярными явлениями природы по главным ее сферам (небо, вода, земля).

4. Предназначенность и распределение текстов и действ по полу и возрасту.

5. Социальная – определенная ограниченность во владении фольклором, налагаемая принадлежностью к какой-либо социальной группе (составию, касте).

Функции фольклора зарождались в разное время. Однажды возникнув в какой-либо этнической среде, они не исчезали вплоть до наших дней.

Становясь разумным, человек издревле пытался уяснить свое положение в окружающем его мире, осмысливать и установить определенные отношения с природой, ее субъектами и – обычно – субъективированными объектами и с себе подобными существами: через это человек, долго того не замечая, осознавал и самого себя. Процесс выделения человека из природы и из сообществ себе подобных тянулся тысячелетиями и, как представляется, не вполне завершился до сих пор.

Время от времени, в пору очередной стабилизации какого-то этнического состояния где-либо, люди создавали определенные, часто очень жесткие, закрытые системы представлений о себе и окружающем мире. Они то и получали отображение в фольклоре, в системе фольклорных жанров, их разновидностей, циклов и тематических серий текстов. Длительность этнической стабилизации благотворно способствовала обогащению полученной системы представлений всеми новыми текстами-подтверждениями, непрестанно умножающейся детализацией и наряду с этим усиливающейся унификацией представлений, сопровождаемой отбраковкой, отвержением того, что казалось уже излишним, противоречащим унифицирующим установкам.

Когда же пора этнической стабилизации в силу каких-либо причин (резкие природные изменения, войны и пр.) сменялась временем этнического раздробления и очередной этнической перегруппировки, жесткие системы представлений переставали срабатывать, а чрезмерно жесткие – попросту рушились. Под давлением складывающихся обстоятельств людям приходилось снова осмысливать свое положение в окружающем мире. И чем значительнее были этнические перемены, тем глубже у их участников шло переосмысление представлений о себе и окружающем мире. По сути дела, процесс переосмыслиния – стержень процесса этнических перемен. Однако даже существенная этническая перегруппировка не способна помешать людям сохранить что-то от старой системы представлений: как любому человеку пора его детства или молодости видится самой светлой в жизни, так большим группам людей более или менее отдаленное прошлое кажется идеальным, едва ли не "золотым веком", который хотелось бы вернуть снова. Старые представления могут храниться подобно изношенным, зато очень привычным вещам – в таких случаях им суждено превратиться в реликтовые или эндемичные, спорадически бытующие. Чаще же старые представления приспособливают к изменившимся обстоятельствам, их как-то переделывают и, самое главное, включают в новую систему представлений, которая таким образом приобретает обязательно компилиативный характер.

Если бы смены представлений откладывались в народной культуре так же, как годы слоями формируют древесный ствол, задача науки открыть и показать временную последовательность состояний народной культуры была бы довольно простой. В действительности происходило не столько наслоение, сколько соединение, слияние разновременных элементов и деталей в каком-то одном культурном проявлении. Представления (тексты, обряды, верования) конденсируют историческое время в широком диапазоне. Они живут, пока люди их актуализируют; следовательно, они постоянно впитывают в себя что-то новое и утрачивают что-то старое. Разновременные элементы и детали прямо указывают на движение фольклорного представления во времени и в пространстве.

Волнообразные смены этнических состояний невесть когда начались у человечества. Они более или менее определимы для современных этносов, значительно чаще молодых, чем древних. Вместе со сменой этнического состояния, а точнее – как проявления смены, и происходят качественные перемены в культурном состоянии, чего, по-видимому, нельзя сказать с той же категоричностью о языке: он, конечно, тоже подвержен изменениям, однако в меньшей степени; он более устойчив, чем культура; он живуч, как сам этнос, и в отличие от культуры меняет не свою систему в целом, а отдельные части – чаще изменения видятся в лексике и фонетике, чем в морфологии и синтаксисе.

Наряду с волнообразными сменами этнических состояний на язык и культуру свое воздействие постоянно оказывала социальная дифференциация этноса. В доклассовых обществах, как упоминалось, язык и фольклор дифференцируются по полу и возрасту, что у современных народов отчасти сохраняется до сих пор. По мере классово-сословного расслоения начинается и углубляется социальная дифференциация по языку и культуре. Идет дублирование, образование и наращивание параллельных форм в языке и культуре.

Множественностью этих параллельных форм обозначаются экологические ниши для каждой социальной группы и поддерживается определенный социальный баланс. И вместе с тем некоторые из них таят в зачаточном состоянии возможности для обособления какой-то части этноса и для дробления всего этноса.

Даже в фольклоре, если говорить о славянском, помимо изначального фольклора земледельцев (крестьян) порождаются более или менее развитые традиции ремесленников, отходников, работных людей (рудокопов и др.), перевозчиков грузов и ямщиков, чумаков, казаков, солдат и др. Религиозные конфликты и споры на русской почве привели к расколу, к возникновению мощного движения старообрядцев, обособившегося в субэтническую группу, а позже и к созданию различных сект. Вместе с официальным православием все они имели один духовный источник, тем не менее каждый по-своему создавал систему верований, и в частности духовные песнопения и легенды, отталкиваясь от уже существовавшей крепкой общерусской традиции духовных стихов и легенд. Конфессиональное разделение южных славян по принадлежности к православию, католицизму или исламу привело к серьезному идеологическому переос-

мыслению и переработке одних и тех же, общеславянских, по происхождению эпических сюжетов.

Пока больше теоретически, нежели посредством широкой системы доказательств, можно говорить о территориальной дифференциации языка и культуры в доклассовых обществах. Так, если говорить о славянах до V–VI вв. н.э., до времени их расселения в центре, на юго-востоке и востоке Европы, то, наверное, нужно исходить из того, что территория их исхода ("праородина") была достаточно обширной. Между тем происшедшее в славянских землях после XI–XIII вв. свидетельствует о том, что устойчивое расселение на больших пространствах обязательно приводит к территориальной дифференциации по языку и культуре. В силу вступают многочисленные факторы разного порядка: обособление друг от друга; несколько иные или совсем иные природно-климатические условия (ср. Балканы и Балтику, Балтику и Приильменье, Приильменье и Владимиро-Сузdalское ополье и т.д.); освоение новых видов земледелия или приспособление традиционных видов к худшим условиям; освоение или обновление охоты, рыбной ловли и сбора дикорастущих растений; связи, взаимодействия и даже слияние с разными новыми соседями (ср. сильно смешанные этнические элементы на Балканах, готские колонии в устье Вислы и на Украине, балты в бассейне среднего и верхнего Днепра, разные финно-угорские группы от Прибалтики до междуречья Волги и Оки). Прямо или опосредованно эти факторы, вероятно, способствовали дифференциации славян по языку и культуре.

Устойчивость проживания в одном месте и растущая обособленность, степень которой мы не знаем, поддерживали и усиливали дифференциацию.

Существует определенная соотносимость народного языка и фольклора: диалект – местная фольклорная традиция; наддиалектный язык – ареальные и общенародные фольклорные формы.

Опираясь на собственные полевые наблюдения на русском Севере, в Полесье и в других местах, беремся утверждать, что достаточно услышать носителя некоего говора, как можно предсказать, какого рода фольклорные тексты, обряды и верования ему свойственны, но уже как носителю фольклора. Такие фольклорные прогнозы нам приходилось составлять довольно часто – в качестве шпаргалок для студентов, которые затем чаще приносили "заказанное", нежели что-либо иное.

В отличие от диалектологов, заметно освоивших народные говоры, исследователи народной культуры еще слабо изучили ее как определенные наборы или как системы проявлений именно в связи с неким составом населения в конкретных местах. Это делалось лишь по отдельным районам, хотя зачастую мы уже хорошо знаем о географии распространения многих текстов, обрядов и верований в пределах всего расселения какого-либо из славянских народов. Отчасти из-за собственной слабости у фольклористики и возникают нынешние трудности в выделении местных фольклорных традиций и их различий. Смешанный во многих районах состав населения, обусловленный бесчисленными миграциями людей в последние столетия (для восточных славян – особенно с XVI в., для южных – с XVII в.), усугубляет эти трудности.

Примечательно, что как лингвисты диалект, так и фольклористы и этнографы местную традицию не рискуют напрямую связывать с существованием какой-то субэтнической группы в составе определенного народа: границы субэтносов в научных трудах, как правило, не совпадают с границами какого-либо диалекта и местной фольклорной традиции. Это представляется удивительным и даже странным, ибо ученые, выделяющие субэтнические группы типа русских – поморов с побережья Белого моря, казаков-некрасовцев, терских или яицких казаков и др., теоретически, разумеется, признают язык и культуру как этнические различители. Очевидно, те, кто выделяет подобные субэтнические группы, для своих доводов привлекают лишь нечто из всей системы диалекта или всей местной традиции народной культуры. Критерии отбора этого "нечто" или субэтнических признаков пока весьма шатки, часто алогичны, а порою и просто причудливы. Уместнее поосновательнее разработать системные представления о диалектах и местных традициях народной культуры, увязав их между собою и с историей заселения, после чего, надо полагать, и обнаружатся объективные основы и критерии для выделения субэтносов.

В диалектах и местных фольклорных традициях всегда получали свое воплощение центробежные силы любого этноса. При благоприятных обстоятельствах диалекты и местные традиции могли способствовать обособлению до такой степени, что на их основе или отчасти их средствами формировались субэтнические группы, перераставшие в самостоятельные народы (это особенно хорошо заметно на примере германской языковой семьи).

Центробежный характер диалектов и местных фольклорных традиций умеряется центростремительным характером наддиалектного языка и ареальных и общенародных фольклорных форм.

Когда-то выделившись из предшествующих современным говоров и местных традиций, наддиалектный язык и общие фольклорные формы стали скрепами,держивающими этнос в устойчивом состоянии. Эту свою роль они продолжают играть у бесписьменных народов Севера и Сибири. Их унифицирующая роль очевидна. Однако масштабы их пользования, насколько известно, пока не выяснялись. Здесь мы можем сослаться лишь на некоторые собственные наблюдения за бытованием общих эпических сюжетов типа балладных и былинных (юнацких): среди русских европейского Севера, украинцев и белорусов Полесья, в ряде мест Болгарии, Сербии, Словакии и Польши доля широко бытующих сюжетов в местном репертуаре составляет от половины до двух третей; правда, они при этом, как правило, выступают в местных версиях, нередко заметно отличающихся от соседних и тем более далеко бытующих.

Унифицирующую роль играл также фольклорный язык, очень весомая часть наддиалектного языка. При качественной записи фольклорных текстов легко заметить, что современный диалект всегда накладывается на фольклорный язык, а это значит, что последний существовал раньше нынешних говоров. Подтверждение этому находим в совпадении очень многих элементов фольклорного языка (лексика, устойчивые словосочетания, типические места, сравнения и др.) в текстах всех славянских народов. Несомненно, что фольклорный язык у славян сформировался

еще до поры их расселения. Он-то и послужил основой для последующего пересложения фольклорного языка у тех этнических общин, которые затем выросли в современные славянские народы.

С переходом этноса в стадии классово-сословного расслоения центростремительный характер наддиалектного языка и унифицирующих проявлений народной культуры усиливается благодаря созданию параллельных форм – письменного (литературного) языка и культуры господствующих классов. Они, разумеется, конкурируют со своими эволюционными предшественниками, но не устраниют и не могут устранить их даже тогда, когда носителям нового языка и новой культуры этого очень сильно хочется. Литературный язык и культура господствующих классов длительное время сосуществуют с народным языком и народной культурой. Стихийно или осознанно, произвольно или весьма разборчиво новые параллельные формы вбирают в себя многое из народного языка и народной культуры. Переделка и переосмысление, адаптация и аранжировка усвиваемого при этом преобладают. Официальная культура практически не приемлет функции фольклора. В лучшем случае она воспринимает их формально, условно, со стремлением переосмыслить для своих надобностей. Некоторое исключение, а то и предпочтение культура господствующих классов делает разве что для эстетической функции фольклора, избирая, впрочем, в качестве художественных образцов только соответствующее собственным меркам и представлениям.

То, что поныне принято называть "национальной культурой", нельзя считать простой суммой всех параллельных форм культуры этноса или, иначе, всех его культур, бытующих в какую-то эпоху. Мы склонны отметить эпитетом "национальный" те части параллельных форм культуры, которые одинаково доступны по меньшей мере преобладающей части общества независимо от социальной принадлежности и уже поэтому могут служить и непременно служат унифицирующим, объединяющим этнос началом. По источникам и по содержанию "национальная" культура в нашем понимании первоначально выглядит конгломератом, а в идеале – синтезом некоторых частей народной культуры и культуры господствующих классов.

Еще совсем недавно, лет 30 назад, в большинстве славянских стран народная культура доминировала по числу своих реальных и потенциальных творцов, исполнителей и передатчиков. С урбанизацией населения она стала быстро исчезать из бытования. Ее уже не могла спасти даже государственная поддержка, которая была поистине мощной в Болгарии и послабее в других странах (очень плохой, невежественной и извращенной она была в СССР). Превращение большинства жителей в горожан – вот тот рубеж, за которым народная культура необратимо лишается этносоциальной базы для своего естественного бытования.

После этого скрепы, державшие этнос в устойчивом состоянии, слабеют. Баланс центробежных и центростремительных сил нарушается в пользу первых. На помощь отживающим центробежным силам приходят новые – духовный вакuum, легко заполняемый или дополняемый импортированными и имитирующими их эрзац-культурами. Их господствующие классы предлагают взамен утраты. Однако эта подмена совершенно не адекватна.

Е.Ф. ТАРАСОВ

(РОССИЯ)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Обычно попытки решить проблему взаимоотношения языка и культуры в лингвистике опираются на частнонаучные методологические представления языковедов и на частнонаучные представления культурологов.

Традиционным способом решения этой проблемы является подход к чисто лингвистическим задачам при использовании некоторых представлений о культуре. Первой попыткой такого рода были работы А.А. Потебни, особенно его книга "Мысль и язык", затем следует назвать работы Ш. Балли и Ж. Вандриеса. Результаты попыток решения проблемы языка и культуры в первую очередь зависят от представлений о языке и культуре, которыми обладает исследователь. Обычно разобраться в этой проблеме пытались лингвисты, для которых культурологические знания были всегда в известной мере периферийными. Попытка одновременного использования и лингвистического и культурологического подходов для выработки общеметодологических целей в наше время, к сожалению, не часты. В качестве примера можно назвать совместную работу, проведенную под эгидой Мичиганского университета в 1951/52 учеб. г. 16 специалистами, руководимыми Ч. Стивенсоном, итогом которой была коллективная монография "Язык, мышление, культура" под редакцией П. Хенле [11].

Одна из попыток ответить на вопрос о влиянии отдельных фрагментов (или сфер) культуры на функционирование языка в обществе оформилась в функциональную стилистику Пражской школы и современную социолингвистику. Другая частная задача, решаемая в рамках проблемы языка и культуры, – влияние культурного окружения личности на формирование ее языка в онтогенезе. Различное владение литературной нормой национального языка определяет место на социальной лестнице. В этой связи нужно упомянуть работы Б. Бернстайна [9; 10].

Решение проблемы влияния культуры на речевой онтогенез личности путем сопоставления национальных культур и национальных языков аналогично тому, которое предлагается теорией лингвистической относительности Сепира–Уорфа. В последнее время этнопсихолингвистика, возникшая в психолингвистике как ее специализированная часть, пытается предложить решения национально-культурной специфики речевого и неречевого общения [5].

Психолингвистика изучает универсальный внутренний психический механизм производства и восприятия речи, а этнопсихолингвистика пытается исследовать наблюдаемые формы функционирования этого механизма, реализуемые всегда в национальном языке и национальной культуре.

Стремление рассматривать язык и культуру в их единстве, точнее, в их взаимосвязи основывается на их явно или неявно постулируемом онто-

логическом единстве. Для решения проблемы языка и культуры в общем виде или в форме частных задач необходимо установить формы объективного единства языка и культуры. Представляется возможным проблему онтологического единства языка и культуры решить в виде ряда подпроблем: интегративные связи языка и культуры – 1) в коммуникативных процессах; 2) в онтогенезе (формирование языковой способности в системе высших психических функций, передача человеческих способностей в пространстве и времени); 3) в филогенезе (формирование общественного, родового человека).

В качестве исходного положения для решения онтологического единства языка и культуры можно взять утверждение, что интеграция языка и культуры осуществляется при помощи некоторого промежуточного образования, входящего как в язык, так и в культуру. Такой промежуточный элемент, обеспечивающий онтологическое единство языка и культуры, имеется – это идеальное, входящее в язык в виде значения языковых знаков и существующее в культуре опосредованно (превращенно) – в форме предметов культуры, т.е. в опредмеченной форме, и в деятельностиной форме, т.е. в форме деятельности, и непосредственно – в образе результата деятельности и в образе адекватной деятельности, ведущей к этому результату. Итак, идеальное – это интегрирующее язык и культуру образование, это форма существования объективного единства языка и культуры.

Прежде чем рассмотреть методологические схемы решения проблемы языка и культуры, укажем на частные вопросы, в которые эта проблема трансформируется в лингвистике. Эти вопросы в обобщенном (и неизбежно огрубленном) виде могут быть сформулированы так: включен ли язык в культуру, и если да, то как? Включена ли культура в язык, и если да, то как?

На первый вопрос можно ответить утвердительно, так как тело знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Язык, с одной стороны, артефакт, используемый в онтогенезе для формирования языковой и коммуникативной способности в речевой деятельности, которая представляет собой единство процессов опредмечивания этих способностей в форме тел языковых знаков и распредмечивания, когда на тела языковых знаков направлена адекватная форме тел знаков речевая деятельность (говорение, слушание, письмо, чтение). С другой стороны, в ходе многократных повторений распредмечивания тел языковых знаков, в форме которых опредмечены языковая и коммуникативная способности, последние, переходя в деятельностьную форму, закрепляются в теле человека (не опредмечиваясь, так как форма тела человека при этом не изменяется) как умения и навыки осуществления речевых действий. Следовательно, язык не целиком входит в культуру, нуждаясь в таком природном предмете, как тело человека. Иначе говоря, язык для своего существования, т.е. для передачи от одного поколения к другому умений и навыков говорения и слушания, нуждается во внешних по отношению к телу человека

культурных предметах, в форме которых застыли (опредметились) эти умения и навыки. Следовательно, язык, существуя в опредмеченнном виде в тела языковых знаков и в форме умений и навыков в теле человека, имеет две формы проявления: культурную – тело языкового знака и природную – тело человека.

На второй вопрос также можно ответить утвердительно, так как содержание коммуникации – это знания о культурных предметах; если это будут не культурные, а природные предметы, не вовлеченные непосредственно в деятельность, можно легко показать, что они становятся предметами коммуникации, только будучи познанными (в той или иной мере), т.е. соотнесенными с эталонами восприятия, сформированными в культуре. Кроме того, цели коммуникантов – производное их деятельности. И наконец, культура включена в язык в том смысле, что вся культура может быть отображена (смоделирована) в тексте.

Итак, онтологическое единство языка и культуры обеспечивается идеальным, входящим как в язык, так и в культуру. Так как идеальное возникает только в деятельности человека, то онтологическая картина, в которой может быть вычленено и исследовано идеальное – звено, интегрирующее язык и культуру, – может быть только деятельностной онтологической картиной. В соответствии с деятельностной онтологией идеальное возникает только у человека, совершающего определенную деятельность, и возникает в форме образа результата деятельности, т.е. в форме, которую примет объект деятельности в процессе воздействия на него.

Такое представление об идеальном как необходимом элементе любой целенаправленной деятельности было обосновано А.Н. Леонтьевым [5] и Э.В. Ильенковым [3]. Понимание идеального связано у них с предметной деятельностью, в которой идеальное возникает как ее необходимый момент. Потребление и производство предмета в производственной деятельности связано с необходимостью его идеального представления как результата деятельности. Э.В. Ильенков писал по этому поводу: "В виде активной, деятельной способности человека как агента общественного производства предмет как продукт производства существует идеально, т.е. как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности. Идеальное есть поэтому не что иное, как форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной деятельности" [3, 221].

Общественному человеку идеальный образ задан обществом как образ потребности, потребного результата, продукта деятельности, т.е. идеальное существует для человека как момент деятельности. Здесь можно опереться на мысль К. Маркса: "И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление полагает предмет производства идеально как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель" (цит. по: [3, 19]).

Итак, деятельность в начале своего развертывания содержала идеальное только в форме образа результата, и этот образ был достоянием сознания субъекта деятельности. В процессе достижения результата субъект приспосабливает деятельность к свойствам субстанции природ-

ного объекта, превращаемого в культурный предмет, ориентируясь при этом также и на образ результата. Эти два ограничения – свойство субстанции природного объекта и образ результата – вынуждают субъекта использовать адекватную этим ограничениям форму деятельности. Следовательно, уже в процессе деятельности в сознании субъекта формируется представление об адекватной деятельности, т.е. формируется ее идеальный образ. Очевидно, что таким путем в процессе деятельности у субъекта сформировался новый образ сознания. Если до начала деятельности в сознании субъекта был уже один идеальный образ (кстати, сформированный также в деятельности, но в другой, ранее совершенной) о предмете культуры, то в самой деятельности формируется еще один новый образ сознания в деятельностной форме существования предмета культуры.

Э.В. Ильенков показал, что идеальное как образ потребного результата существует в общественно-определенной форме деятельности, направленной на достижение этого результата: "Идеальное непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека (т.е. вполне предметного, материального существа), направленной на внешний мир" [там же, 168]. Кроме того, идеальное существует и как опирающаяся на слова, язык деятельностная способность воссоздать потребный предмет [там же, 172], а также как внутренний образ, зафиксированный в теле человека (в телесно-вещественных структурах мозга) и в теле языка [там же, 173].

Важно подчеркнуть, что мир идеальных объектов, т.е. мир значений, формируемый в деятельности, не существует не только вне общественного человека, но он не существует также и вне системы других форм проявления деятельности. Именно поэтому мир идеальных объектов, существуя при опоре на тела языковых знаков (т.е. как мир языковых значений), умопостижим при восприятии речи только как реальный мир, преобразованный в человеческой деятельности.

Деятельность, направленная на природный предмет, превращает его в продукт (культурный предмет) и начинает существовать в нем в снятой, опредмеченной форме, т.е. деятельность существует как процесс, как продукт и идеально как представление о форме деятельности общественного человека, застывающей в продукте, как образе результата.

Продукты труда – это суть предметы культуры. Развивая это положение, В.М. Межуев обосновывает связь деятельности и культуры: "Согласно марксистскому пониманию действительности как чувственно-практической деятельности, любая историческая форма этой действительности должна рассматриваться не как независимое от человека природное тело, а как предметное воплощение его субъективности, то есть исходящей от него как от субъекта деятельности активности. Именно в этом своем качестве (в качестве предмета, средства и результата человеческой деятельности) действительность и раскрывается в историческом познании как особая сфера – сфера культуры" [7, 67].

Для нас из анализа связи деятельности и предметной культуры самый важный вывод состоит в том, что и деятельность, и предметы культуры содержат в себе идеальное в прямом или снятом виде.

Форма предмета культуры, существовавшая перед началом деятельности идеально в виде образа результата, может также существовать идеально в виде значения слова, опираясь на другой чувственно воспринимаемый предмет (например, слово). В анализе связи деятельности, культуры и языка существенно, что идеальное, возникнув в деятельности (а для формирования способностей ее совершения у каждого поколения людей нужны культурные предметы), начинает использоваться в общении, ассоциируясь с другими предметами, которые употребляются не в своей предметной, а в символической, знаковой функции. Таким образом, идеальное, являясь порождением культуры в ее динамической форме, т.е. будучи рождено в деятельности, "передается" языку для обеспечения общения: общность значения у коммуникантов позволяет им указывать при помощи тела знака, произнесенного или написанного, на это значение, находящееся в сознании каждого общающегося.

Общность деятельности и культуры, создаваемая идеальным, обосновывается также в представлении о культуре как средстве саморазвития человека и о деятельности как единстве опредмечивания/распредмечивания. Предмет культуры, т.е. природный предмет, ставший продуктом деятельности, наряду "со своими полезными свойствами одновременно сохраняет в себе, предметно воспроизводит и саму человеческую способность, создавшую его" [там же, 73]. Предмет культуры может быть потреблен, т.е. просто использован благодаря своим полезным свойствам, а может быть распредмечен, в результате чего у человека формируется способность создавать подобные предметы, которая для передачи ее внегенетическим путем в пространстве и времени была опредмечена в конкретной форме.

Процессы производства и потребления предметов культуры описываются категориальной парой понятий опредмечивания/распредмечивания.

Человеческая способность, которая в процессе деятельности переходит в свое деятельностное состояние, т.е. в форму определенной деятельности, затем застывает в снятом, непрямом, превращенном виде в форме предмета – продукта деятельности. В такой опредмеченной форме способность человека как общественного человека транслируется в пространстве и времени и может быть сформирована у другого человека в ходе деятельности распредмечивания. Распредмечивание застывшей в форме предмета человеческой способности происходит тогда, когда на предмет направлена так называемая адекватная форме предмета деятельность, в которой только и может быть сформирована человеческая способность.

Эти процессы опредмечивания и распредмечивания человеческих способностей включают в себя и язык, так как всегда происходят в общении, опирающемся на связь идеального с телами языковых и неязыковых знаков.

Речевые тексты как знаковые носители идеального всегда сопровождают его существование в предметной деятельности. Введение деятельности, предметной и знаковой форм существования идеального усложняет представления лингвистов о функциях речевых текстов, но

позволяет создать методологические основания для решения проблемы языка и культуры.

Речевые тексты, объясняемые в понятиях опредмечивания/распредмечивания, представляют собой сложнейшие образования. С одной стороны, они суть предметы, в форме которых опредмечены некоторые способности человека, а с другой – это знаковые образования, в которых зафиксированы, но не опредмечены, не запечатлены в самой форме знаков идеальные образования, на которые языковые знаки только указывают косвенно, непрямо, превращенно. Для распредмечивания речевого текста необходимы лингвистические знания, а для распредмечивания предметов, на которые указывается в тексте, требуются также и энциклопедические знания. Различие двух видов знаний, необходимых для понимания текста, уже давно в разной форме осознается в лингвистике. Эта двойственная противоречивая характеристика речевых текстов, впрочем, свойственна всем знакам.

Какие же способности человека опредмечены в речевых текстах? В текстах опредмечены речевые умения и навыки (говорение, слушание, письмо, чтение). Овладевая отдельными видами речевой деятельности, человек переводит в действующую форму человеческие способности, опредмеченные в речевых текстах, и присваивает эти способности в виде речевых умений и навыков. Совершенно очевидно, что распредмечивание речевых текстов с целью присвоения человеческих способностей происходит на стадии формирования умений и навыков, когда тексты служат учебным материалом, а затем речевые тексты, вернее, их форма служат скорее предметом потребления (а не распредмечивания), в процессе которого только поддерживаются сформированные речевые умения и навыки.

В качестве предварительного вывода представляются обоснованными следующие утверждения.

Тела языковых знаков (означающие) в устной и письменной форме являются культурными предметами, в форме которых опредмечены способности человека к производству и восприятию языковых знаков.

Идеальное в качестве побочного продукта деятельности генетически не связано с языком, но обуславливает онтологическое единство языка и культуры, будучи "передано" из деятельности в общение, для которого оно создает предпосылку (в виде общности сознаний коммуникантов) взаимопонимания в ходе манипулирования телами знаков в межсубъектном пространстве в качестве средств указания на общие для обоих коммуникантов образы сознания. Речевые высказывания (тексты) являются культурными предметами в своей субстанциональной форме (и звуковой, и письменной). В текстах опредмечены способности строить речевую цепочку и способности организовать речевое общение (привлечь внимание собеседника; сориентироваться в нем, в его качествах; ориентировать собеседника в себе, в своих качествах, целях и мотивах общения; заинтересовать сообщением; сориентировать его в совместной посткоммуникативной деятельности, ради которой осуществлялось общение, и мотивировать ее). Функция текстов в общении (и культуре в целом) – задать слушающему (читающему) некоторую совокупность правил их смыслового восприятия, точнее, дать для распредмечивания

культурный предмет; побочным продуктом этого распредмечивания является образ текста, проекция текста, т.е. ментальное образование, называемое обычно содержанием текста, которое к языку никакого отношения не имеет, а является идеальной формой существования культурных предметов, описанных в тексте.

До этого шла речь о текстах, в которых отображались идеальные образования, возникающие в процессах опредмечивания/распредмечивания, т.е. в деятельности. Но кроме деятельности есть активность, когда люди воздействуют не на предметы, а на других людей, – это общение. Здесь передаются от одного человека к другому способности к общению, закрепляющиеся в теле человека в виде умений и навыков общения. В отличие от предметов, в форме которых застывает действующая способность, в человеке способность к общению не фиксируется в изменениях формы его тела в однозначном виде, хотя такого влияния полностью отрицать нельзя. Поэтому человек не может служить для другого человека в качестве объекта для распредмечивания; передача способности к общению чаще всего происходит путем демонстрации действующей способности, т.е. образцов общения, в виде описания этих образцов в знаках, хотя часто используется способ передачи способности, заимствованный из предметной деятельности: путем создания "искусственного тела" человека, путем создания костюма, форма и отдельные элементы которого играют ту же роль, что форма предмета в деятельности; эта форма сигнализирует о необходимости использования адекватного общения и адекватного способа производства речевых высказываний.

В обществе существует институт, специализирующийся на передаче в пространстве и времени способности к общению, — это институт праздника (и в первую очередь институт театра), основная функция которого — формировать навыки общения и основной способ формирования этих навыков — демонстрация образцов общения, демонстрация действующей способности [6, 392].

В пространстве и времени человеческие способности к предметной деятельности передаются как опредмеченные в форме объекта деятельности и описанные при помощи знаков; точность восприятия описания этих человеческих способностей жестко контролируется формой предмета.

Человеческие способности к общению, не опредмеченные в форме тела человека, но зафиксированные в его теле в виде умений и навыков общения, передаются от человека к человеку путем демонстрации образцов общения, путем показа действующей способности и в форме описания при помощи знаков; точность восприятия описания человеческих способностей к общению нежестко контролируется демонстрацией образцов общения, которая принципиально вариативна, так как точность демонстрации зависит от конкретного исполнителя.

Иначе говоря, существуют речевые тексты, описывающие человеческую деятельность, и речевые тексты, где описывается общение; точность восприятия текстов первого типа контролируется жестко, высокая точность восприятия текстов второго типа не может быть обеспечена. Эти два типа текстов образуют две крайние точки континуума, между

которыми могут быть размещены все мыслимые в обществе тексты; критерий размещения текстов между этими крайними точками — практикуемая в обществе степень точности восприятия. На одном конце располагаются тексты с описанием технологических процессов производственной деятельности, а на другом — тексты театральных пьес, поэтические тексты.

Таким образом, в настоящее время одним из наиболее адекватных способов формирования методологических схем анализа проблемы языка и культуры являются попытки установления связи языка и культуры на основе их онтологической общности, объективной формой существования которой является идеальное.

В заключение автор хотел бы заметить, что данная статья является только попыткой построения методологических схем анализа проблемы языка и культуры в рамках деятельностного подхода и не претендует, естественно, на окончательное решение важной и чрезвычайно сложной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г.С. Опредмечивание и распредмечивание // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4.
2. Батищев Г.С. Опредмечивание и распредмечивание // БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 18.
3. Ильенков Э.В. Идеалионое // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
6. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
7. Межуев В.М. Культура и история: (Проблема культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977.
8. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
9. Bernstein B. Class, codes and control. L., 1971.
10. Bernstein B. Social class, language and socialisation // Current Trends in Linguistics. The Hague, 1974. N 12.
11. Language, thought, and culture. Ann Arbor, 1958.

II. ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ

К. БУЗАШИОВА, С. ОНДРЕЙОВИЧ

(СЛОВАКИЯ)

СЛОВАКИ И ЧЕХИ.

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК И ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

(Этносигнifikативный, культурологический,

психологический и социолингвистический аспекты отношений
двух наций и их языков)

Цель данного исследования заключается в том, чтобы соотнести некоторые, по мнению авторов междисциплинарно-релевантные, знания историков, историков искусства, социологов с соответствующими лингвистическими знаниями и способствовать таким образом пониманию соотношения терминов "этнос" ("этничность") — "культура" — "язык". Авторы считали бы свою задачу выполненной, если бы данное исследование помогло понять процессы, происходящие в настоящее время во многих многонациональных государствах и характеризующие также отношения словаков и чехов.

Понятия и термины "этнос", "этничность", "национальность", "нация", "национальная идентичность" и пр. в настоящее время чаще, чем несколько десятилетий назад, являются предметом дискуссий в научных и научно-популярных публикациях, на конференциях и симпозиумах, в исторических, литературных, лингвистических и культурно-политических журналах. Проблематика, связанная с выяснением отношений языка и этносоциокультурного развития соответствующего национального сообщества, стала более актуальной в настоящее время, когда многие теоретические построения и концепции ученых неоднократно не только не подтверждаются, но даже опровергаются самой действительностью. Распадаются (или распалясь) полиэтнические государства, такие, как, например, Советский Союз, Югославия. В конце 1992 г. завершилось более чем 70-летнее сосуществование словаков и чехов в едином чехословацком государстве. С 1 января 1993 г. существуют два независимых государства: Чешская Республика и Словакская Республика.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам более подробно остановиться на терминологии, которая очень неоднородна, причем проблемы и недоразумения возникают помимо всего прочего и из-за того, что

тождественные или параллельные в плане выражения термины часто имеют различное понятийное содержание или коннотацию (например, понимание термина "нация" в западных странах и в странах Центральной и Восточной Европы, толкования терминов "национальность", "этническая группа" и др.). Поэтому только коротко отметим, что понятия и термины "этнос", "этническое сообщество" мы используем как динамично развивающиеся, как специфические эквиваленты слова *нация* (также понятого в динамично развивающемся аспекте), т.е. как общее, совокупное обозначение, наименование таких образований, как племя, феодальная национальность, нация (в значении современной нации), а также как наименование для наций, живущих сегодня в условиях моноэтнических и полигетнических государств (ср. [6, 35; 5, 186—187; 33; 20]). Толкование понятия "нация" учеными западных стран в сопоставлении с содержанием этого термина в странах Центральной и Восточной Европы, особенно в связи с проблематикой прав национальных меньшинств, ср. в сборнике "Меньшинства в политике. Культурные и языковые права" [27].

Из определяющих признаков этнического сообщества (resp. нации) мы рассмотрим главным образом те, которые считаем актуальными, исходя из темы статьи, т.е. с точки зрения взаимоотношений чехов и словаков как двух славянских народов, близость которых традиционно признается не только в славистике, но и при сопоставлении межэтнических отношений в генетически неродственных, не связанных общими историческими судьбами национальных сообществах. Это такие характерологические признаки, которыми одно этническое сообщество отличается от другого сообщества или нации:

1) культура, т.е. такие стабильные и внешне очевидные ее компоненты, как язык, религия, народное изобразительное искусство, устное поэтическое творчество, обычаи, обряды, нормы социального и этнического поведения;

2) ценности культурного наследия в целом (изобразительное искусство, архитектура, литература). Согласно некоторым концепциям, эта "высшая" культура не входит в состав признаков, характеризующих понятие "нация". Однако, как будет показано ниже, с точки зрения взаимоотношений чешской и словацкой наций, а также взаимоотношений словацкой и венгерской наций, анализа которых мы в данной статье избежать не можем, интерпретация этих культурных ценностей является значимой;

3) самосознание — этническое (национальное) сознание (его внешним выражением является этноним), представления об общем происхождении, предках, общей отчизне, родине;

4) общая психология, национальные чувства, базирующиеся на фундаменте интериоризованного экзистенционального опыта и совместно пережитых судьбоносных моментов в истории нации, которые вместе с усвоенными культурными ценностями образуют "память нации";

5) отношение "нация — государство", положение нации в государстве — политическое, экономическое, социальное, культурное; в настоящее время мы включили бы сюда чаще излишне, но иногда более оправданно акцентируемое соотношение гражданского и национального принципов;

6) признак, который во взаимоотношениях словаков и чехов не составляет отдельной проблемы (главным образом в нематериальной плоскости), но в других случаях очень важный — общность территории, т.е. территориальная проблема. Этот признак является, однако, важным с точки зрения духовного уровня нации и ее позиции по отношению к другой нации. На позитивные и негативные проявления во взаимоотношениях двух наций, являющихся объектом изучения, в настоящее время влияют исторически обусловленные модификации отношения представителей чешской нации к Словакии как к стране и, следовательно, определенной территориальной целостности (с ее особенностями). Ср. цитату из статьи чешского писателя Л. Вацулика: "Наш долг (словакам. — К.Б.) в общих чертах заключается в том, что мы с удовольствием телом и душой освоили словацкую территорию, но мы не освоили, как нечто само собой разумеющееся, характерные для словаков мировосприятие, систему чувств и образ мышления. Наше сознание не восприняло словацкую ментальность" [42, 32].

Этносигнifikативный аспект. Соглашаясь с Ю.В. Бромлеем [6] и В. Бланаром [5, 197], мы признаем, что интегрирующую и дифференцирующую роль при формировании этнического сообщества играют стабильные элементы культуры. Эти факторы, однако, нельзя абсолютизировать: ни один из них не является обязательным, дифференцирующим этническим признаком; их отбор зависит от конкретных исторических условий. Словаки как этническое сообщество относятся к западным славянам. Согласно результатам исследований языковедов, подтвержденным исследованиями археологов, словацкий язык как самостоятельный славянский язык выделился на рубеже X—XI вв., т.е. в период начавшегося распада внутренне расчлененных праславянских макродиалектов и самостоятельного развития отдельных славянских языков [29; 31; 32; 19; 5]. К особенностям, отличающим словаков от других славянских, а также неславянских этносов, релевантных с точки зрения этносоциокультурного развития, относятся прежде всего следующие реалии. Этноним *словак* (в котором суф. *-ák* является западнославянской субSTITУЦИЕЙ более древнего *-ěn* и его варианта *-ian*) возникает во второй половине XV в. Причем название *словак* обозначало также члена конкретной славянской этнической общности Верхней Венгрии, так же как денотат *славянин* использовался как общепризнанное обозначение славян (сходную ситуацию демонстрирует распространение этнонима *словенцы* на хорватских славонов) [10, 115]. Важным фактором для восстановления древнейшей истории словацкой этнической общности, а также словацкой национальности являются факты языкового развития. Наиболее древними прямыми свидетельствами истории словацкого языка XI—XV вв., подтверждающими непрерывность его развития [5] (см. там же ссылки на дальнейшую библиографию) являются: ономастический материал — географические названия и имена лиц, живших на словацкой языковой территории, а также собственно словацкие языковые средства, засвидетельствованные в латинских рукописях того времени. Сохранившиеся связные языковые памятники существуют с XV в. Эти два хро-

логически различных слоя письменности являются источниками, на основе которых создан и в настоящее время издается "Исторический словарь словацкого языка" [14; 15].

Непрерывное развитие словацкого языка начиная с древнейших времен подтверждают диалекты, устная форма языка, значение которой подчеркивал, например, культуролог Д.С. Лихачев на X Международном съезде славистов в Софии (1988).

Не только дилетанты, но и ученые — специалисты в различных областях знания за рубежом, занимающиеся изучением этносов, в восприятии этнической общности словаков, словацкой культуры и словацкого языка находятся под сильным влиянием того факта, что после распада Великоморавской державы, первого единого государственного образования предков современных чехов и словаков начала X в., словаки более тысячи лет существовали в составе Венгерского государства, а после его распада в 1918 г. вновь объединились в едином государстве с чехами. Формирование и развитие словацкой национальности происходило в условиях многонационального Венгерского государства. В старой Венгрии гораздо большую роль, чем национальная принадлежность, играла принадлежность к привилегированным сословиям. Поскольку отсутствовали благоприятные предпосылки для возникновения кодифицированного литературного языка (который, однако, в феодальной Венгрии не относился к обязательным признакам национальности), в некоторых функциях литературного языка в письменной форме начиная с XV в. начал использоваться литературный чешский язык [5, 204]. Чешский язык, таким образом, не являлся в этот период и в течение долгого времени в дальнейшем общенародным разговорным языком [32, 78]. В свою очередь, он подвергался различного рода словакизации.

Следующим важным моментом этносоциокультурного развития является формирование так называемой культурной формы словацкого языка, испытавшей влияние фонетики и графики чешского языка, используемой в исторических памятниках XV—XVII вв. Начиная со второй половины XVIII в., когда в Центральной Европе складываются современные нации, происходит переоценка и феодального понятия "*natio hungarica*", ему придается современное наполнение. Одним из важных признаков буржуазного понятия "нация" становится национальный литературный язык, выполняющий национально-репрезентативную функцию [11]. В этой новой общественной ситуации был кодифицирован и словацкий литературный язык, в первую очередь Антоном Бернолаком (1787) — эту форму литературного языка восприняли только католики, евангелисты продолжали использовать чешский язык, — а затем Людовитом Штуром (1843). Штурровская кодификация литературного языка объединила всех представителей словацкой нации.

Формирование современной словацкой нации, подобно тому как это происходило и у других народов невенгерской национальности в многонациональной Венгерской империи, противоречило интересам формирующейся современной мадьярской (венгерской) нации. Изменение интерпретации феодального "*natio*" в современное "нация" у венгров связано с отождествлением венгерской (мадьярской) национальной (этнической)

истории с историей Венгерского государства. В ней есть место только для одного народа. Поэтому период с момента подписания австро-венгерского соглашения (1867) до 1918 г. ознаменован для словаков и венгров диаметрально противоположным осмыслением исторических событий, которые и словацкие и венгерские историки вряд ли могут интерпретировать одинаково. Исторический период, в течение которого в результате насилиственной мадьяризации словаки как нация оказались почти на краю гибели, был для венгерской нации во всех отношениях наиболее благоприятным. И наоборот, для словаков распад Австро-Венгрии и последующие десятилетия — это период самосохранения и развития в новом государственном образовании совместно с чешским народом, для венгров — событие, послужившее причиной глубокой национальной травмы [43]. Государственная доктрина Первой ЧСР — доктрина чехословацкой нации и чехословацкого языка, согласно которой словаки признавались ветвью единой нации — вплоть до официального отказа от нее в 1945 г. (после второй мировой войны в обновленной Чехословакии) являлась фактором, осложнявшим взаимоотношения чехов и словаков. Как идея она еще долго оказывала влияние и продолжает воздействовать на сознание немалой части представителей чешской национальности. Об этом свидетельствуют результаты последних социологических исследований [1; 2].

Культурологический аспект. В культурологическом отношении существуют области тесного соприкосновения и близости словаков и чехов и в то же время обусловленные историческим развитием значительные различия. Близость их определяют такие моменты, как единая христианская религия и определенный уровень цивилизации, унаследованные от Великоморавской державы, в период существования которой были заложены основы образованности не только чехов и словаков, но также южных и восточных славян (ср., например, [45]), а также уже упомянутая роль чешского языка, употреблявшегося в Словакии в функции литературного и языка богослужения словацких евангелистов. Выдающимися личностями как словацкого, так и чешского национального возрождения справедливо считаются Павел Йозеф Шафарик и Ян Коллар. В Словакии родился Й. Добровский, учился чешский историк Ф. Палацкий. Значение словаков для чешского национального возрождения подчеркивал Т.Г. Масарик [26, 55]. Во времена наиболее интенсивной мадьяризации словаков на рубеже XIX—XX вв. деятели чешской культуры возвышали свои голоса и предпринимали конкретные инициативы в поддержку словаков. Однако мысль о братстве чехов и словаков, облеченнная в форму чехословацкой идеи и доходящая до мифологизации отношения чехов к Словакии, приобретала иногда оттенок покровительства, а подчеркивание темы-мифа старшего и младшего брата закрепляло отношения этих народов как неравноправные [24].

Из культурологических явлений в качестве pars pro toto вспомним интерпретацию Й. Бакошем [4] истории искусства как зависимости ее структуры от структуры государственно-политической истории. До возникновения Чехословацкой Республики в теоретических концепциях венгерских ученых история искусства интерпретировалась таким образом,

что художественные памятники Словакии считались органичным элементом культуры Венгерской империи. Для XIX в. при отождествлении Венгерского государства с мадьярским, т.е. с государственной нацией, это означало, что они считались составной частью мадьярского искусства. После 1918 г. в только что созданной Чехословацкой Республике теория единой чехословацкой нации давала право чешским ученым заниматься изучением памятников культуры Словакии как объектов своего культурного наследия (изложение собственно словацкой истории искусства в то время отсутствовало, так как у словаков еще не было своих историков искусства [там же, 9]).

С точки зрения понимания истории искусства в контексте чехословацких культурных отношений показательным является тот факт, что в противовес венгерской этатистской концепции истории искусства чешские ученые понимали историю искусства Словакии как единое целое, в котором объединены два уровня — искусство Словакии и словацкое искусство. Это целое является результатом двух детерминант — внешних влияний и государственно-исторических связей, с одной стороны, а также специфики и традиций этнической общности, населяющей данную территорию, — с другой. Коль скоро историю искусства Словакии нельзя интерпретировать только этнически, сама территория Словакии стала рассматриваться как духовный субъект — порождение "*genius loci*". Эта концепция должна была способствовать преодолению противоречия между искусством, "импортированным" в Словакию, и его творческим усвоением самобытным словацким искусством. Й. Бакош, излагая историю искусства Словакии [там же], постулирует категорию "перекрестка культур", которой он объясняет тот факт, что исторические пути искусства в Словакии являются результатом встречи, соприкосновения, перекрецивания, взаимопроникновения многих культурных сфер. То, что с точки зрения западных культурных и художественных течений воспринимается как периферия, определенная вторичность, является "периферией" продуктивной: богатство художественных памятников Словакии и поражающая воображение пестрота их стилевого характера свидетельствуют не только об экономической развитости и социальной дифференциации, но прежде всего о богатой культурной жизни Словакии, в контексте которой искусство играло исключительно важную роль. Укажем, что противопоставление "центр—периферия" является продуктивным и в языкоznании. Важно и то, что при использовании понятия "перекресток" в отношении словацкого языка как славянского имеются в виду древние взаимосвязи, определяемые местом его бытования, сравниваются старые изоглоссы. Это указывает на пограничное положение словацкого языка между западнославянским, восточнославянским и южнославянским миром [5] (см. также работы А. Габовштика).

Поскольку для формирования самосознания (этнического resp. национального) и национального восприятия важное значение имеет историческая непрерывность в развитии и освоении ценностей материальной и главным образом духовной культуры, включая историю литературы, искусства, языка, необходимо объяснить, почему словаков неоднократно характеризовали как нацию со слабым национальным самосознанием. Су-

ществуют объективные причины того, почему у словаков сложнее, чем у соседних наций, протекало формирование национального самосознания, которое основано на знании собственной истории и осмыслиении исторической непрерывности. Корни этой ситуации лежат в истории XX в., главным образом в том способе, каким у словаков (resp. в Словакии) реализовывалось воспитание историей. Если принять во внимание, что история уже в XIX в. становится "государственной" наукой [30, 9], национальная история не давала словакам по сравнению с другими нациями достаточно реальной опоры для формирования исторического сознания. Негативную роль в этом сыграл феномен, метко названный словацким историком Л. Липтаком "синдромом нулевого года" [21; 22], который заключается в том, что после каждого переворота, после каждой революции в Словакии все начиналось с самого начала, с нуля (такова по крайней мере официальная версия). Сопоставление политических изменений в истории Словакии в 1918, 1939, 1944—1945, 1948, 1989 гг. свидетельствует о существовании этого синдрома в пропаганде и в политической практике победителей. Акцент на действительных или мнимых сторонах нового режима — "конец тысячелетнего рабства", "первое самостоятельное словацкое государство", "конец тоталитаризма" — помогает победившей группировке преодолеть неуверенность,скуюственную еще не укрепившейся власти. Подчеркивание мрачного прошлого позволяет отвлечь внимание от суровой действительности. Политические перевороты на определенное время прерывают исторические связи, однако историческая непрерывность не может долго игнорироваться. Поэтому вопреки пятикратному началу " заново" в XX в. основные тенденции словацкой истории прокладывали себе дорогу в каждой эпохе — процесс эманципации нации в одних случаях благодаря, в других — вопреки перевороту продолжался [22, 25].

В системе же образования история, в которой была представлена скопее несвязанность между собой явлений, событий и личностей, не могла не оставить негативных последствий. Это наложило отпечаток на национальное сознание многих поколений словаков. Так, например, с точки зрения сегодняшних 50-летних, в Словакии нередкими являются семьи, в которых дедушки и бабушки изучали (национальную!) историю как историю Венгерского государства; родители изучали чехословацкую историю сквозь призму государственной доктрины Первой ЧСР, и одни имеют более позитивный, другие — более негативный жизненный опыт, связанный с периодом ограниченно самостоятельного авторитарного Словацкого государства (1939—1945); дети, получившие начальное, среднее и высшее образование после 1945 г., воспитывались на истории, в которой целые периоды словацкой национальной истории подавались односторонне, искаженно или были просто опущены, запрещены. Личности в ней были "стерты".

Первая краткая и при этом единая история Словакии и словаков, понятая как действительно словацкая история, т.е. трактующая национальную историю с точки зрения словаков и стремящаяся объективно взглянуть на прошлое Словакии и словаков, могла возникнуть только в условиях современного демократического общества. Это "История Сло-

вакии" [25]. Иной ситуации, касавшейся, правда, в равной степени и чехов, и словаков, не существовало в последнее 20-летие, когда на тему оккупации Чехословакии и вообще событий августа 1968 г. был наложен запрет. Необходимо в этой связи напомнить, что 27-летний языковед Л. Новак в работе "Лингвистические гlosсы к чехословацкому вопросу" (1935) не только научно аргументировал фиктивность чехословацкой нации и языка, но и указал на непоследовательность законодательства: в то время как на словацком языке как языке обучения изучался школьный предмет "чехословацкий язык", в Чехии — что было обычно — изучался чешский язык [28, 301—318]. Л. Новак предвидел те негативные последствия, которые возникнут в национальном сознании словаков из-за того, что в рамках упомянутого предмета значимость явлений и их осмысливание в большой степени были искажены в ущерб словацкому национальному языку и литературе: роль великих словацких национальных деятелей, особенно Л. Штура, замалчивалась, история словацкой литературы подавалась поверхностно, отрывочно, а иногда и пренебрежительно. При исследовании словацко-чешских отношений в психологическом аспекте (см. ниже) упомянутые недостатки изучения истории в сфере образования необходимо принимать во внимание. Они, вместе с другими, не упоминавшимися здесь фактами, немало способствовали формированию у словаков двух типов проявления национального самосознания. Прежде всего, характерного для многих словаков уравновешенного, воспринятого на основе понимания исторической непрерывности национального самосознания, которое нет необходимости выражать декларативным способом. Вместе с тем у отдельных личностей национальное самосознание имеет крайние формы выражения — это либо гипертрофированная национальная гордость, либо самоуничижение.

Интересно, что в языковой сфере важность значения непрерывности отражена в словацком языке в лексической семантике слова *dejinnost'* (= историческая непрерывность; сознание непрерывности истории; отношение нации к своей истории). Имплицитная сема "непрерывность, преемственность" стала релевантным дистинктивным компонентом лексического значения слова *dejinnost'*, потому что языковое сообщество словаков ощущает это свойство как важное. И это, конечно, объясняется тем, что в своей повседневной жизни словаки непрерывностью истории часто пренебрегали [9, 175—176].

Психологический аспект. Уже много раз констатировали, что словакам в ходе своей истории приходилось отстаивать свою самобытность, особенно по отношению к двум нациям и культурам — венгерской и чешской. В определенной степени можно признать справедливым и утверждение М. Кусого [18] о том, что отношение к первой из указанных наций определялось властно-политическим превосходством венгров как правящей нации, и словаки, таким образом, отстаивали свое место в истории в противовес венграм, а отношение к чешской нации и ее культуре "было и есть, в сущности, историей образцового сотрудничества". И хотя эту "образцовость" можно было бы поставить под сомнение, сославшись на определенные исторические события и аспекты словацко-чешского сосуществования, справедливым остается то, что факт, упомянутый

К. Лоренцом в книге "Восемь смертных грехов", является не случайным. В качестве примера недружественных и соперничающих этнических групп, провоцирующих друг друга подчеркнутым различием национальных костюмов, он приводит "жителей соседних венгерских и словацких деревень, населяющих венгерские окраины" [23, 62].

Необходимо напомнить, что словаки и чехи объединялись в единое государство не только с разным историческим опытом и уровнем экономического и культурного развития, но и с разными ожиданиями. Чехословацкая государственность для чешской нации была только продолжением чешской государственности, исторического прошлого нации (resp. ее расширением). Для большинства же словаков совместное государство было актом взаимного соглашения двух субъектов. Это различие вышло наконец на первый план сейчас, когда Чешская Республика подтверждает, что после разделения ЧСФР, несмотря на протесты словацкой стороны, оставляет за собой государственный флаг как символ своей государственности (рассматривалась также и возможность сохранения названия "Чехословакия" для Чешской Республики), используя аргумент, на который ссылался и В. Гавел: и без того с Чехословакией с самого начала ее образования отождествляли прежде всего граждан Чешской Республики.

Нельзя забывать и то, что объединение словаков и чехов имело и прагматические причины. В 1921 г. в многонациональной Чехословацкой Республике жили 51% чехов, 23% немцев, 15% словаков, 6% венгров и 4% карпато-русов. Основой предвоенной Чехословакии была доктрина единой чехословацкой нации, единого ствола, ветвями которого должны были быть чехи и словаки. Политическое и прагматическое обоснование этой доктрины заключалось в том, что только в таком случае чехи и словаки могли составлять подавляющее большинство — две трети — населения в новом государстве (чему придавал большое значение главным образом президент Вильсон) и без проблем могло быть выполнено требование национального самоопределения.

Новое государство проводило демократическую и либеральную внутреннюю политику, которая имела позитивные (развитие национальных школ и культуры, культурная помощь Словакии) и негативные (углублялось различие между Чехией и Словакией) стороны. Число чехов в Словакии в 1921—1937 гг. увеличилось вдвое. Чехи приходили сюда с миссией культурного подъема Словакии. Вместе с тем они занимали должности в государственном аппарате и в областях, поддерживаемых государством. Фактом является и то, что в последний год существования Первой ЧСР в Словакии 60% населения (словаки и венгры) занимались сельскохозяйственным производством [8].

С этой миссией чешской интеллигенции в Словакии связаны и подходы, нашедшие отражение в результатах исследования "Чехи о словаках и Словакии", которое было проведено в 1946 г. Институтом исследования общественного мнения (функционировавшим в 1946—1950 гг., см. об этом [41; 12]) и является примечательным не только с точки зрения ответов респондентов, но и с точки зрения заданных вопросов. Одним из блоков вопросов, на который положительно ответили 80% опрошенных, был: "Любите ли Вы словаков? Любите ли Вы петь или слушать словацкие

народные песни?" При этом 66% респондентов были убеждены в том, что словаки по своему характеру принципиально отличаются от чехов, и только 14% поддерживали идею об усилении независимости Словакии.

Для словаков, правда, такие вопросы были и являются, как указывает М. Тиморацкий, малоприемлемыми. Они вызывают удивление, если не возмущение. Почему выясняется эмоциональное отношение к словакам и почему на основе народных песен? Часть словаков с самого начала испытывала "аллергию" по отношению к "старшему и более опытному брату". С другой стороны, уже в те годы все большее число чехов возмущалось "неблагодарностью словаков". Больших изменений в этой области по сравнению с 1946 г. за прошедшие 40 лет не произошло, о чем свидетельствует следующее социологическое исследование, которое было проведено Центром исследования общественных проблем (1990) и Центром социального анализа (1991, 1992). Оказалось, что идею единой чехословацкой нации в это время поддержали 50% респондентов из Чехии, а с требованиями словаков внести некоторые корректизы в федерацию выразили несогласие 60% населения Чешской Республики, связывая это с ощущением шантажа со стороны словаков. Наряду с этим, как оказалось, для многих чехов Словакия до сих пор остается всего-навсего экзотической страной с Татрами, традиционными кушаньями и напитками, сливицей и галушками с брынзой.

Иногда высказывается мнение, что река Морава, отделяющая чешские области от Словакии, является границей, разделяющей европейское мировосприятие на две парадигмы: 1) западного рационализма и 2) восточной эмоциональности. В противовес этому словацкий историк А. Спиш [38], и не только он, придерживается точки зрения на словаков как на народ, для которого характерны западноевропейская ментальность и европейский образ мышления. Словакия находится на восточной границе западной цивилизации, и часть ее населения исповедует не западный, а восточный тип христианской религии (однако, согласно переписи населения 1991 г., из общего числа 5 268 935 человек только 34 244 человека придерживаются православного вероисповедания).

В самом деле, существует ли нечто такое, что можно было бы назвать культурно-историческим генотипом мышления и поведения наций? Как указывает М. Калянский [17, 357], этнологические исследования не обнаружили (resp. не смогли определить) специфических черт, которые характеризовали бы исключительно словаков, как живущих на всей территории Словакии, так и вне ее. Правда, исключить наличие этих черт нельзя уже потому, что таких исследований у нас еще не было.

Проводились исследования общественного мнения о самооценке чехов и словаков и их отношении друг к другу. Все исследования, проведенные социологами в 1990, 1991 и 1992 гг., подтвердили, что сами словаки оценивают себя очень высоко, являясь, таким образом, по отношению к себе очень снисходительными, в то время как чехи, наоборот, оценивают себя чрезмерно критично. Это находит свое отражение в исторической публицистике и художественной литературе. В то время как у словаков картины, оставляющие впечатление критической самооценки, скорее редкость (А. Матушка, Л. Ковач, Л. Липтак), у чехов в целом преобла-

дает очень резкая оценка собственной ментальности и истории. Выдвигается предположение, что это связано с определенным опережением чехов по уровню цивилизованности, проявляющимся в их более высокой ступени развития. Идею о своеобразии словаков в определенной степени пестуют и словацкие журналисты, поскольку достаточно большое количество публицистических статей изображает словацкую нацию как такую, которая ни в чем не отстает от какой бы то ни было иной и более "заметной" этнической общности. И нет ее вины в том, что мир ее еще не узнал. Ее так же "скрывали и чернили" прочешски ориентированные политики, как и венгерское лобби и собственные "янычары" (ренегаты). В целом, однако, в словацкой прессе, даже в публикациях, в которых национальное чувство выражено в наиболее экзальтированной форме, не звучали какие-либо особенные выпады и обвинения в адрес чешской стороны. Гораздо более резкой была реакция на деятельность так называемых словацких янычаров (resp. так называемых федеральных словаков — пейоративное наименование словацких политиков, которые на сло-вах встают на защиту интересов всей федерации, а на деле защищают чешские интересы; для словацкой части федерации окончательный результат их деятельности оказался неблагоприятным).

Давая себе самооценку, словаки приписывают себе в первую очередь вошедшую в пословицы работоспособность (42%), за которой следуют дружелюбие (15%) и искренность (19%), по их мнению являющиеся типичными чертами словацкого характера. Из негативных качеств они допускают алкоголизм и недостаточную национальную гордость (в 1992 г. это качество уже почти не указывалось). Воздержалась от оценок половина словацких респондентов. Это объясняется тем, что либо, по их мнению, никакого типичного словацкого характера не существует и людей нужно оценивать индивидуально, либо они не знали, какие черты являются для словаков характерными.

Чехи, однако, воспринимают словаков иначе, чем словаки самих себя, — не как трудолюбивых, искренних и честных людей, а совсем наоборот: скорее как агрессивных, национально ориентированных, спесивых и вместе с тем — хотя и в меньшей степени — как закомплексованных. В целом, таким образом, чехи видят словаков скорее в негативном свете.

Важным в этом аспекте является и то, как воспринимают словаков венгры, живущие в Словакии. В чем-то их мнение совпадает с мнением чехов, но в некоторых вопросах они соглашаются со словаками. Из позитивных качеств они отмечают работоспособность, скромность и непрятательность словаков, а из негативных — национализм и алкоголизм.

Среди словаков доминирует убеждение в том, что они являются трудолюбивой нацией. Это качество им приписывают и венгры, но чехи в нем отказывают. Небезынтересно отметить, что Словарь чешской фразеологии и идиоматики [36, 427] приводит сравнение "dřít / dělat jako otrok / Slovák / galejník na galejích" с толкованием 'работать физически или духовно много, интенсивно и до усталости, усердно и ревностно'. Кроме того, записи из Нижней Австрии свидетельствуют о том, что богатые землевладельцы при выборе сезонных рабочих среди проживающих на этой

территории народностей (сербы, хорваты, чехи, словаки) всегда отдавали предпочтение словакам [35].

Национализм приписывают словакам чехи и венгры, в то время как словаки до сих пор упрекают себя в недостатке национальной гордости.

А как видят словаки чехов? Скорее подобно тому, как видят чехи словаков — в негативном свете. К их типичным чертам они относят хитрость (19%), надменность (10%), реже — эгоизм (5%), леность (4%) и болтливость (4%). Называя позитивные качества, отдают должное их культурности (2,5%) и чувству юмора (2%). Мнение, что никакого типичного чешского характера не существует, высказала треть словаков.

В публицистических текстах и эссе словаки неоднократно упоминают свое плебейство. Писатель В. Минач в книге "Раздувание углей" написал такие слова: "Если история является историей королей и императоров, воевод и князей, побед и завоеванных территорий, если история является историей насилия, грабежа и эксплуатации, то у нас нет истории, во всяком случае мы не являемся ее субъектом. Но если история цивилизации является историей труда, историей прерванного, но всегда снова и снова побеждающего строительства, то это и наша история... мы плебейская нация, ни одна другая нация не является плебейской в таком чистом виде, как мы". Однако, главным образом с 1989 г., начинают появляться новые интерпретации словацкой истории, обнаруживающие более высокую ступень национального самосознания. Согласно этим интерпретациям история Словакии и словаков подтверждает, что они являются нацией, имеющей собственные корни, восходящие к Великоморавской державе, выстоявшей в испытаниях и отстоявшей себя в борьбе за национальное существование, самобытность, будущее. Словацкая нация, на долю которой выпали большие испытания — татарский плен, нападения турок (а в общеевропейском масштабе она защищала границу христианского мира от ислама), сословные антигабсбургские восстания, — никогда не капитулировала. Даже при нарастающем давлении во второй половине XIXв., когда правящие слои Венгерской империи пытались ассимилировать и включить в мадьярскую нацию словаков, они выстояли. Найдя опору в своем живом языке, возрождающихся традициях и христианском мировоззрении, словацкая нация доказала свою жизнеспособность как этнического сообщества.

Для того чтобы определить отношения словаков и чехов, поучительно привести результаты уже цитированного социологического исследования, в котором предлагалось оценить историю взаимоотношений чехов и словаков. Согласно этому исследованию, для чехов Первая ЧСР являлась образцом демократии, и для 70% граждан Чешской Республики ее возникновение было важным условием выживания словаков как нации. Словацкое государство 1939—1945 гг. являлось однозначно фашистским и выглядело по отношению к чехам как предательство (не единственная альтернатива). Словацкое национальное восстание, одно из самых важных для словаков исторических событий, чехи рассматривают как убедительный жест протesta словацкой нации против фашизма. Однако значение этого события, по их мнению, излишне преувеличивается. В 1968 г., в период так называемой Пражской весны, словаки не поддержали процесса

возрождения и беспокоились больше о своем национальном "я". После 1968 г. они лучше, чем чехи, приспособились к коммунистическому режиму [41].

Словаки, напротив, сильно сомневаются в том, была ли Первая ЧСР демократической. Для них она означала экономический гнет. Высокая безработица гнала за границу так же, как и до 1918 г. Концепция единой чехословацкой нации была совершенно ошибочной. Словацкое государство оценивалось достаточно неоднозначно, но, во всяком случае, это был период осуществления мечты словаков о самостоятельности.

Можно напомнить, что за сотрудничество с режимом Словацкого государства, а в конечном итоге за осуществление мечты о национальной самостоятельности, были вынуждены эмигрировать в 1945 г. многие выдающиеся представители словацкой литературы — поэты так называемой католической модерны, прозаики и организаторы культурной жизни. Их отъезд заметно сказался на словацкой культуре.

Все проведенные социологические исследования (1946, 1990—1992) подтвердили, что в отношениях между словаками и чехами существует живое чувство сопричастности, но одновременно свидетельствовали также и о возрастающих с обеих сторон чувствах обиды и непонимания. Большинство словаков при этом не имеют ничего против чешской нации, их "античешство" в большей степени направлено против прагоцентризма и унитарного государства. Часть чехов также была против прагоцентризма (40%), и так как в последнем немаловажную роль играли и словаки (так называемые федеральные словаки), в их протесте заключалось и парадоксально выраженное отвращение к словам [41].

Социолингвистический аспект отношений словацкого и чешского языков показывает, что уже в XV в. между ними отмечается определенное напряжение, которое, очевидно, не исчезло даже с разделом Чехо-Словакии. Лексические заимствования из чешского языка являются одним из характерных признаков кодификации Л. Штуром литературного словацкого языка в 1843 г. В смысле философии Гегеля и гумбольдтовской философии языка Штур усматривал национальный дух прежде всего в грамматическом строе языка. Поэтому он не считал неправильным заимствование в литературный словацкий язык чешских лексических единиц, главным образом из фонда специальной лексики, которая в то время была в чешском языке уже достаточно хорошо разработана.

Между словацким и чешским языками существовало определенное равновесие взаимопроникновений. Это естественное равновесие нарушилось главным образом тогда, когда словацкий и чешский языки искусственно (и под политическим давлением) сближались или разделялись. Например, в период Первой ЧСР было осуществлено издание "Правил словацкого правописания" под редакцией чешского языковеда В. Важного, в основе концепции которых лежал принцип необходимости сближения словацкого и чешского языков. Это было главной причиной последующего античешского пуританства в Словакии. Пуританы, чувствуя, что словацкий язык подвергается опасности, опирались не на принцип функциональности, а на принцип языковой чистоты. Во многих случаях их вмешательство, в основном касающееся звукового и грамматического уровней, в которых

они устранили излишние неустойчивые и дублетные формы, было полезным для словацкого языка. На конвергентное развитие этих языков снова обратили внимание в 50—60-е годы.

Чехословацкая федерация (в октябре 1968 г.), вследствие неблагоприятных внутренних и внешних обстоятельств, связанных со временем своего образования после оккупации Чехословакии в августе 1968 г., имела форму цивилизованного государства, в котором ведущая политическая сила — Коммунистическая партия Чехословакии — уже начиная с 1970 г. при активном участии словаков деформировала и устранила исходные принципы федерации [44]. Возникновение вопреки этому федеративного устройства означало с точки зрения отношений словацкого и чешского языков качественную перемену. Положение словацкого языка в языковой ситуации Чехословакии по сравнению с состоянием предшествующих 20 лет изменилось. Более высокую степень равноправия означало, например, введение вещания в обговоренных пропорциях поочередно на чешском и словацком языках в наиболее важных средствах массовой информации (телевидение и радио). В языкоznании это новое состояние проявлялось, например, в том, что приблизительно со второй половины 70-х годов начинается разработка и использование понятий терминов "контактный вариант", "контактный синоним" (ср., например, [7, 56; 16, 16]). Результаты проведенных сопоставительных исследований чешского и словацкого языков, касающиеся не только лингвистической проблематики, но и более широкого контекста национальных литератур и культур, содержатся в многочисленных сборниках "Slavica Pragensia" Карлова университета.

Особое внимание было уделено проблематике языковой ситуации. Языковая ситуация в ЧССР, с ее специфическими чертами, отличающими ее от языковой ситуации в других многонациональных государствах, характеризовалась термином Я. Горецкого "двуязычие" (когда каждый из членов коммуникативного акта говорит на родном языке, причем оба друг друга понимают без перевода) в отличие от "классического" билингвизма. Социолингвистически ориентированная часть словацких языковедов перестает оценивать многие языковые средства (только на основе критерия происхождения) как богемизмы, многие из этих средств квалифицируются как результат взаимовлияния, параллельного развития (resp. заполнения лакун в одном языке). В последнее время социолингвистические методы (главным образом анкетирование) начинают применяться для выяснения реальной картины использования и оценки контактных средств и неконтактных вариантов самими носителями языка. М. Соколова [37] показала, как, используя социолингвистический метод, можно определить степень коммуникативной эффективности языковых средств различных уровней на основе частотности употребления и оценки их носителями языка как общеупотребительных, искусственных или неоправданных. Из анализа, проведенного Соколовой, следует, что высокая коммуникативная эффективность контактных вариантов связана с их коммуникативной функциональностью, вытекающей из семантической дифференциации контактных и неконтактных вариантов, из дифференциации этих вариантов на уровне стилей и из пересечения богемизмов и диалектизмов.

Контактные лексические синонимы расширяют синонимические ряды, возможности стилистической дифференциации высказываний, а также выполняют в языке некоторые pragmaticальные функции (например, мелиоративность выражения). Контактным лексическим синонимом является в словацком языке, например, имя прилагательное *záludný*. В сочетании с именем существительным *záladná otázka* оно является более нейтральным, более мелиоративным выражением по сравнению с более "резкой" стилизацией того же самого денотата при помощи слово-сочетания *zákerná otázka*; то же самое явление немного иначе обозначается и стилистически оформляется в других синонимических сочетаниях — *nepríjemná, neľahká, háklivá otázka*.

Некоторые контактные средства функционируют только на уровне индивидуальных текстовых употреблений, не используются в коммуникативном процессе всего общества. Например, этнографически сигнификативное наименование *oberačky* (время сбора винограда) является одновременно обозначением этой же реалии в современном словацком языке. Контактный вариант слова *vinobranie* может выступать в тексте как выражение более высокого стиля с оттенком книжности в переносном, метафорическом значении. Ср. заголовок публицистического текста: *Zelenkovo vinobranie* (в тексте идет речь о композиторе Илье Зеленке, в течение нескольких недель три новых произведения которого были отмечены премиями).

Нельзя обойти молчанием и проблематичные или негативные результаты чешско-словацкого двуязычия. Языковая ситуация в общем государстве предъявляла повышенные требования к языковой культуре как чешского, так и словацкого языка, причем уже с чисто квантитативной точки зрения (соотношение численности населения 2:1). Влияние занимавшего более сильные позиции чешского языка на словацкий было более значительным, чем словацкого на чешский. Как негативный в Словакии воспринимается тот факт, что вследствие сильной централизации терминологической нормализаторской деятельности происходило одностороннее приспособливание словацких терминов к чешской исходной базе (хотя во многих случаях было бы более целесообразно при образовании словацкого термина исходить из иных номинативных мотиваций), вытеснение исконной фразеологической лексики более новой фразеологией чешского происхождения и под. Аномалией и проявлением лицемерия чехословацкой "нормализации" перед ноябрем 1989 г. являлось то, что политики не запрещали словацким лингвистам изучать отношения словацкого и чешского языков, однако результаты этих исследований ученые могли опубликовать только в специальных журналах, но не в популярных изданиях, предназначенных для широкой общественности. В ориентированной на языковую культуру практической деятельности в течение многих лет нельзя было говорить о том, что определенное выражение является не словацким, а чешским. Поскольку практика двуязычия в средствах массовой информации в значительной мере стирала границы двух близкородственных языков, нужда в таких доказательствах возникала неоднократно.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в словацкой лингвистике существуют по меньшей мере две тенденции во взглядах на проблематику контакта словацкого и чешского языков. Для первой характерно то, что при устраниении ущерба, нанесенного национальному и языковому сознанию отдельных личностей деформациями предшествующего режима, и культивировании литературного языка подчеркивается прежде всего оппозиция "исконное — иноязычное". Другая, характеризующаяся более ярко выраженным социолингвистически ориентированным подходом, в большей степени учитывает отношение носителей языка к самому языку. Такой подход основан на предположении, что контактные явления для разных людей имеют различную аксиологическую ценность; психологический, национально-репрезентативный аспект, фактор культурно-исторической традиции и коммуникативной эффективности у отдельных носителей языка может занимать различное место в иерархии признаваемых ими ценностей; стратегия культивирования языковых проявлений должна с этим считаться.

2. В сопоставительных исследованиях словацкого и чешского языков до сих пор не нашла своего воплощения концепция языковой картины мира, характерной для каждого национального языка. Эта картина, представленная в языковых выражениях, семантике этих выражений и их сочетаемости, несет в себе закодированную этнолингвистическую и культурологическую информацию. С ее помощью можно установить, как то или иное языковое сообщество классифицирует и интерпретирует мир [13]. Продуктивность этой концепции при изучении одного языка, а также при сопоставительном анализе словацкого и чешского языков, при рассмотрении контактов этих языков должны будут показать дальнейшие исследования.

3. Добрые отношения между словаками и чехами в независимых государствах основаны на надежде, что оба народа со временем смогут избавиться от изживших себя стереотипов. Стереотипы чехов в наиболее откровенной форме выразил П. Пршигода [34]: а) словацкая неполноценность и чешское превосходство; б) словацкая комплémentарность (стремление увеличить чешский народ за счет словаков как основа теории чехословацкого народа); в) словацкое предательство и чешская жертва (неспособность понять стремление словаков к самобытности и независимости иначе как вероломство и предательство). Со словацкой стороны возможность корректных отношений с партнерскойнацией основана на надежде, что словаки смогут избавиться от комплекса, или стереотипа, сваливать вину за все, что происходит с ними, на кого-то другого. В новом, независимом государстве они смогут проявить себя как действительно зрелая нация, полностью отвечающая за условия своего существования и изменение их к лучшему.

4. В отношении восприятия культурных ценностей в чешско-словацких взаимоотношениях существует асимметрия. Словаки, по меньшей мере еще со времен Л. Штура, "на макроуровне" положительно относятся к чешской культуре, литературе, музыке и т.д. С чешской стороны восприятие словацкой культуры является скорее делом одиночек. Способность словаков к "освоению" культурных ценностей чешской нации, к эстети-

ческим переживаниям, очевидно, все-таки не означает ни проявления патриотического отношения, ни потребности усвоить национальный дух другой нации, но лишь способность воспринимать чешскую культуру не только за то, что в ней есть универсального, но и за ее чешскую специфику. Может быть, поэтому формулировка Л. Вацулика в его процитированном выше рассуждении о неосвоении чехами "характерных для словаков мировосприятия, системы чувств и образа мышления" по большей части не была воспринята в Словакии с пониманием и даже, наоборот, способствовала возникновению еще больших недоразумений (правда, главным образом из-за других обвинений автора в адрес словаков). Поэтому после разделения на два независимых государства более подходящим, чем прощальные слова Л. Вацулика и других чешских писателей, представляется обозначение отношений словацкой и чешской культур как "непрощание". Этим символическим выражением (связанным с одноименным стихотворением Л. Новомесского 1939 г.) литературный критик и главный редактор журнала "Литературный еженедельник" П. Штевчек [40] выразил надежду, что, может быть, после разделения страны отношения сопричастности, связывающие словаков и чехов, более интенсивно проявятся в их сознании и связи между словацкой и чешской культурами продолжатся и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aktuálne problémy Česko-Slovenska: Centrum pre výskum spoločenských problémov. Br., 1990.
2. Aktuálne problémy Česko-Slovenska: Centrum pre sociálnu analýzu. Br., 1992.
3. Aktuálne problémy slovenskej spoločnosti: Ústav pre sociálnu analýzu Univerzity Komenského. Br., 1991.
4. Bakoš J. Periféria alebo križovatka kultúr // Slovenské pohl'ady. 1988. [Roč.] 104.
5. Blandr V. Kontinuitný alebo diskontinuitný vývin slovenského jazyka // Slovenská reč. 1986. [Roč.] 51.
6. Bromlej J.V. Etnos a etnografia / Z rus. originálu Etnos i etnografija z r. 1973 prel. A. Pranda. Br., 1980.
7. Budovičová V. K teórii spisovného jazyka najmä z hľadiska medzijazykových vzťahov // Z teórie spisovného jazyka. Br., 1979.
8. Bumčák J. Sociálna diferenciácia a národná identita v Československu od roku 1919. Rukopis 1991.
9. Buzdssyová K. Dejinnost' // Kultúra slova. 1990. [Roč.] 24.
10. Deyiny Slovenska. II. Br., 1987.
11. Dorul'a J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Br., 1977.
12. Frič P., Bútorová Z., Rosová T. Česko-slovenské vzťahy v zrkadle empirického výskumu // Sociológia. 1992. [Roč.] 24.
13. Grzegorczykowa R. Pojęcie językowego obrazu świata // Językowy obraz świata. Lublin, 1990.
14. Historický slovník slovenského jazyka. Br., 1991. T. 1: A–J.
15. Historický slovník slovenského jazyka. Br., 1992. T. 2: K–N.
16. Jedlička A. Kořeny a rozvoj konfrontačního studia češtiny a slovenštiny // Slavica Pragensia XXV. 1985. [Roč.] 19.
17. Kalavský M. Etnicita alebo etnické vedomie? // Slovenský národopis. 1991. [Roč.] 39.
18. Kusý M. Slovenský fenomén: Fragment K. 1990. Č. 2.
19. Krajevič R. Slovenčina a slovenské jazyky. I: Praslovanská genéza slovenčiny. Br., 1974.
20. Letz J. Národná suverenita a jej význam pre Slovensko: Bratislavské listy // Kultúrno-politický mesačník IV. 1991. Č. 6.
21. Lipták L'. Pripravenosť Slovenska na demokraciu // Slovenské pohl'ady. 1992. [Roč.] 108. Č. 4.

22. Lipták L. Výšky a pády Slovenska // Historická revue. 1993. III. Č. 7.
23. Lorenz K. 8 smrtelných hľíčk. Pr.: Panorama, 1990.
24. Lorenzová H. Mýtus Slovenska v české kultúre na priesahu 19. a 20 století // Kontexty českejho a slovenského umenia. Br., 1990.
25. Marsina R., Čičaj V., Kováč D., Lipták L. Slovenské dejiny. Martin, 1992.
26. Masaryk T.G. Česká otázka: Naše nejnejší krize. Pr., 1990.
27. Minority v politike: Kultúrne a jazykové práva // Česko-slovenský výbor EÚ kultúrnej nadácie. Br., 1992.
28. Novák L. Jazykovedné glosy k československej otázke. II. vyd. Turčiansky svätý. Martin, 1936.
29. Novák L. K najstarším dejinám slovenského jazyka. Br., 1980.
30. Novosad F. Otázky k štátnosti // Slovenské pohl'ady. [1993.] Roč. 109. Č. 1.
31. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Br., 1963.
32. Pauliny E. Dejiny spisovej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Br., 1983.
33. Polakovič Š. Čo je národné bytie? Hamilton, 1982.
34. Příhoda P. Slováci českým očima (o slovenskom heterostereotypu české mysli) // Katolícky týždenník. 1992. [Roč.] 48 (=pretačene pod názvom O troch českých stereotypoch v Slovenskej národné noviny. 1993. [Roč.] 4. Č. 5).
35. Schultz A. Beiträge zur Heimatkunde von Hohenau. Hohenau, 1963.
36. Slovník české frazeologie a idiomatiky // Přirovnání. Pr., 1983.
37. Sokolová M. Komunikatívna efektívnosť českých kontaktových javov v súčasnej slovenčine // Všeobecná a špecifické otázky jazykovej komunikácie. 2. diel. Banská Bystrica, 1991.
38. Spiesz A. Dejiny Slovenska na ceste k sebaudomieniu. Br., 1992.
39. Šimečka M. Príbeh o jazyku // Slovenské pohl'ady. 1992. [Roč.] 108. Č. 9.
40. Števček P. Nelúčenie II // Literárny týždenník. 1993. [Roč.] 6. Č. 1.
41. Timoracký M. Verejná mienka o česko-slovenských vzťahoch // Gál F., a kol. Dnešná kríza česko-slovenských vzťahov. Pr., 1992.
42. Vaculík L. Naše slovenská otázka // Literárne noviny. 1990. Č. 5.
43. Zemko M. Mad'arská história ponuknutá svetu: (Marginália Nemad'ara k Stručným dejinám Maďarska v angličtine) // Slovenské pohl'ady. 1990. [Roč.] 106.
44. Žatkulitak J. Deformácia Ústavného zákova o československej federácii po októbre 1968 // Historický časopis. 1992. [Roč.] 40.
45. Život a dielo Metoda prvoučitelia národa slovienskeho. Br., 1985.

Перевод со словацкого Ю.Е. Степковской

В.Г. ГАК

(РОССИЯ)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

Проблемы языковой ситуации возникают всякий раз тогда, когда в данном социуме используется несколько языковых образований, т.е. когда имеет место многоязычие. Французский язык представляет собой чрезвычайно интересный материал для социолингвистического исследования: нет другого языка в мире, который бы участвовал в таком разнообразии языковых ситуаций, как французский. Достаточно сказать, что в мире насчитывается не менее 50 стран, где в той или иной форме, теми или иными группами населения используется этот язык наряду с другими языковыми образованиями. Положение французского языка в этих странах неоднозначно: в одних случаях он используется как официальный язык, в других — только в бытовом общении, в некоторых странах — это

основной язык, вытесняющий местные языки, в других — сам подвергается вытеснению, в третьих — представляет собой реликт прежних языковых ситуаций. На примере одного только французского языка можно выявить все возможные языковые состояния и ситуации. По-разному этот язык функционирует в странах Европы, Америки, Африки, на островах Карибского бассейна, Индийского океана или Океании. Эти различия объясняются своеобразной историей франкоязычного этноса и его языка. В социолингвистической истории французского языка можно выделить четыре периода, или аспекта.

Колыбелью французского языка явилась северная часть завоеванной римлянами Галлии. Но, как это имеет место в отношении большинства европейских стран, географические границы французского государства не совпадают с границами распространения французского языка. С одной стороны, в состав Франции были включены территории, населенные иными этносами, так что она превратилась в полиглотическое государство. С другой стороны, некоторые районы с франкоязычным населением остались вне Франции, войдя в состав сопредельных с нею государств: Бельгии, Швейцарии, Италии, что создало определенные социолингвистические проблемы и в этих странах.

В результате колониальных завоеваний XVI—XVIII вв. и миграции франкоязычного населения в колонии начался второй этап формирования мирового ареала французского языка. Образовались компактные франкоязычные группы преимущественно в Америке: в Канаде, США, на некоторых островах Карибского бассейна. Для этого населения французский язык продолжал быть родным языком. К началу XIX в., вследствие многолетних войн с Англией, эта колониальная империя была Францией утрачена, но сохранились франкоязычные зоны в упомянутых выше странах.

В XIX—XX вв. была создана новая Французская колониальная империя из территорий, захваченных преимущественно в Африке, Индокитае, Океании. На сей раз колониальные захваты не сопровождались массовой миграцией франкоязычного населения, так что в странах, образовавшихся впоследствии на руинах этой империи, рухнувшей в середине XX в., французский язык выполняет функцию официального языка, языка культуры, но не национального родного языка населения. К этим основным зонам распространения французского языка можно добавить территории распространения отпочковавшихся от французского франко-креольских языков в странах Карибского бассейна и на островах Индийского океана. Эти языки существуют в некоторых странах с литературным французским языком.

Языковая ситуация во франкоязычных странах не раз описывалась в отечественной лингвистической литературе (ср. [1—7; 9]). В данной статье мы попытаемся представить общую картину языковых ситуаций в странах французского языка. Эта типология может строиться по двум основным параметрам: функции языка и типы двуязычия.

В науке предлагалось много разнообразных классификаций функций языка в обществе. Каковы бы ни были эти функции, их можно свести в три большие группы, соответствующие трем основным сферам чело-

веческой деятельности: общественной, бытовой и художественной. Таким образом, язык может использоваться как средство повседневного бытового общения, как средство публичного общения и как форма художественного творчества. В повседневном общении люди обычно пользуются родным языком. В сфере публичного общения язык выполняет разнообразные функции, из которых для наших целей наиболее существенными будут функции официального (государственного) языка, функции языка-посредника при межэтническом общении и функция языка культуры (науки, техники, международного общения). К этим первичным функциям языка следует добавить его вторичную функцию, иногда называемую "эпилингвистической", в которой язык выступает как средство идентификации данного этноса, принадлежности говорящих на нем к определенной социальной группе.

Двуязычие (многоязычие) может принимать разнообразные формы. Для анализа ситуации во франкоязычных странах большое значение имеет различие между индивидуальным и территориальным двуязычием. Первое определяют также как "двуязычие путем наложения", второе — как "двуязычие путем соположения" [12]. В первом случае в пределах одной и той же территории в разных функциях употребляются различные языки, в связи с чем одно и то же лицо пользуется разными языками в зависимости от сферы общения. Во втором случае в пределах одной страны имеются области — каждая со своим языком, выполняющим все необходимые функции, так что отдельно взятый человек не имеет необходимости пользоваться разными языками. В свою очередь, индивидуальное двуязычие может быть сплошным, когда оно в принципе распространяется на всю территорию данной страны, или ограниченным, когда оно охватывает лишь часть страны. Характерным примером сплошного индивидуального многоязычия является Люксембург, ограниченного индивидуального — некоторые районы Франции, территориального многоязычия — Швейцария. К отмеченным оппозициям: родной/неродной язык; средство бытового общения/средство публичного общения (государственный язык) — необходимо добавить третью: единственный/не единственный язык. Если у отдельного человека может быть только один родной язык, то в стране в целом может существовать множество родных языков для разных групп людей. Равным образом и в качестве средства публичного общения и даже государственного языка может использоваться несколько языковых образований. Остальные оппозиции мы будем добавлять по ходу изложения в связи с конкретной ситуацией в данной стране. В зависимости от соотношения трех указанных параметров можно выделить шесть основных типов языковых ситуаций:

1) родной язык — французский (единственный); официальный — французский (единственный). Этот тип образует пустое множество: среди нескольких десятков франкоязычных стран нет ни одной с такой однородной языковой ситуацией;

2) родной язык — французский (не единственный); официальный — французский (единственный). В группу стран с этой языковой ситуацией входит прежде всего сама Франция, а также ряд бывших или современных французских заморских владений. Однако тут есть весьма существенное

различие. Во Франции мы имеем дело с экзоглоссным двуязычием (мы пользуемся термином Л.Б. Никольского [8]), тогда как в других местах — с эндоглоссным или ему подобным (французский язык и франко-креольский).

Во Франции единственным официальным языком на территории всей страны является французский; только в Эльзасе в определенных случаях в административной сфере допускается литературный немецкий. И тем не менее языковая ситуация в этой стране весьма сложная и многоплановая, несмотря на многовековую унификаторскую политику французских правительств в области языка. Рассмотрим вкратце экзоглоссную и эндоглоссную ситуации в этой стране, а также гиперглоссную и гипоглоссную.

Что касается экзоглоссной ситуации, то она определяется тем, что Франция представляет собой полиэтническое государство. Будучи сравнительно небольшой страной, она отличается значительной этнической пестротой. Наряду с собственно французским в ней бытуют семь языков этнических меньшинств (во французской лингвистике их называют региональными языками). Три принадлежат к романской группе: окситанский, очень близкий к французскому, охватывающий южную треть территории страны, каталанский (в Руссильоне, на границе с Испанией), корсиканский, представляющий собой ответвление итальянского языка. Два региональных языка — фламандский (вариант нидерландского) и так называемый эльзасский (группа немецких диалектов) — относятся к германской группе, бретонский — к кельтской, а баскский вообще не входит в семью индоевропейских языков. До последнего времени региональные языки властили во Франции жалкое существование и были фактически обречены на медленное умирание. Централизаторская политика французских королей, затем языковая политика якобинцев, продолженная правительствами Третьей республики, которые считали, что в едином государстве должен быть единый язык, поставили региональные языки на грань исчезновения. Они употреблялись только в бытовом общении, не преподавались в школах, сфера их использования постоянно сокращалась. Носители этих языков фактически претерпевали языковое отчуждение, так как для того, чтобы быть полноценным членом общества, необходимо было владеть французским языком. После второй мировой войны положение несколько изменилось: региональные языки появились в школах, правда как преподаваемый предмет, а не как язык обучения. Но что самое важное — изменилось отношение общества к этим языкам. Французское правительство и французская общественность признали, что Франция — полиэтническая страна, что их долг — способствовать сохранению этих языков. Однако в целом это оказалось уже слишком поздно. Возрождению региональных языков могло бы способствовать их использование в административной сфере, в системе образования, в политической жизни, а для этого нужно было бы создать автономные национальные административные единицы, как это имеет место, например, в Испании. Но французское правительство не идет на это. И в настоящее время положение этих языков двоякое. С одной стороны, их реальная коммуникативная значимость все больше уменьшается, более молодые поколения переходят на французский язык;

не только монолингвов, но и билингвов, владеющих этими языками, становится все меньше. С другой стороны, растет интерес к этим языкам, растет число публикаций на них, акцентируется их функция в сфере художественного творчества (ансамбли, спектакли) и особенно их эпилингвистическая функция. Таким образом, сужаясь в первичных функциях, они несколько расширяются во вторичной.

Двуязычие принимает форму неравноправной диглоссии. Региональные языки остаются в сфере бытового общения. Они чаще используются в семье, чем вне дома, реже — при наличии смешанных групп населения, почти исключительно в сельском хозяйстве и на небольших предприятиях (на крупных заводах — только французский язык); они лучше сохраняются в небольших городах и деревнях, находящихся в стороне от путей сообщения; молодежь владеет ими меньше, чем представители старшего поколения; они используются в основном крестьянами, ремесленниками, мелкими торговцами; вместе с тем в последнее время в связи с обострением национального самосознания к ним возрос интерес среди интеллигенции. Любопытная деталь: мужчины чаще пользуются ими (а также диалектами), чем женщины; эти формы речи стали своеобразным мужским языком [11]. Положение каждого из региональных языков специфично и зависит от ряда факторов, а именно: структурная близость к французскому языку способствует интерференции и более легкому исчезновению языка (так, окситанский является наиболее "угрожаемым" и превращается в региональную разновидность французского языка); отсутствие "хинтерланда", на который может опереться данный язык, делает его более уязвимым: баскский, фламандский, эльзасский, каталанский являются продолжением более крупных, расположенных вне Франции, языковых массивов, тогда как бретонский и окситанский ограничены пределами Франции; наличие литературной формы языка: эльзасцы и фламандцы используют в качестве литературной формы соответственно немецкий и нидерландский языки, баски и руссильонские каталонцы — нелитературную форму их языков в Испании, в то время как для бретонского и окситанского не выработано еще единой литературной нормы. В некоторых случаях носители региональных языков становятся трехъязычными: например, руссильонцы должны владеть своим диалектом, литературной нормой каталанского языка, разрабатываемой в Барселоне, общегосударственным французским языком. Противоположная тенденция — переход от трехъязычия к двуязычию — отмечается у эльзасцев, которые традиционно пользовались тремя формами речи: диалектом, литературным немецким, французским, а теперь все больше отказываются от литературного немецкого, используя как книжную форму речи только французский.

Эндоглоссная ситуация французского языка менее сложна вследствие значительного распада диалектов, но на смену диалектам приходят региональные формы французской речи, впитавшие в себя некоторые диалектные элементы.

Гиперглоссная ситуация, возникающая в том случае, когда руководящие слои общества широко пользуются иностранным языком, связана с сильным проникновением в жизнь страны английского языка, в связи с чем

правительству пришлось даже принять закон, ограничивающий использование этого языка в коммерции и т.п. Гипоглоссная ситуация, отражающая двуязычие низших слоев населения, в связи с иммиграцией является довольно сложной во Франции, поскольку число иммигрантов (прежде всего рабочих) превышает даже численность этнических меньшинств (если исключить окситанцев). Большое число иностранных рабочих, преимущественно из стран Африки, создает проблемы, касающиеся их аккультурации, обучения языку и т.п.

Специфическую подгруппу в этом типе языковой ситуации образуют области, где средством официального общения является литературный французский язык, тогда как в быту используется французский наряду с его диалектами или креольскими ответвлениями.

В княжестве Монако французский является единственным официальным языком, но в бытовом общении наряду с французским население может пользоваться монегаскским говором лигурийского диалекта итальянского языка (в этом диалекте насчитывают 70% слов лигурийских, 30% окситанских, французских и итальянских).

На принадлежащих Франции островах Мартинике, Гваделупе, во Французской Гвиане официальный язык — французский, но родными для населения являются французский или франкокреольский. Также и на острове Реюньон в публичном общении используется французский, а в быту употребляется франкокреольский или креолизованный французский, занимающий промежуточное положение между ними (на нем говорит часть белого населения).

На острове Новая Кaledония при официальном французском языке имеется два родных: французский у франко-новокаледонцев — переселенцев из Франции и меланезийский у аборигенов-канаков.

Более сложная языковая ситуация — в Республике Гаити (бывшей до XIX в. французской колонией), которая характеризуется двуязычием. Официальный язык страны — французский, тогда как родной язык населения — креольский, постепенно получающий статус языка публичного общения. Возможно здесь формируется противоположная ситуация: два языка публичного общения (французский и креольский) при одном родном языке. Если эта тенденция осуществляется, то страна перейдет в группу 6;

3) родной язык — французский (не единственный); официальный — французский (не единственный). Такая ситуация возникает при территориальном многоязычии: на отдельных территориях государства используются разные языки, и все эти языки признаются официальными также и в масштабе страны. Эта ситуация наблюдается в Швейцарии, Бельгии, Канаде.

О Швейцарии говорят иногда как о трехъязычной или (если считать и неполнофункциональный ретороманский) четырехъязычной стране. Но это не значит, что по всей стране в ходу три языка. Фактически Швейцария представляет собой страну с тройным одноязычием. Страна состоит из 26 кантонов, в каждом кантоне — только один язык, который является и родным для населения, и языком административной сферы на уровне кантона. Таким образом, страна разделена жесткими лингвисти-

ческими границами на три части с немецким, французским и итальянским языками. Некоторые кантоны являются двуязычными, но лингвистическая граница соблюдается и в них. Французский язык охватывает шесть кантонов (18% населения всей страны). На этой территории функционирует только французский язык в административной сфере, в системе образования и т.д. Только в масштабе всей конфедерации в центральных учреждениях допускается использование всех трех государственных языков. Межэтническое общение обеспечивается изучением второго государственного языка в школах. Исследователи отмечают, однако, что при межэтническом общении германофоны чаще прибегают к французскому языку, чем франкофоны — к немецкому. Французский язык на территории Швейцарии образует особый национальный вариант, который характеризуется специфической диалектной основой, влиянием немецкого адстрата и особенностями, связанными с реалиями страны.

В Бельгии французский язык является родным языком Валлонии (южной части страны, охватывающей 33% населения Бельгии) и значительной части жителей Брюсселя. Наряду с нидерландским и немецким французский — один из государственных языков страны. В течение долгого периода он был единственным официальным языком королевства, и последнее столетие прошло под знаком борьбы нидерландоязычного населения за языковое равноправие. Перед страной была возможность пойти по пути развития сплошного индивидуального двуязычия, при котором нидерландоязычное население (фламандцы) усваивало бы французский язык, тогда как франкоязычные валлоны — нидерландский. Но в силу обострения национально-языковых распреяй, будораживших страну в течение ста лет, а также нежелания франкофонов изучать менее престижный нидерландский язык такое решениеказалось невозможным, и в стране фактически возобладал швейцарский принцип языкового обустройства. Бельгия была разделена языковыми границами на три лингвистические зоны: франкоязычную Валлонию, нидерландоязычную Фландрию и двуязычный столичный округ Брюсселя. Создалась федеративная форма организации государства: во Фландрии и в Валлонии — свой язык, свое правительство, свои общественные организации и т.п. Все языки, как и в Швейцарии, используются только на уровне центральных органов. В результате федерализации языковые страсти поутихли (проблема Брюсселя отложена на будущее), обе общины стали проявлять больше внимания к другому языку, и возможно, что в будущем бельгийцы станут рассматривать себя как единую нацию с двумя языками, а страна в целом от двойного одноязычия перейдет к сплошному индивидуальному билингвизму. В межэтническом общении французский используется шире, чем нидерландский. Во внутрилингвистическом плане французский язык в Бельгии представляет собой национальный вариант французского языка.

В Канаде проживает самое большое по численности за пределами Франции франкоязычное население — около 7 млн человек, составляющее 27% населения страны. Франкоканадцы считаются особой этнолингвистической группой и составляют до 90% населения провинции Квебек, но расселены также и по другим соседним с Квебеком

провинциям. Если в Бельгии французский язык в течение долгого времени доминировал, то в Канаде ему, наоборот, приходилось защищать свои позиции перед натиском английского. Официально в Канаде — два государственных языка: английский и французский, но на практике во многих сферах представлен исключительно английский язык. Французский — даже в Квебеке — был в течение многих десятилетий языком низших слоев населения. В середине XX в. усилилась борьба квебекцев за языковое равноправие и сохранение своей самобытности. Националистические партии Квебека стремятся сделать французский язык единственным языком провинции: приняты соответствующие законодательные акты; проводится активная работа по охранению различных сфер, в том числе и крупных предприятий; введено обязательное знание французского языка для приезжающих в Квебек иммигрантов и местных аборигенов. За пределами Квебека положение французского языка неустойчиво; в ряде провинций он отсутствует вовсе, так что задача сплочения канадской нации в бикультурную двухъязычную нацию далека от реализации. Укрепив свои позиции в Квебеке, французский язык продолжает в масштабе всей страны оставаться языком второго сорта, борющимся за выживание. Французский язык в Квебеке образует вариант литературного языка, на который наложила отпечаток не только его историческая и диалектная основа, но и английский адстрат. Европейскому французскому стандарту противостоит литературная форма собственно канадского варианта и разговорный язык франкоканадцев — "жуаль";

4) родной язык — французский, официальный — не французский. В такой языковой ситуации оказываются сравнительно небольшие группы франкоязычного населения, оказавшиеся волей судьбы в пределах нефранкоязычного государства.

В Европе к таким территориям относятся долина Валле-д'Аоста и Альпийские долины в Италии. В долине Валле-д'Аоста франкоязычное население составляет 150 тыс. человек. Хотя этот район пользуется автономией и официально на его территории используются два языка — итальянский и французский, — в масштабе страны официальным является итальянский; французский здесь борется за выживание, число его носителей сокращается. В Альпийских долинах французский не имеет статуса официального языка.

В США франкоязычное население составляет 2,5 млн человек и сосредоточено в основном в Новой Англии и Луизиане. В Новой Англии живут преимущественно выходцы из Канады. Состав жителей Луизианы более пестрый, и здесь различаются три формы французской речи: луизианский французский, язык французских колонистов, переселившихся в XVII—XVIII вв., акадийский — язык переселенцев из Канады XVIII в. и луизианский франкокреольский. В настоящее время принимаются меры для восстановления французского как одного из административных языков штата.

К этой группе территорий примыкает и Маврикий, где население в быту пользуется франкокреольским, тогда как официальным является английский.

Если принимать во внимание франкокреольские языки, то сходная с маврикийской языковая ситуация обнаруживается на ряде островов Карибского бассейна, таких, как Сент-Томас, Доминика, Сент-Люсия, Сент-Винсент, Гренада, Тринидад, где значительные группы населения говорят на франкокреольском, тогда как официальным языком является английский;

5) родной язык — не французский; официальный — французский (единственный). Такая языковая ситуация характерна для многих стран Африки — бывших французских колоний.

Как известно, границы колониальных административных единиц устанавливались без учета этнических и лингвистических разграничительных линий, вследствие чего в нынешней Африке почти нет моноэтнических стран, а зона распространения одного языка охватывает территории нескольких государств. В силу этого почти во всех бывших французских колониях французский язык сохраняется как единственный официальный язык, как средство публичного общения во всех его проявлениях, в то время как родными языками и средством бытового общения населения являются местные языки. К таким странам относятся: Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гвинея, Заир, Конго, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того. Французский язык является средством и межэтнического и международного общения для этих стран. В странах Африки французский язык подвергается некоторым модификациям, которые позволяют говорить о том, что здесь формируется особый вариант этого языка. На уровне разговорной речи также образуется особая форма французской речи, имеющая ряд типологических черт, общих с франкокреольскими языками.

Подобная языковая ситуация имеет место и на островах Французской Полинезии, где родным языком являются полинезийские (например, на Таити — таитянский), а единственным официальным — французский;

6) родной язык — не французский; официальный — французский (не единственный). Эта языковая ситуация свойственна двум европейским государствам (сопредельным с Францией Люксембургу и Андорре) и целому ряду бывших французских колоний.

В Люксембурге используются три языковых образования: родным для населения Великого Герцогства является местный немецкий диалект — "летцембуриш", который до последнего времени использовался как бесписьменное средство бытового общения и только в наши для начинает повышать свой социальный статус; в качестве литературной формы употребляется литературный немецкий, значительно отличающийся от диалекта; официальными языками герцогства являются немецкий и французский, которые изучаются в школе, так что ими владеют не менее 85% населения. Поэтому Люксембург можно считать примером сплошного индивидуального двуязычия.

В Андорре родным языком жителей является каталанский, но в качестве официальных признаны три языка: каталанский, испанский и французский.

В группу стран с этой языковой ситуацией входят и государства, где в качестве официальных используются языки двух бывших колониальных держав. Таков Камерун, который был подмандатной территорией

Франции и Англии и где теперь официальными языками являются французский и английский, и Республика Вануату, бывший англо-французский кондоминиум, где разговорным языком населения является бичламар, а официальными — французский и английский.

В некоторых бывших французских и бельгийских колониях с более или менее однородным в этническом отношении населением и официальные функции делит (или стремится делить) с французским местный язык. К таким странам относятся: Бурунди (французский + киранди), Джибути (+арабский), Руанда (+киньяруанда), Центральноафриканская Республика (+санго), Республика Мадагаскар (+малагасийский). В Чаде наряду с французским в качестве официального принят арабский, хотя оба языка не являются родными для населения. На Сейшельских островах население говорит на креольском, но официальными являются три языка: французский, английский и креольский. Родной язык населения Коморских Островов — коморский (вариант суахили), но официальными признаны французский и арабский.

К шести рассмотренным типам языковых ситуаций с "участием" французского языка следует добавить еще два особых случая.

В некоторых странах французский предстает как языковой реликт. Он не выполняет существенной коммуникативной функции, но сохраняется в известной мере от прежних эпох. На принадлежащих Англии Нормандских островах французский язык утратил статус официального в 1948 г. Он сохранился как средство бытового общения небольшой части населения. На нем может вестись судебное производство. Официальные документы составляются по-английски с переводом заглавий на французский, но в целом французский язык здесь исчезает. После войны Франция возвратила Индии принадлежавшие ей пять торговых городов. Там до сих пор сохранились французские колледжи, а в Путтучери (Пондишери) французский язык используется и в административной сфере наряду с местным тамильским.

Особую функцию выполняет французский язык в странах Магриба, входивших некогда во Французскую колониальную империю: Марокко, Алжире, Тунисе, Мавритании. В этих странах основным родным и официальным языком является арабский, но французский здесь — не обычный иностранный язык. Его называют "вторым языком", "иностранным языком с особым статусом", "дополнительным языком" (*langue d'appoint*) и т.п. Он перестал быть официальным языком, каким был в эпоху колонизации, но сохранился как "дополнительный язык" административной и культурной сфер. Он используется в преподавании (особенно в высшей школе), в научно-технической сфере и т.п., разумеется в разной мере в каждой из этих стран. Он составляет до сих пор неотъемлемый компонент языковой ситуации в этих странах.

Таковы основные типы языковых ситуаций с "участием" французского языка. Можно предполагать, что в самой Франции будет происходить упрочение позиций региональных языков; в Канаде будет продолжаться борьба за выживание французского языка и расширение его функций. Что касается многочисленных стран, где французский является официальным,

но не национальным языком, то его судьба будет зависеть от его статуса как средства международного общения. В странах Магриба уже проводится арабизация, в результате которой арабский должен заменить французский в ряде сфер общения. Возможно, что по мере своего развития местные языки в странах южнее Сахары также будут вытеснять французский язык из сферы публичного общения. Вместе с тем нельзя не отметить и противоположную тенденцию: благодаря распространению образования, которое осуществляется в основном на французском языке, и своей роли как средства межэтнического общения французский язык становится "вторым родным" языком для многих африканцев, что способствует его сохранению в этих странах. В целом языковая ситуация во многих странах французского языка нестабильна и находится в динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быховец Н.Н. Канада: политика "культурной мозаики" и национальные противоречия // Межъязыковые отношения и языковая политика. Киев, 1988.
2. Варианты полинациональных литературных языков. Киев. 1981. [Вып.] 6.
3. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.
4. Гак В.Г. Франция: тенденции и проблемы языковой ситуации // Межъязыковые отношения и языковая политика. Киев, 1988.
5. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики // Вопр. языкоznания. 1989. № 5.
6. Гак В.Г. Типология состояний двуязычия во Франции // Res philologica. M., 1990.
7. Германо-романская диалектная зона: Языки и диалекты в Швейцарии. Л., 1990.
8. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
9. Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. М., 1972.
10. Чередниченко А.И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Киев, 1983.
11. Tabouret-Keller A. Plurilinguisme // Les sciences du langage en France au XXème siècle. Р., 1980.
12. Vers le plurilinguisme?: Ecole et politique linguistique. Р., 1991.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ

В качестве родного, национального и государственного языка немецкий язык распространен в Германии, Австрии, немецкоязычной части Швейцарии и княжестве Лихтенштейн. Особого разговора в этом отношении заслуживает Великое Герцогство Люксембург, где на всей территории одновременно используются три языка: лотцебургский (люксембургский), являющийся родным (материнским) языком населения страны, а с недавнего времени — и государственным ("Staatssprache" [13, 533]), а также французский и немецкий языки, выполняющие в определенной последовательности функцию официального, административного языка ("Amtssprache" [там же]).

Говоря о языковой ситуации в странах немецкой речи, мы исходим из того положения, что речь идет о моноэтнических коллективах носителей немецкого языка, в которых, таким образом, "языковое состояние" и "языковая ситуация" [4, 30—31] определяются отношениями внутри одного (национального) языка, т.е. на основе взаимодействия различных форм его существования (эндоглоссные отношения).

Известно, что развитый национальный язык является немонолитным, неоднородным и представляет собой достаточно сложную иерархическую, многоступенчатую систему — совокупность форм, в которых он бытует и проявляется. В этой системе литературный язык бесспорно занимает господствующее положение, воплощая языковое единство соответствующего социума. В этой языковой иерархии литературному языку противостоят местные, территориальные диалекты, образуя своеобразный нижний уровень языкового построения. По этому поводу, говоря о системе форм существования немецкого языка, Х. Бринкман отмечал: "Язык народа расченен в диалектах, а собран воедино в литературном языке; вместе они выражают по-разному содержание и структуру одного и того же языка" [12, 104]. Тем самым, будучи предельно противопоставленными, оба этих понятия определяются не изолированно, а в их отношении друг с другом. Литературный язык и диалект, подчеркивает в этой связи У. Аммон, находятся в условиях взаимодополнения [6, 24]. Взятые вместе, они являются основой всей системы компонентов языка, образующих в своей совокупности сущность понятия "состояние языка" [4, 30], или, иными словами, "функциональная парадигма" языка [2, 4].

В ареале современной Германии между упомянутыми предельными формациями языка находятся различные так называемые обиходно-разговорные формы, известные в германистике под собирательным названием *Umgangssprache*. Этот промежуточный слой является следствием взаимодействия диалектов между собой, с одной стороны, и с литературным языком — с другой [10, 345] и представляет собой, таким образом, в историческом плане самую позднюю языковую формацию среди упомя-

нутых выше. При этом, в отличие от литературного языка и в особенности местных диалектов, внутренний спектр *Umgangssprache* несравненно шире: эта форма языка обнаруживает "горизонтальную и вертикальную организацию" [20, 168] по степени удаления от местных диалектов и приближения к литературному языку — местный обиходно-разговорный язык, или полудиалект; областной (территориальный) обиходно-разговорный язык; верхненемецкий (литературный) обиходно-разговорный язык, или обиходный язык "образованных". Таким образом, вместе с трехчастным составом *Umgangssprache* совокупная структура системы форм существования немецкого языка Германии может быть представлена иерархическим построением (см. таблицу).

Литературный язык (письменная и устная формы)

Обиходно-разговорный язык, или <i>Umgangssprache</i>	Верхненемецкий (литературный) обиходно-разговорный язык, или обиходный язык "образованных"
	Областные (территориальные) обиходно-разговорные языки
	Местные обиходно-разговорные языки, или полудиалекты

Местные диалекты

Подобная терминологическая интерпретация "функциональной парадигмы" (М.М. Гухман) современного немецкого языка может быть проиллюстрирована соответствующими языковыми образцами. Это так называемые опознавательные предложения (*Schibboleth-Sätze*, *Kenn-Sätze*), стратифицирующие языковую структуру того или иного района Германии. Так, для баварского ареала приводится, например, следующее построение:

1. Ich habe es ihm gegeben (литературный язык).
2. Ich hab's ihm gegeb'n (верхненемецкий обиходно-разговорный язык, обиходный язык "образованных").
3. Ich hab's ihm geb'n (областной баварский — обиходно-разговорный язык).
4. I hoob's eahm gebm (местный обиходно-разговорный язык, или полудиалект).
5. I hoos eahm gem (местный баварский — диалект).

Подобные опознавательные предложения легко устанавливаются и для всех остальных районов Германии. Так, говоря о северных (нижненемецких) регионах бывшей ГДР, Г. Герненц также устанавливает пятичастную языковую иерархию, в которой нижний предел построения образуют нижненемецкие диалекты (*Platt*), участвующие также с разной степенью интенсивности в формировании других (промежуточных) языковых образований (форм существования языка) между верхним и нижним пределами всего языкового образования [15, 221].

Говоря о приведенной выше трехчастной структуре обиходно-разговорного языка в целом, необходимо отметить, что он представляет собой ту сферу, в которой, говоря словами Х. Бринкмана, "в наше время встречаются диалект и литературный язык". Таким образом, продолжает он, как единое явление рассматривается то, что на самом деле представляет со-

бой своеобразное слияние двух различных течений [12, 112]. И действительно, на примере образцов из баварского языкового региона, рассмотренных выше, можно видеть, как по мере своего продвижения от диалекта к литературному языку обиходно-разговорный язык как бы постепенно перестраивает структуру диалекта в систему литературного языка. Тем самым в языковом отношении обиходно-разговорный язык Германии представляет собой, как замечает В. Файт, гетерогенное образование [24, 371].

Неоднородность этой формы существования языка проявляется также в функциональном и психолого-коммуникативном плане. Х. Бринкман в связи с этим говорил, что диалект переходит в обиходно-разговорный язык, когда его актуальные носители покидают сферу привычных отношений. Эта форма языка (местный или областной обиходно-разговорные языки) используется, таким образом, в более официальной, деловой обстановке, в общении с посторонними или приезжими. В противоположность этому носители литературного языка переходят на обиходно-разговорный язык, когда оказываются в неофициальной обстановке, в кругу привычного, непринужденного общения. Таким образом, заключает Х. Бринкман, в первом случае перед нами "путь от интимности к дистантности", а во втором, напротив, — "от дистантности к интимности" [12, 113]. Следовательно, совокупность элементов языковых сообщений, охватываемая термином *Umgangssprache*, не имеет ни языковых, ни функциональных объединяющих признаков и оказывается в структуре немецкого языка сферой, у которой, как говорил В. Хенцен, лишь имеются нечеткие линии верхней и нижней границ и отсутствует "твёрдый полюс" [16, 21].

Следовательно, говоря об иерархической вертикали форм существования немецкого языка Германии, можно подчеркнуть, что если в системе диалектов язык предельно расченен, то благодаря различным формам обиходно-разговорного языка, представляющим собой своеобразные ступени "диалектной лестницы" [5, 61], он постепенно собирается воедино в литературном языке.

Установленный состав форм существования немецкого языка Германии ("состояние языка", по Г.В. Степанову) определяет характер всей языковой ситуации в стране, которая, находясь в эндоглоссных отношениях, понимается как отношение той или иной части данного языка к другим его частям, проявляющееся "в различных формах пространственных и социальных взаимодействий" [4, 31].

Говоря о языковой ситуации в Германии в целом, мы обращаем внимание на различия в статусе и функциональном положении тех или иных форм существования языка в современной структуре речи. Прежде всего это касается положения диалекта. Бессспорно, в условиях современного высокоразвитого в экономическом и социальном плане государства в Германии происходят характерные изменения в социальной жизни населения, наблюдаются процессы определенной социальной и языковой интеграции, изменения в социальной базе языка и процессы оттеснения диалекта, прежде всего под воздействием расширения роли обиходно-разговорных форм языка. Так, в ареале распространения нижненемецких диалектов, которые, как известно, в системном отношении наиболее противопостав-

лены верхненемецким (средне- и южнонемецким) диалектам и литературному языку, функциональное оттеснение диалектов оказывается наиболее заметным. По данным опроса, который был проведен еще в 1966 г. Институтом демоскопии в Алленсбахе, лишь 46% опрошенных заявили, что могут говорить на диалекте, 13% немного умеют говорить на диалекте, а 41% сообщили, что не владеют диалектом вообще [18, 134].

Оценивая положение нижненемецкого диалекта в Нижней Саксонии, Г. Веше подчеркнул, что его употребление явно сократилось и что ни в одной деревне нет более единого диалекта. "Диалект выходит за пределы семьи и деревни, распространяясь все дальше. Старые разграничения исчезают, а новое еще не закрепилось" [25, 159]. Эти отношения сохраняются в целом и по настоящее время. Так, социологический опрос в этом регионе, проведенный упомянутым Институтом в 1980 г., показал, что 46,1% опрошенных могут говорить на диалекте, а 43,5% (в 1966 г. — 41%) заявили, что на диалекте не говорят. В середине 70-х годов группа студентов Кильского университета провела опрос различных групп сельского населения в Нижней Саксонии в возрасте от 10 до 90 лет. В целом данные подтвердили тенденции 60-х годов, поскольку было отмечено, что сокращение числа носителей диалекта прогрессирует от поколения к поколению. Наряду с этим отмечается и новая тенденция, поскольку возрастают число лиц, которые по мере овладения литературным языком начинают положительно относиться к местному диалекту, видя в нем язык своей малой родины, родного края (*Heimatsprache*). Так, учащиеся школ, став взрослыми, нередко начинают охотно пользоваться диалектом, хотя в период школьного обучения почти его не употребляли. Они считают теперь местный диалект вполне самостоятельной формой языка, имеющей исконный характер, высказываются за необходимость его сохранения как "почитаемого языка повседневного общения" [9]. Безусловно, сокращение сферы функционирования диалекта в северных (нижненемецких) регионах Германии, начавшееся после расширения социальной базы литературного языка и в результате культурно-языкового строительства, было обусловлено историческими процессами в развитии языковой ситуации с начала XVI в., когда постепенно ганзейские города и другие крупные центры нижненемецкой языковой зоны стали переходить в деловом общении с нижненемецкого языка на верхненемецкий тип литературного языка (Берлин — с 1504 г., Гюстров — с 1540 г., Шверин — с 1551 г., Гамбург — с 1600 г., Любек — с 1615 г. и т.д. [23, 70]).

В других регионах Германии положение диалекта оказывается еще более устойчивым. Так, в Баварии (южнонемецкая языковая зона), как показали данные опросов, проведенных в 1966 и 1980 гг., число лиц, владеющих местным диалектом, составило 71%, тогда как только 19% (1966) и 18,7% (1980) опрошенных заявили, что не могут говорить на диалекте. Наиболее высокий показатель распространенности диалектов отмечается в земле Рейнланд-Пфальц, где в 1980 г. число лиц, владеющих диалектом, составило 76%. Примечательно, что в регионах распространения южнонемецких диалектов значительно число лиц, которые во всех жизненных ситуациях пользуются только местным диалектом. Так, если в северных регионах Германии число таких лиц составляет всего 4%, то в южных

регионах страны, например в Баварии, 10% всех жителей данного региона [14, 1406—1408]. Оценивая такое распределение диалектной плотности на территории Германии, У. Аммон подчеркивал, что эти данные отчетливо указывают на наличие некоей дитохомии "Юг — Север" (Süd — Nord — Gefälle), согласно которой в ФРГ чем южнее, тем диалектнее становится речь [8, 27].

Социальная приемлемость диалекта в южных регионах Германии настолько высока, что в замкнутых коллективах (сельская община) во всех жизненных ситуациях используется местный диалект, кроме сферы официального (публичного) общения (собрания, обращения в инстанции), где также вместо литературного языка нередко применяется обиходно-разговорный язык (*Umgangssprache*) значительной диалектной окрашенности. Так, в сельской общине Вальпертскирхен, находящейся всего в 30 км от столицы Баварии Мюнхена, из 49 опрошенных на вопрос о том, какая форма языка более всего соответствует ситуации общинного собрания, лишь 4 человека высказались в пользу литературного языка, 26 человек — за использование обиходно-разговорного языка, а 19 опрошенных считали, что и на собрании следовало пользоваться местным диалектом [21, 271].

Пытаясь объяснить устойчивость положения диалекта в структуре немецкой речи и недостаточность процесса расширения социальной базы литературного языка в ФРГ, У. Аммон увязывает это с политической и экономической системой страны, т.е. в конечном счете с характером производственных отношений. Он полагает, что эта связь (имеется в виду неодинаковое употребление литературного языка различными социальными группами населения) состоит, в частности, в том, что сохраняющийся "доиндустриальный способ производства" в сельском хозяйстве, обуславливающий там употребление диалекта, "является результатом неравномерного развития города и деревни при капитализме". В равной мере и монотонный, "обезличенный" физический труд в промышленности, подчеркивает далее У. Аммон, не вызывающий необходимости общения на литературном языке, является также следствием этой социально-экономической системы. Этим ограниченным языковым потребностям и возможностям вполне соответствует, в свою очередь, и система школьного обучения, не способная, по его словам, привить основной массе учащихся прочные навыки употребления литературного языка [7, 58].

С другой стороны, недостаточная широта социальной базы литературного языка, отражающаяся соответствующим образом на степени его функциональной интенсивности, и устойчиво определившиеся тенденции к ограничению диалекта в качестве универсального средства общения — все эти факторы обусловливают наиболее заметную роль в речевой структуре обиходно-разговорных форм языка. Именно это функциональное положение обиходно-разговорного языка имел в виду В. Хенцен, который, отмечая ограниченность социальной базы литературного языка и дальнейшие тенденции к оттеснению местных диалектов, подчеркивал: "...из примерно ста или более миллионов немцев (имеются в виду все носители немецкого языка. — А.Д.) едва ли одна треть говорит на диалек-

те; так сказать, никто не владеет литературным языком, а все остальные пользуются той переходной ступенью языка, которую мы сегодня называем обиходно-разговорным языком" [16, 19].

В политических границах австрийской национальной общности в ходе исторического развития произошло формирование собственной социофункциональной структуры немецкого языка, воспроизводящей по своему типу структуру любого национального языка, так как она обладает всеми его составными компонентами (литературный язык — обиходно-разговорные формы языка — местные диалекты). Основу всего иерархического построения образуют баварско-австрийские (средне- и южноавстрийские) диалекты, а также верхнеалеманнский диалект земли Форарльберг, над которыми по вертикальной оси располагаются городские диалекты и полудиалекты (сфера *Umgangssprache*), среди них — городской диалект Вены, являющийся с давних пор своеобразным образцом, который постоянно существует на местные (крестьянские) диалекты как "объединяющая сила" [3, 31], и образующий определенную основу австрийского интердиалекта (*österreichische Verkehrssprache*). Следующим уровнем языковой иерархии является австрийский обиходно-разговорный язык (*österreichische Umgangssprache*), приближающийся по своей форме к структуре литературного языка, но характеризующийся специфически австрийским, прежде всего венским, произношением, словообразованием и словарем. Предельный уровень языковой иерархии образует литературный язык, сохраняющий национальные языковые особенности и черты (*österreichische Hochdeutsch*) в качестве отличительного элемента австрийской нормы немецкого литературного языка.

Анализируя совокупность форм, в которых реализуется немецкий язык в Австрии, М. Горнунг подчеркивала, что его система имеет четырехчастное построение: сельские диалекты (*Bauernmundarten*), городские диалекты и полудиалекты (*Stadtmandarten, Verkehrsmundarten*), обиходно-разговорный язык (*Umgangssprache*) и литературный язык (*Hoch* — bzw. *Bühnensprache*) [17, 18]. С этим мнением соглашается и П. Визингер, который утверждает, что в системе языковых форм Австрии на нижнем уровне иерархии находится местный диалект (*Basisdialekt*), далее следуют региональный диалект, или койне (*regionaler Verkehrsdialekt*), и обиходный язык (*Umgangssprache*), а вершиной всего построения является литературный язык (*Schriftsprache*) [26, 106]. При этом оба автора упускают из виду, что городской диалект Вены, будучи одним из крупнейших полудиалектных образований, которым пользуется примерно каждый пятый житель страны (в Австрии проживает более 7 млн. человек (7 551 800 — в 1983 г.), из них свыше 1,5 млн. человек (1 512 400 человек — в 1983 г.) — в столице Австрии Вене [13, 538]). Помимо ближайших административных округов (Вена является также столицей земли Нижняя Австрия, где проживают 1 422 700 человек) венский городской диалект распространяется на ареал с населением около 3 млн человек, что составляет примерно 40% всего населения Австрии. Имея в виду общее положение венского диалекта в стране, исследователи даже считают, что им пользуется около 80% населения Австрии [19, 78]. В этом смысле венский городской диалект образует своеобразную ступень на пути к общеавстрийскому интердиалек-

лекту и оказывает существенное влияние на характер обиходно-разговорного языка Австрии (*österreichische Umgangssprache*) в целом.

Говоря о диалектной основе языковой иерархии Австрии, необходимо подчеркнуть, что все диалекты, за исключением диалекта небольшой земли Форарльберг, входят в одну систему, однородную с баварскими диалектами германского ареала. Это обстоятельство позволяет австрийцам и баварцам практически беспрепятственно общаться между собой, пользуясь своим местным диалектом. В этом смысле можно говорить о баварско-австрийском языковом континууме, хотя необходимо считаться с тем, что при этом выделяются особые черты как в местных диалектах, так и в других идиомах, включая литературный язык, в соответствии с которыми всегда можно идентифицировать носителя австрийской и баварской речи.

На территории небольшой земли Австрии Форарльберг местный диалект относится к системе алеманнского (верхнеалеманнского) диалекта, основной территорией распространения которого являются немецкоязычные кантоны Швейцарии. Родство местного диалекта с алеманнским Швейцарии позволяет жителям Форарльберга беспрепятственно общаться с населением близлежащих северо-восточных районов Швейцарии. Такое общение на диалекте осуществляется практически беспрепятственно вплоть до районов Шаффхаузена и Цюриха. Существуя и развиваясь в рамках австрийской национальной государственности, алеманнский диалект Форарльберга обнаруживает австрийски-центростремительный характер, что выражается в процессах интеграции в речевую структуру всей страны. Так, в противоположность алеманнской Швейцарии, где устное общение целиком реализуется с помощью местных диалектов, а литературный язык считается средством письменной речи, в Форарльберге, как и в остальной Австрии, в общении с посторонними, а также при обращении в различные инстанции применяется литературный язык. Использование в устном общении литературного языка, а также расширение контактов внутри страны, развитие миграции населения (рынок труда рабочих промышленности и сельского хозяйства) — все это привело к тому, что здесь стала складываться форма обиходно-разговорного языка, получившая в различных районах собственные названия: "Pfänderdütsch" — в Брегенце, "Bödeldütsch" — в Дорнбирне, "Ganahldütsch" — в Фельдкирхе [26, 112]. Заметим, что в диалектно-родственной алеманнской Швейцарии развитие подобных форм языка не отмечается. Одним словом, коммуникативные потребности жителей Форарльберга в рамках единого национально-государственного австрийского социума способствовали формированию соответствующей речевой структуры, которая, как было показано, несмотря на языковую (диалектную) общность с немецкоязычной Швейцарией, существенно отличается от нее и претерпевает процессы языкового выравнивания по образцу общей языковой структуры всей Австрии.

Положение немецкого языка в Швейцарии определяется своеобразием истории развития и существования страны, ее народов и языков, на которых они говорят. В Западной Европе Швейцария принадлежит к числу немногих государств, в которых национальным и официальным является

не один язык. В соответствии с Конституцией страны национальными языками признаны немецкий, французский, итальянский и ретороманский, отражающие основной состав населения, сосредоточенного в основном на своих административных территориях (кантонах). Официальными языками признаны первые три: немецкий, французский и итальянский, действующие в пределах своих административных территорий. Ретороманский язык не имеет статуса официального (административного) языка, поскольку его носители (примерно 1% всего населения страны) не имеют собственной административной территории (кантона) и, проживая в основном на территории немецкоязычного кантона Граубюнден, пользуется по необходимости немецким языком. В этих условиях ретороманско-население оказывается в ситуации субординативного двуязычия.

По данным на 1 января 1979 г., население Швейцарии составляло около 6,3 млн человек, в том числе 0,9 млн — иностранные граждане. Около 65% швейцарцев говорят на немецком языке (в устной речи превалируют местные алеманнские диалекты, которые совокупно называются *Schwyzerdütsch*), около 18% — на французском, около 12% — на итальянском, около 1% — на ретороманском и около 4% — на других языках. Ни один из языков не имеет каких-либо функциональных преимуществ, не выполняет роли языка-посредника в межэтническом (межкантональном) общении или языка-репрезентанта для общения во внешнем мире. На бытовом и административном уровнях это соответствует ситуации индивидуального двуязычия (главным образом немецко-французского), что проявляется прежде всего в практике функционирования федеральных органов страны. Этому способствует и двуязычие, развивающееся в зонах схождения языковых ареалов, на границах главным образом немецко- и франкоязычных кантонов, а во Фрибуре, например, такое двуязычие имеет статусный характер: в местном университете преподавание осуществляется на обоих языках, французский и немецкий языки используются в торговле, в деловой жизни, в кантональных органах управления. При этом официальным языком кантона Фрибур остается французский язык [11, 53].

Немецкий язык Швейцарии представлен двумя основными формами — литературным языком и диалектом. Диалектный уровень образуется так называемыми швейцарско-немецкими (alemannскими) диалектами. Являясь однородным лингвистическим образованием, диалект (верхнеалеманский и частично, в районе Базеля, нижнеалеманский) обнаруживает некоторую региональную дифференциацию. В соответствии с этим он распадается на наддиалекты, границы распространения которых совпадают с границами соответствующих 19 кантонов: Базель, Берн, Цюрих, Шаффхаузен и др. Бессспорно, однако, что общность основных элементов наддиалектов немецкоязычной Швейцарии доминирует над свойственными диалектным микросистемам отдельными дифференцированными чертами. Однако выявляемые между ними расхождения не носят принципиального характера, и по этой причине совокупный немецко-швейцарский диалект, используемый в функции средства межкантонального общения, рассматривается в немецкоязычной Швейцарии в качестве своеобразного обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*) и называется обычно *Schwyzerdütsch*.

Своеобразие языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии состоит не только в уникальности структурной организации языковой иерархии (двуихкомпонентная модель: диалекты, они же в совокупности — *Umgangssprache*, и литературный язык), но и в распределении общественных функций языка. Диалект в Швейцарии является средством повседневного общения не только в семье и в привычных условиях общения сельских жителей, но и во всех жизненных ситуациях устного общения и в среде городского населения. При этом не наблюдается никаких ограничений в его употреблении в зависимости от возраста, социального положения, образования и каких-либо иных социально-демографических параметров. Одним словом, диалект является подлинно общенародным (национальным) средством общения германо-швейцарцев, выполняя тем самым и функцию языка территориального общения (*Verkehrssprache*), и функцию обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*). Он характеризуется также частичной экспансией в сферу функций литературного языка, поскольку может использоваться как средство публичной речи, при выступлении на радио и телевидении, в печати и переписке, а также, с согласия аудитории, при обучении в школе и преподавании в вузе. В этой связи можно утверждать, что литературный немецкий язык, обладающий на уровне нормы специфическими швейцарскими чертами (*Schweizerhochdeutsch*), в основном используется в качестве письменного языка (*Schriftsprache*), тогда как устная (звучящая, диалогическая) речь в основном реализуется средствами швейцарского диалекта (*Schwytzerdütsch*) [27, 22].

Таким образом, структура речи и языковая ситуация в немецкоязычной Швейцарии существенно отличаются от таковых в других странах распространения немецкого языка. Они складывались в условиях самостоятельного национального "коллектива сношений" в соответствии с собственными культурно-языковыми традициями и коммуникативными потребностями на основе собственных языковых ресурсов. Во всех отношениях аналогичной является и языковая ситуация в Княжестве Лихтенштейн, основное население которого (26 512 чел. в 1983 г.) имеет алеманнское происхождение, а сама страна, имея культурно-историческую общность с немецкоязычной Швейцарией, образует с последней таможенно-денежную унию. Швейцария представляет интересы Лихтенштейна во внешнем мире. Одним словом, диалектно-языковая общность Лихтенштейна с немецкоязычной Швейцарией в условиях социально-экономических связей с ней определила и общность языкового состояния и языковой ситуации Лихтенштейна и немецкоязычной Швейцарии.

Заканчивая анализ языковых ситуаций в странах немецкой речи, подчеркнем: исходя из принятого в языкоznании положения о национальном языке как совокупности форм его существования [1, 10] и рассмотрев систему форм немецкого языка (языковое состояние, функциональная парадигма языка) в странах его распространения, можно прийти к выводу о том, что при всем языковом единстве самостоятельные национально-государственные общности всегда формируют собственную социофункциональную систему форм существования данного языка и языковую ситуацию в соответствии с собственными коммуникативными потребностями. В этом смысле системы форм языка, обслуживающие национально него-

могенные (полинациональные) языковые общности, всегда обнаруживают национально ориентированный характер в отношении как форм существования языка, так и их функций, чем определяется характер конкретных языковых ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М., 1955. Ч. 1.
2. Гухман М.М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
3. Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. М.: Наука, 1968.
4. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
5. Ammon U. Dialekt und Einheitssprache in ihrer sozialen Verflechtung. Weinheim; Basel, 1973.
6. Ammon U. Probleme der Soziolinguistik. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1977.
7. Ammon U. Begriffsbestimmung und soziale Verteilung des Dialekts // Grundlagen einer dialektorientierten Sprachdidaktik. Weinheim; Basel, 1978.
8. Ammon U. Regionaldialekte und Einheitssprache in der Bundesrepublik Deutschland (BRD) // International Journal of the Sociology of Language. 1979. 21.
9. Auf dem Lande noch Alltagssprache // Weser-Kurier. 1977. 19. August.
10. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. 7. Aufl. Heidelberg: Quelle u. Meyer, 1961.
11. Boesch B. Die mehrsprachige Schweiz // Wirkendes Wort: Sammelband I. Sprachwissenschaft. Düsseldorf: Schwann Verlag, 1962.
12. Brinkmann H. Hochsprache und Mundarten // Wirkendes Wort: Sammelband I. Sprachwissenschaft. Düsseldorf: Schwann Verlag, 1962.
13. Der Fischer Weltalmanach 1985: Zahlen, Daten, Fakten, Hintergründe. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984.
14. Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektologieforschung. 2. Hlb. B., 1983.
15. Gernentz H.J. Die kommunikative Funktion der niederdeutschen Mundart und hochdeutschen Umgangssprache im Norden der Deutschen Demokratischen Republik, unter besonderer Berücksichtigung der Interferenz und der Alternanz zwischen diesen beiden sprachlichen Existenzformen // Studia Germanica Gandensia. Gent, 1974. Bd. 15.
16. Henzen W. Schriftsprache und Mundarten. 2. Auft. Bern, 1954.
17. Hornung M. Besonderheiten der deutschen Hochsprache in Österreich // Österreich in Geschichte und Literatur. 1973. H. 1.
18. König W. Dtv-Atlas zur deutschen Sprache. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1978.
19. Muhr R. Deutsch und Österreich(isch): Gespaltene Sprache — Gespaltenes Bewußtsein — Gespaltene Identität // Informationen zur Deutschdidaktik (Wien). 1989. H. 2.
20. Radtke J. Die Umgangssprache // Muttersprache. 1973. H. 3.
21. Rein K., Scheffelmann-Mayer M. Funktion und Motivation des Gebrauchs von Dialekt und Hochsprache im Bairischen // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1975. H. 3.
22. Schenker W. Schweizerdeutsch als Modell: Zum Terminus Dialekt // Wirkendes Wort. 1973. H. 2.
23. Stellmacher D. Niederdeutsche Sprache: Eine Einführung. Bern: Peter Lang, 1990.
24. Veith W.H. Zum Problem der umgangssprachlichen Unsystematik // Muttersprache. 1968. H. 12.
25. Wesche H. Das heutige Plattdeutsch und seine Entwicklungstendenzen und Möglichkeiten // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. 1962. Bd. 85.
26. Wiesinger P. Das schweizerdeutsche aus österreichischer Sicht // Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. Frankfurt a. M., 1986.
27. Zinsli P. Hochsprache und Mundarten in der deutschen Schweiz // Der Deutschunterricht. 1956. H. 2.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА

Термин "серболужицкий язык" употребляется в данной статье применительно к языку всего серболужицкого населения. Наиболее последовательно этот термин используется теми серболужицкими лингвистами, которые признают существование единого серболужицкого языка и общих тенденций развития, характерных для всей серболужицкой языковой территории¹. Сложность генетических отношений между серболужицкими диалектами явилась причиной появления другой точки зрения, согласно которой существуют два самостоятельных серболужицких языка — верхне- и нижнелужицкий, носители которых представляют собой этнически различные серболужицкие народности². Окончательное решение вопроса о единстве серболужицкого языка требует анализа целого комплекса экстраграмматических факторов, которые могли бы получить убедительное и однозначное толкование.

В настоящее время серболужицкий язык распространен на сравнительно небольшой территории Германии — в восточной части исторических Верхней и Нижней Лужиц с центрами в Баутцене (Верхняя Лужица) и Котбусе (Нижняя Лужица). После 1945 г. 2/3 северной части серболужицкой территории входили в округ Котбус, южная часть (1/3 общей территории) — в округ Дрезден (окрестности Баутзена).

Свообразие языковой ситуации на территории распространения серболужицкого языка определялось специфическими историческими условиями развития серболужицкой народности, судьба которой с конца X в. оказалась тесно связанной с историей Германии. Общей чертой, характеризующей все этапы развития серболужицкого языка, явилась постоянная необходимость борьбы за сохранение родного языка в условиях непрестанных попыток германизации, проявлявшихся в большей или меньшей степени на разных административных территориях в зависимости от конкретной политической и социально-экономической ситуации. Основная тенденция развития языковой ситуации на территории распространения серболужицкого языка определялась расширением и углублением контактов серболужичан с носителями немецкого языка, постепенным усвоением серболужичанами немецкого языка и формирования у них двуязычия. Языковая ситуация, сложившаяся на серболужицкой территории к началу XX в., дает основание говорить о "полном коллективном двуязычии" носителей серболужицкого языка (см., [13]). Дальнейшее ее развитие может привести к новому, теперь уже немецкому, одноязычию. Таким образом, общее развитие языковой ситуации на серболужицкой территории можно представить следующим образом: серболужицкое одноязычие → серболужицко-немецкое двуязычие → немецкое одноязычие.

¹ Эта точка зрения разделяется большинством серболужицких лингвистов (см. [6; 7; 8]).

² Данная точка зрения наиболее последовательно защищается Г. Щустером-Шевцом (ср., например, [16]).

Взаимодействие серболужицкого языка с немецким определяло сложный и противоречивый характер развития языковой ситуации на разных этапах истории серболужичан, так как являлось постоянным условием развития серболужицкого языка. Особенно сильно оно заявило о себе со временем внутренней колонизации (XIII—XV вв.), которая привела к изменению в этнической структуре населения в городе и деревне в серболужицкой языковой области, а на периферии основной ее части — к германизации славянского населения (западный берег Эльбы, Соловы и к западу от них, некоторые районы Нижней Лужицы). Рост заселения и образование новых поселений в результате интенсивного процесса заселения земель в северной части Нижней и Верхней Лужиц, особенно в XIII в., привели к формированию более или менее компактной языковой области серболужичан к востоку от Эльбы (XIII—XV вв.). На основной части серболужицкой языковой территории в деревнях преобладали серболужичане; в крупных городах большую часть населения составляли немцы.

Характер и результаты серболужицко-немецких языковых контактов были различными в разных районах серболужицкой языковой территории и зависели не только от общей политики германизации серболужичан, но и от политической ситуации в различных областях. Так, еще в XVI в. все сельское население Нижней Лужицы было серболужицким (см. [12]) и несколько уменьшилось только после Реформации. Напротив, ассимиляция серболужицкого населения в округе Згорьельц отмечается уже в предреформационный период, а ряд деревень так называемой Жаганьско-Згорьельской гали перешел к одноязычию только во второй половине XIX в. В деревнях со смешанным составом населения степень развития двуязычия и возможности перехода к одноязычию могли быть различными. Переход к двуязычию в отдельных районах серболужицкой языковой территории совершился в разное время в течение длительного периода. Окончание этого процесса относится к первой половине XX в.

Политика германизации и развитие билингвизма у носителей серболужицкого языка составляло фон, на котором шло формирование и функционирование различных форм существования этого языка. Политические и социальные причины привели к тому, что серболужицкий язык на всей территории своего распространения с самого начала был языком крестьянского населения, крепостных. В деревнях, населенных серболужичанами, серболужицкий язык до конца XVIII в. был основным, разговорным языком, а немецкий функционировал как второй язык (см. [5]). В городах, расположенных на серболужицкой языковой территории, при смешанной структуре населения основным языком был немецкий. Серболужицкое городское население окраин быстрее становилось двуязычным. К XVI в., ко времени зарождения серболужицкой письменности, на территории, заселенной серболужичанами, серболужицкий и немецкий соотносились как язык главным образом сельского и городского населения соответственно.

До середины XVI в., в период, предшествующий Реформации, серболужицкий язык функционировал только как устный (так называемый *Volks-sprache*) на всей территории распространения. Сфера его применения была ограничена домашним общением, судопроизводством (возможность давать

показания на родном языке, однако при этом протокольная запись осуществлялась на немецком), он использовался в церковной практике при устном переводе с немецкого на серболужицкий, при обращении властей к населению, но обращение к властям требовало только немецкого языка и помощи специальных лиц. Серболужицкий язык был представлен рядом диалектов³, часть которых уже не существует.

Серболужицкий язык начинает функционировать не только в устной, но и в письменной форме в XVI в., в эпоху Реформации, когда на серболужицкой языковой территории латынь в церкви сменилась немецким языком. Метод импровизированного перевода во время церковной службы не отвечал требованию квалифицированного толкования догм новой церкви. Наряду с устными квалифицированными интерпретациями священных текстов появляются первые письменные редакции серболужицких богослужебных книг, которые создавались на основе местного диалекта для нужд местной церкви, прихода и широкого распространения не получили.

Таким образом, начиная с XVI в., в долитеатурный период развития серболужицкого языка, наряду с устным *Volkssprache* существуют письменные памятники, отражающие особенности тех или иных серболужицких диалектов (см. [14, 3—4; 18, 291—492]). Очень часто письменный источник с чертами определенного диалекта носил единичный характер и оставался изолированной попыткой фиксации диалектных норм. Самы авторы переводов вне своей церковной практики отдавали предпочтение немецкому языку. Письменный язык церковной литературы с явно выраженным местными чертами при ограниченной степени распространения и общей неграмотности сельского населения Лужиц не мог составить конкуренцию немецкому письменному языку. Редкие попытки фиксации серболужицкого языка отдельных областей не стали авторитетными для авторов переводов из других местностей. В связи с памятниками этого времени уже можно говорить о раздельном существовании верхне- и нижнелужицкой письменности, имевшей в своем формировании и развитии ряд особенностей и отличий. Различия между ними во многом определялись специфическими историческими условиями развития серболужицкого языка и отношением к нему властей на разных территориях, экономическим и политическим значением той или иной области, а также политической ситуацией данного момента. Например, в маркграфстве Верхняя Лужица при наличии конфессионального раскола серболужицкого населения политика искоренения серболужицкого языка в XVI—XVIII вв. не проводилась так последовательно, как в маркграфстве Нижняя Лужица (см. [10, 145]).

Территория с компактным серболужицким населением в период Реформации существовала только в Лужице и особенно в Нижней Лужице, даже окрестности Виттенберга были еще лужицкими (см. [12, 180]). Области Верхней и Нижней Лужиц не представляли собой самостоятельного политico-экономического комплекса, а являлись составной частью немецких феодальных административных единиц на востоке⁴.

³ О диалектном членении серболужицкой языковой территории см. [14, 3—4].

⁴ См. карту № 3 в работе [12], а также [3, 179].

Серболужицкий язык XVI—XVII вв. был представлен двумя крупными диалектными комплексами — верхне- и нижнелужицким, различающимися между собой на всех уровнях языковой структуры. Носители серболужицкого языка, в большинстве своем крепостные крестьяне, в качестве средства общения использовали лужицкий диалект своей местности. В силу политических и экономических условий развития серболужичан в пределах Германии серболужицкая нация не сформировалась. Административная раздробленность серболужицкой языковой территории не способствовала интеграционным процессам, в том числе и в сфере языка. Вплоть до второй половины XVII в. не могло быть и речи о наддиалектных нормах для верхне- и нижнелужицких письменных церковных языков. Сложность и противоречивость языковой ситуации на серболужицкой территории в период Реформации определялись действием двух тенденций: одна из них проявлялась в развитии у серболужичан письменного церковного языка в условиях германизаторской политики властей, что соответствовало требованиям расширения влияния новой церкви; другая была связана с усилением влияния немецкого языка, с проникновением его в серболужицкие деревни, с изменением этнического состава на серболужицкой языковой территории. Важным фактором, влияющим на языковую ситуацию, стало и возникновение в период Реформации конфессиональных различий среди носителей серболужицкого языка. Большая часть серболужичан стала протестантами; католическим оставалось население главным образом в окрестностях Баутзена — центра Верхней Лужицы (вся территория баутценского края до середины XVII в. принадлежала Чешской короне и находилась под властью габсбургской католической администрации). Католики и протестанты жили в разных частях серболужицкой территории с различными престижными центрами, и появившиеся позднее переводы канонических текстов положили начало разным вариантам верхнелужицкого письменного (литературного) языка — протестантского и католического (см. [17; 2, 39—44]).

Языковая ситуация на верхне- и нижнелужицкой территории и судьба серболужицкой письменности имели ряд особенностей начиная с первого периода развития серболужицкой церковной письменности. Первые попытки создания серболужицкой письменности были сделаны на нижнелужицкой языковой территории, причем не в центре ее, а на окраинах. Прерванные 30-летней войной, они вновь возникают в 50—60-е годы XVII в. Однако новые переводы церковных текстов были уничтожены по приказу курфюрста [11, 122—126], что явилось одной из мер, направленных против серболужицкого языка в этой части нижнелужицкой территории. Тем самым были ликвидированы предпосылки для создания в северной части нижнелужицкой языковой территории нижнелужицкого литературного языка. Между тем источником такого языка могли стать некоторые переводы, созданные рядом авторов из различных диалектных областей на основе отбора языковых данных разных диалектов. Ускорение процесса германизации привело к тому, что культурный центр серболужичан на севере Нижней Лужицы перестает существовать: было ликвидировано богослужение на серболужицком языке, конфискованы и уничтожены все серболужицкие книги и рукописи, принадлежащие церкви и школам. Од-

нако в этнической структуре населения серболужичане составляют здесь значительную часть вплоть до середины XVIII в.

Новый период в развитии нижнелужицкой письменности и формировании нижнелужицкого литературного языка начинается с последних десятилетий XVII в. и связан с округом Котбус, где немецкое население составляло 10—15% общей численности населения. Здесь сложились благоприятные внутренние и внешнеполитические условия для формирования культурного центра серболужичан. Вне этого округа на территории маркграфства Нижняя Лужица осуществлялась политика ликвидации серболужицкого языка.

В XVIII в. в округе Котбус, где обычным было серболужицкое богослужение, в деревнях появляются школы и в процессе преподавания используется серболужицкий язык. Основным носителем серболужицкого языка в этом округе являлось сельское население, этническая плотность которого была очень велика. Серболужицкий язык функционировал в устной форме на всей сельской территории округа. При общей неграмотности крестьянского населения и низком уровне образования школьных учителей участие в создании и развитии нижнелужицкой письменности могли принимать только священники — серболужичане или немцы, деятельность которых проходила в серболужицкой среде. В XVIII в. здесь появляются переводы нижнелужицких церковных текстов, которые осуществлялись главным образом священниками из окрестностей Котбуса. Котбусский диалект постепенно приобрел статус образца (см. [19, 30—31]).

В Верхней Лужице, так же как и в округе Котбус, сложились благоприятные условия для развития серболужицкого языка и письменности. Во второй половине XVII в. здесь вышло много печатных книг, католических и протестантских. Памятники протестантской и католической письменности имели различную диалектную основу и характеризовались определенными, хотя и незначительными, отличиями. Протестанты взяли за основу церковного языка баутценский диалект, католики — западноверхнелужицкий (куловский). В середине XVIII в. произошел переход от куловского варианта письменного языка к кросчанскому, что впоследствии объективно способствовало объединению двух конфессиональных вариантов верхнелужицкого литературного языка (см. [2, 42]).

Таким образом, в XVII—XVIII вв. формируются два варианта верхнелужицкого письменного языка — протестантский и католический, из которых в дальнейшем развиваются два варианта верхнелужицкого литературного языка.

На появление нескольких литературных языков (нижнелужицкого, верхнелужицких протестантского и католического) оказали влияние и диалектная разобщенность, и административные меры властей, осуществлявших определенную политику, и церковный раскол. Большое значение имела неграмотность, культурная отсталость подавляющей массы крестьянского населения — основного носителя серболужицкого языка, в условиях которой все попытки установления литературных норм, особенно на ранних этапах развития серболужицкой письменности, неизбежно носили изолированный характер. Всё эти факторы характеризуют специфику

возникновения верхне- и нижнелужицкой письменности, верхне- и нижнелужицкого литературных языков (см. [4, 48—69]).

Нижнелужицкий литературный язык употреблялся серболужичанами Нижней Лужицы, которая по решению Венского конгресса принадлежала правительенному округу Франкфурт прусской провинции Бранденбург. Верхнелужицкий литературный язык — в саксонской части Верхней Лужицы, возникшей после Венского конгресса 1815 г. (позднее округ Баутцен), а также в районах прусского правительенного округа Лигниц провинции Силезия.

И тот и другой письменные языки имели очень ограниченные сферы применения — главным образом в церковной жизни, в процессе школьного обучения и в домашнем обиходе. Письменные языки серболужичан при отсутствии светской литературы являлись по существу языками церковной литературы. С течением времени они приобрели достаточно консервативный характер и противостояли народному устному языку. Этому способствовал и тот факт, что за пределами церковного богослужения и домашнего быта серболужичане пользовались немецким языком, в том числе и письменным.

Различия в функционировании верхне- и нижнелужицкого литературных языков в XIX в., как и в период их формирования, были обусловлены в значительной мере политической ситуацией, складывавшейся на разных территориях распространения серболужицкого языка. Наиболее благоприятной она оказалась в саксонских районах Верхней Лужицы, где политика германизации не проводилась столь последовательно, как в прусской части Лужицы, хотя и здесь как активное коммуникативное средство серболужицкий язык использовался лишь небольшим слоем интеллигенции. Овладеть литературным языком можно было только путем усвоения литературных произведений. Верхнелужицкий литературный язык применялся почти исключительно в литературе, прессе и в незначительной степени в науке.

В период Возрождения (с середины XIX в.), ознаменованный созданием Матицы серболужицкой (середина 40-х годов XIX в.), а также целого ряда культурных и научных обществ, отмечаются определенные изменения в языковой ситуации в Лужице. Основной целью различных по своему характеру объединений, как и всего национального движения серболужичан, было достижение национального и языкового равноправия в пределах немецкого государства; всемерное сохранение серболужицкой народности и серболужицкого языка с помощью издания на этом языке книг для школьного обучения и семейного чтения, газет; очищение и совершенствование родного языка и забота о народном просвещении. Необходимость поднять престиж серболужицкого языка потребовала от руководства Матицы поставить вопрос об издании основ так называемого аналогического правописания (по аналогии с системами правописания других славянских языков, главным образом чешского) и осуществлении тем самым графической и орфографической унификации обоих верхнелужицких письменных вариантов — протестантского и католического.

Новая, единая система правописания, свободная от конфессиональных различий, создавалась на базе латиницы и применения диакритических

знаков. Ее введение к 70-м годам XIX в. означало новый этап в функционировании серболужицкого языка, его литературной формы. Основу единого верхнелужицкого литературного языка составлял протестантский вариант с более длительной и сильной традицией. Появление его способствовало лучшему знакомству серболужицкого населения с литературой, не только религиозной, но и светской, самых различных жанров, а также политической и научной. Это помогало формированию серболужицкой интеллигенции, вовлечению молодого поколения серболужичан в сферу славянского мира, раскрытию ценностей национальной культуры и укреплению их национального самосознания. Отметим, что в середине XIX в. на территории распространения серболужицкого языка не было серболужицких школ; число тех, кто умел писать по-серболужицки, было незначительно.

Процесс кодификации верхнелужицкого литературного языка протекал очень сложно, сопровождался проявлением туристических тенденций, выполнявших оборонительную функцию, а также славянофильских настроений. Противоречивый характер этого процесса находил отражение на страницах "Журнала Матицы серболужицкой", которая постепенно приобрела значение национального, культурного, научного и издательского центра серболужичан. Статьи основоположника серболужицкого языкоznания Я.А. Смолера, а также таких видных серболужицких ученых, как К.Б. Пфуль, М. Горник и др., были посвящены различным вопросам, связанным с изучением серболужицкого и других славянских языков, литературы, с разнообразными славистическими исследованиями. Именно в "Журнале Матицы серболужицкой" и в ряде публикаций общества одержал победу новый верхнелужицкий литературный язык на начальном этапе своего развития. Но он еще долго добивался признания в газетах и книгах, издаваемых для широкого населения Лужицы.

Таким образом, сложившиеся ко второй половине XIX в. два относительно стабильных серболужицких литературных языка — верхне- и нижнелужицкий — были связаны с определенными территориями и функционировали как поливалентные коммуникативные средства с ограниченной сферой применения, как общественно обусловленные нормы языкового поведения (см. [4, 52—53]). При этом можно говорить о характерных особенностях и различиях в использовании этих языков. Верхнелужицкий литературный язык с 70-х годов XIX в. — поливалентная надрегиональная форма языковой коммуникации — употреблялся в официальных ситуациях письменно и устно на территории саксонской части Верхней Лужицы. Здесь же в XIX в. начинает формироваться надрегиональная форма серболужицкого языка.

В прусской части Лужицы, в Нижней Лужице, нижнелужицкий литературный язык имел очень ограниченную сферу применения, являясь в основном языком церковной литературы. Нижнелужицкая светская литература, главным образом переводы произведений верхнелужицких авторов, появляется лишь с 60-х годов XIX в. (см. [2, 46]). Недостаточное развитие издательского дела в Нижней Лужице и узкая сфера применения нижнелужицкого литературного языка объяснялись общей неблагоприятной политической и общественной ситуацией на этой территории:

употребление этого языка в церковной жизни было ограничено, а начиная с 40-х годов XIX в. он перестал быть языком школьного обучения.

О создании единого серболужицкого литературного языка для верхних и нижних серболужичан уже и тогда не могло быть речи. Это обстоятельство осознавалось деятелями серболужицкого возрождения и объяснялось ими как результат отсутствия для всех серболужичан единой светской, церковной и административной власти, единой системы школьного образования. Как мы уже отмечали (см. [4, 52—53], функционирование на серболужицкой языковой территории двух литературных языков освещается исследователями серболужицкого языка по-разному: в связи с языковыми различиями, унаследованными с древнейшего периода развития серболужицкого языка; с административной раздробленностью территории, на которой функционировал серболужицкий язык; не последнюю роль сыграла и неграмотность серболужицкого населения. Выбор решающего аргумента при обсуждении этого вопроса часто определяется позицией автора относительно тезиса о единстве серболужицкого языка. Очевидно, необходимо учитывать действие целого комплекса причин, повлиявших на возникновение двух серболужицких литературных языков.

Судьба серболужицкого языка и условия его функционирования во многом зависели от изменений в политической ситуации на конкретной территории. Так, в 70-е годы в период оформления роли верхнелужицкого литературного языка в качестве поливалентной надрегиональной формы языковой коммуникации, в годы политической реакции, немецкое государство предпринимает новые репрессивные меры против серболужицкого языка в школе и церкви. Так закончился период относительно более терпимого отношения к языку серболужичан. Саксонский закон о народной школе 1873 г. требовал, чтобы немецкий язык стал языком обучения даже в тех школах, где немецкие дети составляли менее 5% всех учеников, а серболужицкие школьники не знали ни слова по-немецки. Такая политика поддерживалась многими немецкими учеными и публицистами; некоторые из них призывали к "расовой войне" против славян как единственному способу избежать осложнений в национальных отношениях. В отдельных высказываниях серболужицких деятелей Матицы серболужицкой видны попытки смягчить напряженную ситуацию, хотя и без ярко выраженной критики и протестов в адрес государства. Как отмечалось серболужицкими историками, призывом "Учите ваших детей читать по-серболужицки" Матица серболужицкая пытаясь остановить процесс германизации.

Развитие серболужицкого языка и функционирование его литературных форм в середине XIX в. свидетельствуют о действии двух противоположных тенденций, характеризующих языковую ситуацию того времени: с одной стороны, наблюдается рост и укрепление престижа серболужицкого языка и расширение сфер его применения как результат усиления национального движения и общественной активности серболужичан, окончательное формирование двух литературных языков (единого верхнелужицкого литературного языка), связанных с различными территориями, как поливалентных средств коммуникации; с другой — постепенный переход к двуязычию в условиях жизненной необходимости для серболужичан

овладения немецким языком и германизаторской политики властей. Следствием этого явилось непрерывное сокращение численности серболужицкого населения и самой территории распространения серболужицкого языка. Процесс германизации, проводниками которого выступали в первую очередь школа, протестантская церковь и служба в армии, осуществлялся по-разному на разных территориях Лужицы и наиболее быстро шел в Нижней Лужице. Процесс перехода от серболужицкого одноязычия через стадию серболужицко-немецкого двуязычия к немецкому одноязычию медленнее всего осуществлялся среди серболужицкого населения в католических приходах Каменца и Баутцена. Эта область и до сих пор остается территорией наибольшей концентрации серболужицкого этнокума. Данное обстоятельство объясняется рядом причин: на этой территории с наибольшим количеством серболужицкого населения верхнелужицкий литературный язык имеет более высокий престиж и чаще, чем в протестанских районах, выступает в роли языка богослужения; серболужичане католического вероисповедания, обладающие высокой степенью религиозной и общественной сплоченности, сохраняют верность своим обычаям и традициям и тем самым как бы противостоят протестантскому окружению; не последнюю роль сыграла независимость католического духовенства от государственной власти, а также независимость баутценского деканата от пражского архиепископата (см. [9, 16]).

Данные статистики, относящиеся к разным периодам XIX — начала XX в. и представленные официальными учреждениями и частными лицами, свидетельствуют о неуклонном сокращении численности серболужицкого населения на этнической территории серболужичан. При этом наблюдаются существенные расхождения между официальной статистикой и результатами, полученными отдельными учеными [там же, 14—15] в процессе обследования серболужицкой территории. Важно, что в немецкой литературе двуязычные серболужичане часто квалифицировались как представители немецкой национальности. По данным К.Э. Муке, который тщательно обследовал все города, деревни и отдельные хозяйства на территории Лужиц, численность серболужицкого населения в 1880—1884 гг. составляла 166 тыс. В 1904—1905 гг., по подсчетам А. Черны, количество серболужичан определяется в 146 тыс., а в 1936—1938 гг., по данным О. Новины, их насчитывалось 111 тыс. Как отмечает С. Марчиняк [там же, 15], официальные сведения о количественном составе серболужицкого населения содержали значительно меньшие цифры, а в 30-х годах немецкая статистика представила данные, составлявшие лишь половину того количества, которое было получено О. Новиной.

Сформировавшаяся серболужицкая народность приобрела статус национального меньшинства, что в специфических условиях исторического развития серболужичан сыграло свою роль в их переходе к серболужицко-немецкому двуязычию, полностью осуществившемуся к началу XX в.

Германизаторская политика в отношении серболужицкого национального меньшинства наиболее ярко проявилась в период фашистской диктатуры. В годы насилиственного перерыва в развитии серболужицкого языка был введен запрет на его употребление (1937), ликвидированы все

общественные объединения серболужичан, их издательство и типография; преследовались и высыпались представители серболужицкой интеллигенции; в глубь Германии высыпались серболужицкие учителя и священники; предпринимались попытки принудительного введения немецкого языка в семейный обиход серболужичан. Это в большей мере удалось осуществить среди протестантской части населения и встретило сопротивление серболужичан католического вероисповедания.

После второй мировой войны этническая структура населения на территории распространения серболужицкого языка в бывшей ГДР претерпела серьезные изменения в результате переселения на земли серболужичан немцев из пограничных областей других славянских стран. Новое административное деление в рамках ГДР не способствовало сохранению компактности серболужицкого населения. Общественно-экономическое развитие бывшей ГДР обусловило сложность и противоречивость языковой ситуации в Лужице (см. [1, 91]): с одной стороны, провозглашение для серболужицкого языка равных с немецким языком прав, предоставление серболужицкому национальному меньшинству культурной автономии, т.е. права с помощью специально созданной организации — Домовины — осуществлять деятельность, направленную на сохранение и развитие серболужицкого языка, на расширение социальной базы его носителей путем развития народного образования (создание педагогического института, 12-классных средних школ и десятилеток с преподаванием на серболужицком языке), развитие издательской деятельности, создание двуязычной театральной труппы, серболужицкого фольклорного ансамбля, проведение фестивалей народной культуры, использование, хотя и ограниченное, этого языка в административной деятельности. С другой стороны, наряду с такими мерами, которые должны были способствовать укреплению позиций серболужицкого языка и расширению сфер его применения, действуют объективные факторы, влияние которых постепенно, но достаточно быстро приводят к "размыванию" серболужицкого этникума и, следовательно, к ослаблению или даже к полной утрате определенных позиций серболужицкого языка. Миграция населения, развитие индустрии и сельского хозяйства, смешанные браки, доминирующее влияние немецкого языка во всех сферах коммуникации — в средствах массовой информации, просвещении, кино, в учреждениях здравоохранения, в профессиональных коллективах и т.д. — создали в основном смешанный характер этнической структуры на территории распространения серболужицкого языка, где преобладают деревни со смешанным серболужицко-немецким населением; в некоторых районах Лужицы в течение последних 35 лет дело дошло до полного исчезновения серболужицкого языка (ср., например, в Нижней Лужице). По мнению некоторых исследователей, общее количество серболужичан определяется в 30—50 тыс. [9, 23], из них примерно 15 тыс. приходится на католические районы Верхней Лужицы, а число серболужичан протестантского вероисповедания превосходит число говорящих по-серболужицки католиков не более чем в два раза.

В зависимости от компактности серболужицкого двуязычного населения можно говорить о двух типах языковой ситуации на территории

распространения серболужицкого языка. В районах с наиболее компактным серболужицким населением (католические районы в окрестностях Каменца, Баутцена (Будышина) на крайнем западе верхнелужицкой языковой территории) наблюдается переход от более комплексного двуязычия к более координированному двуязычию: в немецком произношении старшего и среднего поколений обнаруживается сильное влияние серболужицкого языка, на других уровнях серболужицкой языковой системы — влияние немецкого языка; представители молодого поколения владеют обоими языками, а немецкое население владеет серболужицким языком пассивно или даже активно. Богослужение в католической церкви осуществляется на серболужицком языке, в школах типа А преподавание ведется также на серболужицком языке, а в школах типа Б серболужицкий язык преподается как предмет. В культурном центре Верхней Лужицы — Баутцене сосредоточены все научные, культурные и административные учреждения Верхней Лужицы. Однако влияние немецкого языка постепенно растет и на этом "национальном и конфессиональном острове".

В других районах (немецко-серболужицких) представители серболужичан составляют меньшинство. Здесь немецкий язык является основным средством общения и большинство немецкого населения не говорит посерболужицки. Серболужицкий язык употребляется лишь в некоторых сферах общественной жизни. Представители старшего и среднего поколений хорошо владеют обоими языками, но в их серболужицком языке на всех уровнях языковой системы обнаруживается сильное влияние немецкого языка; молодое поколение практически не владеет серболужицким языком. Языковая ситуация характеризуется быстрым переходом от комплексного немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию. В общеобразовательных школах типа Б серболужицкий язык изучается факультативно, как специальный предмет.

Сложность и противоречивость языковой ситуации⁵, характеризующейся особенностями в различных районах серболужицкой территории, проявляются и в функционировании различных форм существования серболужицкого языка в условиях постоянной конкуренции с немецким (его литературными и диалектными формами). Немецкий язык является универсальным коммуникативным средством для каждого серболужичанина, который владеет им на всех стилевых уровнях. Серболужицкий же язык является специальным и факультативным средством общения и используется лишь в некоторых сферах общественной жизни: иногда наряду с немецким при официальных, деловых контактах, в большей степени — в мероприятиях серболужицких организаций, заседаниях Домовины, в церкви, во время семейных праздников, чаще всего — в повседневной семейной жизни, при общении с друзьями и знакомыми.

Для современной языковой ситуации в Лужице характерны следующие формы существования серболужицкого языка: надрегиональные — а) две кодифицированные, литературные письменные формы — верхне- и ниж-

⁵ Подробно о современной языковой ситуации и функционировании различных форм существования серболужицкого языка см. [1, 90—115].

нелужицкая; б) две устные литературные формы — верхне- и нижнелужицкая; в) две некодифицированные разговорные формы, близкие к верхне- и нижнелужицким диалектам; наряду с устной формой можно выделить и письменную форму разговорного языка, которая употребляется, например, в частной переписке; региональные формы — собственно верхне- и нижнелужицкие и так называемые переходные диалекты.

Характер названных форм существования серболужицкого языка и их взаимосвязь в современной языковой ситуации обладают особенностями, в которых проявляется своеобразие функционирования современного серболужицкого языка в отличие от предшествующего периода развития.

Прежде всего следует отметить отсутствие господствующей роли литературных форм, их нивелирующего по отношению к другим языковым формам значения. Причина этого заключается в консервативном характере серболужицких литературных языков, приобретенном ими в результате влияния (начиная с середины XIX в.) таких факторов, как пуританство, стремление к реславянизации, а также факторов экстралингвистических политического и социального характера (ср., например, слабое развитие народного образования в прошлом, особенно в Нижней Лужице). В послевоенный период, когда расширилась сфера применения серболужицкого языка и возросла роль устных литературных форм и разговорной речи, повысился престиж письменных литературных форм серболужицкого языка. И все же наиболее распространенным средством коммуникации для большинства носителей серболужицкого языка остается диалект. Им нередко пользуется в неофициальном общении интеллигенция — основной носитель серболужицкого литературного языка и его разговорных форм. Роль литературных языков на территории распространения тех или иных диалектов может быть различной, что обуславливает тип взаимоотношения всех форм существования серболужицкого языка на определенной территории. Обобщая особенности конкретных языковых ситуаций в отдельных районах Лужицы, можно выделить два основных типа взаимодействия этих форм.

Первый тип характеризует языковую ситуацию культурных центров серболужичан — Баутцен, где сосредоточены все научные, культурные и административные учреждения Верхней Лужицы, и Котбус в Нижней Лужице, а также свойствен языковой ситуации католических приходов Каменца и Баутзена, где большое значение для поддержания престижа серболужицкого языка имеет богослужение на нем. В этих районах сосредоточена большая часть серболужичан, владеющих литературными языками, при этом часть серболужицкой интеллигенции владеет обоими литературными языками. Здесь отмечается активная роль литературных языков в различных сферах коммуникации, где возможно употребление серболужицкого языка, конкурирующего с немецким. Существующие в этих областях серболужицкие научные и культурные организации способствуют расширению сферы применения как письменных, так и устных форм литературного языка (доклады, рефераты, радио- и телепередачи). В серболужицких культурных центрах концентрируется серболужицкая интеллигенция всех поколений, в том числе и нового поколения, которое в личном общении употребляет исключительно литерату-

турный язык или разговорный. Разговорный язык является надрегиональной формой устного неофициального общения (прежде всего в Верхней Лужице). Предпосылки для его развития и стабилизации создает необходимость в повседневном неофициальном общении представителей разных диалектных областей, но при общении с родными и знакомыми часто употребляется и соответствующий диалект, которым обычно владеют представители серболужицкой интеллигенции (наряду со знанием одного или двух серболужицких литературных языков). Таким образом, первый тип взаимоотношения различных форм существования серболужицкого языка характеризуется большей ролью литературных форм (письменной и устной) и разговорного языка.

Разговорный язык в устном общении представителей интеллигенции, образованных в языковом отношении, приобретает все большую самостоятельность относительно других форм существования серболужицкого языка. Он обладает рядом структурных особенностей по сравнению с устной формой литературного языка. С точки зрения критерия социальной ситуации коммуникативного акта устная форма литературного языка и разговорный язык противопоставлены устному языку, употребляемому в официальном общении, и устному языку, используемому в неофициальном общении партнеров, социальная дистанция между которыми незначительна. С точки зрения коммуникативной интенции они различаются между собой как устный язык подготовленный, употребляемый главным образом в сообщениях, и устный язык спонтанного характера, свойственный диалогической коммуникации. Разговорному языку не присуща определенная норма. В использовании диалектных элементов при его употреблении можно предположить большой диапазон — от разговорного языка-полудиалекта до разговорного языка, в большей или меньшей степени близкого к диалекту. Наблюдения над разговорным языком дают возможность выявить различные типы его взаимодействия с литературным языком [1, 101, 107].

На серболужицкой территории, которая характеризуется первым типом взаимоотношений всех форм существования серболужицкого языка, серболужицко-немецкое двуязычие обладает большей стабильностью. Х. Фасске [3, 191—192] была предложена теоретическая модель для адекватного описания коммуникативных ситуаций, где употребляются или не употребляются серболужицкие литературные языки в конкуренции с немецким языком.

Отличительной чертой второго типа взаимодействия форм существования серболужицкого языка является определяющая роль региональных форм коммуникации. В условиях того или иного диалекта литературным языком владеет незначительная часть населения, главным образом те, кто обучался ему в школе и в дальнейшем знакомился с серболужицкой литературой. При употреблении местного диалекта влияние литературного языка обнаруживается на всех уровнях языковой системы, но в различной степени, в зависимости от конкретной языковой ситуации на данной территории, а также от коммуникативной ситуации. Однако влияние немецкого литературного языка на немецкий язык местных серболужичан может быть значительно больше, чем влияние

верхнелужицкого литературного языка на местный серболужицкий диалект.

Отметим, что серболужицкие литературные языки с течением времени приобрели консервативный характер, что привело к значительному структурному разрыву с устными формами серболужицкого языка, к появлению большого числа искусственных форм, функционально не оправданных. Сыграло свою роль и отсутствие кодификации литературной нормы, адекватной действительному языковому узусу. Разрыв между литературным языком и развивающейся диалектной нормой, влияющей на разговорную форму серболужицкого языка, не способствовал пониманию и активному усвоению литературного языка носителями серболужицкого языка. Это не может не снижать значение литературного языка как надрегионального средства коммуникации.

В серболужицком языке существует своеобразное соотношение элементов ряда "литературный язык — разговорный язык — диалект" при особом значении взаимодействия первого и третьего элементов. Формирование второго элемента — разговорного языка как особой формы коммуникации — связано с судьбой литературного языка и диалектов. Состояние же диалектов различно на разных территориях распространения серболужицкого языка. На периферии серболужицкой языковой территории серболужицкие диалекты довольно быстро исчезают (например, на востоке Нижней Лужицы), в центральной части народная разговорная форма подвергается сильному воздействию немецкого языка.

Норма нижнелужицкого литературного языка испытывает значительное влияние верхнелужицкого литературного языка, от которой она отличается неустойчивостью и большей вариативностью.

Изменившиеся политические и социальные условия в объединенной Германии, преобразования во всех сферах жизни затронут всех представителей серболужицкого национального меньшинства и так или иначе повлияют на характер языковой ситуации и судьбу серболужицкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова М.И. Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.

2. Михалк Ф. Стабильность и вариантность серболужицкого языка // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.

3. Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы: Сборник обзоров: М., 1983.

4. Ermakova Maja I. [Ермакова М.И.] Problems of development of the Serbian language in context with the specific character of the historical development of the Serbs // Language and culture of the Lusatian Serbs throughout their history. B., 1987.

5. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk: Morphologie. Bautzen, 1981.

6. Lötzsch R. Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze // ZfSl. 1963. Bd. 8. H. 2.

7. Lötzsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. B., 1965.

8. Lötzsch R. Einige Bemerkungen zu D. Brozović Aufsatz "O specifičnim vidovima lužičkosrpske jezične problematike" // Lětopis Instituta za serbski ludošpyt (Lětopis...) // R.A. 1968. Č. 15/1.

9. *Marciniak S.* Dzisiejsza sytuacja językowa na Łużycach i jej historyczne uwarunkowania // *Zeszyty luzyckie* / Pod red. Ewy Siatkowskiej. W-wa, 1990. N 1.
10. *Mětšk F.* Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache, 1668—1728 // *ZfSl.* 1983. Bd. 28, H. 1.
11. *Mětšk F.* Der Kurmärkisch-wendische Distrikt: Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Bärwalde, Beeskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16.—bis 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1965.
12. *Mětšk F.* Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsliederung des deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968.
13. *Michalk F.* Die sorabistische Sprachwissenschaft in der DDR // *Македонски језик.* 1975. [Bd.] 26.
14. *Mucke K E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.
15. *Nedo P.* Wo wuwiću dwurěčnosć we Łužicy // *Rozhlad.* 1958. [N] 8.
16. *Shuster-Šewc H.* Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen // *ZfSl.* 1959. Bd. 4, H. 4.
17. *Schuster-Šewc H.* Die Geschichte der sorbischen Schriftsprache (ein) Grundriss // *Славянска филология III. София,* 1963.
18. *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.—18. Jahrhunderts. Bautzen, 1967.
19. *Šewc H.* Wuviće spisovneje rěče pola Łužiskich Serbow // *Sorabistiske přednoški* 1977. Budyšin, 1977.

Л.Б. НИКОЛЬСКИЙ
(РОССИЯ)

ЯЗЫК И СОЦИУМ В АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАНАХ

После деколонизации афро-азиатских стран на рубеже 60-х годов почти во всех из них, какmonoэтничных, так и полиглотовых, возникли две группы неотложных языковых проблем. Первая была связана с выбором и утверждением языкового образования, служащего целям общегосударственного общения, которое способно было обеспечить взаимодействие разных частей одного этноса в однонациональном государстве либо различных этносов в многонациональной стране. Эта проблема и к концу 80-х годов решена далеко не во всех странах, что объясняется рядом обстоятельств.

Государства, существующие в настоящее время на континентах Азии и Африки, в своем большинстве представляют собой структуры со сложившимися или быстро складывающимися экономическими, политическими и культурными связями, объединяющими территории страны с населяющими их этносами или частями этносов в единое политico-экономическое целое. При этом, независимо от типа государственного устройства (унитарное или федеративное) и этнического типа страны (моноэтничная или полиглотовая), ведущая роль в организации экономической, политической и культурной жизни на всей территории страны и в управлении ею принадлежит государственной власти в лице центрального правительства.

Центральная государственная власть для управления и развития экономики, руководства общегосударственными и местными полити-

ческими институтами, организации системы народного образования, укрепления культурных связей между разными этносами или разными частями одного этноса нуждается в едином языке. Требование использовать только один язык для общегосударственной коммуникации, для связи с местными органами власти, для подготовки кадров, способных работать во всех частях страны, с точки зрения организации оптимальной системы языковой коммуникации является вполне закономерным, вытекающим из объективных потребностей упрочения государственного образования, его стабилизации и развития.

Оправданно и понятно также то, что, как правило, такой единственный язык, избираемый для нужд общегосударственного общения, называется государственным языком. Само название "государственный язык" в том смысле, который ему придается сейчас во многих афро-азиатских странах, не следует считать одиозным, если выбор одного языка в качестве общегосударственного не сопровождается ограничениями, накладываемыми на другие языки, если не уменьшается их роль как важного средства внутриэтнического и межэтнического общения, если этот язык не называется разноязычным этносам и принимается ими добровольно как полезное и необходимое средство общения за пределами этноса.

В настоящее время объективно существующая и осознаваемая населением страны потребность в одном языке для общегосударственного общения реализуется в трех вариантах: 1) в этих целях используется один из автохтонных языков, который удовлетворяет вышеуказанным условиям; 2) в этой роли фактически продолжает применяться язык бывшей метрополии, но законодательство предопределяет также использование сейчас или в будущем еще и одного автохтонного языка; 3) государственным объявлен лишь язык или языки бывшей метрополии, и ни один из автохтонных языков не имеет такого статуса.

Каждый из вариантов реализации этой потребности определяется прежде всего этнолингвистическим типом страны, сложившейся в ней языковой ситуацией, наличием языкового образования, которое по уровню своего лингвистического развития способно обеспечивать общегосударственное общение.

Автохтонный язык естественным образом становится государственным в моноэтнической стране. Но в этой роли используется не весь национальный язык, а только одна из его форм — обычно наддиалектная обработанная форма языка, имеющая письменную фиксацию, т.е. письменно-литературный язык.

В афро-азиатских странах складывались такие языковые ситуации, когда даже длительное время после обретения независимости не существовало литературного языка, имеющего письменную традицию, а государственными в моноэтнической стране считались иностранные языки, которые широко употреблялись в период колониализма. Такова была языковая ситуация, например, в Сомали — моноэтнической стране, где до 1972 г. государственными считались арабский, итальянский и английский языки.

И лишь большая распространенность сомалийского языка позволила его сторонникам добиться для него официального статуса, разработать и ввести письменность на нем.

Выбор между автохтонным литературным языком или иностранным, использовавшимся на территории страны или в ее регионе до освобождения, обуславливается прежде всего уровнем развития литературного языка. Причем даже самые распространенные автохтонные языки, функционировавшие в сферах неофициального общения и обслуживавшие в лучшем случае начальное образование, традиционную культуру и науку (например, в колониальный период в Алжире даже начальное образование осуществлялось на французском языке, а арабский язык преподавался как предмет по французским учебникам), оказались в лингвистическом плане не вполне подготовленными, чтобы сразу же заменить язык бывшей метрополии. Недостаточно высокий уровень лингвистического развития автохтонного языка, проявлявшийся прежде всего в слабой стилистической дифференции и гибкости, в отсутствии достаточного запаса административно-политической и научно-технической терминологии, как раз и явился одной из причин либо отмены ранее принятых решений о замене западноевропейского языка автохтонным, либо продолжающегося использования западноевропейского языка в государственном управлении, в высшей и средней школе как языка естественных и технических наук. Только в немногих странах, отчасти благодаря высокому уровню развития автохтонного языка, удалось окончательно вытеснить из общения западноевропейский язык. К таким странам относятся Вьетнам и Индонезия.

Успешное вытеснение западноевропейского языка автохтонным объясняется также близостью его к обиходно-разговорному и степенью модернизации. Известно, что в первые десятилетия после получения независимости кхмерский литературный язык, ориентирующийся в развитии лексики на священный язык пали и значительно разошедшийся с современным обиходно-разговорным, не мог выполнять функции государственного языка и вместо него использовался французский язык. Серьезным препятствием на пути внедрения в официальное общение индийского Тамилнада тамильского литературного языка являются его архаичность и отрыв от разговорного тамильского языка, что и объясняет то предпочтение, которое говорящие отдают английскому как официальному языку штата [1, 106].

Таким образом, использование в качестве государственного автохтонного литературного языка в первую очередь и целиком зависит от его коммуникативных свойств, определяемых уровнем его лингвистического развития, близостью к разговорному, степенью модернизации, от которой зависит его способность обслуживать современное общение.

В афро-азиатских странах альтернативой автохтонному литературному языку является не только западноевропейский язык, широко употреблявшийся в период колониализма, но и автохтонный разговорный язык. Это, в частности, имеет место в арабских странах, в которых сложилась своеобразная языковая ситуация, характеризуемая так называемой диглоссией, или, иначе говоря, распределением сфер общения в государстве между арабским литературным языком (АЛЯ) и наддиалектным языковым образованием, условно называемым арабским диалектом или диалектным языком.

В каждой арабской стране разговорное койне используется чаще, чем

АЛЯ, и значительно большим числом людей, поскольку АЛЯ пользуются образованные. Но в официальном общении принят и функционирует только АЛЯ, который обладает высоким престижем во всем арабском мире. Очевидно, что использование АЛЯ в качестве официального средства общения и его высокий престиж в немалой степени объясняются нуждами общения между арабскими странами, заинтересованными в поддержании между собой экономических, политических, культурных и религиозных связей. Иначе говоря, нужды общеарабского общения превалируют над коммуникативными потребностями каждой страны, для которой, исходя исключительно из соображений оптимизации коммуникации, более естественным и удобным было бы использование разговорного языка во всех сферах и на всех уровнях общения.

Автохтонный язык может стать единственным государственным языком также в полиглоссальном государстве, включающем в свой состав как один крупный этнос и несколько более мелких, так и несколько крупных. При этом могут быть вытеснены из общения лингвистически высокоразвитые западноевропейские языки, выполняющие функцию государственных языков в колониальные времена. И хотя в период, когда происходит языковая смена, автохтонный язык может значительно уступать заменяемому в лингвистическом плане, о чем, кстати, свидетельствует мощный поток заимствований из вытесняемого языка, которые выражают новые явления и понятия, коммуникация в обществе не терпит значительного ущерба. То обстоятельство, что любым автохтонным языком владеет неизмеримо большее число граждан государства, чем языком бывшей метрополии, компенсирует временные языковые трудности.

При выдвижении автохтонного языка на роль государственного и в полиглоссальской стране к нему предъявляются те же требования, что и к литературному языку в моноэтнической стране: он должен быть развитым в лингвистическом отношении, в известной степени модернизированным, чтобы обеспечивать современное общение на разных уровнях и в разных сферах коммуникации, иметь традицию использования в качестве средства межэтнического общения.

Выбор автохтонного языка для общегосударственного и межнационального общения взамен западноевропейского, последовательность и решительность руководства страны в проведении мер по ликвидации последствий колониализма в языковой области определяются, во-первых, интересами классов, социальных слоев и групп, стоящих у власти. Так, совершенно четко различается демократическое, в интересах большинства населения, и недемократическое, отвечающее только интересам высших классов, решение этого вопроса. В одних странах взят курс на всемерное внедрение автохтонных языков во все сферы общения и вытеснение из них западноевропейских, в других странах, характеризующихся теми же тенденциями в этнолингвистическом развитии и наличием широко распространенных автохтонных языков, вопрос о замене языка бывшей метрополии либо не поднимается совсем, либо длительное время находится в стадии постановки.

Особенно наглядно сказываются классовые интересы на отношении к

автохтонному и западноевропейскому языкам в арабских странах в ходе их арабизации. Так, в Алжире, где французский язык пустил наиболее глубокие корни и где существуют наиболее трудные условия для его замены, ее темпы выше, чем в других странах арабского мира. Но, например, в Тунисе, в котором правящая элита целиком франкоязычна, только через 25 лет после достижения независимости приступили к арабизации в университете на факультете литературы и гуманитарных наук. Более того, представители франкоязычной элиты Туниса и Марокко, выступая на словах за арабизацию, посыпают своих детей во французские школы.

В Западном Самоа (которое обрело независимость в 1962 г.) роль английского языка довольно скромна: сфера его применения ограничена, хотя он и является одним из двух государственных языков (другим государственным языком объявлен самоанский). В Восточном (американском) Самоа, наоборот, английский язык признан единственным официальным языком и широко внедряется в различные сферы местной жизни [4, 161].

Политическое значение выбора автохтонного языка для общегосударственного межэтнического общения обуславливается, во-вторых, тем, что он самым тесным образом связан с национальным вопросом. Официальное провозглашение и использование на государственном уровне одного из языков многих этносов, несмотря на его распространность и длительность применения при межэтнических контактах, ставит в привилегированное положение тот этнос, для которого он является родным. Остальные этносы чувствуют себя ущемленными. На этой почве возникают межэтнические конфликты. Хорошо известно, например, что одним из препятствий на пути распространения хинди в Индии является оппозиция к нему со стороны тамилов и бенгальцев.

Поэтому при выборе языка для межнационального общения немаловажное значение придается его этнической нейтральности. Из автохтонных языков этими признаками обладают языки индонезийский (родной язык малайского меньшинства Суматры) и — с известными оговорками — урду в Пакистане (родной язык примерно 10% населения). Этнически нейтральны в пределах афро-азиатских стран и западноевропейские языки, предоставляющие равные возможности для всех этнических общинностей. После достижения национальной независимости именно по этой причине к ним появляется (и не только в высших слоях) положительное отношение и их позиции укрепляются, несмотря на наличие в ряде стран автохтонных языков, способных заменить язык бывшей метрополии.

Выбор общегосударственного языка определяется господствующей идеологией. Эта связь реализуется, во-первых, в выдвижении на такую роль доминирующего языка той или иной конфессии. После раздела Индостана на Пакистан и Индию языком Исламской республики Пакистан был объявлен урду — язык, отождествляемый с мусульманской общиной, хотя он был родным языком абсолютного меньшинства населения. В известной мере сказалось, по-видимому, на выборе хинди как государственного языка Индии то, что он связан с индуизмом. Но наиболее отчетливо влияние религии на выбор языка в Индии проявилось при создании штата Пенджаб. Лозунг создания пенджабского лингвисти-

ческого штата выдвинула сикхская коммуналистская партия. Ее выступления в защиту языка панджаби заставили индусские коммуналистские организации выступать в защиту хинди. Пропагандируя хинди, индуисты заявили, что язык панджаби в графике гурмукхи является языком только сикхов, индузы же имеют свой язык — хинди в графике деванагари. Эта пропаганда оказала воздействие на панджабцев-индустров, и во время переписи 1951 и 1962 гг. они назвали родным языком не панджаби, а хинди. В результате сложилось парадоксальное положение — против образования панджабского лингвистического штата выступила весьма многочисленная группа населения, говорящая на панджаби и обитающая в районах, которые должны были войти в этот штат.

Влияние идеологии на выбор языка для общегосударственного и межэтнического общения проявляется, во-вторых, в стремлении правящих кругов страны с помощью обычно одного из автохтонных языков упрочить культурно-политическое единство разнозычных этносов, населяющих страну, и, культивируя чувство гражданственности (сознание принадлежности к одной стране), поколебать почву под этнонационализмом, регионализмом, приостановить проявление сепаратистских тенденций.

В связи с этим идеологи из афро-азиатских стран выдвигают концепцию создания единой нации. В крайних ее проявлениях она предполагает отрицание даже совершенно очевидной полигэтничности страны. Например, поскольку население Турции официально объявлено одной нацией, курды относятся к "горным туркам" и должны использовать "национальный" турецкий язык. Поэтому обучение курдскому языку, преподавание на нем в курдских школах и его официальное использование даже в районах, населенных курдами, запрещается. Более того, "любое признание за меньшинствами национальных прав они (буржуазные партии. — Л.Н.) рассматривали как раскол единства турецкой нации, как сепаратизм, предполагающий расчленение государства" [2, 217].

Так же в королевской Камбодже (1953—1970) национальные меньшинства в Конституции не упоминались, официально причислялись к кхмерам и делились на горных, равнинных кхмеров и кхмеров-мусульман. Исходя из концепции единой кхмерской нации, власти встречали в штыки попытки малых народов защитить свои законные интересы, расценивая их "как подрыв национального единства и угрозу самому существованию кампучийского государства" [3, 8].

Объективно наличие общего языка для всей страны прежде всего благоприятствует установлению рыночных и производственных связей между разнозычными районами государства. Он же, в особенности в странах с численно доминирующим этносом, язык которого и избирается на эту роль, служит не только каналом связи с иноязычными этническими общностями, составляющими меньшинство в данной стране, но и средством приобщения к более развитой и передовой культуре национальных меньшинств, как правило, с более низким культурным уровнем. В этих случаях через систему народного образования, средствами массовой информации осуществляется языковая политика, нацеленная на формирование у национальных меньшинств двуязычия, одним из компонентов которого остается родной этнический язык, а вторым — становится язык

официального межэтнического общения. При понимании действительной роли этнического и второго языков в жизни национальных меньшинств и при демократических, учитывающих их коммуникативные потребности, методах формирования двуязычия овладение вторым языком не означает утрату родного языка и не ведет к ассимиляции малых народов численно преобладающими этносами. Но в то же время становление двуязычия такого типа у национальных меньшинств усиливает интеграционные процессы и способствует их включению в экономическую, политическую и культурную жизнь страны.

Нельзя отрицать, что единственный язык при известных условиях обеспечивает более тесное взаимодействие между различными этносами и способен продвинуть вперед культурно-политическую интеграцию внутри страны. Но вместе с тем стремление использовать в качестве государственного лишь язык доминирующего этноса воспринималось этническими общностями, оказавшимися в подчиненном положении, как проявление национализма господствующей национальности и дальнейшее посягательство на их права, вызывая в качестве ответной реакции усиление националистических настроений и сепаратистских тенденций (наиболее яркий пример — движениеベンガルцыев Восточного Пакистана за национальное самоопределение, завершившееся образованием Бангладеш). Именно опасением вызвать межнациональные конфликты частично объясняется сохранение западноевропейских языков и даже усиление их позиций.

Таким образом, выбор языка для общегосударственного и межэтнического общения в любой стране связан с учетом совокупности взаимодействующих факторов и, в свою очередь, оказывает обратное влияние на национально-политическую ситуацию в стране.

Итак, в первый период независимого развития в ряде освобождающихся стран имелась альтернатива выбора языка для официального межэтнического общения: им мог оставаться язык бывшей метрополии, или он мог быть заменен одним из самых распространенных автохтонных языков. В большинстве стран, в которых параллельно с языком метрополии использовался один из достаточно распространенных автохтонных языков, выбор пал на него. Впоследствии оказалось, что замена одним из автохтонных языков языка бывшей метрополии в условиях независимости — довольно трудное дело, сопряженное с возникновением внутренних конфликтов и осложнений.

В многонациональных странах, населенных крупными этносами, политические коллизии возникли, как только правящие круги попытались осуществить на практике давно декларируемые программы языковой политики, предполагающие объявление вне закона языка бывшей метрополии и переход в официальном общине на избранный автохтонный язык. В результате к началу 60-х годов во многих азиатских странах возникла такая ситуация, когда законодательными актами язык бывшей метрополии был поставлен вне закона, но продолжал так же, как и раньше, широко использоваться де facto, а объявленному государственным единственному автохтонному языку была устроена жесткая обструкция со стороны ряда крупных этносов.

Короче говоря, создалась сложная и политически острая обстановка, которая была чревата серьезными политическими последствиями, значительным обострением межнациональных отношений и угрожала целостности молодых независимых государств.

Правящие круги ни в одной стране не пошли навстречу требованиям других крупных этносов: ни один из автохтонных языков не был объявлен государственным. Языковая проблема была решена с помощью паллиатива: государственным языком был оставлен номинально объявленный ранее, но его повсеместное введение откладывалось, и временно разрешалось использовать западноевропейский язык. Эти меры ослабили внутреннюю напряженность в странах, но не означали окончательного решения вопроса об официальном языке межэтнического общения. В то же время вследствие этого паллиатива значительно усилились позиции западноевропейских языков в освободившихся странах в ущерб тем автохтонным, которые были избраны для нужд межэтнического общения.

Вместе с тем страны зарубежного Востока демонстрируют и положительный опыт в решении этой проблемы. Так, в Сингапуре, более 76% населения которого — китайцы, 15% — малайцы и около 9% — индийцы (тамилы, малаяльцы, каннада, пенджабы и др.), язык коренного этноса — малайский — провозглашен государственным, а китайский, тамильский и английский — официальными. В стране осуществляется политика формирования массового билингвизма. Обучение в различных учебных заведениях и на разных ступенях в школах ведется на английском и одном из трех официальных языков. Несмотря на численное доминирование китайцев, а также естественную и "стихийную" "китаизацию" населения (отмечается рост относительной численности китайско-английских билингвов), в стране отсутствуют национальная дискриминация и межэтнические конфликты.

Второй группой языковых проблем, возникших в период послевоенного социально-политического развития, являются те, которые связаны с нормализацией и модернизацией автохтонных языков, выдвинутых или выдвигаемых для официального межэтнического общения во всей стране либо в ее национально-территориальных районах (лингвистические штаты, автономные области и районы). При этом нормализация автохтонных языков понимается широко, как деятельность по обогащению лексики языка, в том числе по созданию терминологических систем, развитию грамматических форм и углублению стилистической дифференциации. Осуществление первой задачи выдвинуло на передний план проблему отбора одновременно функционирующих в настоящее время в этнической общности различных по происхождению лексических единиц (принадлежащих автохтонному языку, старописменному или классическому языку, языку бывшей метрополии), которая решалась и решается по-разному.

На фоне демократизации литературных языков, усилившейся в последние три десятилетия и означающей ликвидацию существенного разрыва между литературно-письменным и народно-разговорным языком или даже ведущей к созданию новых литературных языков на народно-разговорной основе (литературный бенгальский язык в Бангладеш опирается теперь на

народно-разговорный района Дакки, в Таиланде ставится вопрос о создании современного литературного языка на базе народно-разговорного), имеют место противоположные течения, когда, оберегая чистоту литературного языка, ставят заслоны, препятствующие проникновению народно-разговорных элементов. Таково направление в сфере пополнения лексики языка урду в Пакистане и в значительной степени хинди в Индии, обусловленное ориентацией на сакральные языки (соответственно на арабский, персидский и санскрит).

Наряду с рационалистической тенденцией использовать для пополнения лексики все источники (ресурсы народно-разговорного языка, старописьменного, в том числе заимствованного в доколониальный период, западноевропейского, функционировавшего как официальный в колониальный период), что, например, ярко проявляется в словотворческой и терминологической работе, развернувшейся в СРВ, имеются ярко выраженные пурристические тенденции. В то же время пополнение лексики свободно от регулирующего воздействия органов языковой политики, и в результате в автохтонные государственные языки устремляется поток ненужных заимствований из европейских языков.

Что касается пуризма в странах Востока, то различаются по меньшей мере две его разновидности: 1) основанная на отождествлении исконного с элементами народно-разговорного языка и отвергающая как чужие и элементы старописьменного языка, и заимствования из других языков (пуранизм в Турции в 70-е годы); эта разновидность пуранизма возникает в связи с усилением националистических настроений; 2) базирующаяся на отождествлении понятия "свой" с элементами старописьменного, классического языка и отвергающая элементы народно-разговорных и иностранных языков как чуждые литературному языку (пуранизм в арабских странах, Пакистане, Индии, Камбодже в первые годы после достижения независимости); этот пуранизм имеет религиозную окраску.

В практике пурристической деятельности повсеместно в афроазиатских странах обнаруживаются сходные моменты как в поисках источников пополнения лексики, так и в выборе средств словообразования. Ориентация на народно-разговорный язык как на источник лексики обязывает: 1) заменять единицы старописьменного языка лексемами народно-разговорного языка, используя слова из просторечной лексики; 2) отдавать предпочтение моделям и способам словообразования, существующим в народно-разговорном языке; 3) искать эквиваленты для обозначения понятий и замены заимствованных слов в диалектах; 4) организовывать поиски древних исконных слов в исторических источниках, классической литературе и возрождать их. В этом плане работа, которую вели турецкие лингвисты еще в 20-е годы, имеет много общего с движением "за упорядочение корейского языка", развернувшимся в КНДР в середине 60-х годов. Единственное, что их различает, — это неодинаковое отношение к заимствованиям из западноевропейских языков. В КНДР такие заимствования из языка решительно изымаются. В Турции были теоретически обоснованы возможность и правомерность заимствования из западноевропейских языков.

Пурристическая практика, вступив в противоречие с естественной

тенденцией обогащения лексики за счет живых автохтонных языков, приводила к архаизации лексического состава вопреки необходимости его модернизации. Неологизмы, создаваемые пуритами, были многосложными и громоздкими и далеко не всегда обладали этимологической ясностью. Поэтому они не принимались говорящими. Впоследствии пуритские движения несколько ослабли, а возобладали процессы словотворчества, отражающие названную выше естественную тенденцию.

Несколько иначе обстоит дело в специфической области лексики, какой является терминология.

Терминология, особенно научно-техническая, — неотъемлемый атрибут науки и техники, в которых занята относительно небольшая часть этнической общности — ученые и специалисты в области техники. Поэтому в терминотворчестве значительно сильнее действуют субъективные факторы.

Терминология обладает рядом специфических свойств. Одним из них является ее системность. Выражая систему понятий, и сами термины находятся в определенных связях: обозначая родственные понятия, они содержат общие лексемы, создаются по единым словообразовательным моделям с использованием одних и тех же словообразовательных средств. Системность терминологии важна потому, что регулярность употребления лексем и словообразовательных средств, их повторяемость и высокая частотность создают в языковом сознании говорящих систему ассоциаций, значительно облегчающих овладение той или иной терминологией.

Вторым свойством терминологии следует считать этимологическую ясность ее составляющих. Она во многом определяется свойством системности и по отношению к системности является производной: регулярность употребления и повторяемость одних и тех же лексем и словообразовательных средств приводят к тому, что говорящие осознают не только дискретность компонентов терминов-наименований, но и связи между ними или их структуру.

Этимологическая ясность может быть достигнута не только путем соблюдения принципа системности. Хорошо известно, что терминология языков, за редким исключением, с точки зрения происхождения составляющих ее единиц очень неоднородна. В ней выделяются исконные лингвистические единицы, единицы, заимствованные из старописьменных или классических языков и из западноевропейских языков.

Само собой разумеется, что наибольшей этимологической ясностью обладают термины, сконструированные на исконной основе. Осознание этого факта во многих странах приводило к стремлению не только составлять термины из исконных компонентов, но и подвергнуть пересмотру и упорядочению в этом отношении всю терминологию. Наиболее наглядно такое стремление проявилось в КНДР, где на протяжении последних 20—25 лет ведется большая работа по созданию новой терминологии, главным образом на исконной основе с использованием адаптированных корейским языком китайских лингвистических единиц.

Непременным свойством термина считается также его лаконичность при обязательном соблюдении точности выражения. Однако лаконичность и точность далеко не всегда согласуются с требованием этимологической

ясности. Например, при создании новой терминологии в КНДР неэтимологизирующиеся китайские по происхождению термины заменяются исконными. Но новые термины производятся путем калькирования компонентов китайских единиц корейскими словами (например, чутхэк ‘жилой дом’ заменяют словосочетанием саллим + чип), что ведет к утрате лаконичности. Во вьетнамском языке термины, сконструированные из элементов ханьвьетского языка, как правило, лаконичные, но далеко не всегда обладают этимологической ясностью.

Все три свойства терминов так или иначе учитываются в сознательном терминотворчестве, но им может придаваться неравноценное значение. От того, какое из свойств терминологии считается главным, зависит и ориентация в терминотворчестве на тот или иной источник пополнения лексики.

Однако до сих пор речь шла главным образом о таких лексических источниках, которые существуют внутри страны (лексика автохтонного, старописьменного, классического языков, языка бывшей метрополии). В наше время, когда сложились и развиваются экономические, культурные, научные связи между всеми странами, идет также процесс интернационализации науки. Его результатом является формирование фонда интернациональной терминологии, которая все в большей мере воспринимается национальными языками в виде как прямых фонетических заимствований, так и косвенных — семантических калек. Проникновение в национальные языки терминов-интернационализмов носит объективный характер и имеет тенденцию к усилению, в связи с чем было бы нереалистичным пытаться приостановить его. В то же время заимствование интернациональной терминологии должно осуществляться в разумных пределах и не препятствовать раскрытию и развертыванию терминотворческих возможностей национальных языков.

Итак, в начале 60-х годов с полной ясностью выявились результаты и перспективы языковой политики, направленной на деколонизацию языковой жизни в освободившихся странах, на развитие автохтонных языков, которым предстояло заменить на разных уровнях общения языки бывших метрополий. Но оказалось, что попытка осуществить языковую деколонизацию с помощью одного из автохтонных языков, путем провозглашения его государственным или национальным вместо западноевропейского языка, вызывает недовольство этносов, для которых он не является родным, и создает напряженность в межнациональных отношениях. Мероприятия по развитию автохтонных языков, их обогащению лингвистическими средствами, и в частности направленные на пополнение лексики и терминологии, отражая рост национализма, во многих странах вылились в пуристические кампании, но созданные в тот период многие тысячи и десятки тысяч слов и терминов не принимались говорящими.

Таковы те не очень позитивные результаты независимой языковой политики в афро-азиатских странах, с помощью которой в государствах этих двух континентов, за редким исключением, не удалось окончательно решить столь важную проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андронов М.С.* Социолингвистические проблемы в индийском штате Тамилнаду // Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977.
2. *Гасратян М.А.* Положение курдов в современной Турции // Национальный вопрос в странах Востока. М., 1982.
3. *Косиков И.Г.* Влияние государства на этнические процессы в Камбодже (1953—1983): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
4. *Пучков П.И.* Этническая ситуация в Океании. М., 1983.

В.Ю. МИХАЛЬЧЕНКО

(РОССИЯ)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как известно, Российская Федерация является самой большой республикой бывшего СССР, в значительной степени повторяющей его национально-государственное устройство. В настоящее время происходит процесс формирования новой Российской Федерации (РФ): федеративный договор подписали 19 бывших автономных республик (кроме Чечни), возникли новые национально-государственные образования — Республики Адыгея, Ингушетия, Алтай, Хакасия; в 1993 г. принята новая Конституция РФ. Совершенно очевидна необходимость разработки для РФ новой национальной и языковой политики, так как в республиках и регионах РФ наблюдается недовольство ряда народов уровнем функционирования их языков. Конечно, языковые проблемы на территории РФ не так остры, как на территории республик бывшего СССР, отчасти вошедших в СНГ. Однако республики бывшего СССР и республики новой Российской Федерации, от 50 до 70 с лишним лет составляющие единое языковое пространство, видимо, еще длительное время будут иметь много типологически общего в культурном и языковом развитии. Поэтому, анализируя соотношение политики и языка в РФ, мы не можем абстрагироваться от соответствующих процессов в республиках бывшего СССР. Именно на их территории нередко разыгрываются, апробируются "сценарии" языкового развития, которые потенциально возможны и на территории РФ.

Специфика языковой ситуации в РФ определяется ее пестрым национальным составом¹. По данным переписи населения 1989 г., в РФ проживают 129 народов, в дополнительном списке названы еще 54 народа, соответственно примерно столько же и языков. Среди языков РФ — разные языковые семьи: тюркские, финно-угорские, иберийско-кавказские, монгольские, индоевропейские и другие языки. Большинство языков РФ являются младописьменными, так как письменность они получили лишь в советское время.

Одним из важных факторов развития национальных языков является

¹ Основные параметры современной языковой ситуации в России см. в работе [5].

способ расселения жителей разных национальностей, степень компактности проживания носителей языков, поскольку именно это определяет возможности применения языков в разных сферах общения. Так, в РФ по этому признаку выделяются три типа республик, в которых: 1) титульная нация составляет большинство населения (более 50% — Тыва, Чувашия, Кабардино-Балкарская Республика); 2) представители титульной нации составляют менее 50%, но не являются абсолютным меньшинством — Калмыкия, Мордовия, Татарстан, Удмуртия; 3) титульная нация составляет меньшинство — Карелия, Башкортостан.

Компактное расселение носителей языка создает реальные условия для развития национальной культуры, придания языку титульной нации статуса государственного. Наиболее неблагоприятные условия для функционирования языков обуславливает дисперсный характер расселения ряда национальностей: около 75% мордвы и татар, 45—50% карелов, лезгин, марийцев, чувашей, 30—40% башкиров, бурятов, коми, осетин, удмуртов расселены за пределами своих национально-государственных образований.

Основными тенденциями современной языковой жизни в РФ являются: 1) возрождение интереса к национальным языкам и национальным культурам; 2) возрождение прежних культурно-языковых традиций, в частности обусловленных религиозной ориентацией; 3) стремление расширить социальные функции национальных языков в разных сферах общения. Следует признать, что наряду с указанными плодотворными тенденциями наблюдаются деструктивные подходы, уводящие страну от опыта цивилизованных стран мира и мешающие рациональному преобразованию языковой действительности: 1) механический перенос западных концепций законов о языках без учета местных условий; 2) признание вопреки мировой практике верховенства языковых прав народа, нации над языковыми правами личности; 3) преувеличение значимости национальных языков, объявленных государственными, в жизни иноязычных языковых общностей. Как это ни парадоксально, очевидно, что стремление следовать опыту зарубежных стран нередко приводит к совершению "нецивилизованных" результатам (например, перенесение опыта языковой адаптации эмигрантов на иноязычные общности старожилов того или иного региона).

Основными проблемами национально-языкового развития в России, СНГ и — шире — на территории бывшего СССР являются следующие: попытки сознательного воздействия общества на язык (реформа функций языков через принятие и реализацию законов о языках); влияние языковых проблем на возникновение национальных конфликтов (использование языковой компетенции в политических целях); изменение приоритета разных типов двуязычия в пользу двуязычия с языком коренных (титульных) наций; смена культурно-языковой ориентации (изменение алфавитов и письменностей); языковая "экспансия" как в функциональном, так и в структурном аспекте. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Язык и национальные конфликты. Как известно, в тех многонациональных странах мира, где административное деление не совпадает с национально-языковым (США, Вьетнам), вероятность языковых конфликтов

намного ниже, чем в странах, где административное деление совпадает с национально-языковым (Индия, бывший Советский Союз, бывшая Югославия, Российская Федерация). Стремление к культурной автономии в последних нередко отождествляется с государственной независимостью, поэтому язык становится одним из показателей государственности, эпицентром национальной и политической борьбы. Так, в Молдове национальный конфликт начался именно с Закона о языках, объявления молдавского (румынского) языка государственным и перевода его на латиницу. В Эстонии в обострении отношений между эстонским и русскоязычным населением ведущую роль сыграло объявление эстонского языка государственным, а жителей, не знающих его, апартидами, лишенными прав на собственность, а также других гражданских прав. В Литве игнорирование языковых прав компактно проживающего польского населения поставило республику на грань территориального расчленения. Таким образом, в период пересмотра основ национальной политики фактически именно языковой вопрос широко используется в политических целях — для повышения социального статуса отдельных групп населения, следствием чего стало обострение национально-языковых отношений (Литва, Эстония, Латвия), военный конфликт (Молдова). В других государствах, например в республиках Средней Азии, начались процессы эмиграции русскоязычных специалистов высокой квалификации.

Надо сказать, что в формирующейся Российской Федерации не устраниены условия для возникновения национально-языковых конфликтов: 1) сохраняется традиционная национальная основа административного деления многонационального государства; 2) в РФ проходит та же языковая реформа, которая уже привела на территории бывшего СССР к упомянутым выше языковым конфликтам (в форме гражданского противостояния или же войны между разными регионами); 3) при проведении языковой реформы — разработке концепций законов о языке — не всегда учитывается соответствие этих концепций языковой ситуации в том или ином регионе. Следовательно, в РФ сохраняется возможность возникновения языковых конфликтов, поскольку остается возможность использовать язык в политических целях, наблюдается тенденция к вытеснению других, не имеющих статуса государственного, языков из разных сфер общения.

Сознательное воздействие общества на язык (реформа функций языков). До 1985 г. философы, социологи, этнографы, политики, языковеды уделяли много внимания процессам языкового единения, предполагающим знание языка межнационального общения. Не всегда учитывалось то, что основным средством языкового единения внутри нации является национальный язык. Совершенствование национально-языковых отношений в РФ, как и на всей территории бывшего Советского Союза, пошло по пути юридического регулирования языковой действительности².

Как известно, к языковому законодательству обычно прибегают

² Анализ законодательных актов с юридической и социолингвистической точек зрения см. в работах [1—4; 6].

многонациональные страны мира (Канада, Швейцария, Сингапур и др.). Реализация хорошо составленных законов о языках может упорядочить применение языков в сферах организованного общения (деловое устное и письменное общение, образование, средства массовой информации, книгоиздание и др.). Функционирование же языков в названных сферах, в свою очередь, влияет на совершенствование лексического состава, функциональных стилей и, в перспективе, других уровней этих языков.

Однако, как показывает опыт республик бывшего СССР, статус государственного языка, приданый языку титульной нации, очень часто служит политическим средством для вытеснения инонациональных жителей из "престижных" мест. Знание или незнание государственного языка дает возможность присваивать или не присваивать "титул" гражданина, а это, в свою очередь, ведет к возможности или невозможности приватизировать квартиру, приобрести собственность. Иначе говоря, процессы внедрения государственного языка в жизнь республик политизируются, язык становится средством изменения социального престижа разных слоев населения. Это опасные тенденции, ведущие к национальным и языковым конфликтам. Обычно ссылаются на практику зарубежных стран: иммигранты должны знать язык страны, в которой они поселяются. Однако к иноязычному населению республик СНГ и нового зарубежья это не относится: эти жители не въезжают в ту или иную республику, а проживают в ней определенное количество лет.

В 1992—1993 гг. в большинстве республик СНГ начался процесс реализации законов о языках. Совершенно очевидно, что наиболее реальным вариантом мирного разрешения языковых проблем является государственное двуязычие — знание и применение двух государственных языков: национального языка и языка межнационального общения. Однако ряд лидеров республик СНГ высказались против государственного двуязычия (Беларусь, Украина, Казахстан и др.). Так, С. Шушкевич заявил: "Я сделаю все, чтобы не допустить в Беларуси узаконенного государственного двуязычия" (Известия. 1992. 17 нояб.). Таким образом, становится ясным, что в понятие "язык межнационального общения" законодатели вкладывали всего лишь разрешение пользоваться им в сфере межличностного общения, хотя ясно, что эта сфера законодательному регулированию вообще не подлежит.

В РФ языковая ситуация спокойнее: 1) здесь имеются давние традиции использования русского языка; 2) нет таких претензий на резкое расширение функций государственных языков, как в других суверенных республиках бывшего Советского Союза. Законы о языках приняты или даже обсуждаются в 13 республиках РФ (Саха (Якутия), Чувашия, Тыва, Калмыкия, Татарстан, Коми, Мордовия, Дагестан, Бурятия, Удмуртия, Алтай, Хакасия, Марий Эл). Концепции законов о языках схожи с концепциями законов республик бывшего Советского Союза: законодательное закрепление статуса государственности для языка титульной нации с последующим расширением его социальных функций и распространением его знания в разных социальных группах. Специфика РФ состоит в том, что для ряда республик весьма актуально распространение знания языка, объявленного государственным, среди собственной,

титульной нации. В таких условиях особенно нереальны и чреваты национально-языковыми конфликтами предписания, обязывающие большинство населения овладеть языком меньшинства при том, что само это меньшинство недостаточно владеет своим языком. Наиболее реальным и приемлемым для республик РФ является "нулевой" вариант внедрения законов о языках. Это языковой компромисс, предполагающий бесконфликтное изменение языковых функций: среднее и старшее поколение спокойно заканчивает свою трудовую деятельность с наличествующим у них знанием языков, а изучение ими государственного языка поощряется морально и материально. Перед молодым, обучающимся поколением ставится четкая социальная перспектива: карьера, успешное продвижение по службе, языковой комфорт в будущем для них возможны лишь при знании государственного языка³.

Отсутствие общей концепции национальной политики, приемлемой на данном этапе исторического развития РФ, облегчает использование языковой реформы в политических целях. Языковая реформа иногда проводится без учета состояния языка, его функциональных потенций, без прогнозирования национальных конфликтов, которые могут возникнуть в связи с регламентированием языковой жизни общества. Языковая реформа, проводимая политиками, юристами, государственными службами, нередко игнорирует реальные возможности освоения государственного языка и социальные потребности в нем разных слоев населения. Долговременная взвешенная языковая политика подменяется конъюнктурными, временными политическими выгодами. Совершенно естественно такое произвольное обращение с речевой практикой народа вполне может привести к национальным конфликтам и "языковым войнам". Необходимо при составлении законов учитывать языковую ситуацию в соответствующем регионе, реальные функциональные возможности языков, ценностные ориентации их носителей. При реализации законов о языках необходим достаточный срок, а также сбалансированный учет как языковых прав титульной нации, так и языковых прав личности.

"Языковая экспансия". В связи с реализацией законов о языках наблюдается тенденция к распространению языков, получивших статус государственных, не только на свою, но и на чужую языковую общность, например на компактно проживающее в том или ином национально-государственном образовании иноязычное население. Такой подход лишает компактную национальную общность даже частичной культурной автономии, создает дискомфортные условия для применения родного языка в разных сферах общения. Видимо, необходимо реализовать те потенциальные возможности, которые обусловлены компактным проживанием жителей, не принадлежащих к титульной нации. Желание ускоренно распространить государственный язык на территорию таких компактных иноязычных сообществ создает условия для языковых конфликтов, потому что процессы вытеснения родного языка из разных сфер общения обычно проходят болезненно и воспринимаются как "языковая экспансия". Именно в таких случаях очень уместно в качестве языкового компромисса

³ Об этом см. подробнее [2; 3].

государственное двуязычие, т.е. наличие двух государственных языков в соответствии с республиканским и федеральным законодательством⁴. Наряду с культивированием государственных языков необходимо — по возможности — обеспечить применение в разных сферах общения родных языков компактно проживающего населения.

Таким образом, регионы компактно проживающего инонационального населения превращаются в районы распространения многоязычия (государственный язык РФ + государственный язык республики + язык компактного населения + иностранный язык). Видимо, утверждение о том, что общество стремится к одноязычию как к наиболее комфортному способу языкового существования, к многонациональным регионам неприменимо, так как здесь именно использование нескольких языков создает языковой комфорт, помогает избежать языковых конфликтов.

"Языковая экспансия" проявляется не только в функциональной сфере, но и в стремлении влиять на языковую систему чужого языка. Наиболее ярким примером "структурной языковой экспансии" являются предписания о том, как писать национальные топонимы на языке межнационального и международного общения: требование Эстонии писать по-русски слово *Таллинн* с двумя *н*, требование Киргизии писать по-русски *Кыргызстан*, а не *Киргизстан*. В Туркмении было принято специальное постановление Верховного Совета о правописании туркменских топонимов в русском языке, например *Ашгабат*. Таких примеров много: *Молдова*, *Беларусь*, *Башкортостан*, *Татарстан*, *Калмыкия* — *Хальмг Тангч* и др. В большинстве случаев такие требования приводят к серьезному нарушению основ русского правописания и произношения, например сочетания *кы*, *гы*, чуждые для русского языка (*Кыргызстан*), или же соединительная гласная *а* (*Беларусь*), противоречащая русской орфографии. Естественно, "структурная языковая экспансия" вызвана недостаточной филологической грамотностью законодателей и игнорированием имманентных законов языкового развития. В основе "языковой экспансии" также лежит преувеличение возможностей сознательного воздействия общества на язык, тем более на язык чужой языковой общности.

"Языковой нигилизм" определенной части населения той или иной республики проявляется в незнании или даже нежелании знать свой родной язык обычно из-за его "социальной непrestижности". Например, по данным переписи населения 1989 г., 50% карелов, 30% башкиров, коми, мордвы, удмуртов, 20—25% татар, марийцев, чувашей не считают родным язык своей национальности. За 1970—1989 гг. число не владеющих родными языками бурятов, коми, марийцев, татар, удмуртов, чувашей, якутов увеличилось в 2 раза, мордвы и карелов — в 1,5 раза. Для предпочтения русского языка родному языку существуют определенные объективные причины (его роль в межнациональном общении, культурные традиции, возможности получения на нем высшего образо-

⁴ Такое двуязычие юридически закреплено в большинстве республик РФ, принявших законы о языках, так как в них действует как местный, республиканский закон, объявивший государственным язык титульной нации, так и федеральный закон, объявивший государственным на всей территории РФ русский язык.

вания и т.д.). Однако совершенно очевидна необходимость овладения родным языком — языком национальной культуры того или иного народа.

Тенденции развития национально-языковой жизни в РФ свидетельствуют о стремлении ряда народов оформить собственную государственность со всеми ее атрибутами: гербом, государственным языком и т.д. Для успешного функционирования того или иного языка в качестве государственного необходимо, чтобы им владели целые социальные слои населения (государственные служащие, работники сферы обслуживания, сферы образования, культуры и др.). Таким образом, в многонациональных республиках РФ языковая проблема при оформлении атрибутов государственности становится всеобщей, поскольку она актуальна как для населения, плохо владеющего родным языком, так и для иноязычного населения той или иной республики. В многонациональных республиках стремление к созданию социальной потребности в использовании того или иного языка путем придания ему юридического статуса государственного языка чревато языковыми конфликтами. Вероятность национально-языковых конфликтов возрастает в тех случаях, когда форсируется реализация законов о языках или же когда функционально недостаточно развитый язык, которым не владеет даже значительная часть его носителей, навязывается представителям другого народа.

Возможны следующие варианты дальнейшего развития национально-языковых отношений в разных регионах РФ:

1. Взвешенный, реалистический вариант. В республиках, в которых принятые или же обсуждаются законы о языках, наряду с признанием государственным языка коренной национальности действует Закон РСФСР "О языках народов РСФСР". Таким образом законодательно закрепляется национально-русское двуязычие, что помогает плавно, постепенно повышать языковую компетенцию жителей в области применения государственного языка республики, поэтапно в соответствии с функциональной целесообразностью расширять его функции. Требование знания языков внедряется в жизнь при наличии достаточного срока для их освоения, путем постановки социальной перспективы перед обучающейся молодежью, а также путем повышения интереса иноязычного населения к культуре и языку местного населения. При таком варианте развития необходима хорошая материальная основа для обучения государственному языку (учительские кадры, учебники, словари, разговорники и т.д.). При соблюдении этих условий возможно бесконфликтное развитие национально-языковых отношений. Мы полагаем, что в подавляющем большинстве республик РФ наиболее вероятен этот сценарий развития национально-языковых отношений.

2. Экстремистский вариант "языковой экспансии", обусловленный националистическими, сепаратистскими настроениями, нежеланием реалистично оценить обстановку, учесть сложившиеся реалии, а также отчасти желанием использовать языковой вопрос в политических целях. Этот вариант предполагает установление жестких сроков введения в разные сферы общества государственного языка, игнорирование реальных социальных потребностей языкового сообщества, недостаточный учет языковых притязаний некоренных жителей, превалирование языковых прав

нации над языковыми правами личности. Этот вариант чреват языковыми и, возможно, — шире — национально-языковыми конфликтами со всеми вытекающими негативными социальными последствиями: столкновением интересов разных национальных групп, повышением уровня миграции, ущемлением языковых прав некоренных жителей и т.д.

Проблемы развития национальных языков и культур должны решаться самими национально-государственными образованиями. Любой диктат в этом вопросе федеральных властей может вызвать негативную реакцию. Централизованным может быть научное исследование национально-языковых отношений в России, их научное осмысление в контексте мирового процесса развития языков.

Напряженности национально-языковых отношений может способствовать недостаточное внимание федеральных и местных властей к развитию языков и культур малочисленных народов, а также народов, не имеющих своих государственных образований на территории РФ. Что касается других наций и народов, то федеральные власти в будущем смогут корректировать мероприятия, проводимые в республиках, следить за соблюдением прав личности, обеспечивать процессы языкового единения страны путем выполнения Закона РСФСР "О языках народов РСФСР". В отношении же малочисленных народов, а также и народов, не имеющих своей государственности на территории РФ, их языков и культур, видимо, этого недостаточно. Вряд ли местные власти смогут одни успешно справиться с задачей поддержки и развития языков и культур малочисленных народов, в частности с финансированием этих процессов.

Рациональное решение языковых проблем в многонациональной Российской Федерации возможно только в том случае, если республики и регионы не будут использовать законы о языках в политических целях, а языковая реформа будет проводиться поэтапно, с учетом сложившихся реалий и мирового опыта многонациональных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков А.Н. Некоторые замечания по поводу законов о языках // Рус. яз. в СССР. 1991. № 4.
2. Михальченко В.Ю. Языки народов СССР на современном этапе и правовое регулирование их функционирования // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.
3. Михальченко В.Ю. Законы о языках: социолингвистический аспект // Русский язык и литература в киргизской школе. 1991. № 3.
4. Михальченко В.Ю., Пиголкин А.С. Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
5. Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
6. Pigolkin A.S., Studenikina M.S. [Пиголкин А.С., Студеникина М.С.] Republican language laws in the USSR: A comparative analysis // Journal of Soviet Nationalities. 1991. Vol. 2, № 1.

В.Н. БЕЛОУСОВ

(РОССИЯ)

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ (1986—1992 гг.)

В истории русского языка как средства межнационального общения, пока еще не написанной, период второй половины 80-х годов до начала 90-х привлекает особое внимание исследователей. В течение очень короткого временного отрезка — менее семи лет — произошли поразительные по скоротечности и диаметральной противоположности переоценки роли русского языка как средства межнационального общения: звучавшие еще в середине 80-х годов официально-казенные панегирики в его адрес сменились через год-полтора весьма эмоциональными филиппиками с уничижительными характеристиками русского языка, с рассуждениями о вредности двуязычия вообще и национально-русского в особенности, однако уже в начале 90-х годов на смену им пришло более спокойное, трезвое и взвешенное признание того, что пока решить проблемы межнационального общения как в России, так и во многих странах ближнего зарубежья без помощи русского языка невозможно.

Причины столь быстрой смены оценок и настроений разнообразны, к тому же некоторые из них лишены каких бы то ни было лингвистических или социолингвистических оснований. Но если говорить по существу, то восстановление национально-ценностных ориентаций в духовной жизни людей совершенно закономерно поставило в центр общественного внимания родной язык как основу национальной культуры, как одно из важнейших средств выражения и сохранения национальной самобытности народа. Между тем состояние национально-языковых отношений в СССР к середине 80-х годов было явно неудовлетворительным. Более того, существовавшая в то время практика сокращения сфер применения родного языка и как следствие сужение его функциональных возможностей, снижение социального престижа некоторых родных языков, неудовлетворительное преподавание и изучение, низкий уровень культуры родной речи — все это обусловило необходимость принятия быстрых и энергичных мер. Культивировавшееся ранее представление о беспроblemном сосуществовании родных языков и русского языка как средства межнационального общения показало свою полную несостоятельность.

Признание этого факта, казалось бы, должно было побудить общество немедленно приступить к трудной, кропотливой, рассчитанной на длительный срок работе по возрождению родных языков — там, где это действительно требовалось. Но пока лингвисты на своих многочисленных конференциях и совещаниях убеждали друг друга в очевидном и искали пути решения существующих проблем, инициативу перехватили те, чьи профессиональные интересы прежде были далеки от языкоznания и национально-языковых отношений, что, впрочем, не мешало им высказываться весьма хлестко и безапелляционно. Прекрасно осознав

значение языка в процессах национальной консолидации, политиканы, возомнившие себя лингвистами, и невежды, возомнившие себя политиками, избрали самый легкий, хотя и единственno доступный им, путь — путь развещивания ярлыков. Какими только эпитетами не был "увенчан" русский язык во второй половине 80-х годов — это и "имперский язык", это и "язык тоталитаризма", это и "язык оккупантов". Договорились до того, что "на русском языке практически невозможно выразиться точно, объективно, терминированно: сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, приходится сплошь и рядом заимствовать иностранную лексику... Русский язык — стихия столкновения позиций, игры амбиций и страсти, самовыражения и самоутверждения... Этот язык не ориентирован на объективную истину — [5, 9]. Комментарий к такого рода "откровениям" находится за пределами компетенции лингвиста, требуется помочь другого специалиста.

Наряду с такими неуклюжими попытками дискредитировать русский язык как средство межнационального общения были использованы и другие способы. В течение нескольких лет со страниц многих периодических изданий, а также в устных выступлениях иных деятелей культуры и просвещения усиленно внушалась мысль о вредности двуязычия, о его пагубном влиянии на развитие родного языка и духовное обогащение нации. Так, например, в 1989 г. по инициативе Общества украинского языка им. Т.Г. Шевченко была проведена республиканская конференция по проблемам двуязычия. «Освещая различные стороны функционирования на территории нашей (тогда еще УССР. — В.Б.) республики украинского и других языков народов СССР, участники конференции давали отрицательную оценку национально-русскому двуязычию, которое в резолюции данной конференции было охарактеризовано как "политически вредное" и "научно несостоятельное". С этой оценкой, очевидно, перекликается и высказанное народным депутатом СССР, секретарем правления Союза писателей УССР Б.И. Олейником в его выступлении на Съезде народных депутатов мнение, согласно которому двуязычие рассматривается как проявление двоедушия» [3, 5].

Разумеется, во второй половине 80-х годов высказывались и иные оценки двуязычия, роли русского языка как средства межнационального общения, ориентированные не на конъюнктурный спрос, а на реальности многонационального государства и опирающиеся на объективные социолингвистические данные. "Как свидетельствует весь мировой опыт многонациональных стран, двуязычие и многоязычие — необходимый и практически единственный путь решения проблемы преодоления языковых барьеров и обеспечения общения между собой всех членов общества, говорящих на разных языках", — писал чл.-кор. РАН В.М. Солицев [8, 14—15]. Такого же мнения придерживалось и большинство специалистов-лингвистов, да и просто здравомыслящих людей, которых нельзя обвинить ни в "имперском мышлении", ни в национальном нигилизме.

Исследователь истории русского языка как средства межнационального общения не сможет оставить вне поля зрения и активные процессы

языкового законотворчества, охватившие во второй половине 80-х годов всю территорию бывшего СССР. Принятые в этот период во многих республиках законы о языках вместо улучшения национально-языковой ситуации способствовали увеличению количества межнациональных конфликтов, обострению проблемы взаимоотношений языка межнационального общения и родного языка, поскольку нередко законодательная регламентация сфер использования языков не была согласована с их функциональными возможностями и социальными потребностями носителей. Остались невостребованными и неучтенными предупреждения специалистов об опасностях лингвистического радикализма и эйфории по случаю придания тому или иному языку статуса государственного. Так, например, киргизский социолингвист А. Орусбаев писал: "Следует трезво взвесить нынешние внутриструктурные и функциональные возможности государственного языка, с одной стороны, и четко представить этноязыковую, языковую и демографическую ситуацию в республике — с другой. Эти факторы вместе с идеологической, финансовой и кадровой прерогативами и будут определять функциональную стратификацию родного языка и языка межнационального общения" [6, 47]. В какой степени учтены эти факторы в законах о языках? Об этом можно судить по потоку переселенцев, прежде всего специалистов, из бывших республик СССР. Кстати сказать, действия по резкому сужению сфер использования языка межнационального общения создали благоприятную почву для внутринациональных конфликтов на языковой основе.

Само собой разумеется, сейчас еще рано подводить итоги, но, обращаясь к тем годам, которые были метко названы "эпохой филологических войн", некоторые предварительные выводы я все же попытаюсь сделать:

1. Трезвая оценка языковой ситуации в стране и осложнение национально-языковых отношений в обществе побудили специалистов пересмотреть ранее сформировавшиеся представления о роли и месте русского языка в многонациональном государстве, обратить особое внимание на расширение лингвистических исследований по проблемам русского языка как средства межнационального общения и всерьез заняться созданием банка социолингвистических данных по национально-русскому двуязычию.

2. Обращают на себя внимание негативные последствия четко проявившейся во второй половине 80-х годов тенденции заменить прежнюю идеологизацию проблемы "Русский язык как средство межнационального общения" ее политизацией. Не вызывают сомнений необходимость и правомерность отказа от бытовавших ранее формул типа "русский язык — язык социализма", "русский язык — второй родной язык", но решительное возражение вызывает стремление представить дело таким образом, будто употребление русского языка в межнациональном общении — это кратчайший путь к русификации всех граждан государства.

3. Анализ последствий принятия законов о языках в республиках показал, что поспешное решение национально-языковых проблем, без предварительной всесторонней лингвистической, социо- и психолингвистической их проработки, не способствовало стабилизации многонационального сообщества.

4. Сужение сфер функционирования русского языка как средства межнационального общения в иноязычных республиках, закрытие школ с русским языком обучения, значительное сокращение количества часов, отводимых на изучение русского языка в национальных школах способствовали обострению межнациональных конфликтов и стимулировали появление внутринациональных конфликтов на языковой почве.

5. Хотя рационалистические подходы к функционированию русского языка как средства межнационального общения начали складываться сравнительно недавно, именно эти подходы будут развиваться и далее, поскольку базируются они не на призывах к языковому единению и языковой толерантности, а на реальностях многоязычного сообщества, на объективных (и субъективных) потребностях его членов. Поэтому у меня нет сомнений в будущности русского языка как средства межнационального общения.

Сейчас уже довольно много сказано о том, что отсутствие продуманной национально-языковой политики — научно обоснованной, органично сочетающей языковые права личности и потребности многонационального государства — самым пагубным образом отразилось на родных языках народов нашей страны, на языке межнационального общения (а также, замечу в скобках, и на судьбе самого государства). В значительно меньшей степени осмыслены потери, обусловленные недостаточностью собственно лингвистических исследований русского языка как средства межнационального общения в самых разных аспектах.

Как известно с давних пор, язык не может быть идентичным самому себе на всей территории распространения даже в том случае, если функционирует в среде исконных носителей. Это утверждение справедливо в еще большей степени, если язык вышел за пределы этноса. Функционирование того или иного языка, в нашем случае русского, в иноязычном окружении, использование его в качестве средства межнационального общения, представление в языковом сознании конкретных людей как о неродном языке — все это приводит к появлению специфических элементов в фонетике, лексике, грамматике и семантике соответствующего языка. А отсюда и вполне уместный вопрос о причинах несовпадения понятий "русский национальный язык" и "русский язык как средство межнационального общения". Вопрос этот возникает еще и потому, что существующие лингвистические исследования по проблемам функционирования русского языка в иноязычном окружении объясняют различия данного языка в разных регионах одной лишь интерференцией. Однако отрицание или, напротив, признание реально существующего регионального варьирования русского языка, объяснение нарушений норм русской речи нерусскими обычным искажением или незнанием — все это в любом случае требует ответа на вопрос о лингвистической природе языка межнационального общения и его соотношения с русским национальным языком.

И все же проблема выявления сущностных лингвистических характеристик русского языка как средства межнационального общения до сих пор, несмотря на многолетние разыскания в этой области, все еще принадлежит к числу нерешенных, хотя очевидна ее актуальность как

в теоретическом отношении, так и для практических действий по оптимизации обучения неродному языку в объеме, обеспечивающем коммуникативную компетенцию. С решением этой проблемы непосредственно связано также исследование разных уровней структуры языка межнационального общения, изучение результатов и форм межъязыковых контактов, рассмотрение процессов взаимодействия языка межнационального общения и национальных языков в условиях конкретных типов дву- и многоязычия, ареальная характеристика русской речи нерусских по отношению к кодифицированному русскому языку и т.д. Наконец, это даст ответ и на вопрос о правомерности признания неисконной русской речи одной из форм существования русского языка, как это делает Ю.Н. Каулов [4, 9].

Однако размышления о правомерности наделения таким статусом неисконной русской речи (под неисконной русской речью понимаются совокупность текстов, как письменных, так и устных, произведенных людьми, для которых русский язык не является родным) вызывают некоторые сомнения. Остановлюсь лишь на одном из них. Как известно, неисконная русская речь неоднотипна, она имеет очень различающиеся качественные характеристики, обусловленные многими причинами, в том числе уровнем владения языком, степенью влияния родного языка, различными экстралингвистическими причинами. Но если мы услышим в одной из псковских деревень фразу *Изсерим вену сараковку ун пылну дену бродиям по канавам*, что в переводе (!) на русский язык значит *Выпьем одну четвертинку и целый день бродим по канавам*, достаточно ли у нас оснований считать это "одной из форм существования русского языка"? Или другой пример из текста, записанного в дер. Рухово Стародорожского района Минской области как образец русской речи жителей деревни: "*Кагдá у нас у дз'арéун' и сгарéл клуп, маладз'ёш у гбрат падалáс'*" [7, 42]. Можно было бы еще привести примеры того, как говорят на русском языке те, для кого этот язык неродной, но дело не в количестве. Ясно, что следует говорить о некоей шкале неисконной русской речи, на разных полюсах которой находятся, с одной стороны, русская речь нерусских с минимальным уровнем владения языком межнационального общения, с другой — с высоким уровнем, характеризуемым как свободное владение языком. Кроме того, необходимо также иметь в виду, что специфические элементы в фонетике, грамматике, лексике и семантике русского языка, функционирующего в иноязычном окружении, появляются не только у билингвов, но и у русских, живущих в тех же регионах. Поэтому кажется вполне закономерным вопрос: каковы предельно допустимые уровни (качественные и количественные) этого своеобразия, позволяющие квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как русский язык, а не некий пиджин (точнее, целый ряд пиджинов).

Наблюдения последних лет показывают, что в языке межнационального общения, который продолжает функционировать в этом качестве не только в России, но и за ее пределами, в так называемом ближнем зарубежье, значительно увеличивается количество этих самых

специфических черт, обусловленных прежде всего родным языком билингва. "Нормы русской литературной речи в национальных регионах на современном этапе складываются весьма своеобразно и не могут быть определены только в категориях "правильное—неправильное..." Сдвиг в нормах оказался особенно ощутимым в последние годы: ориентация на национальный язык и формы его выражения проявляется в широком калькировании слов, их значений, словосочетаний, в отказе от адаптации грамматических форм и проч. Клишируясь и используясь как стереотипы, они придают русскому языку иное стилистическое измерение. Это не орнамент, а структура содержания, обусловленная широкой интерференцией" [2, 132—133]. Сходная картина наблюдается и в России: "...так называемый национальный "акцент" в Дагестане овит неким ореолом сакральности, деликатности, неприкасаемости, возведен чуть ли не в ранг этногенотипного признака: не принято указывать на наличие в русской речи билингва имярек акцента, это негласно принятые и свято соблюдаются табу» [1, 132—133].

Такое отношение к языку межнационального общения вызывает, мягко говоря, недоумение, поскольку пока употребление русского языка в этом качестве достаточно широко, а в некоторых сферах даже отмечается тенденция роста. Поэтому есть все основания полагать, что проблема выявления сущностных лингвистических характеристик русского языка как языка межнационального общения продолжает оставаться актуальной*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев А.А. Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Махачкала, 1992.
2. Грановская Л.М. О стилистических нормах русского языка в условиях азербайджанско-русского двуязычия (художественный текст и язык переводов) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.
3. Ижакевич Г.П. Национальное и интернациональное в языковой жизни народов СССР // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев. 1989. № 12.
4. Карапулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". М., 1991.
5. Кульчинский Г. Безъязычная гласность // Век-XX и мир. 1990. № 9.
6. Орусаев А. К проблеме функциональной стратификации родного языка и языка-макропосредника // Тезисы докладов VI Всесоюзного координационного совещания руководителей отделов и секторов русского языка АН союзных республик и филиалов АН СССР. Минск, 1990.
7. Русский язык в Белоруссии. Минск, 1985.
8. Солнцев В.М. Ответы на анкету // Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. М., 1989.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ.

Б.П. НАРУМОВ

(РОССИЯ)

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА, ЭТНОСА И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Для Пиренейского полуострова соотношение языка, этноса и государственности характеризуется значительной изменчивостью и асимметрией, что обусловлено особенностями исторического развития пиренейских народов и государств. В настоящее время на территории полуострова расположены два государства, Испания и Португалия, но имеются пять официально признанных языков: испанский (кастильский), португальский, баскский, каталанский и галисийский. К ним следует добавить астурыйский, арагонский и аранский (аранский говор гасконского диалекта в долине Аран, Каталония), а также цыганский язык, которые не имеют официального статуса. Исследование внешней и внутренней истории всех этих языковых образований в плане генетической филиации, в плане соотношения территориального диалекта и литературного (стандартного) языка и, наконец, в плане соотношения литературных языков и национально-государственных образований выявляет сложную картину взаимоотношений между ними, характеризующихся особой динамичностью и свидетельствующих о незавершенности лингвоэтнических процессов на Иберийском полуострове.

Как отмечает испанский исследователь А. Карретеро-и-Хименес, в истории полуострова диалектически взаимодействуют две антагонистические тенденции: дифференциация испанских национальностей и взаимодействие между ними, которое ведет к созданию национального единства высшего порядка; этому соответствуют и две основные политические тенденции: унитарная и централистская, с одной стороны, и плюралистическая и федералистская — с другой [11, 234, 246]. Региональный партикуляризм, уходящий корнями в доримскую эпоху [10, 15], приглушался в периоды существования унитарных государств (вестготская монархия, абсолютная монархия Бурбонов, режим Франко), но проявил себя в полной мере в период Реконкисты (VIII—XV вв.) и после 1975 г. в процессе перехода от тоталитарного к демократическому государству с федеральной структурой. С социально-политическими процессами тесно связаны дифференциация языков и этносов и установление определенных иерархических отношений между различными языковыми образованиями (лингвемами*). Вопрос о числе иbero-романских языков (как и романских языков в целом) и об их соотношении с определенными социумами (социалемами) находится в настоящее время в центре внимания романской социолингвистики по причине оживления этнолингвистических процессов

* Вслед за В.К. Журавлевым [1] мы пользуемся общими терминами "лингвема" и "социалема" для обозначения любых языковых образований и соответствующих языковых коллективов независимо от их социального статуса.

в романских странах, приводящих к тому, что все новые и новые лингвемы, считавшиеся ранее диалектами, стремятся приобрести статус языков. Как заметил испанский лингвист А. Товар, в XVIII в. любой сказал бы, что на Иберийском полуострове существует только два языка: испанский и португальский [23, 9]. В настоящее же время только романских языков там выделяется не менее семи, при этом отличительные черты южных диалектов испанского языка перестают рассматриваться только как диалектные, субстандартные, и возводятся в ранг отличительных черт южного (атлантического) варианта испанского языка, существующего наряду с северным вариантом и связанным с особым типом этноса и культуры (Андалузия). Таким образом, языковая история Испании не может быть представлена как односторонний процесс стирания диалектных различий и все большего распространения стандартного языка. Наряду с дифференциацией испанского литературного языка, возникновением его региональных вариантов, примерно с середины XIX в. наблюдается возрождение региональных языков (прежде всего каталанского, затем галисийского), создание новых языковых стандартов на основе сохранившихся диалектов и средневековой письменной традиции.

Если Португалия является собой гомогенное в языковом отношении государство, в котором представлена идеальная ситуация "один литературный язык — ряд территориальных диалектов", то в Испании ситуация намного сложнее. В настоящее время это государство состоит из 17 автономных областей, из которых лишь немногие лишены языковых проблем. Для ряда областей характерно официальное двуязычие: в них наряду с общегосударственным испанским языком являются "коофициальными" галисийский в Галисии, баскский в Эускади (Стране Басков) и каталанский в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах. Астурецкий в Астурнии и арагонский в Арагоне не имеют статуса официального языка, но существуют довольно интенсивные движения в защиту этих языков, и делаются попытки укрепить их позиции в системе образования и в средствах массовой информации. Процесс "возрождения" этих языков начался примерно в начале 70-х годов нашего века и усилился после падения авторитарного режима Франко, для которого была характерна унитарная, централистская политика в национально-языковом вопросе. Насколько обоснованы стремления возродить региональные языки, какие этнические общности стоят за ними, существует ли единая испанская нация или есть только совокупность отдельных испанских наций (и национальностей?) — вокруг этих вопросов в испанской научной литературе и публицистике ведутся ожесточенные споры.

В классическом сравнительно-историческом романском языкоznании проблема соотношения "язык—диалект" решалась крайне непоследовательно, в основном с опорой на внутрилингвистический критерий сходства и различий между близкородственными лингвемами. Поэтому в течение долгих лет велись изнурительные и бесплодные споры о том, является ли, например, галисийский отдельным языком или диалектом, а если диалектом, то какого языка: испанского или португальского, или о том, является ли каталанский самостоятельным языком или это диалект провансальского (окситанского) языка. Лишь учет социолингвистических

критериев, рассмотрение каждой лингвемы в непосредственной связи с историей ее социалемы позволяет увидеть, что категории "язык" и "диалект" — исторические категории и соотношение между ними обусловлено не только генетическими связями, но и социальной иерархией их носителей. На протяжении веков число "языков" и "диалектов" на Пиренейском полуострове неоднократно менялось: одни лингвемы возвышались до ранга языков, обретая письменную форму, другие же, теряя ее, низводились до положения диалектов. Поэтому соотношение языка, этноса и государственности может быть правильно понято, если мы обратимся к истории этнолингвистических и социальных процессов.

Известно, что к моменту завоевания Иберийского полуострова римлянами этнический состав населения был очень неоднородным. Результатом римского господства была полная романизация полуострова, за исключением Басконии, и установление так называемого языкового континуума, иными словами, отсутствие четких границ между диалектами в испанской латыни, хотя диалектные различия, несомненно, были значительны. Ведь римское господство, хотя и приучило народы к совместной жизни, не привело к стиранию различий между ними; несмотря на наличие общего названия *hispani*, *hispanienses*, которое получили жители испанских провинций к I в. н.э., этническое единство не было достигнуто ни в римскую эпоху, ни позже [8, 35, 36; 12, 121]. Языковой континуум на полуострове сохранялся в первые века нашей эры и после распада Римской империи, в период вестготской монархии (VI—VII вв.), когда полуостров был единым в политическом отношении. Континуум был нарушен в 711 г. в результате вторжения арабов и раз渲ала вестготской монархии. На севере полуострова образовался ряд самостоятельных христианских государств, каждое из которых собственными силами отвоевывало южные территории у арабов. По мнению П. Боска-Жимперы, в процессе обратного отвоевания (Реконкисты) репродуцировались древние дороманские этнические ядра, границы которых почти математически воспроизвели границы расселения древних племен [8, 36]. Несмотря на общность религии и общий письменный язык (латынь), в течение многих веков жители христианских государств не имели общего имени и называли себя галисийцами, астурийцами, кастильцами, наваррцами и т.д. По мнению некоторых испанских лингвистов, название *hispanioli* было впервые применено к испаноготам, бежавшим на юг Франции после вторжения мусульман; оно проникло на полуостров вместе с франкскими иммигрантами лишь в конце XIII в. [12, 13, 14, 22]. Таким образом, название жителей Испании *espaoles* является иностранным по происхождению и свидетельствует о том, что в средние века сами испанцы не ощущали необходимости иметь общий этноним.

Когда наряду с использованием латыни стали складываться новые письменные традиции на основе романских диалектов, то поначалу их число было значительным: галисийская, леонская, кастильская, арагонская, наваррская, каталанская. Все разновидности романской речи в эпоху возникновения первых письменных памятников рассматривались как одинаково престижные [5, 38]. Следует отметить, что первые памятники "испанского" языка — Эмилианские и Силосские глоссы — отражают черты арагоно-наваррского, а вовсе не кастильского диалекта, легшего в основу

общеиспанского литературного языка [13, 104]. Однако из названных письменных традиций лишь галисийская (вернее, галисийско-португальская), кастильская и каталанская продолжали непрерывно развиваться вплоть до наших дней, дав современные литературные языки: галисийский, португальский, кастильский, каталанский. Другие же традиции (леонская, арагонская, наваррская) угасают к исходу средних веков, испытав на себе раннее влияние кастильской письменной традиции в силу ведущей роли Кастилии в Реконкисте и в объединении христианских государств.

Наследником вестготской монархии считается Астуро-леонское королевство, которое первоначально включало в себя исторические области Астурию, Галисию и Леон. Языковая ситуация в этом королевстве была достаточно сложной. Первоначально королевский двор находился в Астурии (г. Овьедо), затем переместился в Леон, после чего Астурия оказалась в изолированном положении, сохранив свою языковую самобытность до наших дней. Область же Леон никогда не отличалась языковой и культурной оригинальностью. Хотя после известной работы Р. Менендеса Пидаля [17] в ibero-романском языкоznании употребляется термин "леонский диалект", в действительности такой диалект как "инструмент всеобщей коммуникации" никогда не существовал [20, 58] и в средние века ни один народ не называл себя леонцами; и в настоящее время в автономной области Леон этническое самосознание выражено очень слабо [12, 198]. Поэтому, хотя во многих литературных памятниках лингвисты находят леонские особенности, после объединения Астуро-леонского королевства с Кастилией разновидности леонского были ограничены сферой устного общения, а на письме с середины XIV в. получили распространение кастильские образцы [5, 49], и к концу XV в. кастилизация письменного узуса полностью завершилась.

В Астурии в XIII—XIV вв. деловая документация велась на астурском, но, как и в Леоне, во второй половине XIV в. началась кастилизация письменного узуса, завершившаяся в XV в. [9, 161]. Астурский диалект — это так называемый стационарный диалект; иными словами, он является непосредственным продолжением латыни на территории Астурии; его нельзя считать в генетическом плане производным от кастильского диалекта, поскольку изначально и кастильский, и астурский диалекты развивались независимо друг от друга, и лишь сведение их в единую социолингвистическую ситуацию создало условия для установления иерархических отношений между ними, так как на основе кастильского диалекта развился литературный язык, а астурский диалект, будучи ограничен сферой устного общения и художественной литературы локального значения, подвергся контаминации влиятельному кастильскому и потерял свою самостоятельность. К настоящему времени в Астурии сохранился ряд говоров, число носителей которых достигает 360 тыс. человек, что в 1985 г. составляло около 30% всего населения автономной области Астурия. Опросы населения показывают, что национальное самосознание астурийцев сохранилось достаточно хорошо [22, 67]. Осознается и отличность астурийского языка; так, в 1985 г. 72% опрошенных заявили, что астурийский не может считаться диалектом испанского языка [7, 169, 170]. В 1981 г. была создана Академия асту-

рийского языка с целью выработки норм литературного языка и введения его в систему школьного преподавания; в настоящее время астурийский преподается в нескольких десятках школ. Нормы современного языка ревнителями диалектных традиций критируются за их искусственность, за их наддиалектный характер, в результате чего они оказываются чуждыми всем носителям астурийских говоров. Однако такова вообще судьба молодых романских языков, создающихся с целью спасения культурного и языкового наследия этносов, не имеющих своей государственности или имеющих ее в ограниченных пределах. Чтобы спасти умирающие говоры, приходится конструировать искусственный язык, приспособленный для функционирования в современном обществе, и только такой язык имеет какие-то шансы на выживание.

Сходная ситуация наблюдается в соседней Галисии, хотя там положение местного языка намного более прочное. Этническая и культурная обособленность галисийцев, ведущих свое происхождение от древних племен галаиков, никогда и никем не подвергалась сомнению. Однако уже с самого начала Реконкисты Галисия входила в состав Астурийского (позже — Астуро-леонского) королевства и вместе с последним вошла в состав кастильской короны в первой половине XI в. Формально оставаясь королевством, Галисия к концу XV в. полностью потеряла политическую самостоятельность и стала частью единого испанского государства. Это обусловило постепенное угасание письменной галисийской традиции и замену ее кастильской; в сфере устного общения галисийские говоры сохранили свои позиции до наших дней, однако подверглись сильному влиянию со стороны кастильского языка. Образовались смешанные типы речи (кастропо и чапуррао), в то время как "чистые" говоры сохранились лишь в некоторых глухих деревнях среди представителей старшего поколения. Неудивительно поэтому, что современный литературный галисийский язык, явившийся в основном плодом усилий сотрудников Института галисийского языка, основанного в 1971 г. в г. Сантьяго-де-Компостела, также носит как бы "искусственный" характер, поскольку создавался путем сравнения многочисленных диалектных вариантов и выбора наиболее распространенных и престижных из них.

В настоящее время для Галисии характерны два прямо противоположных языковых процесса [14, 241, 242; 16, 10; 21, 181]. Основной процесс — это замена галисийского кастильским в сфере бытового общения, в которой стандартный вариант галисийского языка пока не употребляется. Противоположный процесс — это интенсивное распространение стандартного галисийского языка (официального языка автономной области Галисия) в сферах официального общения: в парламенте, на радио и телевидении, в системе школьного и высшего образования. Создается парадоксальная ситуация: коренной язык Галисии в его стандартизированном виде завоевал прочные позиции в официальной сфере, и в то же время его традиционные формы существования — говоры и смешанные кастильско-галисийские виды просторечия — уходят из бытовой сферы, заменяясь кастильским.

В случае с галисийским языком ситуация осложняется существованием родственного ему португальского языка. В 925 г. на южной окраине

Галисии образовалось графство Португалия, которое вело в дальнейшем Реконкисту, исключив из участия в ней Галисию. Галисийские говоры, распространяясь на юг и взаимодействуя с мосарабскими говорами, положили начало португальским диалектам. Таким образом, "колониальные" португальские диалекты с генетической точки зрения являются производными от стационарного галисийского диалекта. Окончательное разделение галисийского и португальского обычно относят к середине XIV в. В современной Галисии существует довольно сильное движение так называемых реинтеграционалистов, стремящихся придать ретроспективный характер языковой политике. Поскольку, по их мнению, современный галисийский язык подвергся сильному влиянию кастильского, то ему грозит полное растворение в последнем; поэтому они считают необходимой реставрацию изначальной близости галисийского к португальскому, предлагая рассматривать и тот и другой язык, а также бразильский вариант португальского как варианты единой "галисийско-португальской диасистемы". Действия реинтеграционалистов представляют собой удивительный пример манипулирования абстрактными категориями структурной лингвистики (вариант — диасистема) в определенных политических целях, при этом полностью игнорируется этническое самосознание галисийцев, которые очень часто противопоставляют себя португальцам (подробнее о ситуации в Галисии см. [3]).

Если обратиться к северо-восточному ареалу Иbero-романии, то и здесь мы обнаружим значительную асимметрию между языковыми и этническими общностями и государственными образованиями. Автономная область Арагон трехъязычна. Языком большинства населения является региональный вариант испанского; на границе с Каталонией насчитывается около 40 тыс. каталаноязычных, а в Верхнем Арагоне (провинция Уэска) сохранились архаичные арагонские говоры, на которых говорят около 30 тыс. человек, или 4,68% всего населения области [19, 139, 140]. В средние века арагонский использовался в деловой письменности, но кастильское влияние проявилось очень рано, и к началу XVI в. завершился переход на кастильский. Средневековый письменный язык резко отличался от верхнеарагонских говоров, которые и в современном состоянии архаичнее средневекового языка [6, 17]. В XIX—XX вв. получила некоторое распространение диалектная художественная литература исключительно локального характера. В настоящее время верхнеарагонские говоры бытуют исключительно в сельской местности среди стариков старше 75 лет и осознаются не как отдельный язык, а как совокупность обозначений специфических реалий сельского быта [18, 280—282]. В статуте автономии Арагона говорится лишь о защите различных языковых разновидностей и нет эксплицитного упоминания об "арAGONском" языке. Несмотря на это и на реликтовый характер арагонских говоров, в Арагоне также возникло движение в среде интеллигенции за "возрождение" арагонского языка. Систематически арагонский не преподается нигде, есть лишь факультативные курсы. Выработанный арагонскими филологами языковой стандарт с удивительной легкостью был воспринят большинством пишущих, что свидетельствует о наличии общей воли к реставрации языка [15, 431].

Итак, в случае с арагонским мы имеем дело с попыткой создания фактически нового языка на основе говоров, которые ранее никогда не лежали в основе какого-либо литературного языка. Вполне объяснимо стремление филологов и писателей спасти арагонскую языковую самобытность, но также очевидно и то, что новый язык не соотносится с каким-либо определенным этносом и перспектива приобретения им официального статуса остается неясной.

Автономные области Каталония, Валенсия и Балеарские острова, в которых официальным наряду с кастильским является каталанский язык, никогда не образовывали отдельного, независимого и гомогенного в языковом отношении государства. В середине XII в. завершается становление средневековой Каталонии. В 1137 г. произошло ее слияние с Арагонским королевством в целях объединения усилий для дальнейшего ведения Реконкисты. Двуязычие арагонской монархии способствовало раннему проникновению кастильского языка в страны каталанской речи. В 1244 г. завершилось отвоевание у мусульман Валенсии, которая заселялась как каталонцами, так и арагонцами, что обусловило изначальный языковой дуализм этой области. Напротив, Балеарские острова, завоеванные в 1229—1235 гг. и заселенные выходцами из Каталонии, до наших дней остались наиболее гомогенной в языковом отношении областью благодаря своему изолированному положению. Хотя жители Валенсии и Балеарских островов считали себя первоначально каталонцами, средневековый партикуляризм не позволил развиться чувству языкового и этнического единства в трех каталаноязычных областях. В результате их вхождения в общеиспанское государство после объединения Кастилии и Арагона в 1479 г. мощная средневековая письменная традиция на каталанском постепенно замирает, хотя и не прерывается совсем, и начинает возрождаться лишь с середины XIX в.

Несмотря на то что большинство каталонских филологов отстаивает единство литературного языка, представленного в виде нескольких территориальных вариантов, нередко идея единого языка встречает возражения прежде всего со стороны националистически настроенной валенсийской интеллигенции, которая стремится обосновать существование независимого валенсийского языка. При этом приходится прибегать к фальсификации истории: валенсийский язык представляется как результат автохтонного развития языка валенсийских мосарабов, на который в качестве суперстрата наложился каталанский. Это свидетельствует о том, что там, где нет единой государственности и отсутствует стремление создать ее, могут появиться сепаратистские тенденции и в языковом вопросе. Фактически единому каталанскому языку не соответствует единая "каталанская нация", и если в статутах автономии в Каталонии и на Балеарах местный язык именуется каталанским, то в Валенсии он носит официальное название валенсийского (подробнее о ситуации в Каталонии см. [2]).

В заключение скажем несколько слов о языковой ситуации в Андалузии и Стране Басков. Южные диалекты испанского языка — андалузский, мурсийский, эстремадурский, канарский — обладают рядом общих структурных черт и противостоят североиспанскому типу речи. Региональное самосознание наиболее ярко выражено в Андалузии. В древности этот

регион характеризовался определенным этническим единством и резко противопоставлялся остальной части полуострова [10, 133, 155]; в настоящее время осознание своей культурной самобытности сопряжено у андалузцев с высоким престижем андалузского диалекта. Исследования андалузских социолингвистов показали наличие у андалузцев сильного этнического самосознания и высокой оценки отличительных черт андалузской речи, которые нормально присутствуют даже в речи городской интеллигенции. Однако языковой экстремизм, выразившийся в попытке создания особого языка андалусий, успеха не имел. В данном случае языковая самобытность проявляется в ориентации на нормы (пока стихийного характера) южного, а не северного варианта испанского языка (подробнее о ситуации в Андалузии см. [4, 136 и след.]).

Баскский язык является официальным наряду с испанским в автономной области Эускади (провинции Гипускоа, Бискайя и Алава). В истории никогда ранее не существовало единого баскского государства, несмотря на четко выраженное национальное самосознание. До создания в 1968 г. литературного языка "батуа" баскский был представлен лишь рядом диалектов, настолько отличных друг от друга, что это препятствовало взаимопониманию. На баскских диалектах говорит около 0,5 млн человек; ареал их распространения занимает лишь треть территории автономной области. В настоящее время обучение литературному языку введено на всех уровнях образования, начиная с детских садов, причем его активно изучают и те баски, для которых родным является испанский язык.

Краткое рассмотрение языковых ситуаций в некоторых регионах Пиренейского полуострова показывает их удивительное разнообразие. Переход Испании к федеративному устройству сопровождается повышением внимания к национально-языковым проблемам отдельных регионов, причем в некоторых случаях обретение автономии сопровождается попытками, более или менее успешными, оживить национальное самосознание и укрепить его стандартизацией остатков диалектной речи. Тем не менее однозначные отношения между языком, этносом и политической автономией, как мы постарались показать выше, отсутствуют практически во всех регионах; в каждом из них эти отношения носят особый характер и все более становятся объектом сознательного регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982.
2. Нарумов Б.П. Каталанский литературный язык XVI—начала XIX в. // Формирование романских литературных языков. М., 1984.
3. Нарумов Б.П. Формирование романских литературных языков: Современный галисийский язык. М., 1987.
4. Нарумов Б.П. Социолингвистика в Испании // Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика: Германия. Испания. М., 1991.
5. Alarcos Llorach E. El español, lengua milenaria (y otros escritos castellanos). Valladolid, 1982.
6. Alvar M. El dialecto aragonés. Madrid, 1953.
7. Andrés R.d'. Situación social de la llengua asturiana // Informes al XIII Congreso Internacional de Llengües y Cultures Amenazaes. Uviéu, 1987.

8. Bosch-Gimpera P. Cataluña, Castilla, España // Carretero y Jiménez A. La personalidad de Castilla en el conjunto de los pueblos hispánicos. México, 1960.
9. Cano González A.M. Averamiento a la historia de la llengua asturiana // Informes al XIII Conceyu Internacional de Llingües y Cultures Amenazaes. Uviéu, 1987.
10. Caro Baroja J. Los pueblos de España. Madrid, 1975.
11. Carretero y Jiménez A. Los pueblos de España. México, 1980.
12. Castro A. Sobre el nombre y el quién de los españoles. Madrid, 1973.
13. Criado de Val M. Teoría de Castilla la Nueva: La dualidad castellana en los orígenes del español. Madrid, 1960.
14. Fernández M.A. Coordenadas sociais e dinámica do bilingüismo galego // Grial. Vigo, 1991. N 110.
15. García Arias X.Ll. A la gueta la llengua estándar // Informes al XIII Conceyu Internacional de Llingües y Cultures Amenazaes. Uviéu, 1987.
16. González Lorenzo M. Bilingüismo en Galicia: Problemas y alternativas. Santiago de Compostela, 1985.
17. Menéndez Pidal R. El dialecto leonés. Oviedo, 1962.
18. Nagore F.Ch., Cortés Ch. El aragonés // Los aragoneses. Madrid, 1977.
19. Nagore Laín F. Informe sobre la situación actual del aragonés // Informe al XIII Conceyu Internacional de Llingües y Cultures Amenazaes. Uviéu, 1987.
20. Neira J. El bable, estructura e historia. Salinas (Asturias), 1976.
21. Rodríguez Neira M.A. Outra contribución á cuantificación do cambio lingüístico en Galicia // Homenaxe ó profesor C. García. Santiago de Compostela, 1991. T. 2.
22. Sánchez Vicente X.X. El hilo de Ariadna: Argumentos y propuestas para una política asturianista. Oviedo, 1991.
23. Tovar A. Lo que sabemos de la lucha de lenguas en la Península ibérica. Madrid, 1968.

А.Р. БАГДАСАРОВ

(РОССИЯ)

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ХОРВАТИИ И СЕРБИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В ходе народно-освободительной войны югославянских народов (1941—1945) Коммунистическая партия Югославии провозгласила лозунг "братства и единства всех народов и народностей Югославии". После второй мировой войны и освобождения Югославии 29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина провозгласила образование Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). В Югославии было объявлено юридическое равноправие народов и языков, принципы которого были утверждены еще на Второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (1943) [12, 65]. В послевоенный период в стране развернулись процессы политической, экономической, культурно-идеологической интеграции и межэтнической консолидации, строительства новых вооруженных сил. Важная роль в этих процессах отводилась внутригосударственному языковому единению. В многонациональном, разноязычном государстве встал вопрос о необходимости общего языка межэтнического общения — языка-макропосредника. Язык-макропосредник должен был выполнять не

только функцию средства межэтнического общения, но и не менее важную функцию обслуживания общегосударственных нужд (единое государственное управление, все виды транспорта и внешних сношений, единая армия, почтовая связь и т.д.).

В роли языка-макропосредника стал выступать наиболее распространенный, обслуживающий несколько наций (сербов, хорватов, черногорцев и мусиман), литературный сербохорватский/хорватскосербский язык (ЛСХЯ). Полинациональный литературный сербохорватский язык, имея равные социально-коммуникативные права с другими языками (словенский, македонский), фактически превосходил эти языки по объему и сфере применения. Об этом, в частности, свидетельствовал и тот факт, что среди словенцев, македонцев, албанцев и других этнических групп было наиболее развито двуязычие.

В то же время ЛСХЯ не был единственным нормированным языком на всей территории своего распространения. Литературный сербохорватский язык, функционируя на протяжении около двух столетий в условиях культурно-исторической, геоэтнической, государственной и политической разобщенности сербов, хорватов, черногорцев и мусиман (лишь в 1918 г. югославские народы были объединены в одном государстве) на территориях Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговины, сложился в виде ряда имеющих тождественную основу национально-территориальных вариантов и переходных образований. Основными вариантами ЛСХЯ являются: восточный (сербский) и западный (хорватский). Варианты полинационального литературного языка сложились вследствие параллельного развития, под влиянием факторов социально-исторического, политического, экономического и культурно-идеологического характера. Расхождения в элементах языковой структуры между восточным и западным вариантами (ВВ и ЗВ) выявляются на всех уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. При этом наблюдаются несколько видов варьирования: лексико-акцентное, лексико-фонематическое, морфологическое (родовые, словообразовательные и формообразовательные варианты), (орфо)-графическое, лексико-семантическое и синтаксическое. Лексические варианты в силу большей мобильности лексического яруса языка по сравнению с фонематическими, морфологическими и другими более многочисленны и весомы (см. [1; 2]). В середине 50-х годов предпринимаются попытки устраниить вариантные различия, нормализовать и кодифицировать ЛСХЯ.

В сентябре 1953 г. "Летопис Матицы сербской" опубликовал анкету "Вопросы сербохорватского литературного языка и правописания". В опросе приняли участие 42 человека: известные югославские лингвисты, писатели, журналисты, переводчики и общественные деятели. Вслед за этим в г. Нови-Сад 8 декабря 1954 г. состоялось совещание, на котором была принята резолюция из десяти пунктов. В ней декларировалось, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке. Литературный язык, развивающийся на основе единого народного языка вокруг двух главных культурных центров — Белграда и Загреба, представляет собой единый язык с двумя нормами произношения — экавской и иекавской. Официальное наименование языка должно быть двухкомпонентным и содержать указание на два говорящих на этом языке народа — сербов и

хорватов. Кириллический и латинский алфавиты провозглашались равноправными на всей территории сербохорватского ареала. На совещании было принято решение подготовить и издать совместными усилиями словарь сербохорватского литературного языка; выдвигалась задача выработки единой терминологии. Была осуждена практика "перевода" текстов, написанных в разных культурных центрах, с одной разновидности языка на другую. Участники совещания решили безотлагательно разработать единый орфографический кодекс (*Zaključci Novosadskog dogovora*. 1954. 8—10. XIII).

В соответствии с "Резолюцией Новисадского совещания" была сформирована комиссия из представителей Белградского, Загребского и Сараевского университетов, Сербской и Югославской Академий наук, которой поручалась разработка проекта новых правил правописания. Результатом их сотрудничества явился выпуск в 1960 г. параллельных изданий (кирилицей и латиницей) в Нови-Саде и Загребе совместного свода правил правописания [18]. Этими правилами достигалось решение спорных орфографических вопросов, хотя устранить все расхождения между двумя разновидностями нормы правописания не удалось.

Официальное признание резолюции Новисадского совещания не означало устранения вариантовых расхождений, не давало каких-либо преимуществ той или иной разновидности литературного языка. В то же время в 50—60-х годах восточная разновидность литературного языка расширяет и укрепляет сферы своего влияния. Так, после Новисадского совещания 1954 г. в 50—60-х годах ежегодный "Статистический календарь" публикуется на нескольких языках страны, исключая западную разновидность ЛСХЯ (до 1971 г.); по загребскому радио новости дня в 10 часов вечера транслировались до 1958 г. с экавской нормой произношения; в 50-е годы администрация запрещает использовать хорватские названия месяцев (*kolovoz, prosinac, studeni* и др.) и т.п. [35, 31—49]. В середине 50-х — начале 60-х годов М. Лалевич издает в Белграде пособия "Наше правописание" и "Сербохорватский в моем кармане", в которых многие слова, употребляемые преимущественно в восточном варианте (*Југословен, Вавилон, хемија, кафа* и др.) характеризуются как "более приемлемые" по сравнению с соответствующими образованиями западного варианта [14]. В 1963 г. М. Московлевич издает "Словарь русского и сербохорватского языка", в котором лексику ЗВ (*колодвор, крух, казалиште, зрак* и др.) составитель квалифицировал как областную, т.е. диалектную [17]. Вышеупомянутые публикации вызвали протесты и критику со стороны прежде всего хорватских лингвистов (см.: [35, 305, 365; 49, 60—61; 31, 69; 48, 150]). В послевоенный период, отмечает С. Вукоманович, сербский унитаризм стремился к "искусственному слиянию и стиранию культурных и языковых особенностей. Югославянство часто воспринималось в тот период как (над)нация" [50, 94].

В этих условиях стремление использовать разновидность языка доминирующей сербской нации для внутригосударственной интеграции воспринималось отдельными деятелями хорватской культуры и науки, общественными институтами Хорватии как проявление унитаризма со стороны господствующей нации, посягательство на их конституционные права,

вызывая в качестве ответной реакции усиление националистических настроений и сепаратистских тенденций. Попытки унифицировать литературный сербохорватский язык в сложившихся к тому периоду социально-политических и экономических условиях привели к обратным результатам. Они усилили хорватский лингвогеографизм, сопутствующий регионализму, возникающему на экономической почве. Сущность лингвогеографизма сводится к утверждению и защите родного языка населения региона (в нашем случае западной разновидности ЛСХЯ), к стремлению доказать его самобытность, высокую коммуникативную ценность, его славное прошлое [21, 145—146].

В сложившихся социально-политических условиях язык все больше и больше стал приобретать политическую значимость. Первопричина обострения языковых проблем состояла прежде всего в нерешенности межнациональных отношений.

Межнациональные и внутриязыковые противоречия особенно обострились в конце 60-х — начале 70-х годов. Органы хорватской печати ("Hrvatski književni list", "Hrvatski tjednik", "Studentski list" и др.), радио и телевидение культивировали страх перед "экспансией сербского элемента и возможной этнической ассимиляцией хорватского населения". Поддерживалось мнение о том, что на хорватов смотрят как на виновников преступлений усташей, что экономический потенциал Хорватии используют в интересах прежде всего многочисленной нации, ограничивают ее культурную самобытность и т.п. (см. [44, 13—21, 203]). В сербской же среде культивировалось мнение, что сербы — это наиболее многочисленная нация, больше всех пострадавшая в народно-освободительной борьбе, внесшая больший вклад в создание Новой Югославии... а следовательно, она (нация. — А.Б.) должна обладать большей властью, играть решающую политическую роль в стране..." [50, 94]. Обострение межнациональных противоречий вызвало в этнолингвокультурной хорватской среде опасение оказаться под господством более многочисленной сербской нации, что, в свою очередь, придало политическую остроту и языковому вопросу. В целом же "межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами" [3, 302; 4, 334]. Так, возникновение хорватского национализма конца 60-х — начала 70-х годов И. Перич связывает с экономическими проблемами, охватившими страну, прежде всего в сфере производства и распределения материальных благ [44, 210—214].

Еще в июне 1950 г. Народная скупщина ФНРЮ приняла Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов. В соответствии с ним вся полнота власти в сфере хозяйствования передавалась рабочему совету. В середине 50-х годов самоуправление распространилось на многие отрасли народного хозяйства. Процесс децентрализации управления общественными делами стал охватывать и непроизводственные виды деятельности: просвещение, культуру, здравоохранение, социальное обеспечение. В народном хозяйстве Югославии в середине 60-х годов стала проявляться определенная нестабильность в экономике. Для разрешения накопившихся здесь проблем и противоречий с 1965 г. начала осуществляться общественно-

экономическая реформа. В ходе ее заметно обострились межреспубликанские и межнациональные противоречия. В этих условиях была предпринята попытка решить проблему межнациональных отношений путем реформы политической системы. В 1967—1971 гг. были приняты поправки к Конституции СФРЮ, значительно расширявшие права республик, которые получили большую экономическую и политическую самостоятельность. Однако кризисные явления в стране продолжали нарастать, усугубляя децентрализацию, переход от федерации к конфедерации [13, 16—25; 16, 190—191].

Тенденции к обособлению югославского народного хозяйства в границах республик и краев, к переходу от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межнациональные противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингвогеографизму, дивергентному развитию языка. Все это, естественно, не могло не сказаться на судьбе решений Новисадского совещания. Попытки проведения централизованной языковой политики, совместной нормализации и кодификации, при дезинтеграции социально-экономических процессов, в целом не увенчались успехом.

В 1965—1966 гг. некоторые общественные организации и научные коллективы Хорватии (Društvo književnika Hrvatske; Zagrebački lingvistički krug Hrvatskog filološkog društva; Znanstveni kolektiv Instituta za jezik JAZU) выступили против "поправки конституционных прав хорватского народа на самостоятельное развитие своего языка, против навязывания единой нормы и терминологии, против неоправданного вмешательства средств массовой информации в тексты оригиналов..." и т.п. [52, 129—130; 45, 130—132; 32, 132—133].

17 марта 1967 г. в загребской газете "Telegram" была опубликована "Декларация о названии и положении хорватского литературного языка" [29]. "Декларацию" подписали 18 общественных организаций и научных учреждений и обществ (Matica hrvatska; Društvo književnika Hrvatske; Hrvatsko filološko društvo; Odjel za filologiju Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti; Institut za jezik JAZU и др.). В ней утверждалось, что резолюция Новисадского совещания о праве каждого народа на самостоятельное и равноправное развитие родного языка не выполняется. Проводится в жизнь концепция единого "государственного языка". Причем в роли "государственного языка" выступает "сербский литературный язык" (авторы "Декларации" различают два литературных языка — хорватский и сербский). Этот "государственный язык" при посредстве административно-управленческого аппарата, средств массовой информации, практикой использования языка в Югославской народной армии, в союзном законодательстве, дипломатии и политических организациях навязывался в качестве единого языка хорватов и сербов. Тем самым "хорватский литературный язык", по мнению авторов "Декларации", вытеснялся и ставился в неравноправное положение "локального наречия". Авторы "Декларации" ставили вопрос о необходимости конституционного признания словенского, хорватского, сербского и македонского языков. Они требовали обеспечить последовательное применение хорватского литературного

языка в просвещении, журналистике, общественной и политической жизни, средствах массовой информации Хорватии, т.е. там, где исторически обитает этносоциоязыковая хорватская общность.

19 марта 1967 г. состоялся пленум Союза писателей Сербии, на котором в ответ на хорватскую "Декларацию" было принято решение опубликовать сербскую декларацию. 3 апреля 1967 г. в газете "Борба" была опубликована декларация под названием "Предложение для размышления" [19]. В этом документе, под которым стояли 42 подписи, призывалось аннулировать решения Венского литературного соглашения 1850 г. и Новисадского совещания 1954 г. Авторы "Предложения для размышления" декларировали право на самостоятельное и равноправное развитие "хорватского и сербского языков".

Оба документа, по сути дела, лишь обострили межэтнический языковой конфликт, признав создание "самостоятельных сербского и хорватского литературных языков". В многочисленных материалах, появившихся в средствах массовой информации, "Декларация" и "Предложение для размышления" квалифицировались как попытки подорвать "единство и братство югославских народов". Положения, выдвинутые в этих документах, встретили осуждение со стороны правящей коммунистической партии. Многие члены Союза коммунистов Югославии (СКЮ), подписавшие эти документы, были исключены из партии или получили партийные выговоры [42, 23]. Центральные комитеты Союза коммунистов Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины в 1967—1968 гг. издали специальные документы, в которых призывали устраниить недостатки и упущения в языковой теории и практике. В этих постановлениях не ставились под сомнение решения Новисадского совещания. Речь шла прежде всего об их более последовательном претворении в жизнь, о том, что "открытые языковые вопросы необходимо решать спокойно и трезво, с полной научной и политической ответственностью" [34, 65—67; 33, 129—130]. Однако эти призывы носили скорее декларативный и отчасти сдерживающий характер, нежели законодательное, практическое осуществление действительного равноправия. Как отмечает Е.Ю. Гуськова, "авторитарный коммунистический режим и однопартийная система сдерживали центробежные тенденции, гасили многие проявления национального самосознания, насилиственно заглушали, но не разрешали имевшие место межнациональные противоречия" (см. [22, 60]).

Пристальное внимание и обостренную реакцию вызвало в Хорватии издание первых двух томов совместного "Словаря сербохорватского литературного языка". Еще до Новисадского совещания Матица сербская и Матица хорватская начали работу по созданию общего словаря сербохорватского литературного языка. В 1967 г. были выпущены два тома, напечатанные кириллицей и латиницей в Нови-Саде и Загребе. В Хорватии они подверглись резкой критике. Словарь, в частности, критиковался за отсутствие многих лексических единиц западного варианта, за преимущественное использование в нем произведений сербских писателей [27, 19—88]. В 1969 г. от издания последующих томов Матица хорватская отказалась, мотивируя свой отказ тем, что в нем недостаточно полно и в неравной мере отражена лексика западного варианта сербохорватского

литературного языка. Следующие четыре тома были напечатаны Матицей сербской только кириллицей.

Отказ от совместного издания словаря явился поводом к расторжению Новисадского соглашения. В 1971 г. Матица хорватская, Институт языка Югославянской академии наук и искусств, Общество хорватских писателей и другие общественные организации и научные общества Хорватии в одностороннем порядке расторгли Новисадское соглашение (см. [40, 138—139]).

Следует отметить, что ни один из пунктов резолюции Новисадского совещания не был полностью реализован на практике. К примеру, новые правила правописания 1960 г. не устранили имеющиеся расхождения между хорватской и сербской разновидностями нормы. Каждая этнолингвокультурная среда (языковой коллектив) придерживалась в правописании дублетов той традиции, которая была ей ближе и привычнее. В совместном своде правил правописания допускается свободное употребление таких вариантов слов, как: *opšti* и *opći*, *Kipar* и *Cipar*, *hemija* и *kemiјa* и т.д. Однако в языковой практике ВВ, как правило, употребляются лишь *opšti*, *Kipar*, *hemija*, а в ЗВ — *opći*, *Cipar*, *kemiјa* (см. "Правопис српскохорватског језика" 1983 г.). Официальное название языка, принятое на Новисадском совещании, не в равной мере одинаково использовали четыре республики, официальным языком которых являлся сербохорватский. К выработке единой терминологии сербские, хорватские и сараевские лингвисты фактически не приступили ввиду выявившихся разных подходов к этой проблеме. Не прекратилась практика "переводов" (адаптаций литературных текстов) произведений с одного варианта на другой. Так, например, сербского поэта Й. Змая, хорватского писателя В. Назора "переводят" с сербскохорватского языка на хорватский, поскольку первый писал на ВВ ЛСХЯ, а второй допускал "сербские заимствования" (Komunist. 1985. 9. IX. S. 14). Ср., например, "перевод" текстов стихотворений Й. Змая с восточной разновидности сербохорватского языка на западную:

— ...Да ме метне *ко* за краља... Место хлеба све переца... [11, 83]; — ...Da me metne *tko* za kralja... Mjesto *kruha* — sve peregca [53, 16]; — ...Данас си срећан био! [11, 168]; — ...Danas si nam *sretan* bio! [53, 23].

Совместные межнациональные мероприятия, проводимые в рамках кодификации норм литературного языка, как отмечает В.П. Гудков, и инициированные Новисадским совещанием и его решениями, прекращены и заменены акциями в границах отдельных республик [7, 102]. Неудачи совместного языкового планирования связаны во многом с тем, что недостаточно полно учитывались общие тенденции социально-экономического, политического и языкового развития. Попытки ускорить внутриязыковое единение не соответствовали процессам внутригосударственной дезинтеграции.

Централизованная языковая политика 40—50-х годов, проводимая органами государственной власти и ЦК СКЮ, в 60-х годах постепенно сменяется нецентрализованной языковой политикой, осуществляющей общественными организациями, научными обществами и учреждениями, республиканскими и партийными органами.

В 1974 г. в Югославии была принята новая Конституция, которая оставляла решение языкового вопроса на усмотрение республик и краев. Например, в Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговине в качестве официального функционировал сербохорватский (в разных республиках он назывался по-разному¹), в Словении и Македонии соответственно — словенский и македонский, в Косово — албанский, сербохорватский и турецкий, в Воеводине — сербохорватский, венгерский, словацкий, румынский, русинский. В свою очередь, Конституции республик и краев передавали общинам право объявлять на своих территориях те или иные языки в качестве официальных [47, 84; 6, 22]. Акты союзного правительства с 1974 г. публиковались на пяти языках: сербохорватском (в его вариантах), словенском, македонском, албанском и венгерском. Текст международных договоров, заключаемых Югославией, мог составляться на любом из вариантов ЛСХЯ или языков федерации, в последующем подготавливались копии на других языках федерации. Языковое равенство наталкивалось в стране на технические сложности: приходилось всё — от федеральных правительственные актов до дорожных знаков и товарных этикеток — дублировать на нескольких языках и вариантах ЛСХЯ, что вело к значительному перерасходу средств. Например, при производстве кондитерских и других изделий на товарных этикетках стали часто писать: *Гаранција за квалитет производа* (ЗВ ЛСХЯ) — *Garancija za kvalitetu proizvoda* (ЗВ ЛСХЯ) — *Garancija kvalitetu izdelka* (словенский язык) — *Гаранција за квалитетом на производот* (македонский язык).

В середине 80-х годов в Югославии усилились тенденции к децентрализации единого государства. Функции Федерации ставили в зависимость центра от республик и краев. В стране наблюдается рост национального самосознания всех наций. Процессы внутринациональной этнической консолидации стали преобладать над процессами межнациональной консолидации. Внутригосударственная дезинтеграция усугубляла межэтнический языковой конфликт.

Не прекращались взаимные упреки в неиспользовании тех или иных лексических единиц в том или ином варианте. Примером могут послужить публикации с анализом функционирования вариантной лексики в школьных учебниках Хорватии и Сербии. Хорватские школьные учебники критиковались за отсутствие общеупотребительной общесербохорватской лексики, сербские — за отсутствие локально маркированной лексики западного варианта. Так, в некоторых хорватских школьных учебниках, как отмечает Ф. Буторац в статье "Национализм и язык", игнорируются или вообще не употребляются такие общеупотребительные слова, как *система, метал, музыка, композитор* и др. Вместо этого последовательно вводятся и употребляются *сustav, kovina, glazba, skladatelj* и др. [28, 19]. В свою очередь, в сербских школьных учебниках, как отмечает З. Диклич в статье "Языковые истины и неистины", отсутствует

¹ В Конституции Сербии и Черногории — сербохорватский, в Боснии и Герцеговине — сербохорватский/хорватосербский, в Хорватии — хорватский, хорватский или сербский. С 1990 г., согласно Хорватской Конституции, — хорватский.

локальная лексика западной разновидности (хорватизмы). Так, в сербском букваре нет таких слов, употребляемых преимущественно в ЗВ ЛСХЯ, как *kruh*, *trokut*, *ravnalo*, *višekatnica*, *listonoša* и т.д. В сербских хрестоматиях, пишет З. Диклич, употребляются лишь такие слова, как *muzika*, *pejzaž*, *atmosfera*, *raspoloženje*, а в хорватских — *muzika* и *glazba*, *krajolik* и *pejzaž*, *ugodaj* и *raspoloženje* и т.д. [30, 15].

Статьи по вопросам национально-языковых отношений стали периодически появляться в хорватской и сербской печати, что свидетельствовало об актуализации этой важной социально-политической проблемы. При этом, в частности, отмечалось, что в хорватских средствах массовой информации и в издательской деятельности при опубликовании переводов иностранной литературы хорватские переводчики и редакторы зачастую проводят пурристическую языковую кампанию "чистки" литературного языка от "сербизмов", "неправомерного произвольного употребления архаичных и искусственно созданных слов" (см.: [8, 153—154; 9, 238—239; 38, 43—44]). Так, например, редакторы загребской газеты "Весник" при печатании идентичных сообщений "Танюг" "переводили" (адаптировали) тексты с восточной разновидности ЛСХЯ на западную. При этом, приспосабливая текст к своему языковому коллективу, они "переводили", что естественно, не только локально маркированную лексику ВВ, но и общеупотребительную, общесербохорватскую лексику, употребляемую как в восточном, так и в западном варианте сербохорватского языка. Такие общеупотребительные для обоих вариантов слова, как *advokat*, *protest*, *telegram*, *firma*, *partija*, *neophodan*, *period*, *učestvovati* и др., "переводили" из разряда общесербохорватских в разряд локальных: *odvjetnik*, *prosvjed*, *brzojav*, *tvrta* — и даже общесербохорватских: *stranka*, *nužan*, *razdoblje*, *sud(j)elovati* и др. (т.е. менее употребительные синонимы заменяли в процессе адаптации текстов на более употребительные).

В средствах массовой информации Хорватии наблюдается появление локально маркированных слов, активно функционировавших в XIX — первой половине XX в., например, таких слов, как *sveudilj* 'постоянно', *zločinidba* 'преступление, злодеяние', *časnik* 'офицер', *redarstvo* 'милиция', *šport* 'спорт', *zapovjedništvo* 'командование', *čimbenik* 'фактор', *vojarna* 'казарма' и др. Хорватские лингвисты и журналисты усматривают в этом процессе дальнейшую демократизацию и стандартизацию лексики хорватского литературного языка.

Пуризм в Хорватии являлся частью общей политики, проводимой на уровне определенных общественно-политических течений в границах Хорватской Республики. Если в конце XIX — начале XX в. хорватский пуризм был направлен главным образом против германанизмов, то в настоящее время, начиная с 60-х годов, он в большей мере направлен против "сербизмов". Цель хорватской пурристической кампании состоит в том, чтобы заменить некоторые "иноязычные заимствования", используемые в западном варианте ЛСХЯ, не просто потому, что они затрудняют эффективность коммуникации и мешают ему, а потому, что они рассматриваются как элементы иной культуры, нации, иного языка. Национальная само-

бытность хорватского языка самым тесным образом связана с единством нации. Хорватский литературный язык для многих хорватских лингвистов играет существенную роль в упрочении хорватского национального единства. Западный вариант литературного языка выполняет интегрирующую (объединяющую) и этнодифференцирующую (выделительную) функции в отношении хорватской нации. Его отличия от восточного варианта, какими бы незначительными они ни представлялись порой с чисто лингвистической точки зрения, приобретают совершенно иные масштабы, становясь символом культурно-национальной самобытности.

В конце 80-х годов в Сербии публикуются статьи, предупреждающие об угрозе вытеснения кириллического алфавита латинским, о необходимости предпринять конкретные шаги в защиту кириллицы (Наш језик. 1988. № 1—2, 8—10; см. также [15, 15; 46, 14—15]). Для некоторых сербов и черногорцев кириллица ассоциируется с национальной принадлежностью и даже с приверженностью к православию, латиница же — с чуждым родной культуре, иностранным, с католицизмом.

В целом же пурристические тенденции, проявляющиеся как в Хорватии, так и частично в Сербии, нуждаются в более тщательном изучении и объективной оценке. Во всяком случае, в зависимости от той или иной конкретно-исторической обстановки, от проведения той или иной языковой политики эти тенденции могут приобретать различные формы (см.: [10, 251—256; 36, 65—73; 5, 156—158]).

Связь языка с социальной действительностью интересует не только и не столько лингвистов, но и общественно-политических деятелей, писателей, журналистов и просто носителей языка. В Хорватии и Сербии сформировалось национально-территориальное сознание маркированности речевых элементов. Носители языка сознательно и осмысленно относят ту или иную лексику к тому или иному варианту, народу, периоду в истории Хорватии и Сербии. Это порой субъективное отношение к маркированной лексике сербохорватского языка во многом определяется характером межнациональных и межгосударственных отношений. Приведем несколько примеров. После второй мировой войны солдат, убирая со стола посуду, назвал ложку *žlica*, на что офицер ему ответил: "*žlica* 'ложка' у нас больше не существует. Это слово ушло вместе с усташами. У нас есть слово *кашика* 'ложка'". "Этот офицер, — пишет хорватский писатель М. Крлежа, — не знал, что слово *кашика* пришло к нам от турок, а слово *žlica* — это старославянское, хорватское слово" [39, 107]. Другой пример. В ресторане за разными столиками сидели члены туристической группы, приехавшие из Сербии и Хорватии. Молодой человек, серб по национальности, обратился к сидящему за соседним столиком хорвату с просьбой передать ему *хлеба* 'хлеб'. В ответ он услышал: "Пока ты не скажешь *крух*, не получишь ничего".

Уже в конце 60-х — начале 70-х годов языковая политика на территории сербохорватского языка носила нецентрализованный характер. Она характеризовалась различными параметрами. Для Сербии в большей мере была характерна ретроспективность языковой политики. Ее меры были направлены главным образом на сохранение существовавшей языковой

ситуации и языковой системы, выработанной решениями Новисадского совещания. Ретроспективность мотивировалась необходимостью сохранения преемственности языкового единства сербов, хорватов, черногорцев и муслиман. Для Хорватии же была характерна перспективность языковой политики. Ее меры были направлены на изменение языковой ситуации и языковой системы, на обосновление хорватской разновидности языка и нормы².

Движение за культурную, социально-экономическую и вообще национально-государственную независимость Хорватии привело к созданию школы хорватского языка, деятели которой стремились защитить не только тезис о самостоятельности хорватского языка, но и его отдельности. В конце 60-х — начале 70-х годов хорватские лингвисты приступили к нормированию ЗВ ЛСХЯ. Их деятельность была направлена на изменение структуры ЛСХЯ, на вытеснение единых общенациональных норм и стабилизацию и кодификацию хорватских норм (произносительных, орфографических, грамматических и лексических) (подробнее см.: [2, 60—62, 142—145]). В Сербии же действовали общие нормы, принятые Новисадским соглашением. Большинство сербских лингвистов исходили из того, что стандартный сербохорватский язык должен иметь одну достаточно эластичную общенациональную для сербов, хорватов, черногорцев и муслиман норму (см.: [43, 209]).

Общенациональная языковая норма собственно Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины не является единой нормой для всех государств, говорящих на хорватском, сербском, сербохорватском или хорватосербском (как бы мы его ни называли) языке. В рамках вариантов существуют национально-территориальные разновидности нормы. Если в Хорватии кодификация хорватской разновидности нормы представлена в правописании, грамматике и лексикографических справочниках (см.: [24; 41; 25; 23; 37; 26]), то в Сербии кодификация сербской нормы лингвистически четко еще не выражена. Процессы кодификации сербской разновидности нормы ждут своего решения. Создание независимых государств, безмире, реакция носителей восточной разновидности языка, по-видимому, изменят прежний подход, а может быть и саму кодификацию, выработанную, но не реализованную решениями Новисадского соглашения. По крайней мере в "Приложениях к правилам правописания" [20] отсутствует оригинальное написание иноязычных имен и фамилий, принятых в хорватской орфографии, а в статье 15 Конституции Союзной Республики Югославии 1992 г. вместо наименования "сербохорватский язык" официально провозглашен сербский язык и кириллический алфавит [22, 309].

Образование отдельных государств, различия в языковой политике, процессы унификации хорватских и сербских официальных средств массо-

² Необходимо отметить, что при распаде единого федеративного государства именно Сербия и Черногория выступили за сохранение федерации, тогда как Хорватия и Словения — за конфедеративное устройство страны. Попытки усилить и укрепить роль центра с помощью принятия поправок к Конституции СФРЮ 1988 г. не дали должного результата. В июне 1991 г. Хорватия и Словения официально провозгласили свою независимость, а в апреле 1992 г. была провозглашена Союзная Республика Югославия, состоящая из двух республик — Сербии и Черногории.

вой информации, особенности системы просвещения и др. будут, по-видимому, увеличивать дифференциацию сербохорватского языка, способствовать дальнейшей дивергенции обеих его разновидностей.

Таким образом, характерная для современного этапа развития югославских республик внутригосударственная дезинтеграция, образование новых независимых государств находят свое естественное проявление в языке и языковой практике. Литературный сербохорватский язык стал развиваться и функционировать в сложившейся общественно-политической и социально-экономической ситуации в Хорватии и Сербии автономно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасаров А.Р. Национально-территориальные варианты сербохорватского языка: Учебное пособие. М., 1990.
2. Багдасаров А.Р. Вариантные образования в полинациональном литературном языке (на материале сербохорватского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
3. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
5. Вукоманович С. Сербохорватский стандартный язык, его коммуникативная функция и вариантная специфика: Пер. с сербохорв. // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
6. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики: Обзоры // Вопр. языкоznания. 1989. № 5.
7. Гудков В.П. [Рецензия] // Сов. славяноведение. 1976. № 3. — Рец. на кн.: Дмитриев П.А., Сафонов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975.
8. Дмитриев П.А. Двуязычный словарь языка писателя и варианты литературного языка (на примере Словаря И. Андрича) // Очерки лексикографии языка писателя: Двуязычные словари. Л., 1981.
9. Дмитриев П.А. Некоторые особенности функционирования вариантов лексики сербохорватского-хорватосрбского литературного языка в периодической печати СР Сербии и СР Хорватии // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.
10. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982.
11. Змај Ј. Да сам ја краль: Зека, зека из јендека // Јовановић Змај Ј. Одабрана дела. Нови Сад, 1979. [Т.] 7: Песме за децу.
12. Јончић К. О межнациональных отношениях в Югославии: Пер. с сербохорв. Белград, 1967.
13. Каменецкий В.М. Основные этапы строительства социалистического общества в СФРЮ // Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985.
14. Лалевић М.С. Српскохорватски у мом цепу. Београд, 1963. Клн. 1—3.
15. Лукић Р.Д. Ћирилица у амандманима на Устав СР Србије // Политика. 1989. 14 јан.
16. Михайлович К. Экономическая действительность Югославии: Пер. с сербохорв. М., 1986.
17. Московљевић М.С. Речник руског и српскохорватског језика. Београд, 1963.
18. Правопис српскохорватског језика: Школско издање. Нови Сад; Загреб, 1983.
19. Предлог за размишљање // Борба. 1967. 3 апр.
20. Прилози Правопису / Павле Ивић и др. Нови Сад, 1989.
21. Чернышев В.А. Динамика языковой ситуации в Северной Индии. М., 1978.
22. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990—1992). М., 1992. Т. 1.
23. Babić St. Tvorba riječi i hrvatskom književnom jeziku: Načrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
24. Babić St., Moguš M., Finka B. Hrvatski pravopis: Samo za internu upotrebu. Zagreb, 1971.
25. Barić E., Lončarić M., Malic D., Pavešić Š., Peti M., Zečević V., Zinka M. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979.
26. Brodnjak V. Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika. Zagreb, 1992.
14. Язык-культура-этнос

27. Brozović D. Rječnik jezika ili jezik rječnika?: Varijacije na temu varijanata. Zagreb, 1969.
28. Butorac F. Nacionalizam i jezik // Komunist. 1985. 5 jula.
29. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Telegram. 1967. 17. ožujka.
30. Diklić Z. Istine i neistine // Panorama subotom. 1989. 23 prosinca.
31. Finka B. I jedinstvo jezika i književne varijante // Jezik. 1966/67. № 3.
32. Izjava o jedinstvu i varijantama hrvatskosrpskog književnog jezika // Jezik. 1965/66. № 5.
33. Izvršni komitet CK SK Bosne i Hercegovina o suvremenoj jezičnoj problematici // Jezik. 1967/68. God. XV.
34. Izvršni komitet CK SKH i CK SKS o suvremenoj jezičnoj problematici // Jezik. 1967/68. God. XV.
35. Jonke Lj. Hrvatski književni 19 i 20 stoljeća. Zagreb, 1971.
36. Katičić R. Novi jezikoslovni ogledi. Zagreb, 1986.
37. Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika: Načrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
38. Malić Z. Jezik pod osobitim nadzorom // Danas. 1988. N 338. 9. kolovoza.
39. Miroslav Krleža o hrvatskom književnom jeziku // Jezik. 1986. N 4.
40. Novišadski dogovor odbaćen // Jezik. 1970/71. N 5.
41. Pavešić S. Jezični savjetnik s gramatikom. Zagreb, 1971.
42. Pavićić J. Dnevnik deklaracijskih svivanja // Deklaracija o hrvatskome jeziku s prilozima i Deset teza. 2-go izd. Zagreb, 1991.
43. Peco A. Iz jezičke teorije i prakse. Beograd, 1987.
44. Perić I. Suvremeni hrvatski nacionalizam. Zagreb, 1976.
45. Rezolucija Zagrebačkog lingvističkog kruga // Jezik. 1965/66. N 5.
46. Stojanović M. Pismo i srpski Ustav // Panorama subotom. 1989. 11. ožujka.
47. Škiljan D. Jezična politika. Zagreb, 1988.
48. Ujević T. Zapadna i istočna varijanta hrvatskosrpskog književnog jezika u školama // Jezik. 1966/67. N 5.
49. Vince Z. M.S. Lalević: Naš pravopis // Jezik. 1959/60. N 2.
50. Vukomanović S. Jezik, društvo, nacija. Beograd, 1987.
51. Zaključci Novišadskog dogovora // Vjesnik. 1989. 8. prosinca.
52. Zaključci plenuma Društva književnika Hrvatske o problemima suvremenog jezika hrvatske književnosti, znanosti, školstva i sredstava masovne komunikacije // Jezik. 1965/66. N 5.
53. Zmaj J. Da sam ja kralj: Zeka, zeka iz jendeka // Jovanović Zmaj J. Drveni konjić: Pjesme. Zagreb, 1984.

Г.И. ЗАМЯТИНА, О.С. ПЛОТНИКОВА

(РОССИЯ)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СЛОВЕНИИ

Словенский язык является государственным языком Республики Словения и национальным языком словенцев, проживающих на словенской этнической территории в Словении и пограничных с ней областях Италии, Австрии и Венгрии, а также за ее пределами (в частности, в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Германии и др.)¹.

При оценке языковой ситуации в каждый период развития языка на первый план выступают различные факторы, и хотя на протяжении многих столетий своей истории словенский язык развивался в условиях двуязычия, специфику его функционирования в современных условиях определяют прежде всего особенности внутриязыковой ситуации. Свойствен-

¹ Общая численность носителей словенского языка — свыше 2 млн человек, из которых, согласно переписи населения 1981 г. в Словении проживает 1 712 145 человек.

ное многим современным языкам трехчленное соотношение "собственно литературный язык — промежуточные разговорные образования — диалект" в словенском характеризуется многоступенчатостью переходных образований и сложностью дистрибутивных отношений между литературным языком и разговорными формами языка, с одной стороны, и отдельными разговорными образованиями — с другой.

Это своеобразие обусловлено прежде всего необычайной диалектной дробностью словенского языка² и характером современных литературных норм. Современный словенский литературный язык не опирается ни на один из реально существующих диалектов, что объясняется сложностью и противоречивостью процессов его формирования.

Созданный во второй половине XVI в. на базе центральных диалектов (горенских и доленских с центром в Любляне, говор которой характеризовался рядом переходных горенско-доленских явлений), словенский литературный язык успешно функционировал до второй половины XIX в.

Центральнословенская модель литературного языка отражала важнейшие фонетические и морфологические инновации, очагом которых были центральные словенские диалекты, в частности депалатализацию *l'*, *n'*, отдельные проявления редукции гласных (ср., например, переход *a* > ə (графически *e*) в союзе *da*, приставках *raz-*, *na-*, отражение редукции ē > i > ə, i > ə с последующей метатезой в приставке *pri- > per-* [рэг-] и др.), утрату различий между твердой и мягкой разновидностью склонения основ муж. рода в тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. и дв. ч. с последующей заменой исторических флексий на -am, -ata, аналитический способ выражения категории определенности / неопределенности прилагательных с помощью указательного местоимения *ta* в функции артикля и др.

Несмотря на то что именно с этой моделью литературного языка было связано не только начало книгопечатания на словенском языке, но и зарождение светской литературы и развитие ее жанрового многообразия в конце XVIII — первой половине XIX в., центральнословенский литературный язык не получил статуса общенационального литературного языка словенцев.

С конца XVII в. в словенских землях предпринимаются попытки создания новых региональных литературных языков на базе более консервативных в своем развитии каринтийских, штирийских и прекмурского диалектов. Этим моделям были свойственны архаичные фонетические и морфологические черты, а для прекмурского регионального языка был характерен также ряд явлений, связанных с влиянием венгерского языка.

Региональные тенденции распространяются в конце XVIII — начале XIX в. и на центральные словенские земли: ср., например, попытку ввести в литературно-письменный обиход черты люблянского койне, характеризующегося в этот момент максимальной степенью редукции гласных, в произведениях Марко Погорицкого и ориентацию на фонетические особенности доленского диалекта в грамматике Франца Метелько. Известное

² На сравнительно небольшой этнической территории насчитывается около 50 диалектов и говоров, объединяемых по ряду общих признаков в восемь диалектных групп.

влияние на дальнейшую судьбу словенского литературного языка во второй половине XIX в. оказали идеи иллиризма и общеславянского единства: ср. опыт создания искусственного общеславянского языка, предложенного в качестве литературного языка Матией Майяром Зильским.

Рост национального самосознания словенцев после революции 1848 г., усиление борьбы за независимость и сохранение самобытности словенского языка и словенской национальной культуры вызвали к жизни идеи "единой Словении" и консолидации словенской нации на основе единого литературного языка. Эти идеи обусловили формирование новых норм литературного языка на компромиссной основе. При выработке этих норм кодификаторы стремились, с одной стороны, сохранить преемственность литературно-письменных традиций, начало которых относится к XVI в. и связано с деятельностью словенских протестантов — Приможа Трубара и его последователей, учесть и обобщить предшествующий кодификаторский опыт (в частности, гореньская система вокализма, легшая в основу орфоэпических норм новой модели литературного языка, была предложена Е. Копитаром; надстрочные знаки для обозначения шипящих в словенском были впервые введены Матией Майяром Зильским); с другой — сблизить словенский литературный язык с другими славянскими языками. Последнее обусловило внедрение в словенский язык целого ряда архаичных морфологических черт из более консервативных пограничных каринтийских и штирийских диалектов. В результате этих процессов в качестве норм литературного языка были предложены гореньская система вокализма, отдельные черты доленского консонантизма (сохранение группы *šč* вместо гореньского *š* < *šč*), устраниены все формы с графическим отражением депалатализации *l'*, *n'* и редукции гласных, восстановлены флексии прилагательных с компонентом *-e-<-ě-* вторичного происхождения (*-ega* и под.) вместо центральнословенского *-iga*, восстановлено различие флексий тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. и дв. ч. склонения имен существительных муж. и ср. рода, мотивированное этимологической твердостью /мягкостью предшествующего согласного (*-om/-et, -oma/-eta*) и т.д.

Сформированная после длительной дискуссии на страницах словенской периодической печати второй половины XIX в. новая модель литературного языка была в одинаковой мере чужда носителям всех словенских диалектов. Нормы, ставшие общеобязательными для всей Словении, во многом противоречили стихийно сложившейся речевой практике в отдельных диалектных регионах. Овладение орфоэпическими и морфологическими нормами словенского литературного языка и в настоящее время представляет для всех словенцев, независимо от их диалектной принадлежности, известную трудность. Так, формы без редукции и флексии *-om/-et* чужды носителям центральных словенских диалектов; противопоставление гласных средне-верхнего и средне-нижнего подъема *e:E, o:ɔ* (*péti* 'петь'; *péti* 'пятый'; *praes. 3 sg. nɔsi:imper. 2 sg. nɔsi* от *nositi* 'носить') составляет определенную сложность, например, для штирийцев, в диалектной системе которых это противопоставление отсутствует; обязательное употребление форм двойственного числа, сохранение

трехчленной родовой оппозиции, синтетический способ выражения категории определенности/неопределенности, запрет на лексические германизмы не соотносится с речевой практикой во многих словенских регионах. В силу этих причин современный словенский литературный язык не может служить средством повседневной коммуникации.

Описанию внутриязыковой ситуации в словенском языке в словенистике уделялось недостаточно внимания. Первые упоминания о функциональных стилях словенского языка мы находим в работах А. Брезника [4]. Зарождение современной словенской социолингвистической теории связано с работами крупнейшего словенского лингвиста Й. Топоришича [15 – 20]. Отдельные стороны функциональной дифференциации словенского языка освещаются в работах Б. Погорелец [10], Я. Дулара [6], Ф. Есеновца [8] и др. Заслугой Й. Топоришича является не только уточнение основных понятий, связанных с социальной и функционально-стилистической дифференциацией словенского языка, но и описание особенностей отдельных разговорных разновидностей словенского языка (в частности, люблянского койне, именуемого, правда, автором люблянским разговорным языком). Впервые в словенистике была отмечена тенденция к формированию общесловенского разговорного языка и предпринята попытка его кодификации.

Эта модель разговорного языка рассматривается как разговорная форма литературного языка, возникшая в результате "неполной реализации более строгих литературных норм" [19, 12] и опирающаяся на речевые особенности языка люблянской интеллигенции. В число признаков этой модели разговорного языка первоначально Й. Топоришич включает довольно широкий круг форм с отражением различных ступеней редукции гласных, в частности предложно-падежные формы существительных жен. рода и местоимений с утратой флексии *-i* (*pri lip, pri men*). Однако такое количество отступлений от литературной нормы противоречило речевым особенностям выходцев из нецентральных областей Словении и послужило причиной их скептического отношения к самой идее создания единой для всех словенцев модели разговорного языка. Позже перечень черт, отличающих разговорную форму литературного языка от стандартного, был значительноужен. Так, в новых орфографических правилах в качестве дифференциальных признаков этой разновидности языка названы лишь очень ограниченные проявления редукции гласных (утрата конечного *-i* в формах инфинитива и *l*-причастия мн. числа: *treba je delat, smo delal*, в наречиях *gori, doli*; редукция срединного *-i-* в частотных глагольных формах *bla, blo < bila, bilo*; произношение *э* на месте *i* в наречии *prosim* 'ожалуйста'; ослабление артикуляционных признаков краткого ударного *a* в конечном закрытом слоге: *prav* [prəu], *žal* [žōu], *brat* [brət]; произношение *[u]* на месте конечных *-el, -il* [-eu, -эи] в *l*-причастиях: *[vídu], [íéku], [príšu]*(см.[13, 130]). Изменено также наименование этой разговорной разновидности: в "Правилах" она названа литературной разговорной разновидностью языка в противоположность литературной стандартной (*knjižna zborna zvrst* букв. 'литературная коллективная разновидность'). В

"Энциклопедии словенского литературного языка", составленной Й. Топорищичем, уже представлено наименование "литературный разговорный язык" (*knjižni pogovorni jezik*) [21, 83].

Таким образом, по мнению словенских социолингвистов, словенский национальный язык представлен несколькими разновидностями (см. схему).

Ряд теоретических положений словенской социолингвистики, как нам представляется, нуждается в углублении и уточнении. Определенные определения, в частности, вызывает признание в качестве "литературных разговорных" форм с отдельными проявлениями редукции гласных. Бессспорно, именно перечисленные в "Правилах" случаи редукции гласных являются наиболее частотными на основной территории Словении, но в рамках одной системы (литературного языка) вряд ли могут сосуществовать взаимоисключающие друг друга орфоэпические нормы. Данное решение может привести к расшатыванию собственно литературных норм, хотя, конечно, оно может быть рассмотрено и как шаг к демократизации консервативных орфоэпических правил словенского литературного языка.

Трудно согласиться с искусственным ограничением сферы использования устной формы стандартного языка (устное воспроизведение перед коллективным адресатом заранее подготовленного текста³). Наблюдения за речью словенцев в иноязычной среде показывают, что, как правило, в официальных сферах общения теми из них, кто имеет навыки владения литературным языком, используется нормированная литературная речь без редукции.

Кроме перечисленных в работах словенских авторов региональных разговорных языков, в настоящее время активно функционирует более крупное промежуточное образование — центральнословенский разговорный язык. Многие из признаков этого образования, в частности, были предложены в свое время Й. Топорищичем в качестве нормативных в его первых описаниях общесловенского разговорного языка. Центральнословенский разговорный язык, по всей видимости, является одним из наиболее ранних интердиалектных образований. Обращает на себя внимание совпадение ряда признаков данной разновидности разговорного языка и словенской книжной нормы XVI—XIX вв.: умеренная редукция гласных, предлог-приставка *rəg-* <*pri-*>, формы типа *səm najdəq* (литер. *sem našel* [səm našəq] и др.

Применительно к современной языковой ситуации в крупных словен-

³ В "Энциклопедии" Й. Топорищича используется даже термин "bralna varianta knjižnega jezika" (букв. 'вариант литературного языка для чтения') [21, 82].

ских городах целесообразно выделять как одну из сниженных обиходно-разговорных форм городское койне.

Представляется необходимым уточнить сферы использования различных речевых форм словенского языка, описать типы коммуникативных ситуаций, закрепленных за той или иной формой речевой реализации словенского языка. Определяющим для выбора устной формы стандартного литературного языка или максимально приближенной к нему разновидности является степень официальности общения и характер адресата (индивидуум ~ коллектив; национальная и диалектная принадлежность участников речевого акта, их возрастные характеристики, уровень образования и степень языковой подготовки). В официальных сферах общения используется устная форма стандартного языка; при снижении степени официальности — разговорная литературная форма (согласно словенской терминологии); в неофициальных сферах — различные региональные разговорные разновидности. Выбор региональной разновидности уже мотивируется в основном особенностями участников речевого акта (в частности, совпадением или несовпадением их языковых, территориальных, социальных, возрастных и подобных признаков). Так, например, наблюдения над языковой ситуацией в Любляне, характеризующейся максимальным набором речевых реализаций словенского языка (устная форма стандартного языка ~ приближенная к ней разговорная модель ~ центральнословенский разговорный язык ~ люблянское койне⁴ ~ говор люблянских предместий), показывает, что на уровне бытового общения коренной люблянец пользуется люблянским койне в том случае, если его адресат характеризуется тем же территориальным признаком. В семьях, где супруги являются выходцами из разных диалектных зон, в качестве нейтрального обиходно-разговорного языка используется центральнословенская разговорная разновидность. Эта необычайно тесная зависимость используемой в бытовом общении формы разговорного языка от особенностей адресата наблюдается на всей словенской этнической территории; например, в анкете для сбора диалектного материала Института славистических исследований при университете в Граце чрезвычайно подробно разработаны графы, характеризующие собирателя (собиратель информанту — хорошо знаком, мало знаком, незнаком; если знаком, то это его сосед, ближайший родственник, дальний родственник, друг, просто знакомый и др.) и коммуникативную ситуацию (присутствовали ли при записи другие лица, их подробная характеристика по приведенным выше признакам; характеристика места записи: было ли оно хорошо знакомо, мало или вовсе незнакомо информанту; знал ли он о том, что его речь записывается) [9, 333]. На возможные психологические трудности, вызываемые столь очевидной зависимостью выбора идиома от характеристики адресата, указывал в свое время Д. Брозович [5, 259], отмечая, что у проживающих в Словении, но недостаточно владеющих словенским язы-

⁴ Для люблянского койне характерно, в частности, обилие германанизмов для обозначения реалий городского быта, депалatalизация *l'* и *n'* с метатезой сонанта и палатального элемента: *iubeven* (литер. *ijubeven*), *kojna* (литер. *konja*), *stanvajne* (литер. *stanovanje*); частичное «канье (*na uni strani* — литер. *na oni strani*); частичное разрушение парадигмы двойственного

ком несловенцев зачастую подсознательно складывается впечатление о том, что словенцы специально говорят между собой так, чтобы другим (несловенцам) было непонятно.

При рассмотрении языковой ситуации в диахронии важным представляется и иной аспект. На протяжении длительного времени, начиная с утраты независимости словенскими княжествами в IX в., словенский язык функционировал в условиях частичного или полного двуязычия.

Функциональный спектр словенского языка в средние века был достаточно ограниченным, однако он длительное время оставался своего рода государственным символом Каринтии, играя вплоть до XV в. значительную роль в политическом и правовом ритуале этого имперского княжества [2, 174]; тексты Краньских присяг свидетельствуют и о других примерах ограниченного использования словенского языка в государственно-правовой системе. Однако главенствующую роль в обслуживании официальных сфер общения (конфессиональной и административно-правовой) играли латинский и немецкий языки. Насыщенность койне в Любляне и других больших городах (например, Мариборе [23, 51—53]) лексическими германизмами, большую часть которых составляют технические термины и названия предметов городского быта, указывают на ту значительную роль, которую играл немецкий язык (а также итальянский на юго-западе и венгерский на северо-востоке) прежде всего в городах.

В эпоху Реформации возникает словенский книжно-письменный язык, переводная и оригинальная литература религиозного содержания. С победой Контрреформации использование словенского языка в конфессиональной сфере сокращается, однако традиции книжно-письменного языка, созданного протестантами, сохраняются и в XVII—XVIII вв. Представление о функциональной нагрузке, которую в это время в Словении несли латинский, немецкий, словенский и итальянский языки, можно составить по перечню изданий, вышедших в Любляне в XVII — первой половине XVIII в. [11]: наиболее разнообразны по тематике публикации на латинском языке (это духовная литература, книги по различным отраслям знаний: философии, истории, медицине, экономике, политике, юриспруденции и др., отдельные произведения художественной литературы); среди изданий на немецком языке видное место занимают публикации различных административных и правовых актов; издания научного и духовного содержания не столь многочисленны. На словенском языке в это время практически издается лишь религиозная литература, а на итальянском — только тексты, предназначенные для театральных трупп, причем с параллельным немецким переводом.

Постепенное расширение функций словенского языка начинается во второй половине XVIII в., в период национального возрождения, когда увеличивается книгоиздание, возникают светские жанры литературы, издается большое количество популярно-дидактических текстов по земледелию, животноводству, пчеловодству, садоводству, кулинарии, медицине, истории, географии и т.д. Начинают выходить в свет популярные альманахи (с 1795 г.) и газеты (с 1797 г.). Словенский язык звучит с театральной сцены (1789), на нем создается многожанровая поэзия и проза (подробнее об этом см. [1]). Подобное развитие в эпоху Реформации,

Контрреформации и Просвещения характерно для многих европейских национальных языков, однако в Словении оно замедляется (в некоторые периоды значительно) в силу отсутствия национальной государственности.

Распад Австро-Венгрии и вхождение основной части территории, населенной словенцами, в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а затем Югославию создали новые условия для развития словенского языка. С одной стороны, в межвоенный период продолжается расширение его функционального спектра; например, с организацией Люблянского университета (1919) происходит становление высшего образования и науки на словенском языке; с другой стороны, его развитие и функционирование как в официальной сфере, так и в сфере образования искусственно сдерживается государственной поддержкой концепции "единого сербохорватско-словенского языка", особенно усиленно внедрявшейся в гимназическое образование в 30-е годы. Положение словенского языка в этот период осложняется еще и тем, что после первой мировой войны значительная часть словенской этнической территории попадает в сопредельные государства, где он практически полностью, прежде всего в Италии во времена фашизма, вытесняется из сферы официального общения: в 1923 г. закрываются словенские школы, в 1927 г. запрещается деятельность словенских библиотек и многочисленных словенских культурных, молодежных, спортивных и других обществ.

Следующий этап расширения функций словенского языка начинается после второй мировой войны, с возникновением словенской государственности в рамках ФНРЮ. Словенский язык становится государственным языком Словении и вместе с сербохорватским и македонским — одним из государственных языков Югославии.

Языковая ситуация на территории Словении до недавнего времени характеризовалась признаком частичного (функционально ограниченного) двуязычия. Гомогенность этнического состава населения Словении, целенаправленная языковая политика, целью которой было сохранение самобытности словенской национальной культуры и языка, всемерное расширение функций, повышение и укрепление его статуса, а также реформы системы образования в конце 50—60-х годах способствовали тому, что к моменту возникновения независимого государства словенский язык в Словении был обязательным во всех сферах употребления, включая общественно-политическую и хозяйственную деятельность и управление. Исключение составляли лишь дислоцированные на территории Словении подразделения Югославской народной армии, где в качестве официального языка функционировал только сербохорватский. В федеральных управленических структурах и на дипломатическом поприще словенцы также пользовались сербохорватским языком. Однако и в этих областях в последние десятилетия велась интенсивная работа по созданию специальной терминологии (ср. [22] и оживленную дискуссию по данной проблеме в [14; 7]) и других необходимых компонентов для дальнейшего расширения функций словенского языка. Любые попытки ограничения его использования всегда встречали немедленный отпор словенской общественности, прежде всего в лице Общества словенистов Словении (ср. дискуссию о необходимости

перевода фильмов с сербохорватского языка, о создании классов с сербохорватским языком обучения в сфере среднего профессионального и высшего образования, о сербохорватском языке в армии и др.). В области повседневной бытовой коммуникации словенцев с носителями сербохорватского языка в последние десятилетия также наблюдалось сужение сферы использования сербохорватского языка на территории Словении. Степень владения сербохорватским языком у словенцев колебалась в зависимости от возрастных категорий, уровня образования и рода занятий с тенденцией к постепенному снижению: в 80-х годах им активно владели (кроме профессиональных переводчиков, преподавателей и под.), как правило, лишь люди, длительное время жившие или работавшие вне Словении. Таким образом осуществлялся плавный выход словенского языка из ситуации функционирования в условиях частичного двуязычия.

Обретение Словенией государственной независимости в 1991 г. открывает новую эпоху в истории словенского языка. Он становится полноправным языком для обслуживания армии и сферы международных отношений, возрастает его значение и во всех других областях жизни. Связанные с этим процессы, буквально протекающие на наших глазах, безусловно, нуждаются в пристальном изучении.

Особой проблемой является функционирование словенского вообще и словенского литературного языка в частности на словенской этнической территории за пределами Словении. Этот аспект играет определенную роль и при обсуждении проблем, связанных с возможностями нормирования разговорной формы словенского литературного языка. Словенский язык в сопредельных странах функционирует в условиях всеобщего однонаправленного двуязычия, т.е. его носители, проживающие в Австрии (в Каринтии) и Италии (в Венецианской Словении, Резии и Канальской долине), владеют в достаточной степени всеми необходимыми им формами немецкого или итальянского языков (устной формой литературного языка для официального общения и региональным интердиалектом для полуофициального общения), а носители немецкого и итальянского языков, проживающие на тех же территориях, при этом не владеют словенским. В таких условиях достаточно редко возникают ситуации, в которых обязательно должен употребляться именно такой идиом, как словенский литературный язык, поскольку немецкий или соответственно итальянский обслуживают практически всю сферу официального общения. Местом официального общения на словенском языке являются лишь словенские культурно-просветительские, хозяйственно-экономические и политические объединения, система словенского просвещения и церковь; в Австрии, однако, и в этой сфере использование словенского языка сокращается из-за введения в 70-х годах двуязычного богослужения.

Как видно, достаточно регулярно в общении на словенском литературном языке участвуют преимущественно представители национальной интеллигенции, являющиеся активными членами разного рода культурных и политических организаций. Вне этого круга в силу объективных обстоятельств использование словенского языка при общении не является престижным, что в настоящее время в условиях всеобщей грамотности и

стремления к использованию более престижных форм языка не только в официальной, но и в других сферах общения может привести к прогрессирующей ассимиляции. Необходимо отметить, что как в Италии, так и в Австрии итальянско- и соответственно немецко-словенское двуязычие в областях со смешанным населением закреплено законодательно; там функционирует система словенского образования, выходят словенские (например, "Primorski dnevnik" в Италии, "Slovenski vestnik", "Naš tednik" в Австрии) и двуязычные (например, словенско-немецкий еженедельник "Tango") издания.

Другой, уже собственно лингвистической, проблемой является состояние разговорного языка в этих областях. Например, в Каринтии исторически развилась особая форма разговорного языка, являющаяся, по сути дела, региональным интердиалектом. Ее словарный запас и морфология в основных своих чертах ориентированы на кодифицированный литературный язык, однако в произношении она имеет целый ряд специфических черт, которые совершенно не характерны для разговорного языка за пределами Каринтии: это сдвинутое к среднему ряду и среднему подъему образование гласных *i*, *и* и *a*; неразличение *o* и *e* средне-верхнего и средне-нижнего подъема; редукция безударного *i* в конце слова в *ə*; произношение [e] вместо [ɛ] в суф. *-əc*, *-ək*; увулярный *R*; билабиальный *w*; ларингальный *h* в заимствованиях типа *horizont*; акцентовка *l*-причастий: *hotél*, *peljál*, *spremeníl*; краткое начальное ударение в сложных и составных именах типа *'zemljepis*, *'verouk*, *'dobeseden*. Таким образом, этот говор имеет ярко выраженный наддиалектный характер (некоторые присущие ему черты, например произношение увулярного *R*, характерны далеко не для всех каринтийских диалектов) и осознается как идиом с высокой степенью нормированности.

Это, по-видимому, является одной из причин непрестижности словенской литературной орфоэпической нормы в Каринтии, следование которой в устах каринтийца звучит претенциозно, "не по-нашему". В устах же некаринтийцев, например дикторов словенской программы Клагенфуртского радио, приезжающих, как правило, из Словении, оно лишь подчеркивает их иностранное происхождение. Таким образом, различия между каринтийским и центральнословенским вариантами литературного языка расцениваются каринтийскими словенцами как аналог различий, например, между австрийским, германским и швейцарским вариантами немецкого литературного языка [12]. Такое положение вызывает закономерное неприятие каринтийскими словенистами предлагаемого в последнее время пути нормирования разговорной формы словенского литературного языка, учитывающего ряд центральнословенских особенностей или даже черт люблянского интердиалекта, еще более чуждых для каринтийцев, чем орфоэпические нормы литературного языка.

В Италии, по нашим наблюдениям, в меньшей степени ощущается присутствие какого-либо интердиалектного идиома с высокой степенью нормированности, что имеет двоякий результат: с одной стороны, в среде словенской национальной интеллигенции (в особенности среди преподавателей словенских учебных заведений, работников культуры, полити-

ческих деятелей) широко употребляется кодифицированная устная форма словенского литературного языка с незначительными диалектными отступлениями (неразличение гласных средне-верхнего и средне-нижнего подъема, фрикативный γ и под.), с другой — более широко, в том числе и в письменной форме, функционируют диалекты (особенно в Венецианской Словении); это, возможно, объясняется и тем, что в Италии живет целое поколение людей, не получивших систематического образования на словенском языке и вследствие этого не имеющих навыков устного использования литературного языка.

Положение словенского языка в Венгрии, где сфера его употребления чрезвычайно ограничена, а словенская система образования функционирует лишь в рамках начальной школы, несколько отличается от его статуса в Италии и Австрии. Это объясняется как малочисленностью словенского населения, так и его исторически обусловленной оторванностью от культурных центров на территории Словении, а также отсутствием длительной традиции использования словенского литературного языка не только в устной, но и в письменной форме (региональный прекмурский литературный язык функционировал до 1918 г.; отдельные издания на нем осуществляются и в настоящее время как на территории Словении, так и в США).

И в самой Словении существуют национальные меньшинства — венгерское (9496 человек, по переписи 1981 г.) и итальянское (2187 человек, по переписи 1981 г.), районы проживания которых (Лендава и, Изола) также являются двуязычными, венгерский и итальянский языки в ограниченной степени функционируют там в сфере официального общения в органах местного управления, а также в сфере образования, где посещение двуязычных школ в районах со смешанным населением обязательно для представителей всех национальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение славянских литературных языков. М., 1978.
2. Ронин В.К. Проблемы этнического самосознания словенцев // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
3. Топоришич Й. Словенский литературный язык // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. М., 1983.
4. Breznik A. *Živiljenje besed*. Maribor, 1976.
5. Brozović D. Suvremeni slovenski standardni jezik — kompleksan lingvisticki fenomen // *Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura: Mednarodni simpozij v Ljubljani od 1. do 3. julija 1986*. Ljubljana, 1988.
6. Dular J. Zvrstnost slovenskega jezika // *Slovenski jezik, literatura in kultura: Informativni zbornik*. Ljubljana, 1975.
7. Gjurin V. *Slovenščina zdaj!* Ljubljana, 1991.
8. Jesenovec F. Oznaka slovenskega pogovornega jezika v Celju in okolici // *Jezik in slostvo. 1971/72. Lét. 17.*
9. Lexikalische Inventarisierung der slowenischen volkssprache in Kärnten (Grundsätzliches und Allgemeines) / Hrsg. von S. Hafner, E. Prunč. Graz; 1980.
10. Pogorelec B. Vprašanja govorjenega jezika // *Jezikovni pogovori*. Ljubljana, 1965.
11. Reisp B. Tiskarska produkcija v Ljubljani od leta 1678 do 1764 // *Obdobje baroka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: Mednarodni simpozij v Ljubljani od 1. do 3. julija 1987*. Ljubljana, 1989.

12. *Schellander A.* Sodobni slovenski jezik na Koroškem: vprašanja govornega sporazumevanja, jezikovnega znanja in jezikovne rabe v dvojezični situaciji // Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura: Mednarodni simpozij v Ljubljani od 1. do 3. julija 1986. Ljubljana, 1988.
13. Slovenski pravopis. Ljubljana, 1990. Knj. 1: Pravila.
14. Slovenščina v javnosti. Ljubljana, 1983.
15. *Toporišič J.* Slovenski knjižni jezik. Maribor, 1965. Knj. 1.
16. *Toporišič J.* Zvrsti slovenskega jezika // Jezikovni pogovori. Ljubljana, 1967.
17. *Toporišič J.* Slovenski pogovorni jezik // Slavistična revija. 1970. Let. 18.
18. *Toporišič J.* Pojmovanja in poimenovanja za pojave zvrstnosti slovenskega jezika // Slavistična revija. 1977. Let. 25.
19. *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor, 1984.
20. *Toporišič J.* Družbenost slovenskega jezika: (Sociolingvistična razpravljanja). Ljubljana, 1991.
21. *Toporišič J.* Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992.
22. Vojaški slovar. Ljubljana, 1977.
23. *Zorko Z.* Mariborski pogovorni jezik na stičišču treh narečnih baz: (Glasoslovje in besedišče) // XXVIII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. 29.6—18.7.1992: Zbornik predavanj. Ljubljana, 1992.

*Р.П. УСИКОВА**

(РОССИЯ)

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИИ¹

Во все периоды за последние 1200—1300 лет, с момента появления славянских племен на Балканах, языковая ситуация в Македонии характеризовалась наличием гомоморфных идиом на уровне территориальных диалектов, кроме того, диглоссией, компонентами которой в разное время могли быть различные балканские языки, например в официальном общении официальный, "государственный" язык ~ родной диалект в неофициальном общении (в период вхождения в Византию это было противопоставление греческого языка как языка официального родным славянским, влашским и другим диалектам; в период 500-летнего господства Османской империи — турецкий ~ говоры порабощенных народов, т.е. славян, романских народов, албанцев и т.п.; в королевской Югославии — сербский ~ говоры народов, населяющих Вардарскую Македонию). Таким образом, более пяти веков вплоть до 1945 г. на этой территории языками официального общения были турецкий и затем сербский (сербохорватский).

В настоящее время около 70% всего населения Республики Македонии составляет сформировавшийся в македонскую нацию славянский этнос, называющий себя македонцами. По данным переписи 1991 г., когда Республика Македония еще входила в состав федративной Югославии (СФРЮ), численность всего населения республики составляла 2 033 964

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 92-06-10823.

¹ Сокращенный вариант. Полный текст статьи "Языковая ситуация в Республике Македонии" публикуется в ж. "Славяноведение".

человека, из них македонцев 1 314 283, албанцев — 427 313 (албанцы отказались принимать участие в этой официальной переписи, поэтому приводятся прогнозируемые данные официальной статистики), турок — 97 416, цыган — 55 575, сербов — 44 159 человек. Сопоставление данных переписи 1991 г. и предыдущей (1981) показывает рост численности всех этносов, проживающих в Республике Македонии, за исключением сербов, которых (вместе с хорватами, черногорцами и "югославенами") в 1981 г. было 66 112 человек. В переписи 1991 г. не указана численность арумынов (влахов), которых в 1981 г. было 6392. Национальный состав распределен в республике неравномерно. В столице — г. Скопье — 3/4 общего числа жителей составляют македонцы, 1/4 приходится на представителей других этносов, а это половина всех живущих в республике сербов и цыган, четверть общего числа албанцев и турок; вообще в Скопье проживает более 500 000 человек, т.е. более четверти населения страны. Македонцев в процентном отношении к другим народностям больше всего на территориях центральных общин (Битола, Прилеп, Кавадарцы) и в Охриде; в западной части страны албанцы составляют большинство населения, а в общинах Тетово, Гостивара, Дебра — 3/4 общего числа жителей.

Специфичность современной языковой ситуации в Республике Македонии состоит не только в том, что македонский язык как официальный язык государства вытеснил из этой сферы общения сербохорватский, но и в том, что македонский язык служит средством межнационального общения.

Официальным языком македонский был объявлен с момента образования Республики Македонии в составе федеративной Югославии в 1944 г. Кодификация македонского языка была оформлена правительственным декретом в мае 1945 г. Это был один из официальных языков федеративной Югославии наряду с сербохорватским и словенским. Естественно, в первое время после кодификации и введения в официальную сферу общения македонский язык еще не был полифункциональным и существовал главным образом в письменной форме (газеты "Нова Македония", "Млад борец", "Македонка" начали издаваться с 1944 г., масовая литература, обращенная к народу в виде листовок, военных приказов, воззваний и т.п., издавалась в македонских военных соединениях Югославской народной армии в годы национально-освободительной борьбы против фашизма — в 1941—1945-м).

Македонский язык был введен в государственных учреждениях, школах, в прессе, на радио и других государственных институтах Республики Македонии. На повестку дня были поставлены задачи научной разработки конкретных литературных норм и практического внедрения литературного македонского языка во все сферы коммуникации и превращения его в национальный полифункциональный язык. История полувекового функционирования и становления литературного македонского языка свидетельствует о его интенсивном развитии. В настоящее время он действительно стал развитым полифункциональным языком и изменил существовавшую веками в Македонии языковую ситуацию.

С 1945 г. до настоящего времени в становлении и развитии лите-

ратурного македонского языка в Республике Македонии можно выделить следующие периоды:

I. 1945—1950 гг. — период между появлением первого и второго орографического кодекса литературного македонского языка.

В первом орографическом кодексе 1945 г. были регламентированы вопросы графики и сформулированы общие принципы, выработанные в процессе оживленных дискуссий о македонском языке, материалы которых публиковались на страницах нелегальной коммунистической печати в годы национально-освободительной борьбы против фашизма: 1) в македонский литературный язык входят те формы центральных западномакедонских говоров, которые в наибольшей степени объединяют все македонские диалекты и приемлемы для носителей языка из других областей; 2) в македонском литературном языке в максимальной степени должна быть отражена его народная основа. Словарь литературного языка должен обогащаться за счет всех македонских диалектов, новые слова создаются с помощью продуктивных аффиксов, заимствования принимаются лишь в случае необходимости; 3) орфография основывается на фонетическом принципе. В 1945 г. были кодифицированы главные морфологические особенности языка: формообразование и словоизменение глаголов, существительных, местоимений, постпозитивного артикля. Правила допускали некоторую вариативность норм, например дублетные флексии мн. числа односложных существительных муж. рода *-ови/-ои/-ој*, глаголы несов. вида с суф. *-уе/-ува*. При общей ориентации на центральные западномакедонские говоры некоторые вопросы морфологии были решены на базе восточных македонских диалектов, а также "под влиянием примера соседних славянских литературных языков, пользующихся престижем" (т.е. сербохорватского и болгарского языков), например форма 3-го лица ед. числа наст. времени кодифицирована без западномакедонской флексии *-т*: *чита, пишува/пишуе, седи, лежи, пие, знае, падне, пере*.

Введение македонского литературного языка в государственных учреждениях, средствах массовой информации, школах, т.е. в сферу официального общения, способствовало его практическому внедрению в массы. Широкие слои населения потянулись в кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности. Бурно развивается культура: возникают театры на македонском языке (пьесы на македонском языке ставились любительскими коллективами еще в 30-х годах), создается первый "толстый" литературно-художественный и общественно-политический журнал "Нов ден", в котором публикуются первые прозаические произведения на македонском языке (поэзия на македонском языке была популярна уже в 30-е годы, особенно стихи Кочо Рацина и Венко Марковского²). В 1946 г. выходит из печати первая грамматика македонского языка, утвержденная Министерством народного просвещения в качестве учебника для школ. Но поскольку овладевших нормами литературного языка было еще

² К. Рацин трагически погиб в 1943 г. в партизанском отряде. Судьба В. Марковского была тоже трагичной: как "сталинист" он сидел в титовских тюрьмах и концлагерях, затем был предан забвению как поэт, в 1965 г. эмигрировал в Болгарию, где его называли "болгарским поэтом, пишущим на велесском диалекте"; умер и похоронен, по нашим сведениям, в Софии.

немного, в издательствах, театрах, на радио вводятся специальные должности редакторов-лекторов (литправщиков), следивших за соблюдением литературных норм в письменной и устной речи.

Практически в сфере официального и полуофициального общения кроме литературного языка использовались обиходно-разговорное койне и родной македонский говор, а также сербохорватский язык и иногда болгарский, поскольку это были языки обучения в школе (болгарский — в 1941—1944 гг., во время оккупации, сербохорватский — с 1918 по 1941 г.).

Многие вопросы нормирования македонского литературного языка еще ждали своего решения, это касалось орфоэпии, некоторых правил правописания и образования грамматических форм, лексики.

II. 1950—1970 гг. В 1950 г. вышел второй орфографический кодекс, в котором было расширено представление о нормах литературного языка, ликвидирована допускавшаяся первым кодексом некоторая дублетность форм, новые грамматические правила формулировались на основе уже принятого направления, частично была кодифицирована лексика литературного языка в виде орфографического словаря из 6 тыс. слов.

Бурное развитие македонского литературного языка было связано как с целенаправленной языковой политикой, так и с процессами, затронувшими все слои общества в республике.

Наиважнейшую роль играло развитие образования на македонском языке. Появляются новые поколения грамотных людей, обучавшихся в школе на родном, македонском, языке. В 40-х годах открывается университет в столице республики Скопье, который в 1949 г. выпустил первые кадры национальной интеллигенции и стал готовить дипломированных специалистов по всем гуманитарным специальностям, медицине, технике, строительству и архитектуре. С 1951 г. создаются общественные организации, занимающиеся изучением и пропагандой македонского литературного языка (например, Общество македонского языка и литературы). Возникают научные учреждения, занимающиеся изучением македонского языка, его истории и диалектологии (Институт македонского языка им. К. Мисиркова). Из специалистов по различным отраслям знаний формируются комиссии по созданию македонской научной и специальной терминологии. Появляются научные журналы, посвященные вопросам македонского языка, — "Македонски јазик" и "Литературен збор". В 1953—1954 гг. выходит из печати двухтомная грамматика македонского литературного языка Блаже Конеского, в которой обосновываются и дополняются нормы литературного языка в фонетике, морфологии и функционировании грамматических форм. В 1961—1966 гг. публикуется трехтомный словарь македонского языка с сербохорватскими толкованиями объемом 64 522 словарные статьи. Таким образом была кодифицирована лексика литературного македонского языка.

Бурно развиваются культура и литература, появляются новые поэты, писатели, работающие во всех литературных жанрах. Македонская литература проходит ускоренный путь развития и вхождения в мировую культуру.

Важнейшим событием научной и культурной жизни Республики Маке-

дении в этот период было создание в 1967 г. Македонской академии наук и искусств. Первым президентом Академии был избран известный общественный деятель, талантливый поэт и ученый, все годы возглавлявший кодификаторскую работу по македонскому литературному языку, академик Блаже Конески.

С 1967 г. македонская православная церковь провозгласила свою автокефальность, отделившись от сербской православной церкви. Македонский литературный язык проникает и в эту сферу языкового и духовного общения.

Определенное развитие в сфере официального общения и образования получают языки национальных меньшинств Македонии, особенно албанский. В районах с преобладающим албанским населением открыты школы на албанском языке; кадры учителей для этих школ готовятся в специальных учебных заведениях республики. В этот же период издается одна из первых в мире грамматик цыганского языка, на котором говорят его носители на Балканах. В Скопье кроме драматического и оперного театров на македонском языке работают драматические театры на албанском и на турецком языках.

Для многонационального сообщества Республики Македонии 1950—1970 гг. были периодом привыкания к использованию македонского литературного языка как основного средства официального и полуофициального общения и вытеснения прежних навыков использования сербохорватского языка. В сфере письменного общения македонский литературный язык (конечно, с отклонениями от нормы в силу недостаточной грамотности и культуры речи среди широких слоев населения, особенно далеких от филологии) в целом победил и употреблялся повсеместно. Труднее было в сфере устного общения. Так, по нашим непосредственным наблюдениям, проводившимся в Скопье в 1965, 1966, 1969, 1971-м и в последующие годы, в сфере полуофициального общения — на улице, в магазинах, кафе и даже в стенах университета — чаще можно было услышать македонское разговорное городское койне или сербохорватский язык (сербохорватский по привычке как более "престижный" употреблялся главным образом в разговоре с незнакомыми людьми, особенно с иностранцами). В официальном общении — на лекции, митинге, при разговоре начальника с подчиненным — употреблялся только македонский язык. Постепенно македонский язык проникает во все слои общества и во все сферы коммуникации, что связано с появлением новых поколений, получивших образование на македонском, а не на каком-либо другом языке. Впрочем, сербохорватский язык также изучался в школах и был необходимым для общения с представителями других югославских республик и за пределами Македонии.

Огромную роль в изменении общественного сознания относительно статуса македонского языка как главного средства коммуникации в официальной и полуофициальной сфере сыграли средства массовой информации, и в первую очередь самое популярное из них — телевидение. Если до конца 60-х годов телевизионные передачи шли главным образом из Белграда и Загреба на сербохорватском и из Любляны на словенском языке (все они были понятны македонцам), то с конца 60-х годов скопское

телевидение переходит в основном на телевещание на македонском языке по двум программам и лишь небольшое время отводится трансляциям из других республик и собственным передачам на албанском и турецком языках. Увеличение времени звучания македонского литературного языка по телевидению способствовало его более широкому проникновению в массы, но, с другой стороны, уменьшение числа передач на сербохорватском языке привело к тому, что новые поколения македонцев стали не столь хорошо владеть сербохорватским языком³.

III. 1970—1991 гг. Опираясь на научные достижения исследований македонского языка и на стихийное развитие языка и его норм, коллектив ведущих ученых Института македонского языка им. К. Мисиркова подготовил третий орфографический кодекс македонского языка, опубликованный в 1970 г. Этот кодекс вышел в большем объеме по сравнению со вторым кодексом 1950 г. за счет более подробной и детальной разработки и объяснений правил, кодифицированных ранее, а также за счет совершенно новых разделов — транскрипции иностранных личных имен, географических названий и заимствованных слов, правописания сложных и сложносокращенных слов, пунктуации в простом и сложном предложении. Орфографический словарь третьего кодекса содержит уже 30 тыс. слов с указанием ударения и словоизменительных форм в случаях отступления от общих правил, он практически может служить индексом лексического состава македонского литературного языка. Орфографический словарь был создан на основе трехтомного словаря, из которого были отобраны живые общеупотребительные лексемы, получившие кодифицированный статус.

В этот период македонский литературный язык прочно входит в практику общения всего многоязычного коммуникативного сообщества республики не только в официальной, но и в полуофициальной сфере, вытеснив из этих сфер сербохорватский язык. К сербохорватскому македонцы прибегают лишь в разговоре с иностранцами, полагая, что их так лучше поймут.

И хотя кодификаторская и исследовательская работа по македонскому языку в республике продолжается — начал выходить многотомный словарь македонской народной поэзии (выпущены три тома), в 1990 г. был опубликован словарь иностранных слов и выражений, переведенный на македонский с сербохорватского, в 1991—1993 гг. появляются красочно изданные иллюстрированные словари македонского языка для детей (толковый, иностранных слов, македонско-английско-французский), — требования жизни и стихийное развитие языка опережают появление новых официальных правил и словарей.

IV период развития македонского языка и его становления как языка официального, государственного начинается с 1991 г., когда Республика Македония выходит из состава федеративной Югославии и становится самостоятельным, независимым государством.

³ Введение на македонском телевидении новых телеканалов с передачами иностранных телекомпаний на западноевропейских языках (главным образом на английском) в конце 80-х годов сыграло положительную роль в изучении этих языков молодежью Республики Македонии.

Таблица 1

Период	Тип общения		
	официальное	полуофициальное	неофициальное
До 1918 г. – в составе Османской империи	турецкий язык	1) различные модификации литературного языка на базе родного диалекта; 2) родной говор	родной македонский говор
1918–1945 гг. – в составе королевской Югославии	сербохорватский язык	1) сербохорватский язык; 2) македонское койне, родной македонский говор	македонское койне, родной македонский говор
Во время болгарской оккупации	болгарский язык		
1945–1950 гг. – республика в составе федеративной Югославии	1) македонский литературный язык, койне, говор; 2) сербохорватский язык	1) македонский литературный язык, койне, родной говор; 2) сербохорватский язык	"
1950–1970 гг.	македонский язык	1) македонский литературный язык, койне; 2) сербохорватский язык	македонский литературный язык, койне, родной говор
1970–1991 гг.		македонский литературный язык, койне	"
С 1991 г. по настоящее время	"		

Итак, за последние почти полвека в Республике Македонии коренным образом изменилась вся языковая ситуация, и прежде всего статус македонского языка: из языка домашнего общения он превратился в официальный язык государства и средство официального и полуофициального общения представителей разнозычных народов на территории республики. В XX в. в корне изменился статус турецкого и в значительной мере статус сербохорватского языка.

В табл. 1 показано, на каких языках и каких стратах родного языка общалось основное население Республики Македонии (македонцы) в XX в.

В табл. 2 представлены языки, используемые в различных сферах общения разнозычными этносами, составляющими коммуникативное сообщество в Республике Македонии в настоящее время.

Развитие македонского национального языка сверху (нормативные кодифицирующие документы, словари, учебники и т.п.) и снизу (стихийные процессы развития языка в разных слоях населения) привело к формированию функциональных стилей. В литературном македонском языке сформировались научно-публицистический и административный стили, язык обогащается многожанровой македонской художественной литерату-

Таблица 2

Этнос и его численность	Язык					
	македонский	албанский	турецкий	цыганский	сербский	другие
Македонцы 1 314 283	↔ ■ ×				(↔ ■)*	
Албанцы 427 313	↔ ■	↔ ■ **			(↔ ■)	
Тури 97 416	↔ ■		×		(↔ ■)	
Цыгане 55 575	↔ ■			×	(↔ ■)	
Сербы 44 159	↔ ■				(↔ ■) ×	
Другие 95 220	↔ ■					×

Численность населения приводится по данным официальной переписи 1991 г.; социолингвистические сведения взяты из исследования О. Яшар-Настевой [1], опубликованного в 1982 г. с поправками-примечаниями автора данной статьи.

Условные обозначения: ↔ – официальное общение; ■ – полуофициальное общение; × – неофициальное (домашнее) общение.

Примечания: *Сербским (сербохорватским) языком внутри республики и за ее пределами пользуются при разговоре с иностранцами, не знающими македонского языка.

** В районах с преимущественным албанским населением (на западе республики) среди албанцев возможно официальное общение на албанском языке.

рой, характеризующейся стилистическим своеобразием. Продолжают сохраняться и локальные говоры.

Остановимся на той разновидности македонского языка, которая македонскими учеными называется "разговорный язык", используемый в устной речи носителями македонского языка при полуофициальном и неофициальном общении.

Термином "разговорный македонский язык", как нам кажется, охвачены две различные функциональные разновидности македонского языка, а именно:

1. Устная разговорная речь в рамках литературного языка как его функциональный стиль. Классические образцы этого стиля можно услышать, например, на международных летних семинарах македонского языка, литературы и культуры в Охриде, в стенах университета в Скопье на лекциях и в разговоре преподавателей, затем в средствах массовой информации (на радио и телевидении) и, конечно, со сцен драматических театров в пьесах македонских авторов. Разумеется, речь персонажей произведений художественной литературы также часто демонстрирует разговорный стиль литературного македонского языка. Как и в других языках, разговорная разновидность македонского литературного языка отличается спонтанной линейностью, экспрессивностью и другими типичными для устной разговорной речи свойствами. Она наддиалектна, как и литературный

македонский язык в целом, хотя в нее могут проникать слова, не употребляющиеся в высоком, книжном стиле.

В разговорном стиле литературного македонского языка много сербизмов, турцизмов, интернационализмов и диалектизмов, употребляющихся не только в экспрессивных целях. О влиянии сербской и турецкой лексики и их функциях в македонском языке мы уже писали [3]. Разговорному стилю свойственно цитирование сербских слов, фразеологизмов и выражений из речевого этикета или калек из сербского. Эта особенность свойственна и просторечию. Можно квалифицировать такое цитирование и как остатки навыков обращаться к незнакомым или учтиво на более престижном сербском языке. Ср., например, просторечное *изволте* вместо лит. *повелете* ‘пожалуйста’ (из серб. *изволите*), сербизм *рецимо* вместо лит. *да кажем* ‘скажем’ как вводное слово. Цитирование имеет также и стилистическую-экспрессивную функцию, при этом цитата из сербского выделяется интонационно или кавычками, например *срцепарајућа песна* вм. *срцепарачка* (калька) ‘душепитательная песня’.

В разговорном стиле формируются свои словообразовательные модели, например образования жен. рода с суф. -ка от существительных муж. рода со значением ‘профессия, должность’: *директор* — *директорка* ‘женщина-директор, директриса; жена директора, директорша’; *проректор* — *проректорка* ‘проректорша’; *декан* — *деканка* ‘деканша’; *професор* — *професорка* ‘1. учительница в гимназии; 2. разг. профессор в вузе, профессорша’. В нейтральном литературном стиле используется чаще форма муж. рода: *госпоѓа проректор!* *госпоѓа декан!* ‘госпожа проректор! госпожа декан!’. Из разговорного стиля в нейтральный, вероятно, уже проникли существительные с суф. -ара (из сербохорв.), вытеснив кодифицированные было в 60-е годы существительные с суф. -арница со значением наименования предприятия, завода, фабрики, например: *кожара* ‘кожевенный комбинат’, *сендвичара* ‘бутербродная’, *свилара* ‘шукоткацкий комбинат’, *стеклара* ‘фабрика по производству изделий из стекла’ и т.д.

2. Устная речь малограмотных людей и — в неофициальном общении среди знакомых своего круга — речь грамотных людей, характеризующаяся регионализмами на всех уровнях языка в фонетике, лексике и грамматике. Мы полагаем, что это — просторечие, наиболее распространенным типом которого является разговорное городское койне. По типу просторечия можно сразу выяснить, из какого края приехал носитель македонского языка. Вероятно, со временем возникнет более обобщенный тип койне (просторечия), например на базе скопского городского диалекта, включающего в себя черты койне других регионов. Приведем выдержки из записей студенческой речи, сделанных проф. Л. Миновой-Гюрковой [2, 173—180]. Это диалогическая и монологическая речь студентов-филологов, разговаривающих между собой (неофициальное общение). Регионализмы здесь накладываются на скопское койне, но все же видно, из какого региона данный студент приехал учиться в столицу.

БИТОЛА: *Toj останва, да се докажи* (лит. разг. было бы: *Toj останува, да се докаже*).

ВАЛАНДОВО: Седум дома уф Скопје, сеа баш учум, поретко и излевум најного на кино, уф диско (лит.: Седам дома во Скопје, сега баш учум, поретко излегувам, најмного на кино, во диско-клуб).

ГЕВГЕЛИЈА: Воа јă един дел од мојто раскажување на сапунската серија "Подобор живот" или уф уригинал "Бољи живот" (лит.: Еве го еден дел од моето раскажување за сапунската серија "Подобар живот" или во оригинал "Бољи живот" — оригинал названия приводится на сербохорватском языке).

ДЕЛЧЕВО: Ето, дојдех малце за прázниците и па ќе бегам накај Скопје. А и тамо не се врта ногу (лит.: Еве, дојдов малце за празниците и пак ќе бегам накај Скопје. А тамо не се вртам многу).

КАВАДАРЦИ: Некња беме со еден другар на кино. Се најдбме така у Трговски и си викаме: Кaj к'ојме сеа? Аj к'ојме у "Бамби". Е, аj, извадиме карти, си купиме бомбони, семки и влегбоме унатре (лит.: Некне бевме со еден другар на кино. Се најдовме така во Трговски и си викаме: Кaj ќе одиме сега? Аj да одиме во "Бамби". Е, аj(де), извадивме билети, си купивме бонбони, семки и влеговме внатре).

КУМАНОВО: Гледа ли гу последњу епизоду од онуј серију? (лит.: Дали ја гледаше последната епизода од онаа серија?)

ОХРИД: Некни ја гледаше Евровизијата? Немаше кузнајт шо песни, ама победничката беше срце. Догодина ко ќе пушчиме и ние некоја срцепарајуча. И нас толку ни чинит, поубо да не дојт, кaj нас евровизија да се држит, брука ќе паднит (лит.: Некне ја гледаше Евровизијата? Немаше кој знае што песни, ама победничката беше срце. Догодина кога ќе пуштиме и ние некоја срцепарачка. И нам толку ни чини, поубаво да не дојде, кај нас евровизија да се држи, брука ќе падне).

СКОПЬЕ: Требаше вчера да го гледаш филмот. Додуше на видео не може да дојде до изражаж, али добар е. А ти текнуе кога го гледавме "Кум"? Еj тој филм у еден дах го гледав (лит.: Требаше вчера да го гледаш филмот. Навистина на видео не може да дојде до израз, но добар е. А ти текнува кога го гледавме "Кум"? Е, тој филм во еден здив го гледав).

Как видим, македонское просторечие характеризуется регионализмами на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, влиянием скопских особенностей на речь студентов из других областей (например, предлог *у* вместо лит. *во*), а также сербизмами в лексике и фразеологии (например, *срцепарајуча песна*, *додуше*, *до изражаж*). Просторечие используют люди одного круга, друзья, причем они могут быть уроженцами разных областей и носителями разных локальных диалектов, на которых говорят главным образом в селах. Выбор функциональной разновидности общенационального македонского языка (нейтральный или разговорный стили литературного языка, региональное просторечие-кайне или локальный говор) вполне осознается говорящим — носителем македонского языка. Например, проф. Л. Минова-Гюркова дома со своими детьми (студенткой и молодым дипломированным специалистом) разговаривает на

скопском городском койне (просторечии), со мною — иностранкой-македонистом — на чистейшем литературном македонском языке.

Регионализмы в фонетике и морфологии, сербизмы в лексике иногда встречаются в речи носителей македонского языка и при официальном общении, что объясняется недостаточной грамотностью; например, в научном докладе уроженца Охрида можно услышать *тој имат формирано* (вместо лит. *има формирано*), житель Скопья может сказать *сусед* (вместо лит. разг. *комши ja*, лит. высокого стиля *сосед*), и такие случаи не единичны.

Таким образом, в македонском языке под термином "разговорный язык" следует различать два явления — разговорный стиль македонского литературного языка и нелитературное просторечие в виде региональных койне, из которых доминирующим является койне жителей столицы республики, включающее в себя и подавляющее другие региональные койне. Главное отличие разговорного стиля литературного языка и нелитературного просторечия состоит в соблюдении грамматических и фонетических норм в разговорном стиле и в отступлениях от них в сторону региональных особенностей в просторечии. Но обе разновидности современной македонской речи одинаково свободны в выборе разнообразных лексических средств, особенно при выражении экспрессии.

Итак, современную македонскую речь представляют: 1) македонский литературный язык, используемый в официальном, полуофициальном, неофициальном (домашнем) общении; 2) разговорный стиль литературного языка, используемый в полуофициальном и неофициальном общении и представленный в речи персонажей многожанровой художественной литературы; 3) просторечие, используемое в неофициальном и домашнем общении; 4) местные территориальные говоры.

Языковая ситуация в Республике Македонии исторически изменилась в том смысле, что впервые родной язык основного этноса страны стал универсальным полифункциональным и межнациональным средством языковой коммуникации во всех ее сферах. Вместе с тем для всей социальной общности республики по-прежнему характерны двуязычие и многоязычие, проявляющиеся в сознательном выборе родного или неродного языка (диалекта, просторечия) в определенных коммуникативных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Јашар-Настева О. Појави диглосија и билингвизам во СР Македонија // Пристапни предавања... Скопје, 1982.
2. Минова-Гуркова Л. Македонски јазик за странците. Скопје, 1989.
3. Усикова Р.П. Состояние и проблемы македонской лексикографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1991. № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
I. ЯЗЫК — КУЛЬТУРА — ЭТНОС: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	
<i>С.А. Арутюнов.</i> Народные механизмы языковой традиции	5
<i>Я. Гофманова, О. Мюллера.</i> Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке	13
<i>Фр. Данеш, С. Чмейркова.</i> Экология языка малого народа	27
<i>В.А. Дыбо.</i> Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы)	39
<i>Я. Качала.</i> Язык и национальная самоидентификация (на примере словацкого национального языка)	51
<i>Я. Корженский.</i> Методологические вопросы анализа чешского языка как национального	61
<i>Л.П. Крысин.</i> Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты	66
<i>Г.П. Нещименко.</i> Язык и культура в истории этноса	78
<i>Ю.И. Смирнов.</i> Язык, фольклор и культура	99
<i>Е.Ф. Тарасов.</i> Язык и культура: методологические проблемы	105
II. ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ	
<i>К. Бузашова, С. Ондрейович.</i> Словаки и чехи. Словацкий язык и чешский язык (Этносигнifikативный, культурологический, психологический и социолингвистический аспекты отношений двух наций и их языков)	113
<i>В.Г. Гак.</i> Языковая ситуация во франкоязычных странах	130
<i>А.И. Домашнев.</i> Языковая ситуация в странах немецкой речи	141
<i>М.И. Ермакова.</i> Функционирование серболужицкого языка	151
<i>Л.Б. Никольский.</i> Язык и социум в афро-азиатских странах	165
<i>В.Ю. Михальченко.</i> Языковые проблемы новой Российской Федерации	176
<i>В.Н. Белоусов.</i> Русский язык в межнациональном общении (1986—1992 гг.)	184
<i>Б.П. Нарумов.</i> Соотношение языка, этноса и государственности на Пиренейском полуострове	190
<i>А.Р. Багдасаров.</i> Социолингвистический аспект языковых отношений в Хорватии и Сербии во второй половине XX в.	198
<i>Г.И. Замятина, О.С. Плотникова.</i> Языковая ситуация в Словении	210
<i>Р.П. Усикова.</i> О языковой ситуации в Республике Македонии	221

CONTENTS

Editorial	3
I. LANGUAGE — CULTURAL — ETHNOS: THEORY AND METHODOLOGY	
<i>S.A.Arutyunov.</i> Ethnic mechanisms of language tradition	5
<i>J. Hoffmannova, O. Müllerova.</i> Intermixture of literary and non-literary components in oral utterance in the Czech language	13
<i>Fr. Danes, S. Čmejrkova.</i> Little nation language ecology	27
<i>V.A. Dybo.</i> Language — ethnus — archaeological culture (Some ideas on Indo-European problem)	39
<i>J. Kačala.</i> Language and national selfidentification (on the example of the Slovak language)	51
<i>J. Kořensky.</i> Methodological problems of analysis of the Czech language as the national language	61
<i>L.P. Krysin.</i> Speaking a language: linguistic and sociocultural aspects	66
<i>G.P. Neshchimenko.</i> Language and culture in the history of the ethnus	78
<i>Yu.I. Smirnov.</i> Language, folklore and culture	99
<i>E.F. Tarasov.</i> Language and culture: methodological problems	105
II. LANGUAGE AND SOCIOCULTURAL PROCESSES IN POLYETHNIC SOCIETIES	
<i>K. Buzashyova, S. Ondrejovič.</i> Slovaks and Chechs. The Slovak language and the Czech language (Ethnosignificative, culturological, psychological and sociolinguistical aspects of relations between two nations and two languages)	113
<i>V.G. Gak.</i> Language situation in French speaking countries	130
<i>A.I. Domashnev.</i> Language situation in German speaking countries	141
<i>M.I. Ermakova.</i> Functioning of the Sorbian language	151
<i>L.B. Nikolsky.</i> Language and socium in Afro-Asian countries	165
<i>V.Yu. Mihalchenko.</i> Language problems of the new Russian Federation	176
<i>V.N. Belousov.</i> The Russian language in international communication (1986—1992)	184
<i>B.P. Narumov.</i> Correlation between language, ethnus and state on the Pyrenean peninsula	190
<i>A.R. Bagdasarov.</i> Sociolinguistical aspect of language relations in Serbia and Croatia in the second half of the XX century	198
<i>G.I. Zamyatina, O.S. Plotnikova.</i> Language situation in Slovenia	210
<i>R.P. Usikova.</i> Language situation in the Republic of Macedonia	221

Language — Culture — Ethnos.

The book studies language and sociocultural processes in their functional interaction in a nation's development. Authors — linguists, socio- and psycholinguists, culturologists, folklorists and ethnographers of Russia, Slovakia and Czechia — analyse the triad "language — culture — ethnos" using interdisciplinary and functional approach. The book explores language situation in polyethnic societies and methods of settling linguo-national conflicts. Authors underline the importance of language situation analysis in order to set priorities of language, national and cultural policy.

The book will be useful for linguists, sociolinguists, psycholinguists, ethnographers, historians of culture and literary language, linguo-culturologists and folklorists.

Я 4401000000-297 245-94, II полугодие
042(02)-94

ББК 81

Научное издание

Арутюнов Сергей Александрович,
Гофманова Яна,
Мюллерова Ольга и др.

ЯЗЫК—КУЛЬТУРА—ЭТНОС

*Утверждено к печати
Научным советом по истории мировой культуры РАН*

Редактор издательства *В.С. Матюхина*

Художник *Б.И. Астафьев*

Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*

Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректор *Ю.Л. Косорыгин*

**Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике**

**ИБ № 1323
ЛР № 020297 от 27.11.1991**

**Подписано к печати 17.11.94
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печл. 15,0
Усл.кр.-отт. 15,0. Уч.-изд.л. 17,2
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3227**

**Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12**

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
вышла из печати**

Культура парламентской речи. 16 л.

Эта книга – первое в России пособие по парламентской речи, которая анализируется как одна из форм ораторского искусства. Издание построено на материале современной парламентской речи и содержит ее характеристику с точки зрения профессионализма парламентариев и культуры владения разными жанрами парламентской речи. Словарь-справочник депутата, содержащий около двух тысяч статей, призван предупредить наиболее частые ошибки в речи депутатов.

Для парламентариев, журналистов, дикторов радио и телевидения, а также для самого широкого круга читателей, интересующихся культурой речевого общения.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
готоятся к выпуску:**

**Логический анализ языка. Истина и истинность в
культуре и языке.14 л.**

Восьмой выпуск продолжающегося издания "Логический анализ языка" посвящен проблемам концептуального и pragматического анализа представлений об истине и лжи: структуре концептов; их варьированию; дефинициям; этимологии и истории; семантическим и pragматическим коннотациям; взаимодействию истинностных и этических оценок; истинности и категории определенности/неопределенности и т.д. Особое внимание уделено анализу отклонений от истины: преувеличению, преуменьшению, смягчению, эмоциональности, неполноте информации, смешению истины и лжи и т.п.; структуре и pragматике акта умолчания; причинам и целям отклонений от истины.

Для лингвистов, логиков, философов, психологов, культурологов.

**Этимологический словарь
славянских языков.
Праславянский лексический фонд. Вып. 21**

Выпуск Словаря построен на исчерпывающем охвате славянских лексикографических источников (диалектных, литературных, исторических). Особое внимание уделяется праславянским диалектизмам ограниченного распознавания. Этимологические этюды ключевых слов в некоторых случаях носят монографический характер; это такие слова, как *mъzga/*mъzgъ, *my, *myslъ, *myšь, *mъсъta, *myti, *mъgla и др. Нередко дается новая этимологическая интерпретация.

Для языковедов – специалистов по этимологии, лексикологии, а также этнографов и историков.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга–почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга–почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой")
664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга–почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
103009 Москва, ул. Тверская, 19а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга–почтой")
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга–почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53

ЯЗЫК-КУЛЬТУРА-ЭТИЧЕСКИЙ